

ШИЛЛЕР

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В СЕМИ ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1956

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ

СТАТЬИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1956

*Издание осуществляется
под общей редакцией*
Н. Н. ВИЛЬМОНТА и Р. М. САМАРИНА

*Переводы с немецкого
под редакцией*
Е. Ф. КНИПОВИЧ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ

**В ЧЕМ СОСТОИТ ИЗУЧЕНИЕ
МИРОВОЙ ИСТОРИИ
И КАКОВА ЦЕЛЬ
ЭТОГО ИЗУЧЕНИЯ**

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ

Милостивые государи!

Радостна и почетна возложенная на меня обязанность пройти с вами по той области, которая открывает для мыслящего наблюдателя столь много поучительного, дает деятельному светскому человеку столь великолепные образцы для подражания, философу — данные для важных выводов и всем без различия — богатые источники для благороднейшего наслаждения — пройти с вами по огромному и широкому полю всеобщей истории. Когда я вижу перед собой столь много превосходных молодых людей, которых привела сюда благородная любознательность и среди которых зреет уже не один творческий ум для грядущего столетия, долг, лежащий на мне, превращается в удовольствие, но вместе с тем я чувствую, как суров и важен этот долг во всем его объеме. Чем выше тот дар, который я должен буду вам вручить — ибо что может один человек передать другому более ценного, чем истина? — тем более должна одолевать меня забота, чтобы ценность этого дара не уменьшилась в моих руках. Чем живей и непосредственней ваша восприимчивость в этот самый благоприятный период вашей умственной деятельности и чем быстрее воспламеняются ваши юношеские чувства, тем более обязан я остерегаться того, чтоб это вдохновение, пробудить которое имеет право одна лишь истина, не было растрчено недостойным образом на обман и заблуждения.

Богата и многообразна область истории, в круг ее входит весь нравственный мир: Во всех обстоятельствах жизни человечества, во всех переменах взглядов, во всем, что делал человек неразумного или мудрого, во всем, что его портило или облагораживало, она была его спутницей; неизменно ведет она учет всему, что получает и что дает человек. Нет среди вас никого, кому история не могла бы сказать чего-либо важного. Сколь бы ни были различны будущие призвания ваши — вы где-нибудь неизбежно встретитесь с ней. Но *одно* призвание обязательно для каждого из вас: то, ради которого вы родились на свет, — выработать из себя человека, и вот именно к человеку обращает свою речь история.

Но прежде чем точнее определить, милостивые государи, то, чего вам следует ждать от предмета, на который должно быть направлено ваше прилежание, и установить, какова цель специального изучения различных дисциплин, я считаю не лишним остановиться сначала на самой цели ваших занятий. Предварительное рассмотрение этого вопроса, которое я считаю уместным и необходимым перед началом нашего будущего академического знакомства, даст мне возможность тут же обратить ваше внимание на самую важную сторону всеобщей истории.

Учебный план ученого, работающего ради хлеба насущного, отличается от учебного плана, который составляет себе философский ум. Первый, если он прилежен, заботится лишь о том, чтобы выполнить условия, вытекающие из его служебных обязанностей, и воспользоваться возможными выгодами. Свои интеллектуальные силы он использует для улучшения своего материального положения и для того, чтобы удовлетворить свое мелкое самолюбие. Вступая на путь академической деятельности, такой ученый считает для себя наиболее важным отделить прежде всего самым тщательным образом те дисциплины, которые он называет хлебными, от всех прочих, которые удовлетворяют лишь дух как таковой. Время, посвященное этим последним дисциплинам, он считал бы непросчительной затратой своего будущего призвания. Он со всем прилежанием готовится удовлетворять те требования, которые может

предъявить ему будущий вершитель его судьбы, и считает, что свершил все, что мог, если добился возможности не бояться этой инстанции. Когда он закончил свой курс и цель его стремлений достигнута, он прощается со своими наставниками, ибо зачем ему теперь утруждать их? Самое важное для него теперь — это выставлять напоказ накопленные памятью сокровища и заботиться о том, чтоб они не падали в цене. Развитие науки, дающей ему хлеб, беспокоит его, потому что требует от него нового труда или делает бесполезным прежний. Каждое значительное новшество пугает его, потому что разбивает устаревшие школьные истины, усвоенные им с таким трудом, и ставит под угрозу весь труд его прошлой жизни. Разве куча ученых хлеба ради не кричала громче всех против реформаторов? Кто больше их ставит препятствий для назревшей революции в области науки? Всякий светоч, зажженный в любой науке рукой счастливого гения, выставляет напоказ их убожество. Они борются с ожесточением, с отчаянием, борются коварно, потому что, защищая систему школьных истин, они борются и за свое существование. Поэтому нет врага более непримиримого, нет товарища по работе более завистливого, нет сеятеля раздоров более усердного, чем ученый хлеба ради. Чем меньше дают ему удовлетворения знания сами по себе, тем больше добывается он воздаяний извне. Для оценки заслуг ремесленника и работника-творца у него лишь *один* масштаб: затраченные усилия. Поэтому никто не жалуется так горько на неблагодарность, как ученый хлеба ради; он ждет себе награды не от сокровищницы своего ума, а от внешнего признания, от почестей, от материального блага, и если этого ему не дано — ученый хлеба ради становится самым несчастным человеком. Он жил, бодрствовал и трудился напрасно. И он напрасно стремился к истине, раз она не превратилась для него в золото, хвалу газет, благосклонность властителей.

Жалок такой человек: располагая благороднейшими из всех орудий — наукой и искусством, он не стремится создать и не создает ничего более высокого, чем поденщик со своими самыми жалкими орудиями, и в царство совершеннейшей свободы тащит с собой свою рабскую

душу! Но еще более жалок тот одаренный талантом молодой человек, чьи прекрасные по природе способности направлены на этот ложный и достойный сожаления путь под влиянием пагубных жизненных примеров, человек, который позволяет склонить себя к этому ничемному скарредному накоплению во имя своей будущей карьеры. Наука, которую он избрал своей специальностью, скоро начнет ему надоедать, как поштучная работа ремесленника. В нем пробуждаются желания, которых не может удовлетворить такая наука, его талант восстает против его профессии. Все, что он создает, кажется ему разрозненными кусками; он не видит цели своей работы, и в то же время бесцельность эта для него невыносима. Кропотливый труд его профессии гнетет его, потому что он не может противопоставить ему радостной бодрости, которую рождает лишь ясный замысел и предчувствие завершения творческих усилий. Он чувствует себя оторванным, отрезанным от совокупной связи вещей, потому что он не включил своей деятельности в великое целое мира. Правовед начинает чувствовать отвращение к своей юриспруденции, когда, достигнув более высокого умственного уровня, он видит все ее пробелы, хотя именно теперь он должен был бы стремиться к творчеству нового и исправить замеченные недостатки науки, используя полноту своих духовных сил. Врач испытывает разочарование в своей профессии, когда крупные неудачи доказывают ему всю ненадежность медицины. Теолог теряет доверие к своей системе, когда у него начинает колебаться вера в непогрешимость его учения.

Какая огромная разница в сравнении с тем, как действует философский ум! С той же тщательностью, с какой ученый хлеба ради обособляет свою дисциплину от других, философ стремится расширить область своей науки и восстановить связь ее с прочими науками — я говорю восстановить, потому что лишь абстрагирующий разум создал эти границы, эту разобщенность наук друг от друга. Философский ум соединяет то, что разъединяет ученый хлеба ради. Философ рано убеждается в том, что в области интеллекта, так же как и в чувственном мире, все находится во внутренней связи, и

его мощное стремление к единству не может мириться с разрозненными кусками и обрывками целого. Все его стремления направлены к совершенству и полноте его знания. Он не может успокоиться в своем благородном нетерпении, пока все его понятия не сольются в одно гармоническое целое, пока он не проникнет в самое сердце своей науки, своего искусства и не получит возможности с удовлетворением обозревать всю ее область. Новые открытия в сфере его деятельности, наносящие удар ученому хлебу ради, восхищают философский ум. Иногда они заполняют пробелы, которые делали незаконченной всю совокупность системы его понятий, или кладут последний камень идейного здания, недостававший для его завершения. И если даже они могут разрушить это здание, если новое явление в области природы, вновь открытый закон в физическом мире опрокидывают все его научные построения, то любовь к истине у него всегда сильнее, чем любовь к своей системе, и он охотно заменит прежнюю полную недостатков систему новой, более совершенной. Но даже если никакой толчок извне не потрясет его идейного здания, он, движимый постоянным и действенным стремлением к совершенствованию, сам первый начинает перестройку своей системы, чтобы воссоздать ее в более совершенном виде. Переходя от одних построений к другим, все более прекрасным, философский ум идет вперед по пути к совершенству, в то время как ученый ради хлеба в своем умственном застое боязливо держится бесплодного однообразия школьных понятий.

Самый справедливый судья чужих заслуг — это философский ум. Он достаточно проникателен и талантлив, чтобы считаться с творчеством другого, и в то же время он достаточно беспристрастен, чтобы ценить даже самый скромный вклад в науку. Все умы работают для него, так же как все они работают против ученого ради хлеба. Первый умеет превратить в свою собственность все, что думают и свершают вокруг него, ибо для мыслящих умов существует внутренняя общность на все их идейное имущество; завоевание одного в царстве истины является завоеванием всех. Ученый ради хлеба отгораживается от всех своих соседей, он за-

видует их свету и солнцу и тщательно охраняет ту шаткую изгородь, которая столь слабо защищает его от победоносного разума. Что бы ни предпринимал ученый ради хлеба, поощрение и стимул к этому он находит лишь вовне, в то время как философский ум находит свой стимул и свою награду в самом предмете своих занятий, в самом своем труде. Насколько больше его воодушевление, с которым он борется за дело, насколько больше его усердие, насколько сильнее его бодрость и его активность, когда работа его омолаживается работой же! В его творческих руках малое становится великим, потому что перед его глазами всегда стоит то великое, которому он служит, в то время как ученый ради хлеба даже в великом видит лишь малое. Философский ум определяется не тем, чем он занимается, а тем, *как* он этим занимается. Где бы он ни находился и что бы ни делал, он всегда находится в центре всего. Как бы ни отдалял его предмет занятий от его остальных собратьев, он всегда остается им родственным и близким благодаря гармонически-творческому разуму; он встречается с ними в сфере, где находят друг друга все светлые умы.

Надо ли мне продолжать, милостивые государи, или я могу надеяться, что вы уже решили, какой из двух нарисованных мною портретов возьмете вы себе за образец? От вашего выбора будет зависеть, надо ли рекомендовать вам заниматься всеобщей историей, или же следует освободить вас от этого. Я признаю лишь второй, ибо если наука захочет быть полезной первому, то это далеко отбросит самую науку от ее высокой цели, и маленькая выгода будет куплена слишком дорогой ценой.

Установив с вами точку зрения, с которой надлежит определить ценность науки, я могу теперь перейти к самому понятию всеобщей истории, то есть к предмету моей сегодняшней лекции.

Открытия, которые сделали европейские мореплаватели в отдаленных морях и на отдаленных континентах, дают нам столь же много поучительного, сколь и любопытного. Они познакомили нас с народами, которые находятся на самых различных ступенях развития и сходны с детьми различных возрастов, окруживших

взрослого и на живом примере напоминающих ему, чем он сам был прежде и из чего вырос. Как будто некая мудрая рука сохранила для нас эти дикие народы до того времени, когда мы в нашем культурном развитии шагнули достаточно далеко вперед, чтобы сделать из этого открытия полезное применение для самих себя и в этом зеркале увидеть забытое начало нашего рода. Как унижительно и как мрачна та картина нашего детства, которую показывают нам эти народы! И все же ступень, на которой мы их видим, не является первой ступенью. Начало человеческого существования было еще ужасней. Их мы видим уже в качестве народов, в качестве политических организмов. Но лишь путем необычайных усилий человек мог подняться до уровня политического общества.

Что же рассказывают нам путешественники об этих дикарях? Многие из этих дикарей были еще не знакомы с самыми необходимыми ремеслами, не знали употребления железа, плуга и даже огня. Многие еще вели борьбу с дикими зверями за пищу и за жилье, у многих речь еле поднималась от звериных криков к членораздельным звукам. У одних не существовало даже брачных связей, другие не имели никакого представления о собственности, у третьих неразвитый интеллект не мог удержать данные ежедневного опыта. Дикари беспечно бросали ложе, на котором они спали сегодня, потому что им не приходило в голову, что завтра они тоже будут спать. Но войны велись повсюду, и мясо побежденного врага нередко служило наградой победителю. У других племен, которые, познав многие жизненные удобства, поднялись на более высокую ступень развития, существуют ужасающие формы рабства и деспотизма. Вот африканский деспот, который продает своих подданных за глоток водки; вот подданные его, которых убивают на его могиле, чтоб они служили ему на том свете. Здесь набожный простец склоняется перед жалким фетишем, здесь — перед ужасающим чудовищем. В лице своих богов человек рисует свое собственное изображение. Там, где его не гнетут рабство, глупость и суеверие, он, не ограниченный никакими законами свободы, несчастен из-за другой крайности. Всегда

готовый к защите и нападению, дикарь боязливо прислушивается к пустыне. Все, что ново, является для него врагом, и горе чужестранцу, которого шторм выбросит на его берег! Для него не задымится домашний очаг, он не узнает сладости гостеприимства. Но даже там, где человек поднялся над враждебной отчужденностью до общественных связей, перешел от нужды к благосостоянию, от страха к радости,— насколько странным и диким кажется он нам! Вкус его так груб, что он ищет наслаждения в опьянении, красоты — в уродстве, славы — в неумеренных крайностях. Даже его добродетель внушает нам отвращение, а то, что он называет счастьем, отталкивает нас и вызывает лишь брезгливость или жалость.

Такими были и мы сами. Восемнадцать столетий тому назад Цезарь и Тацит нашли нас не в лучшем состоянии.

Кто же мы теперь? Разрешите мне на минуту остановиться на том веке, в котором мы живем, и на облике мира, в котором мы обитаем.

Человек прилежанием своим обработал этот мир и упорством и ловкостью покорил непокорную почву. Здесь он отвоевал у моря часть суши, там оросил бесплодную землю. Человек перемешал пояса земли и времена года и нежные растения Востока закалил для более сурового климата. Он перенес Европу в Вест-Индию и к Южному океану, Азию же обосновал в Европе. Ясное небо светит теперь над лесами Германии, которые раздвинули и сделали доступными лучам солнца сильные человеческие руки, и в водах Рейна отражаются виноградные лозы Азии. На его берегах возвышаются многолюдные города, и бодрая жизнь их наполнена трудом и наслаждением. Находясь здесь среди миллиона себе подобных, человек спокойно пользуется плодами своего труда, в то время как раньше его лишало сна присутствие хотя бы единственного соседа. Равенство, утраченное им при вступлении в общество, он обрел снова благодаря мудрым законам. От слепой власти случая и нужды он нашел себе прибежище под более мягким господством общественного договора и пожертвовал свободой хищного зверя во имя

более благородной человеческой свободы. Он осуществил плодотворное разделение своего труда и своих забот. Тяжелая нужда не приковывает его теперь к плугу, и враг не отрывает его от него, чтобы сражаться за отечество и домашний очаг. Труд земледельца наполняет амбары хлебом, оружие воина защищает страну. Собственность человека находится под охраной закона, и ему обеспечено драгоценнейшее право самому выбирать свою профессию.

Сколько было создано произведений искусства, какие чудеса сотворило прилежание, какой свет был пролит на все отрасли знания, с тех пор как человек не расточает бесплодно своих сил для вынужденной самозащиты, с тех пор как от его собственной воли зависит, как бороться с нуждой, от которой ему не дано освободиться полностью, с тех пор как он получил драгоценнейшее преимущество распоряжаться своими способностями и следовать своему призванию! Как оживилась повсюду деятельность с тех пор, как многообразные потребности дали новый толчок человеческой изобретательности и открыли новые области для труда! Рушились преграды, которые были созданы между нациями и государствами враждебным эгоизмом. Все мыслящие умы объединены теперь всемирными узами, и гений нового Галилея или Эразма будет сиять светом всего их века.

С тех пор как законы снизошли к слабостям человеческой природы, человек пошел навстречу законам. Со смягчением законов смягчились и люди, точно так же, как раньше суровые законы делали человека грубым. Вслед за исчезновением варварских наказаний исчезли и варварские преступления. Великий шаг в деле облагораживания человека заключается в том, что законы уже исполнены добродетели, хотя люди еще не стали таковыми. Когда человек освобождается от обязанностей по принуждению, над ним начинает господствовать нравственное начало. Кому не страшны любые наказания и угрызения совести, того начинают сдерживать законы пристойности и чести.

Правда, и в нашем веке еще осталось много пережитков прежнего варварского периода — этих порождений

случая и насилия, которые не должен был бы увековечивать наш век разума. Но даже и этому варварскому наследию древних и средних веков человеческий разум придал некую целесообразность. Сколь безвредным и даже сколь полезным делает он часто то, что не осмеливается еще ниспровергнуть! На грубом базисе анархической ленной системы Германия построила систему своей религиозной и политической свободы. Тень римского императора, которая сохранилась по эту сторону Апеннин, творит для мира несравненно больше добра, чем страшный его прообраз в древнем Риме, потому что она поддерживает полезную государственную систему *единодушием*, в то время как тот подавлял человеческую деятельность рабским *единообразием*. И даже в религии нашей, как ни искажена она теми ненадежными руками, из которых мы ее получили, видно облагораживающее влияние более высокой философии. Наши Лейбницы и Локки имеют такие же заслуги перед *догматами и моралью* христианства, как кисть Рафаэля и Корреджио перед священной историей.

Возьмем, наконец, наши государства. Как крепко и как искусно связаны они друг с другом и насколько прочней эта связь, продиктованная благодетельной необходимостью, чем торжественные договоры прошлого! Мир охраняется теперь постоянной готовностью к войне, и эгоизм одного государства стоит на страже благоденствия другого. Общество европейских государств превратилось как бы в одну большую семью. Ее члены могут еще враждовать друг с другом, но, надо надеяться, что они уже не будут раздирать друг друга на части.

Как противоположны эти картины! Кто мог бы узнать в утонченном европейце XVIII века лишь ушедшего вперед в своем развитии нынешнего канадца или древнего кельта? Все эти усовершенствования, достижения искусства, завоевания опыта, все эти создания разума появились и усовершенствовались в человеке лишь на протяжении немногих тысячелетий. Все эти чудеса искусства и гигантские создания его трудолюбия вызваны к жизни им самим. Что пробудило к жизни

первые и создало вторые? Через какие состояния прошел человек, пока одна крайность не сменила другую и от дикого обитателя пещеры он поднялся до одухотворенного мыслителя, до образованного светского человека? Всеобщая история дает ответ на этот вопрос.

Один и тот же народ на одной и той же территории является перед нами бесконечно разным, если мы наблюдаем его в различные периоды истории. Не менее разительной является разница между людьми одного и того же поколения, живущими в разных странах. Какое многообразие обычаев, государственного устройства, нравов! Как стремительна смена тьмы и света, анархии и порядка, благосостояния и нищеты, если мы присмотримся к человеку лишь на одной небольшой части земного шара — в Европе. Он свободен на Темзе и обязан этой свободой лишь самому себе. Он недостижим среди своих Альп или непобедим среди своих искусственных каналов и болот. На берегах Вислы он слаб и нищ из-за своих раздоров; по ту сторону Пиренеев он слаб и нищ из-за своего покоя. В Амстердаме человек пользуется благосостоянием и благоденствует, не собирая жатвы. Несчастен и нищ он в долине Эбро — этого неиспользованного рая. Мы иногда видим два народа, отделенных друг от друга бескрайним океаном и в то же время ставших близкими соседями благодаря общим потребностям, искусству, трудолюбию и политическим связям. С другой стороны, на берегах одной и той же реки живут люди, непримиримо разъединенные различными религиозными обрядами. Что повело испанскую власть вглубь Америки через Атлантический океан и почему не могла она перейти Тахо и Гвадиану? Почему столько тронов сохранилось в Италии и Германии и почему все они, за исключением одного, исчезли во Франции? Всеобщая история отвечает на этот вопрос.

Даже то, что мы сошлись с вами здесь в сей час, на этой ступени национальной культуры, с этим языком, нравами, гражданскими правами, свободой совести, — быть может, даже это — результат всех предшествовавших событий мировой истории. Во всяком случае, нужна вся мировая история для объяснения этого

отдельного момента. Если мы оказались теперь христианами, то для этого нужно было, чтоб эта религия, подготовленная бесчисленными революциями, возникла из иудейства, чтоб она нашла римское государство таким, каким она его нашла, чтоб быстро и победоносно распространилась по всему миру и в конце концов даже воссела на трон цезарей. Наши дикие предки в тюрингских лесах должны были покориться франкам, чтоб перенять от них веру. Лишь благодаря росту своего богатства, невежеству народа и слабости государей духовенство получило возможность злоупотреблять своим авторитетом и сменить свою духовную власть на светский меч. Нужно было, чтоб церковная иерархия в лице Григория и Иннокентия обрушила на человеческий род все свои ужасы и невероятная испорченность и неслыханный соблазн в царстве духовного деспотизма толкнули бесстрашного августинского монаха поднять знамя раскола и исторгнуть из рук римской церкви половину Европы. Все это должно было произойти, чтоб мы могли сойтись здесь с вами в качестве христиан-протестантов. Но для этого нужно было также оружие наших князей, принудивших Карла V к заключению религиозного мира, нужен был Густав Адольф, отмстивший за нарушение этого мира, и новый договор — об установлении мира на *целые* столетия. Чтобы ремесла и торговля могли процветать, чтоб богатство могло вызвать к жизни искусство, чтоб государство стало уважать полезный труд земледельца и чтобы наше среднее сословие — этот творец всей нашей культуры — могло создать предпосылки для прочного счастья человечества, должны были подняться города Италии и Германии, открыть свои ворота для труда, сбросить цепи крепостного права, вырвать судебную власть из рук невежественных тиранов и заставить уважать себя с помощью воинствующей Ганзы. Нужно было, чтоб германские императоры расточили свои силы в столетних войнах с папами, со своими вассалами и завистливыми соседями, Европа похоронила в Азии опасные излишки своего населения и непокорная ленная знать истощила свой мятежный дух в кулачном праве, итальянских походах и походах крестоносцев,—

и в результате всего этого был преодолен дикий хаос, борющиеся силы государства пришли в состояние благодетельного равновесия, плодом чего является наш теперешний покой. Чтобы вырвать наш дух из цепей невежества, в которых его держал гнет духовной и светской власти, должны были снова дать ростки семена учености, несмотря на все бешеные преследования ее, и Аль-Мамуна должен был вернуть науке то, что было грабительски отнято у нее Омаром. Нашим предкам нужно было пройти через немыслимые муки варварства, чтоб от кровавого суда божьего прийти к гуманному человеческому суду; нужны были моровые язвы, чтобы призвать заблудшую медицину к изучению природы. Монах на досуге должен был исподволь готовить противоядие от того зла, которое было причинено деятельностью тех же монахов, в то время как прилежанию светских людей удалось сохранить в монастырях до века книгопечатания оставшиеся там обрывки эпохи Августа. Подавленный дух северных варваров должен был выпрямиться на образцах Греции и Рима, и наука должна была заключить союз с музами и грациями, чтобы найти путь к сердцу и заслужить звание воспитательницы человека. А разве Греция могла бы создать Фукидида, Платона, Аристотеля, а Рим — Горация, Цицерона, Вергилия и Ливия, если б оба эти государства не поднялись на ту ступень политического благосостояния, которой они действительно достигли, — одним словом, если бы прелюдией к этому не была вся их история? Как много открытий, изобретений, политических и религиозных революций должно было произойти в одно и то же время, чтобы эти новые и еще нежные побеги науки и искусства могли развиваться и получить распространение! Сколько нужно было вести войн, сколько заключить, расторгнуть и вновь заключить союзов, чтобы привести, наконец, Европу к тому состоянию мира, который один позволяет гражданам и государствам сосредоточить внимание на самих себе и сосредоточивать силы на достижении разумных целей!

Даже в повседневных явлениях нашей гражданской жизни мы неизбежно остаемся должниками прошлых

веков. Наша культура собирает дань с самых различных периодов человеческой истории, так же как роскошь наша питается дарами самых отдаленнейших частей земного шара. Разве без Колумба, открывшего Америку, и без Васко да Гама, обогнувшего Африку, у нас были бы, и по теперешним ценам, те платья, которые мы носим, те приправы к нашим кушаньям? Могли бы мы иметь все сильно действующие лечебные средства, а равно многие пагубные орудия нашего разрушения?

Так протянулась цепь событий от настоящей минуты до начала существования человеческого рода, событий, связанных между собой как причина со следствием. Лишь бесконечный разум в состоянии охватить их все и в полном объеме; человеку же поставлены более узкие границы. I. Бесчисленное количество этих событий либо не оставило никаких человеческих свидетельств и не было объектом человеческого наблюдения, либо не сохранило по себе никаких следов. Это относится к событиям, которые имели место до появления человека и до изобретения письма. Источником всякой истории является предание, а органом передачи его — язык. Весь период до возникновения языка, какое бы важное значение ни имел он для мира, утрачен для мировой истории. II. Но и после возникновения языка и связанной с ним возможности описывать все происходящее и передавать его другим эта передача происходила сначала сомнительным и ненадежным путем — посредством легенд. Одно поколение передавало другому об этих событиях из уст в уста, а так как передача шла через среду, которая изменялась и продолжает изменяться, то вместе с этим менялось и содержание передаваемого. Поэтому живое предание и изустные саги являются очень ненадежными источниками для истории. Поэтому и все события, которые происходили до возникновения письменности, почти утрачены для мировой истории. III. Но и письменные документы не вечны. Вследствие случайностей и разрушительного действия времени погибло огромное количество памятников прошлого, и лишь немногие остатки минувшего дожили до века книгопечатания.

Гораздо большая их часть потеряна для истории со всеми теми сведениями, которые мы могли бы почерпнуть из них. IV. И, наконец, из того немногого, что пощадило время, большая часть искажена до неузнаваемости под влиянием пристрастия, недомыслия, а нередко и благодаря своеобразности того, кто описывал события. Недоверие возбуждают даже самые древние исторические памятники, и это недоверие не покидает нас даже при чтении хроники современных событий. Если нам с трудом удастся выяснить из противоречивых показаний свидетелей истинную картину события, которое произошло в наши дни, среди людей, с которыми мы живем, в городе, где мы обитаем, то насколько труднее получить правильные сведения о временах и народах, которых своеобразие быта и нравов отдаляет от нас еще больше, чем тысячелетия. Немногочисленные события, которые остаются после всех сделанных нами оговорок, составляют материал для истории в самом широком смысле этого слова. Что же из этого исторического материала составляет объект всеобщей истории?

Из всей суммы этих событий историк прежде всего извлекает те, которые имели важное, серьезное и совершенно очевидное влияние на существующее ныне положение в мире и на ныне живущее поколение. При собирании материала для всемирной истории необходимо иметь в виду, как связан тот или иной исторический факт с теперешним положением в мире. Всеобщая история исходит таким образом из принципа, прямо противоположного фактической последовательности событий. Подлинная последовательность событий идет от возникновения вещи к ее теперешнему состоянию. Историк же отправляется от теперешнего положения вещей и идет назад к их генезису. Когда от текущего года и столетия он мысленно возвращается к непосредственно им предшествовавшему и встречается здесь с историческими фактами, которые объясняют ему последующие события, когда он прослеживает весь процесс до самого начала — не начала мира, для чего у него не может быть путеводителя, — а до начала появления памятников, тогда он получает возможность пойти

обратным путем и, имея путеводной нитью отмеченные им факты, легко и беспрепятственно пройдет от возникновения памятников до новейшего времени. Это и есть наша мировая история, которая будет вам преподана в моих лекциях.

Так как мировая история зависит от богатства или бедности источников, то в ней будет неизбежно столько же пробелов, сколько их имеется в предании. Насколько необходимо, последовательно и обусловленно вытекают друг из друга события мирового развития, настолько же случайно и отрывочно связаны они между собой в историческом изложении. Существует поэтому явное несоответствие между ходом вещей в действительном мире и ходом их в мировой истории. Ход действительного мирового развития можно было бы сравнить с непрерывным течением реки, в то время как в мировой истории отражаются лишь то одна, то другая волна этой реки. Далее. Так как легко может произойти, что связь какого-либо отдаленного мирового события с сегодняшним днем бросается в глаза раньше, чем связь его с явлениями, которые ему предшествовали или происходили одновременно с ним, то неизбежно, что события, которые находятся в теснейшей связи с современностью, нередко кажутся нам изолированными в том веке, когда они происходили. В качестве фактического примера этого можно было бы привести, например, происхождение христианства и в особенности христианской морали. Христианская религия принимала столь всеобъемлющее участие в формировании современного мира, что возникновение ее является важнейшим фактом мировой истории. Но ни то время, когда она зародилась, ни тот народ, среди которого она появилась, не дают (за отсутствием источников) никаких удовлетворительных объяснений причин ее возникновения.

Таким образом, наша мировая история никогда не могла бы стать чем-либо иным, кроме агрегата отрывков, и не заслуживала бы названия науки, если бы ей на помощь не пришла философия. Соединяя эти отрывки искусственными промежуточными звеньями, философия превращает агрегат в систему, в разумное и зако-

номерно связанное целое. Основанием для этого является тот факт, что законы природы, равно как и законы человеческого духа, едины и неизменны. Именно это единство является причиной того, что, при совпадении аналогичных внешних условий, события, имевшие место в отдаленнейшей древности, могут повторяться в новейшие времена, вследствие чего, отправляясь от новейших явлений, лежащих в круге нашего наблюдения, ретроспективно можно делать выводы и проливать свет на явления, которые теряются в доисторических временах. Метод заключений по аналогии является мощным вспомогательным средством всюду, в том числе и в истории. Но употребление этого метода должно оправдываться достаточно вескими причинами, и применять его должно с разумной и необходимой осторожностью.

Философский ум не будет долго задерживаться на материалах всемирной истории; в нем возникнет новое стремление, непреодолимое стремление ассимилировать все окружающее его в своей собственной, разумной натуре и поднять всякое происходящее перед ним явление на высшую ступень, на ступень мысли. Чем чаще и чем с большим успехом он возобновляет свои попытки связывать прошедшее с настоящим, тем больше он будет склонен трактовать связь того, что он рассматривал как причину и следствие, как связь, существующую между целью и средством. Одно явление за другим начинает ускользать от слепой приблизительности и необусловленной закономерно свободы и как отдельное звено присоединяется к гармонически связанному целому (которое существует, конечно, лишь в представлении мыслителя). Скоро ему становится уже трудно убедить себя, что последовательность явлений, которая выглядит в его представлении столь закономерной и разумной, отсутствует в действительном мире. Ему трудно снова вернуться в царство слепой необходимости, которое начало получать столь привлекательный вид под заемным светом разума. В конце концов он заимствует гармонию из своего внутреннего мира и пересаживает ее вовне, в мир вещей, то есть он привносит разумную цель в мировой процесс и телеологическое начало в историческую науку. Вооруженный

всем этим, он снова пробегает историю и подвергает исследованию каждое явление, с которым встречается в этой необъятной области. Тысяча фактов подтверждает телеологический принцип, и такое же количество фактов опровергает его. Но пока в цепи мировых событий отсутствует ряд важных промежуточных звеньев, пока судьба отсрочивает свое окончательное решение по поводу столь большого количества событий, он объявляет вопрос открытым, и тогда побеждает тот взгляд, который обеспечивает максимальное удовлетворение разуму и максимальную радость сердцу.

Вряд ли нужно упоминать о том, что создание в вышеупомянутом духе мировой истории как науки достижимо лишь в более отдаленном будущем. Преждевременное применение такого широкого масштаба легко могло бы привести исследователя к тому, чтобы насильствовать исторические факты и тем самым отодвинуть счастливое царствование мировой истории как науки, вместо того чтобы ее приблизить. Но никогда не рано привлекать внимание к этой одновременно ясной и наиболее игнорируемой стороне всемирной истории, хотя этой своей стороной она примыкает к самому возвышенному объекту человеческих стремлений. Уже одно только предчувствие этой, пусть только лишь возможной, цели должно служить живейшим стимулом для исследователя и его отрадой. Для него будет важно самое малое усилие, направленное к тому, чтоб он или сам лично, или хотя бы через своих позднейших последователей участвовал в разрешении проблем мирового порядка и встретился с высочайшим духом в самых прекрасных проявлениях его творческой деятельности.

Изучение всемирной истории, милостивые государи, если подходить к нему именно таким образом, будет настолько же полезным, насколько и приятным занятием. Оно озарит светом ваш разум и воспламенит благотворным энтузиазмом ваше сердце. Оно предохранит ваш дух от низменного и мелочного подхода к нравственным проблемам и, раскрывая перед вашими глазами великую картину времен и народов, будет корректировать ваши слишком поспешные заключения, сделанные под влиянием минуты, и предохранит от

ограниченных суждений, продиктованных эгоизмом. Приучая человека рассматривать себя в связи со всем его прошлым и подготавливая его к выводам в отношении отдаленнейшего будущего, изучение истории стирает границы между рождением и смертью, которые замыкают в столь тесные и столь гнетущие границы индивидуальную человеческую жизнь, и своей оптической иллюзией удлиняет его краткое существование до бесконечности, делая незаметным переход от индивидуума к роду.

Человек изменяется и уходит со сцены; вместе с ним изменяются или исчезают его воззрения. Лишь одна история остается неизменно на сцене — бессмертная гражданка всех времен и народов. На кровавый бранный труд и на мирные народы, безмятежно питающиеся молоком своих стад, она взирает одинаково светлым взором гомеровского Зевса. Как бы произвольно ни обращалась человеческая свобода с ходом мирового развития, история спокойно глядит на всю эту путаницу, потому что своим пронизательным взором она уже прозревает мгновение, когда эту безудержную и мятущуюся свободу обуздает необходимость. То, что она скрывает от папы Григория или Кромвеля, терзаемых угрызениями совести, она охотно раскрывает перед человечеством — «именно, что хотя самолюбивый человек может преследовать и низкие цели, он нередко бессознательно содействует самым благородным».

Ее не ослепит никакой блеск, она не подпадет под власть предрассудков века, ибо она — воплощение подлинных судеб всех вещей. Все, что перестало существовать, для нее просуществовало положенное время. Для нее не увядает лавровый венок, завоеванный действительными заслугами, и она разбивает обелиски, воздвигнутые тщеславием. Раскрывая перед нами тот тонкий механизм, посредством которого тихая рука природы с начала времени планомерно развивает в тиши человеческие силы и с точностью отмечает, что сделано в каждый промежуток времени во исполнение этого великого плана природы, история восстанавливает правильный масштаб для оценки счастья и заслуг, который всячески искажается иллюзиями, господствующими в данном веке. Она предохраняет нас от пре-

увеличенного преклонения перед древностью и от ребяческого сожаления о прошедших временах. Сосредоточивая наше внимание на том, что является нашим собственным достоянием, она не заставит нас желать возвращения пресловутых времен Александра и Августа.

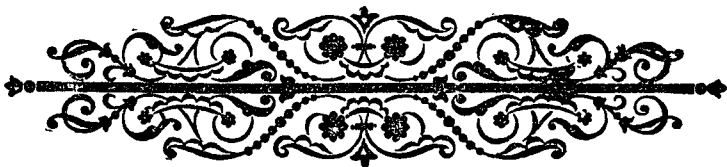
Все прошлые века, не сознавая того или не достигая цели, напряженно работали над тем, чтобы подняться до нашего человеческого века. Все сокровища, добытые трудом и талантом, разумом и опытом на протяжении долгого существования мира, принадлежат в конце концов нам. Только история в состоянии научить вас правильно ценить те блага, за которые мы не чувствуем благодарности только потому, что мы к ним привыкли и получили их без борьбы; между тем эти блага оплачены кровью лучших и благороднейших людей и для завоевания их нужен был тяжкий труд многих поколений! И кто из вас, обладающих ясным умом и чувствительным сердцем, может вспоминать об этой великой услуге без тайного желания заплатить грядущему поколению тот долг, который он уже не может вернуть прошлому! Мы должны гореть благородным стремлением приобщить и нашу долю к тому богатому наследию истины, нравственности и свободы, которое мы получили от прошлого, и в приумноженном виде передать последующим поколениям и закрепить наше кратковременное существование связью с той вечной цепью, которая соединяет между собой все человеческие поколения. Как бы ни было различно то призвание, которое ожидает вас в гражданском обществе, все вы можете вложить вашу лепту в это дело. Каждая заслуга — это путь к бессмертию, то есть к тому истинному бессмертию, где дело продолжает жить и устремляться вдаль, даже когда имя его зачинателя предалось забвению.

**ИСТОРИЯ ОТПАДЕНИЯ
СОЕДИНЕННЫХ
НИДЕРЛАНДОВ
ОТ ИСПАНСКОГО
ВЛАДЫЧЕСТВА**

ВВЕДЕНИЕ

Завоевание нидерландской независимости я считаю одним из замечательнейших политических событий, которые сделали XVI столетие самым блестящим в мировой истории. Если наше удивление возбуждает мишурный блеск деяний, совершенных под влиянием честолюбия и пагубной жажды власти, то насколько же больше должно поразить нас движение, в котором угнетенное человечество борется за свои благороднейшие права, благое дело входит в союз с необыкновенными силами и решимость отчаяния одерживает в неравном бою победу над страшными хитросплетениями тирании! Как захватывает и как бодрит мысль, что надменные притязания деспотизма встретили, наконец, еще одного сильного противника, что хорошо рассчитанные покушения деспотов на человеческую свободу терпят позорную неудачу, что мужественное сопротивление может отвести занесенную руку деспота, что героическая настойчивость в состоянии истощить, наконец, его страшные силы. Никогда не проникался я эту истинною так живо, как при исследовании того достопамятного восстания, вследствие которого Нидерланды навсегда отпали от испанского престола. Поэтому я счел бесполезной попытку воссоздать перед миром этот прекрасный памятник гражданской мощи, пробудить в груди моего читателя радостное самоощущение и привести новый убедительнейший пример того,

на что должны отваживаться люди для благого дела и что могут они совершить при единодушии.

Описать эти события побуждает меня не героический или необыкновенный характер их. Летописи всемирной истории сохранили нам много таких же начинаний, которые по замыслу своему являются еще более смелыми, а по выполнению — еще более блестящими. Одни государства рушились в бóльших потрясениях, другие поднимались в бóльшем величии. Вы не встретите здесь также тех выдающихся людей-исполинов, не столкнетесь с теми изумительными подвигами, которыми так богата история прошедших времен. Те времена минули, те люди не существуют больше. На мягком ложе утонченности и изнеженности мы усыпили в себе силы, которые были созданы тем временем и были необходимы для него. С печальным изумлением взираем мы теперь на эти исполинские примеры, подобно истощенному старику, смотрящему на мужественные игры молодежи. Здесь же речь пойдет не о том. Народ, выходящий перед нами на сцену, был самым миролюбивым из всех народов и менее всех своих соседей был склонен к тому героизму, который придает широкий размах даже самому незначительному действию. Стечение обстоятельств неожиданно вывело наружу его силы и подарило его, помимо его воли, временным величием, которого он без этого никогда бы не достиг и, может быть, никогда больше не достигнет. Таким образом, именно отсутствие героического величия делает это событие столь своеобразным и поучительным. Если ныне ставят себе целью показать, как гений господствует над случаем, то я здесь рисую картину того, как необходимость создала гений и как случай творил героев.

Если бы было позволено связывать человеческие деяния со вмешательством высшей силы, то прежде всего это относилось бы к данным историческим событиям: настолько противоречат они разуму и опыту. Филипп II, могущественнейший государь своего времени, чья страшная сила грозила поглотить всю Европу, чьи сокровища превосходили соединенные богатства всех христианских государей и чей флот господствовал на

всех морях; монарх, губительным целям которого служили бесчисленные войска, закаленные долгими кровавыми войнами и римской дисциплиной, одушевленные надменной национальной гордостью, жаждущие чести и добычи, полные воспоминаний об одержанных победах и послушно следующие за своими отважными полководцами — этот страшный человек, упорно сосредоточенный на одном плане, посвящающий *одному* предприятию неутомимый труд всего своего долголетнего правления, направляющий все свои силы и средства к одной-единственной цели, которую на закате своих дней он принужден был оставить, — Филипп II ведет борьбу с несколькими слабыми народами и не может ее довести до конца.

И с какими народами! Это — мирное население: рыбаки и пастухи, живущие в забытом уголке Европы, с трудом отвоеванном у бурного моря; море — их ремесло, их богатство и их наказание; свободная бедность — их высшее благо, их слава, их добродетель. Это — торговый люд, добродушный, чинный, наслаждающийся пышными плодами благословенного богом трудолюбия, бдительно хранящий законы, ставшие его благодетелями. Пользуясь счастливым досугом благосостояния, он оставляет в стороне потребности чисто житейские и стремится к более высоким целям. Новая истина, отрадная заря которой занимается в это время над Европой, бросает оплодотворяющий луч на эту восприимчивую почву, и свободный гражданин радостно приемлет свет, от которого прячутся угнетенные, несчастные рабы. Веселый задор, часто сопутствующий богатству и свободе, побуждает этих людей критически проверить авторитет стародавних мнений и разорвать позорные цепи. Тяжелая плеть деспотизма висит над ними; могущественный произвол грозит подорвать основу их счастья; хранитель законов превращается в их тирана. Простой в своей политической мудрости, так же как и в своих правах, народ имеет смелость опереться на старинный договор и напомнить властителю обеих Индий о естественном праве. Одно слово может предрешить исход дела. В Мадриде назвали мятежом то, что в Брюсселе сочли законным действием;

жалобы Бранта требовали посредника, обладающего государственным умом. Филипп II послал туда палача — и этим развязал войну. Жизнь и собственность стали жертвой беспримерной тирании. Доведенный до отчаяния гражданин, которому предоставлен на выбор тот или иной вид смерти, избирает благороднейший — смерть на поле битвы. Богатый народ любит мир, но, становясь бедным, он делается воинственным. Он перестает тогда дрожать за жизнь, лишнюю всего, что делало ее драгоценной. Бешенство восстания охватывает самые отдаленные провинции; торговля и промышленность приходят в упадок, корабли покидают гавани, художник оставляет свою мастерскую, поселянин — опустошенные поля. Тысячи людей бегут в далекие страны, тысячи жертв гибнут на эшафоте, и новые тысячи устремляются к нему; божественно должно быть то учение, за которое можно умирать так радостно. Не хватало еще только последней, всеорганизующей силы — высокого, предприимчивого духа, который использует этот великий политический момент и дело случая превращает в разумный план.

Вильгельм Молчаливый, как новый Брут, посвящает себя великому делу свободы. Свободный от трусливого эгоизма, он предъявляет престолу грозные требования, великодушно отрекается от своего княжеского звания, обрекает себя на добровольную бедность и становится лишь гражданином мира. Правое дело ставится на карту на поле битвы; но созванные отовсюду наемники и миролюбивый народ не могут выдержать страшного напора дисциплинированного войска. Два раза выводит Вильгельм своих ненадежных солдат против тирана, дважды покидают его они, но не мужество. Филипп II шлет ему столько подкреплений, сколько создало нищих жестокое корыстолюбие его наместника. Беглецы, изгнанные из отечества, ищут себе новое отечество на море, и корабли врага дают удовлетворение их голоду и их жажде мщенья. Корсары становятся моряками-героями, из пиратских кораблей составляется флот, и республика возносится из болот. Семь провинций одновременно сбрасывают свои цепи. Создается новое

молодое государство, защищенное водой, сильное единодушием и отчаянием. Торжественная клятва нации свергает тирана с престола. Самое имя Испании уничтожается во всех законах.

Отныне свершено деяние, которому нет прощения; республика становится страшной, потому что не может уже пойти вспять, партии раздирают ее, даже ее могущественнейшая стихия — море — вступает в заговор с ее притеснителем и грозит преждевременной могилой ее нежной молодости. Она чувствует, что силы ее ослабевают в борьбе с могущественным врагом, и падает на колени перед сильнейшими престолами Европы, моля их принять от нее в подарок власть, которую она не в силах больше защитить. Наконец, и с большим трудом (так жалко было начало жизни этого государства, что даже корыстолюбивые иноземные государи относились с пренебрежением к его молодому расцвету), ей удается вручить свою опасную корону чужеземцу. Новые надежды снова возбуждают в ней бодрость. Но судьба в лице этого нового государя послала республике изменника. В критическую минуту, когда неумолимый враг уже стоит у ворот, Карл Анжуйский совершает покушение на ту самую свободу, для защиты которой его призвали. К тому же рука убийцы отрывает кормчего от руля. Судьба республики, казалось, была решена. С Вильгельмом Оранским отлетели от нее все ее ангелы-хранители. Но корабль несется по бурному морю, и надувшиеся паруса уже не нуждаются в помощи гребцов.

Филипп II видит, как гибнут плоды дела, за которое он платит своею монаршею честью и — как знать? — может быть, в глубине сердца, и уважением к самому себе. Упорно, с переменным счастьем борется с деспотизмом свобода. Смертельные битвы сменяют одна другую, блестящий ряд героев проходит по полям сражения; Фландрия и Брабант были школой, подготовившей полководцев для будущего поколения. Долгая опустошительная война губит благосостояние равнины, победители и побежденные истекают кровью, а возникающее между тем морское государство манит к себе трудолюбивых беглецов и готовится на развалинах

соседа воздвигнуть великолепное здание своего величия. Сорок лет продолжалась война, счастливого исхода которой так и не дождался умирающий Филипп; она уничтожила в Европе один рай и создала на его развалинах другой. Она пожрала цвет воинствующего юношества, обогатила целую часть света и сделала бедняком обладателя золотых рудников Перу. Этот государь, который, не выжимая средств из своей страны, мог тратить девятьсот тонн золота в год и который выкачивал из народа еще гораздо больше разными ухищрениями тирании, накопил для своего опустошенного государства долг в сто сорок миллионов дукатов. Неприемимая ненависть к свободе поглотила все его сокровища и бессмысленно стубила его царственную жизнь. А между тем реформация распространялась, несмотря на опустошения, производившиеся его мечом, и новая республика на крови граждан водрузила свое победоносное знамя.

Этот неестественный оборот событий, казалось, граничил с чудом. Но нужно было совпадение многих обстоятельств, чтобы сломить могущество этого владыки и содействовать успехам молодого государства. Если бы все могущество Филиппа обрушилось нераздельно на Соединенные провинции, то для их религии и свободы не было бы спасения. Его же собственное честолюбие помогло их слабости, вынудив его раздробить свои силы. Весьма дорого стоившая политика, заключавшаяся в том, чтобы оплачивать изменников в каждом европейском кабинете, поддержка Лиги во Франции, восстание мавров в Гранаде, завоевание Португалии и постройка великолепного Эскуриала истощили казну Филиппа, которая казалась неисчерпаемой, и отняли у него возможность энергично и успешно вести войну. Немецкие и итальянские войска, привлеченные под его знамена лишь одной надеждой на добычу, возмутились, когда увидели, что он не может платить им, и вероломно оставили своих начальников в самый решительный час военных действий. Теперь эти страшные орудия гнета обратили свою разрушительную мощь против самого Филиппа и начали неистовствовать в провинциях, оставшихся ему верными. Злосчастная экспеди-

ция против Великобритании — экспедиция, в которой Филипп, подобно азартному игроку, рискнул всеми силами своего государства — довершила его падение; вместе с Армадой погибли богатства обеих Индий и источник военного могущества Испании.

Однако в той мере, в какой истощались силы Испании, с каждым днем укреплялась республика. Расстройство, которое было вызвано в Брабанте, Фландрии и Геннегау тиранией религиозных судов, неистовыми грабежами солдатчины и опустошениями непрерывной, долговременной войны, — пока эти провинции были театром и арсеналом этой разорительной войны, — это расстройство, естественно, с каждым годом все больше затрудняло содержание и обновление армии. Католические Нидерланды потеряли уже миллион граждан, и опустошенные поля не могли питать своих пахарей. Сама Испания уже не была в состоянии вербовать новых солдат. Эта страна, быстро достигшая благосостояния, которое влечет за собой праздность, лишилась весьма значительной части населения и не могла дольше выдерживать необходимости слать людей в Новый Свет и Нидерланды. Немногие из участников этих экспедиций увидели вновь свое отечество. Да и эти немногие оставили его юношами, вернулись же — дряхлыми стариками. По мере того как деньги становились дешевле, поднималась цена на солдат; распространение роскоши и изнеженности увеличивало ценность противоположных этим порокам добродетелей. В совершенно иных условиях находились восставшие провинции. Все эти тысячи людей, изгнанных жестокостью королевского наместника из южных Нидерландов, гугенотскими войнами — из Франции и религиозною нетерпимостью — из других стран Европы, присоединились к восставшим. Весь христианский мир стал для них местом вербовки. В пользу их дела работал фанатизм гонителей, а также и гонимых. Молодой энтузиазм, который возбуждало новое учение, жажда мести, голод и безнадежная нищета привлекали под их знамена искателей приключений из всех уголков Европы. Все, кто перешел на сторону нового учения, кто пострадал от деспотизма или имел основание бояться его в будущем, смотрели на судьбу

новой республики как на свою собственную. Всякое притеснение, причиненное тираном, давало жертве право па звание голландского гражданина. Все толпами стремились в страну, где свобода водрузила свое благодатное знамя, где гонимая религия могла смело рассчитывать на уважение и безопасность для себя и на мщение притеснителям. Если и теперь мы видим, как в Голландию стекаются все народы, которые при вступлении на ее землю получают человеческие права, то что же должно было происходить в то время, когда остальная Европа еще стонала под грубым духовным гнетом, а Амстердам был почти единственным местом, открытым для людей с разными взглядами и убеждениями? Сотни семейств бежали со своими богатствами в страну, которую защищали равно могущественные силы: океан и единодушные жителей. Республиканская армия была хорошо укомплектована, и для пополнения ее не надо было отрывать людей от плуга. Промышленность и торговля процветали среди грома оружия, и мирный гражданин уже заранее наслаждался свободой, которая была добыта чужеземной кровью. Именно в то время, когда Голландская республика еще сражалась за свое существование, она уже продвинула границы своих владений за океан и в тиши укрепляла свои остиндские владения.

Мало того: Испания вела разорительную войну мертвым, бесплодным золотом, которое никогда не возвращалось в выпускавшую его руку и поднимало в Европе цену на все предметы потребления. Трудолюбие и торговля были казначеем республики. Время обогащало одну сторону и разоряло другую. В то время как ресурсы Испании в результате затяжной войны приходили к концу, республика только начала собирать жатву. Это была жатва благодарная, воздававшая за труд не скоро, но с огромной прибылью; дерево же, с которого срывал для себя плоды Филипп, превратилось, наконец, в мертвенно обрубленный ствол и навеки перестало зеленеть и цвести.

Злосчастная судьба Филиппа привела к тому, что богатства, которые он тратил для уничтожения провинций, лишь способствовали обогащению последних.

Нескончаемый поток испанского золота наводнил изобилием и роскошью всю Европу. Но товары, которые служили для удовлетворения увеличившихся потребностей Европы, последняя получила большею частью из Нидерландов, державших в то время в своих руках мировую торговлю и устанавливавших цены на все товары. Даже во время войны Филипп не мог запретить своим подданным иметь торговые сношения с Голландской республикой; да он не мог и желать прекращения таких сношений. Он сам выплачивал мятежникам то, что они тратили на свою защиту, потому что как раз война, которая должна была истребить их, увеличивала сбыт их товаров. Огромные траты на флот и армию Филиппа обогащали большею частью казну республики, находившейся в сношениях с фламандскими и брабантскими торговыми городами. Все, что Филипп обращал против мятежников, действовало косвенным путем в их пользу. Все несметные суммы, поглощенные сорокалетней войной, лились в бочки Данаид и низвергались в бездонную глубину.

Затяжной характер этой войны причинил испанскому королю столько же вреда, сколько восставшим провинциям пользы. Его армия была сформирована большею частью из остатков тех победоносных войск, которые стяжали лавры уже при Карле V. Возраст солдат и долговременная служба давали им право на отдых. Многие из них, обогащенные войной, стогрели от нетерпения возвратиться на родину и завершить бурную жизнь спокойным отдыхом. Их прежнее рвение, воинственный дух и дисциплина ослабевали по мере того, как они начинали считать удовлетворенными все требования чести и долга и собирались пожинать, наконец, плоды стольких походов. К этому присоединилось еще и то, что воинов, привыкших побеждать сопротивление быстрым натиском, утомляла война, которую приходилось вести не столько с людьми, сколько со стихией, война, которая больше испытывала терпение, чем удовлетворяла жажду славы, и во время которой приходилось больше бороться с лишениями и препятствиями, чем с опасностями. Ни личное мужество этих людей, ни их долговременная опытность в военном деле

не могли принести им пользы в стране, где вследствие ее специфических особенностей самые трусливые из местных жителей имели над ними преимущество. Наконец, ущерб, который причиняло им *одно* поражение на чужой земле, был для них чувствительнее пользы, которую могли принести им многие победы над врагом, находившимся у себя дома. В совершенно иные условия были поставлены мятежники. В длительной войне, которая не знала ни одного решительного сражения, слабейший враг должен был, наконец, выучиться у сильнейшего, маленькие поражения должны были приучить его к опасности, маленькие победы — укрепить в нем самоуверенность. В самом начале войны республиканская армия едва отваживалась выходить в бой с испанской; продолжительность военных действий выучила и закалила ее. Насколько войскам короля надоело сражаться, настолько в республиканских войсках усиление военной дисциплины и приобретенный опыт увеличивали самоуверенность. В конце концов спустя столетия учитель и ученик выступали уже друг против друга как равные.

Надо еще заметить, что в продолжение этой войны республиканцы действовали единодушнее и целеустремленнее, чем король. После того как голландцы лишились первого своего главы, управление Нидерландами прошло ни больше, ни меньше, как через пять различных рук. Нерешительность герцогини Пармской сообщалась мадридскому кабинету и вскоре отразилась на всей правительственной политике. Непреклонная жестокость герцога Альбы, кротость его преемника, Рекезенса, хитрость и коварство дона Жуана Австрийского и энергичный цезаристский характер герцога Пармского не изменяли направление этой войны, между тем как ясный план восстания оставался неизменным в единственной голове, которая вмещала его. Еще больше вредило испанцам то обстоятельство, что те или иные принципы большей частью проводились в жизнь не тогда, когда это было надо. В начале восстания, когда перевес явно был еще на стороне короля, когда быстрота, решительность и мужественное сопротивление могли задушить возмущение в самом зародыше, бразды правления слабо

и нерешительно держала в руках своих женщина. Когда возмущение перешло в настоящее восстание, силы восставших и силы короля находились уже в большем равновесии. Однако искусной политикой еще можно было отвлечь близкую войну, но в это время регентство было отдано человеку, которому не доставало одного — именно этой политической ловкости. От такого бдительного человека, каким был Вильгельм Молчаливый, не мог ускользнуть ни один шанс, обеспеченный ему ошибочной политикой его противника, и тихо, прилежно, не торопясь, он вел к концу свое великое предприятие.

Но почему Филипп II не появился в Нидерландах сам? Почему предпочел он исчерпать до дна все ненужные средства, вместо того чтобы пустить в ход одно, успех которого был несомненен? Чтобы сломить надменную силу знати, самым естественным средством было бы личное присутствие государя. Перед лицом величества должны были бы отодвинуться всякое частное влияние, всякий другой авторитет. Вместо того чтобы узнавать правду издали, через множество нечистых каналов и в искаженном виде, вместо того чтобы позволить неопасному выступлению превратиться в продуманное предприятие с оборонительными мерами — Филиппу следовало бы явиться самому на место действия, и тут его собственный пронизательный взгляд отличил бы истину от лжи; не гуманность, а один только холодный политический расчет спас бы жизнь миллиону граждан. Чем ближе находился бы законодатель, тем сильнее было бы действие эдиктов; чем ближе стояла бы мишень, тем бессильнее отскакивали бы от нее стрелы восстания. Злоумышление против отсутствующего врага осуществить гораздо легче, чем когда стоишь с этим врагом лицом к лицу. На первых порах восстание, повидимому, трепетало от одного имени Филиппа и долго прикрывалось вымышленным предлогом — желанием защитить дело государя от самовольных притязаний его наместника. Появление Филиппа в Брюсселе сразу прекратило бы эту комедию. Восставшей партии пришлось бы теперь или действительно выставить это мнимое свое требование, или сбросить с себя маску и,

обнаружив свои намерения, погубить себя. Каким облегчением было бы для Нидерландов, если бы его присутствие избавило их хотя бы от тех бедствий, которые обрушивались на них помимо его ведома и против его желания! Как много выиграл бы он сам, если бы его присутствие позволило ему лично наблюдать за расхождением бесчисленных сумм, которые противозаконно собирались на военные нужды и переходили в грабительские руки его сановников! То, что его наместники должны были добывать путем насилия и террора, он сам получил бы от всех добровольно. То, что внушило к ним отвращение, исходя от него, возбудило бы лишь страх, потому что злоупотребление наследственной властью вызывает меньше возмущения, чем злоупотребление властью, полученной от кого-либо. Присутствие Филиппа спасло бы тысячи, хотя бы он был лишь домашним деспотом. Но если б он даже не был таковым, то один страх перед его персоной удержал бы в его руках страну, потерянную им вследствие ненависти и презрения, которые питал народ к его клеветам.

Как судьба угнетенного нидерландского народа стала делом всего человечества, сознавшего свои права, точно так же, казалось бы, неповиновение и отпадение этого народа должно было бы послужить сигналом для всех государей — защищать в образе законных прав соседа свои собственные права. Но зависть к Испании на этот раз взяла верх над политической солидарностью государей, и важнейшие державы Европы тайно или открыто перешли на сторону свободы. Император Максимилиан II, хотя и связанный с испанским двором узами родства, дал этому двору основательный повод обвинять его в тайном покровительстве партии мятежников. Предложив свое посредничество, он признал в известной степени справедливость их притязаний, которые вследствие этого сделались, конечно, еще настоятельнее. При императоре, искренне преданном испанскому двору, Вильгельму Оранскому было бы трудно получить из Германии столько войск и денег. Франция, не нарушая открыто и формально мира, поставила во главе восставших нидерландцев своего принца кроби. Операции вос-

ставших велись большею частью на французские деньги и при участии французских войск. Елизавета Английская, беря мятежников под свою защиту против их законного государя, удовлетворила этим только свое чувство справедливой мести. Хотя ее скудная помощь была в состоянии отворотить лишь полное крушение республики, но и это было очень важно в то время, когда истощенную энергию восставших могла поддерживать только надежда. С этими обеими державами Филипп находился тогда в мирных отношениях, и обе они изменили ему. Во взаимоотношениях между слабым и сильным честность зачастую не считается добродетелью; человек, которого боятся, не любит тонких уз, соединяющих равного с равным. Филипп сам изгнал честность из области политических отношений, он сам поселил между государями безнравственность и сделал лицемерие руководящим принципом политики. Никогда не довольствуясь своим превосходством, он тем не менее должен был всю свою жизнь бороться с завистью, которую это превосходство возбуждало в других. Европа заставила его поплатиться за злоупотребление властью, которой на самом деле он никогда не пользовался вполне.

Если принять во внимание не только поражающее с первого взгляда неравенство сил обеих враждующих сторон, но и учесть все случайности, благоприятствовавшие одной из этих сторон и действовавшие против другой, то хотя это событие уже перестанет носить сверхъестественный характер, все же оно останется исключительным и наблюдатель получит правильный масштаб, чтобы оценить по достоинству действительные заслуги республиканцев в борьбе за свою свободу. Но не следует думать, что началу восстания предшествовал точный и тщательный учет сил или что, уже пустившись в это бурное море, повстанцы видели берег, к которому впоследствии им суждено было пристать. В записках зачинателей восстания оно отнюдь не было еще зрелым, смелым и величественным, каким выглядело при окончательной развязке, точно так же как Лютер, восставая против торговли индульгенциями, не предвидел грядущего и вечного раскола вероисповеданий. Какая разница

между скромным появлением в Брюсселе *нищих*, которые молят о более человеческом обращении с ними как о великой милости, и грозным величием республики, ведущей переговоры с государями, как с равными себе, и менее чем через сто лет отдающей в дар трон своих пресжных тиранов! Невидимая рука судьбы заставила пущенную стрелу описать более высокую дугу и принять совершенно иное направление, чем то, которое было дано ей первоначально. Из лона счастливого Брабанта вышла на свет свобода, которой — новорожденному и отлученному от матери ребенку — было суждено осчастливить униженную Голландию. И само начинание не должно обесцениваться в наших глазах только потому, что оно разрешилось не так, как было задумано. Человек перерабатывает, шлифует и гранит камень, созданный веками: ему принадлежат мгновение во времени и точка в пространстве, но движением всемирной истории управляет случай. Если только страсти, проявившиеся в этом событии, были достойны дела, которому они бессознательно служили; если только силы, которые помогли завершить это начинание, и отдельные действия, сплетение которых привело к столь удивительным свершениям, были сами по себе силами благородными, действиями прекрасными и великими, — то и это событие становится для нас великим, изумительным и плодотворным. Мы имеем тогда полное основание либо удивляться смелому порождению случая, либо испытывать глубокое восхищение перед возвышенными действиями человеческого ума.

Законы всемирной истории неизменны, как законы природы, и просты, как душа человеческая. Одни и те же причины порождают одни и те же явления. На той самой земле, где нидерландцы боролись с испанским тираном, за полторы тысячи лет их предки — батавы и бельгийцы — сражались с тираном римским. Подобно этим древним народам, их потомки, насильно подчиненные надменному властителю, находясь под гнетом корыстолюбивых сатрапов, с таким же упорством разрывали свои цепи, пытались счастье в столь же неравной борьбе. Для Испании XVI столетия и для римлян I века характерна та же надменность победителей, тот же мо-

гучий национальный подъем, в войсках той и другой стороны — та же храбрость и дисциплина, столь же ужасен их боевой натиск. Там, как и здесь, мы видим борьбу хитрости с силой, видим, как постоянство, поддерживаемое единодушием, доводит до изнеможения могущественную державу, лишившую себя сил раздроблением. И там и здесь частная ненависть призывает к оружию целый народ; один человек, рожденный для своего времени, открывает этому народу опасную тайну его силы и превращает его молчаливое горе во взрыв кровавой мести. «Поймите, батавы! — взывает в священной роще Клавдий Цивилис к своим согражданам. — Поймите, что римляне уже стали смотреть на нас не как на своих союзников и друзей, а как на рабов! Мы отданы на произвол их чиновникам и наместникам, из которых каждый, насытившись грабежом и нашей кровью, продает свое место другому, а этот снова прибегает к насилию, только под другим именем. Если иногда и случается, что Рим посылает нам верховного правителя, то он обременяет нас дорого стоящей свитой и еще более тяжелой гордыней. Вновь близок рекрутский набор, отрывающий навеки сына от родителей, брата от брата и предающий нашу полную сил молодежь римскому распутству. Ныне, о батавы, настал наш час! Никогда еще Рим не был в таком упадке. Пусть слово «легионы» не устрашает вас; в лагерях вы найдете лишь стариков и добычу. У нас есть пехота и конница, Германия — наша, а Галлия жаждет сбросить с себя иго. Пусть им служат Сирия, Азия и Восток, которым нужны властители! Среди нас есть люди, которые родились до того, как римляне стали взимать дань! Боги стоят за храбрых!» Торжественные таинства освещают этот заговор, как и у союза гезов; подобно этому последнему заговор коварно прячется под маской верноподданничества, таится за ореолом великого имени. Когорты Цивилиса присягают на Рейне Веспасиану, находящемуся в Сирии, как члены «Компромисса» — Филиппу II. Один и тот же плацдарм борьбы порождает один и тот же план защиты и то же убежище отчаяния. И те и другие поручили свое неверное счастье дружественной стихии. Цивилис спасает свой остров точно так же, как

пятнадцать столетий спустя Вильгельм Оранский спасает город Лейден — посредством искусственного наводнения. Мужество батавов разоблачает бессилие повелителей мира точно так же, как мужество их потомков доказывает всей Европе упадок могущества Испании. Равная изобретательность полководцев той и другой эпохи определяет то, что война и здесь и там ведется с равным упорством и заканчивается почти с теми же сомнительными результатами, но есть *одно* различие: римляне и батавы воюют человечно, потому что они сражаются не за религию*.

* Tac. Histor. L. IV. V.

КНИГА ПЕРВАЯ

РАННЯЯ ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДОВ ДО XVI СТОЛЕТИЯ

Прежде чем углубиться в события этой великой революции, мы должны отступить на несколько шагов назад — в древнюю историю этой страны и посмотреть, как возникло то государственное устройство, которое мы застаем ко времени этого замечательного переворота.

Мгновение первого вступления этого народа во всемирную историю было вместе с тем мгновением его гибели; он получил политическую жизнь от завоевателей. Обширная местность, граничащая на востоке с Германией, на юге с Францией, на западе и севере — с Северным морем и которую мы называем одним общим именем Нидерландов, ко времени вторжения римлян в Галлию была разделена между тремя главными народами, которые все были германского происхождения, имели германские нравы и обычаи и германский характер*. Рейн служил для них границею. Влево от этой реки

* Caesar. de Bello Gall. L. I. Tac. de Morib. Germ. und Hist. L. IV.

жили белги *, вправо — фризны **, а батавы *** на- селяли остров, который существовал в то время на ме- сте впадения обоих рукавов Рейна в океан. Каждый из этих народов в разное время подпадал под римское владычество, но даже сами победители оставили нам убедительнейшие свидетельства о храбрости побежден- ных. Белги, пишет Юлий Цезарь ****, были един- ственным из галльских племен, не позволявшим тевто- нам и кимврам преступать границы своих владений. Все народы, жившие на Рейне, говорит Тацит ***** , уступали в мужестве батавам. Этот дикий народ платил дань воинами, и победители берегли их, как стрелы и мечи, для сражений. Батавскую конницу римляне сами считали лучшей частью своей армии. Она, как и теперь швейцарцы, долго составляла личную охрану римских императоров; ее неистовая храбрость приводила в ужас даков, так как всадники-батавы переплывали Дунай в полном вооружении. Батавы сопровождали Агриколу в его походе на Британию и помогли ему завоевать этот остров *****. Из всех названных народов позднее дру- гих были покорены фризны, и они же первые снова до- были себе свободу. Болота, среди которых батавы жили, мешали завоевателям и дорого обошлись им. Римлянин Друз, воевавший в этих местах, провел канал от Рейна к Флево, нынешнему Зюдерзее. Через этот канал рим- ский флот прошел в Северное море, а отсюда через

* В местностях, которые теперь составляют большую часть католические Нидерланды и области генеральных штатов.

** В нынешнем Гронингене, в Восточной и Западной Фрисландии, части Голландии, Гельдерланде, Утрехте и Овер- эйселе.

*** В верхней части Голландии, Утрехте и Оверэйселе, нынешнем герцогстве Клевском и т. д., между Лехом и Ваалом. Менее значительные народы — каннинефаты, маттиаки, маре- саты, и т. д., жившие в части Западной Фрисландии, в Голлан- дии и Зеландии, могут быть причислены к батавам. Tacit. Hist. I. IV, c. 15. 5⁶. de Morib. German. c. 29.

**** De Bello Gall.

***** Hist. L. IV, c. 12.

***** Dio Cass. L. LXIX. Tacit. Agricol. c. 36. Ta- cit. Annal. L. II. c. 15.

устье Эмса и Везера проложил себе более легкий путь во внутреннюю Германию*.

В продолжение четырех столетий батавы входили в состав римской армии, но после царствования Гонория имя их исчезает из истории. Их остров заняли франки, которые потом в свою очередь рассеялись в соседней Бельгии. Фризы сбросили иго своих далеких и бессильных победителей и снова стали свободными, даже народом-завоевателем, который управляется на основании собственных обычаев и остатков римских законов и продвигает свои границы на левый берег Рейна. Вообще из всех нидерландских провинций Фрисландия меньше других пострадала от вторжения иноземных народов, от чужестранных обычаев и законов и в продолжение нескольких столетий сохраняла следы своего государственного устройства, национального духа и обычаев, не вполне исчезнувших даже в настоящее время.

Эпоха переселения народов приводит к уничтожению первобытного состояния большей части этих народов; новые смешения народов приводят к созданию новых форм общественного устройства. Города и лагеря римлян исчезают в общем запустении, а вместе с ними гибнет и множество памятников великого римского искусства, созданного чужими руками, заброшенные плотины снова отдаются на произвол стихии рек и океана. Искусственные каналы, эти чудеса рук человеческих, высыхают, реки изменяют свое течение, границы материка и воды мешаются, и свойство почвы изменяется вместе со свойствами ее обитателей. Связь двух эпох кажется прерванной, и с новым поколением начинается новая история.

Монархия франков, возникшая на развалинах римской Галлии, поглотила в шестом и седьмом столетиях все нидерландские провинции и насадила в этих местностях христианскую религию. Последней из всех этих провинций, после упорной войны, покорилась Фрисландия, которую присоединил к франкской короне Карл Мартел, проложивший сюда оружием дорогу евангелию.

* Tacit. Annal. II. cap. 8. Sucton. Claud. Cap. I. p. 3.

Карл Великий соединил все эти земли, вошедшие, таким образом, в состав обширной монархии, которую этот завоеватель создал из Германии, Франции и Ломбардии. Подобно тому, как это громадное государство распалось на несколько частей при преемниках Карла вследствие раздробления владений, так и Нидерланды распадались то на немецкие, то на франкские, то на лотарингские провинции, и, наконец, мы находим их под двумя общими названиями — Фрисландии и Нижней Лотарингии *.

Вместе с франками водворилась в этих странах институция северного происхождения — ленное устройство, которое и здесь вырождалось, так же как во всех остальных краях. Более могущественные вассалы мало-помалу отложились от государя, а королевские чиновники присвоили себе как наследственную собственность те области, которые были отданы им в управление. Но эти вассалы-отступники могли сохранить свою самостоятельность по отношению к престолу только с помощью своих подчиненных, а за эту помощь им приходилось в свою очередь платить новыми ленными пожалованиями. С помощью узурпаций и пожалований духовенство тоже приобрело силу и скоро завоевало свое совершенно особое, независимое положение в аббатствах и епископских резиденциях. Таким образом, в десятом, одиннадцатом, двенадцатом и тринадцатом столетиях Нидерланды были раздроблены на несколько мелких владений, собственники которых были подданными то Германской империи, то франкских королей. Многие из этих мелких владений вследствие купли, браков, завещаний или завоеваний нередко снова соединялись под управлением какого-нибудь главного рода, и в XV столетии мы видим большую часть Нидерландов ** в руках Бургундского дома. Филипп Добрый, герцог бургундский, опираясь в большей или меньшей степени на свои права, объединил под своим скипетром уже одиннадцать провинций, а сын его Карл Смелый прибавил к ним силою оружия еще две. Таким образом, незаметно

* Allgemeine Geschichte der vereinigten Niederlande. 1 часть. 4-я и 5-я книга.

** Grot. Annal. L. I. p. 2. 3.

возникло в Европе новое государство, которому недоставало только имени, чтобы сделаться самым цветущим королевством этой части света. Обширность этих владений делала бургундских герцогов опасными соседями у границ Франции и породила в беспокойном уме Карла Смелого план завоевания всей территории от Зюдерзее и устьев Рейна вплоть до самого Эльзаса. Неистоимые военные силы этого государства отчасти давали основания для такого смелого замысла. Страшное и многочисленное войско грозило привести его в исполнение. Швейцария уже дрожала за свою свободу, но коварное счастье в трех кровопролитных сражениях оставило Карла, и павший завоеватель затерялся между живыми и мертвыми*.

Единственная наследница Карла Смелого, Мария, богатейшая властительница того времени,— злополучная Елена, навлекшая много бедствий на эти страны, привлекла к себе взоры всего тогдашнего мира. Два могущественные властителя — король французский Людовик XI — за своего сына, молодого наследника, и Максимилиан Австрийский, сын императора Фридриха III, были в числе ее женихов. Тот, кому отдала бы она свою руку, сделался бы могущественнейшим государем в Европе. Вот почему Европа начала впервые опасаться за свое равновесие. Более сильный из двух искателей, а именно Людовик, мог поддержать свое притязание силою оружия. Но нидерландский народ, распорядившийся рукою своей государыни, отказал грозному соседу и решил дело в пользу Максимилиана, потому что

* Один паж видел, как он упал. Через несколько дней после битвы паж привел на это место победителей и успел этим спасти его от позорного забвения. Труп его, совершенно обнаженный и обезображенный ранами, был извлечен из болота, в которое он вмерз, и с большим трудом опознан по отсутствию нескольких зубов и по ногтям, которые были у него очень длинны. Но, несмотря на эти признаки, были еще люди, сомневавшиеся в его смерти и питавшие уверенность, что он снова появится; доказательством этому служит одно из посланий, в котором Людовик XI призывает бургундские города присоединиться к французской короне. «Если,— сказано в этом послании,— герцог Карл окажется в живых, вы будете опять свободны от данной мне присяги» (Comines. T. III; Preuves des Mémoires. 495. 497).

видел в этом браке меньше опасности для свободы своей страны из-за сравнительной отдаленности владений жениха и меньшей степени его могущества. Вероломная и неудачная политика, только ускорившая по непостижимой воле провидения несчастную развязку, для избежания которой она была придумана!

Невеста Филиппа Красивого, сына Марии и Максимилиана, принесла ему в приданое ту обширную монархию, которую незадолго до того основали Фердинанд и Изабелла; а Карл Австрийский, его сын, был уже прирожденным государем королевства Испании, обеих Сицилий, Нового Света и Нидерландов.

Простой народ в Нидерландах освободился раньше, чем в остальных ленных государствах, от тяжелого крепостного состояния и скоро приобрел себе гражданскую самостоятельность. Благоприятное местоположение этой страны — у Северного моря и больших судоходных рек — привело к раннему развитию торговли, которая соединила людей в городах, пробуждала стремление к занятию ремеслами и искусствами, стала привлекать чужестранцев и способствовала росту всеобщего благосостояния и изобилия. Как ни презрительно относились сторонники воинственной политики того времени ко всякому полезному и мирному занятию, правители страны не могли не сознавать существенности выгод, получаемых от этих занятий. Увеличение народонаселения, множество налогов, которые взимались этими государями с местных жителей и иностранцев под разными названиями — пошлины мытной, дорожной, мостовой, ярмарочной, наследственной и т. п., служили им слишком большой приманкой, чтобы они могли оставаться равнодушными к причинам, порождавшим эти выгоды. Корыстолюбие заставляло их покровительствовать торговле, и само варварство, как это часто случается, содействовало ей до тех пор, пока не сменилось, наконец, здоровой государственной политикой. Впоследствии власти сами стали зазывать к себе ломбардских купцов, дали городам некоторые важные привилегии и собственное судопроизводство, вследствие чего значение и влияние этих городов чрезвычайно усилились. Постоянные войны, которые графы и герцоги вели между собою

и с соседями, ставили их в зависимость от новых городов, которые благодаря своим богатствам приобрели важное значение и, в виде компенсации за субсидии, дававшиеся князьям, получили большие привилегии. С течением времени эти привилегии городских общин увеличивались по мере того, как крестовые походы вынуждали дворянство много тратить на вооружение, когда дарам Востока был открыт новый путь в Европу и когда усилившаяся роскошь начала порождать у князей новые потребности. Таким образом, уже в XI и XII столетиях мы видим в этих странах смешанное государственное устройство, в котором власть государя заметно ограничена влиянием сословий, именно: дворянства, духовенства и городов. Эти сословия, называвшиеся штатами, собирались вместе каждый раз, когда этого требовали местные нужды. Без их одобрения не входил в силу ни один закон, без них нельзя было начать войну, взимать подати, делать изменения в денежной системе и допускать чужестранцев в какую бы то ни было отрасль государственного управления. Эти привилегии были общими для всех провинций; кроме них, существовали привилегии местные, особые для каждой провинции. Престол переходил по наследству, но сын получал права отца лишь после торжественной присяги конституции*.

Необходимость — первый законодатель. Все потребности, которым удовлетворяла эта конституция, были первоначально потребностями торговли. Поэтому основой государственного устройства республики было купечество, и его занятия существовали раньше законов. Последний пункт этой конституции, который исключает всякое участие иностранца в общественной службе, есть естественное следствие всего предыдущего. Столь запутанные и искусственные отношения государя и народа, которые, кроме того, отличались еще своими особенностями в каждой провинции, а часто и в отдельных городах, требовали людей, которые со способностями к ревностной борьбе за сохранение местных привилегий и прав соединяли бы и самое основательное знание

* Grotius. L. I. 3.

этих последних. Конечно, нельзя было ожидать, что в чужестранце совместятся все эти качества. Впрочем, этот закон применялся по-разному в каждой провинции: например, в Брабанте не допускались на службу фламандцы, в Зеландии — голландцы, и эти различия удержались и впоследствии, когда все эти провинции имели уже *одного* верховного главу.

Самой неограниченной свободой среди всех провинций пользовался Брабант. Привилегии его ценились так высоко, что многие матери ко времени своего разрешения от бремени переезжали туда из смежных провинций, чтобы рожать там и таким образом распространить на своих детей привилегии этой счастливой страны, подобно тому как, по словам Страды, растения сурового климата перевозятся под небо теплых стран для облагораживания их *.

После объединения многих провинций под властью Бургундского дома отдельные провинциальные собрания, бывшие до этого времени независимыми судилищами, были подчинены одному общему трибуналу в Мехельне, который соединил в одно отдельные звенья и сделался последней инстанцией в решении всех гражданских и уголовных дел. Суверенитет отдельных провинций был уничтожен, и власть сосредоточилась теперь в мехельнском сенате.

По смерти Карла Смелого государственные чины не замедлили воспользоваться затруднительным положением своей герцогини, над которой нависла военная угроза Франции и которая была в их власти **. Штаты голландские и зеландские принудили ее подписать странную льготную грамоту, которая обеспечивала им важнейшие права верховной власти ***. Своеволие жителей Гента дошло до того, что любимцы Марии, имевшие несчастье не понравиться им, были самовольно привлекаемы к суду и обезглавливались на глазах этой герцогини. В период кратковременного правления Ма-

* De Bello Belgico. Dec. I. L. II. 34; Guicciardini. Discr. Belg.

** Mémoires de Philippe de Comines. T. I. 314.

*** A. G. d. v. N. II часть.

рии, до ее замужества, община приобрела силу, которая делала эту провинцию чем-то весьма близким к республике. По смерти своей жены Максимилиан, как опекун своего сына, самовольно взял в свои руки управление. Штаты, задетые этим посягательством на их права, не признали власти Максимилиана, и их лишь удалось склонить к тому, чтобы Максимилиан остался правителем на определенное время на условиях, принятых им под присягой.

Сделавшись римским императором, Максимилиан пошел на нарушение конституции. Он обложил провинции чрезвычайными налогами, стал раздавать служебные должности бургундцам и немцам и вводить в провинции чужеземные войска. Но одновременно с усилением могущества правителя усилились и ревнивые опасения республиканцев. Когда Максимилиан совершал свой въезд в Брюгге в сопровождении большой свиты иноземцев, народ схватился за оружие, взял в плен короля и заточил его в замок. Несмотря на настойчивое ходатайство императорского двора и римской курии, свобода не была возвращена ему до тех пор, пока народу не дали надежных гарантий по спорным вопросам.

Безопасность жизни и собственности, обеспеченная мягкими законами и одинаковым для всех судопроизводством, содействовала в этих странах развитию промышленной предприимчивости и трудолюбия. В постоянной борьбе с океаном и быстрыми реками, которые бурно текли к своим устьям, затопляя низменности, и силу которых надо было сдерживать плотинами и каналами, этот народ рано приучился наблюдать окружающую его природу, побеждать силы стихии прилежанием и настойчивостью и, подобно египтянину, наученному Нилом, изощрял свою изобретательность и остроту ума в создании искусственных оборонительных сооружений. Естественная плодородность почвы, благоприятствовавшая земледелию и скотоводству, в то же время содействовала росту народонаселения. Счастлирое местоположение страны у моря и больших судоходных рек Германии и Франции, часть которых здесь впадает в море, и множество искусственных каналов, прорезывающих эту местность во всех направлениях,

оживили судоходство, а сношения между провинциями, сильно этим облегченные, способствовали развитию у жителей торгового духа.

Прежде всего корабли этих провинций начали причаливать к соседним британским и датским берегам. Английская шерсть, которую импортировали морем, занимала тысячи трудолюбивых рук в Брюгге, Генте и Антверпене, и уже в середине XII столетия фландрские сукна были в употреблении во Франции и Германии. Уже в XI веке видим мы корабли фризов в Бельте и даже в Левантском море. Этот мужественный народ мог без компаса ходить за Полярный круг и достигать самой северной точки России *. От вендских городов получили Нидерланды часть левантской торговли, которая в то время шла из Черного моря к Балтийскому через Русское государство. Когда же в XIII веке эта торговля начала приходить в упадок, когда крестовые походы открыли индийским товарам новый путь через Средиземное море и итальянские города завладели этой выгодной отраслью торговли, а в Германии образовался большой Ганзейский союз, тогда Нидерланды сделались важным складочным пунктом между севером и югом. Компас в то время не был еще общеупотребительным, и корабли плавали медленно и осторожно вдоль берегов. Балтийские гавани в зимние месяцы большею частью замерзали и становились недоступными для какого бы то ни было судна **. Поэтому корабли, которые, разумеется, не могли в одно лето совершить далекий путь из Средиземного моря в Бельт, охотно выбирали для стоянки место, лежавшее посредине между этими пунктами. Эта страна, за которой лежит неизмеримый материк, связанный с ней судоходными реками, и которая с запада и востока открыта океану благодаря удобным гаваням,— эта страна как бы нарочно была создана для того, чтобы сделаться сборным пунктом народов и средоточием торговли. В важнейших нидерландских городах образовались склады. Португальцы, испанцы, итальянцы, французы, англичане, немцы, дат-

* Fischers Geschichte des d. Handels. I часть. 447.

** Anderson. III. 89.

чане и шведы стекались сюда с товарами всех стран света. Конкуренция продавцов понижала цены товаров; промышленность оживилась, потому что рынок сбыта был тут же. Неизбежный при этих условиях денежный оборот создал условия для банковской деятельности, которая стала новым обширным источником обогащения. Владетельные князья, понявшие, наконец, в чем заключаются их действительные интересы, поощряли купцов значительными привилегиями и способствовали их торговой деятельности выгодными договорами с иностранными державами. Когда в XV веке несколько провинций соединились под господством *одного* государя, прекратились и их пагубные междоусобные войны, и при объединенном управлении все отдельные льготы и привилегии их составили одно целое. Их торговля процветала и благосостояние умножилось в лоне длительного мира, к которому могущество их правителей вынуждало соседних государей. Бургундский флаг был страшен на всех морях; * влияние, которым пользовался бургундский герцог, помогало начинаниям его подданных и превращало начинание частных лиц в дело могущественного государства. Столь сильная поддержка вскоре позволила бургундцам даже выйти из Ганзейского союза и начать преследование этого опасного врага на всех морях. Ганзейские купцы, для которых были закрыты испанские гавани, были вынуждены, наконец, против своего желания, ездить на фландрские ярмарки и приобретать испанские товары из нидерландских складов.

Брюгге во Фландрии был в XIV и XV столетиях средоточием всей европейской торговли и большим торговым рынком всех наций. В 1468 году сто пятьдесят купеческих судов одновременно сошли в Слюисской гавани **. Кроме богатого склада товаров Ганзейского союза, здесь находилось еще пятнадцать торговых компаний с их конторами и много факторий, и тут же жили купеческие семейства из всех европейских государств. Здесь был устроен склад всех северных

* Mémoires de Comines. L. III. Chap. V.

** Anderson. III. 237. 259. 260.

продуктов, отправлявшихся на юг, и всех южных и левантских, отправлявшихся на север. Эти последние шли на ганзейских кораблях через Зунд и по Рейну в Северную Германию или сухопутным путем в сторону Брауншвейга и Люнебурга.

По естественным законам человеческого существования благосостояние это должно было повлечь за собою безудержную роскошь. Соблазнительный пример Филиппа Доброго мог только ускорить наступление такой эпохи. Двор бургундского герцога был самым пышным и веселым по сравнению с другими дворами Европы, не исключая Италии. Дорогие одежды аристократии, послужившие впоследствии образцом для испанских грандов и, наконец, перенятые вместе с бургундскими обычаями и австрийским двором, скоро вошли в употребление среди народа, и самый простой гражданин одевался в шелк и бархат *. «За изобилием, — говорит Комин (писатель, путешествовавший по Нидерландам в середине XV. столетия), — последовало высокомерие. Роскошество и суетность в одежде нашли широкое распространение у обоих полов. Роскошь в пище не доходила до такой степени расточительности ни у какого другого народа. Безнравственное общение обоих полов на водах и тому подобных собраниях, разжигающих

* Филипп Добрый был слишком расточителен, чтобы копить богатства. Несмотря на это, Карлу Смелому досталось после него больше столовой утвари, драгоценных камней, книг, ковров и полотна, чем в то время обладали три богатых владельцев дома, да сверх того триста тысяч талеров наличными деньгами. Сокровища этого государя и бургундского народа были выставлены напоказ на полях сражения при Грансоне, Муртене и Нанси. Здесь один швейцарский солдат снял с пальца Карла Смелого знаменитый бриллиант, который долго считался самым большим в Европе и теперь красуется как второй по величине драгоценный камень во французской короне. Он был продан не знавшим ему цены швейцарцем за гульден. Швейцарцы променяли найденное серебро на свиней, золото на медь, а драгоценные шатры из золотой парчи изорвали на куски. Стоимость серебра, золота и драгоценных камней, захваченных в этих сражениях, составляет три миллиона червонцев. Карл и его войско выходили в поход не как воины, которые хотят только драться, но как триумфаторы, которые после победы хотят окружить себя всевозможной пышностью (Comines, I. 253. 259. 265).

чувственные наклонности, уничтожило всякую стыдливость. Я говорю не только об обычной распущенности богатых и знатных людей; женщины самого низшего класса тоже предавались этому безграничному и безмерному распутству» *.

Но насколько радостней для каждого друга человечества эти излишества по сравнению с той унылой скудостью и тупоумием варварской добродетели, которые держали в то время под своей гнетущей пятой почти всю Европу! Бургундский период светится на фоне этих мрачных веков как веселый весенний день в февральскую непогоду.

Но именно это цветущее благосостояние привело, наконец, фландрские города к падению. Гент и Брюгге, достигнув высшей свободы и богатства, объявили владельцу одиннадцати провинций, Филиппу Доброму, войну, которая окончилась для них столь же плачевно, сколь смело она была объявлена. Один только Гент потерял в сражении при Гавре несколько тысяч человек и был принужден заплатить четыреста тысяч червонцев, чтобы успокоить разгневанного победителя. Всех высших сановников и знатнейших граждан этого города в количестве двух тысяч заставили в одной рубашке, босиком и с непокрытой головой идти за целую милю навстречу герцогу и там на коленях просить у него прощения. Граждане были лишены некоторых своих важнейших привилегий — невознаградимая потеря для всей будущей их торговли. В 1482 году они столь же несчастливо воевали с Максимилианом Австрийским с целью лишить его опекуна над его сыном, которое он захватил противозаконно. Город Брюгге в 1487 году взял самого эрцгерцога в плен и казнил нескольких из его министров. Император Фридрих III, чтобы отомстить за сына, вошел с войском во владения этого города и в продолжение десяти лет блокировал гавань Слеиса, чем вызвал полный застой в торговле. В этом деле серьезную помощь оказывали ему Амстердам и Антверпен, которые давно уже завидовали процветанию фландрских

* Mémoires de M. Phillippe de Comines. T. I. L. I. C. 2. L. V. c. 9. 291; Fischers G. d. d. Handels. II кн. 193 и след.

городов. Итальянцы начали привозить в Антверпен для продажи свои собственные шелка; туда же стали посылать свои изделия фландрские ткачи, поселившиеся в Англии, и таким образом Брюгге лишился двух важных отраслей своей торговли. Надменность этого города давно уже оскорбляла Ганзейский союз, который тоже оставил его и перенес склад своих товаров в Антверпен. В 1516 году из Брюгге выехали все чужеземные купцы, и там осталось всего несколько испанцев; но его благосостояние увядало так же медленно, как расцвело *.

В XVI столетии Антверпен перехватил торговлю фландрских городов, которую изгнала оттуда роскошь, и в царствование Карла V это был самый оживленный и великолепный город в христианском мире. Река Шельда, в широком устье которой прилив и отлив совершаются одновременно с этими явлениями в Северном море и по которой самые тяжело груженные корабли могут подходить к стенам города, делала этот последний естественным сборным пунктом всех кораблей, посещавших эти берега. Ярмарки его привлекали купцов всех стран **. Промышленность нации достигла в начале этого столетия высшей степени процветания. Земледелие, скотоводство, охота и рыбная ловля обогащали поселянина; искусства, мануфактурное производство и торговля — горожанина. Вскоре плоды трудолюбия фландрских и брабантских городов стали появляться в Аравии, Персии и Индии. Фландрские и брабантские корабли усеяли океан, и вот уже они на Черном море борются с генуэзцами за торговые сферы влияния ***. Нидерландский моряк отличался от других той особенностью, что он во всякое время года плыл по морю и никогда не останавливался на зимовку.

Когда был открыт новый путь вокруг африканского мыса и португальская торговля с Ост-Индией совершенно подорвала левантекую, Нидерланды не почувствовали удара, который был этим нанесен итальянским республикам. Португальцы устроили свои склады в

* Anderson. III Часть. 200. 314. 315. 316. 488.

** Две такие ярмарки продолжались сорок дней, и все товары, продававшиеся на них, освобождались от пошлины.

*** Anderson. III часть. 155.

Брабанте, и вскоре калькуттские пряности стали красоваться на антверпенском рынке *. Сюда стекались вест-индские товары, которыми надменная и праздная Испания платила за нидерландское искусство и трудолюбие. Ост-индские склады привлекали в Антверпен значительнейшие торговые дома Флоренции, Лукки и Генуи, а также дома Фуггера и Вельзера из Аугсбурга. Сюда же начала привозить свои северные товары Ганза, и английская компания также устроила здесь свой склад. Искусство и природа точно выставляли здесь напоказ все свои богатства. Это была великолепная выставка всего созданного богом и людьми **.

Слава Антверпена разошлась скоро по всему свету. К концу столетия, о котором идет речь, одна компания турецких купцов испросила себе позволение поселиться в городе, с тем чтобы доставлять в него через Грецию изделия Востока. С торговыми оборотами возросли также и денежные обороты. Антверпенские векселя имели хождение во всех концах света. Утверждают, что Антверпен делал в то время в течение одного месяца больше торговых оборотов и на более крупные суммы, чем делала их Венеция в период своего расцвета за целых два года ***.

В 1491 году весь Ганзейский союз созвал в этом городе торжественный съезд, который до тех пор происходил только в Любеке. В 1531 году там построили биржу, самую великолепную во всей тогдашней Европе и оставшуюся верной той гордой надписи, которая ее украшала. Народонаселение города состояло теперь из ста тысяч человек. Кипучая жизнь, масса народа, бесконечно двигавшегося тут, превосходит всякое воображение. Нередко сто — полтора ста мачт появлялись одновременно в антверпенской гавани. Ежедневно число приходивших и отходивших кораблей составляло не менее пятисот с лишком; в биржевые дни число это доходило до восьми — и девятисот. Ежедневно в городские

* По словам Гвиччардини, стоимость колониальных и аптекарских товаров, прибывавших сюда из Лиссабона, составляла миллион крон.

** Meteren. I Часть I. Том 12. 13.

*** Fischers G. d. d. Handels. II. 593 и след.

ворота въезжало более двухсот экипажей. Каждую неделю прибывало более двух тысяч возов с товарами из Германии, Франции и Лотарингии, не считая крестьянских телег и возов с пшеницей, число которых обычно доходило до десяти тысяч. Тридцать тысяч рук работали на одну английскую компанию предприимчивых купцов. Торговые, таможенные и акцизные сборы ежегодно доставляли правительству целые миллионы. О богатстве нации мы можем судить по тому, что особые подати, которые ее заставляли платить Карлу V на его военные нужды, исчислялись в сорок миллионов червонцев *.

Этим цветущим благосостоянием Нидерланды были обязаны как своей свободе, так и природным условиям своей страны. Изменчивые законы и деспотический произвол хищника-повелителя разрушили бы все те преимущества, которыми природа так щедро наделила эту страну. Только неприкосновенная святость законов может защитить плоды трудолюбия граждан и вселить в них ту счастливую уверенность, которая является душою всякой деятельности.

Гений этого народа, развивавшийся благодаря торговле и сношениям со столькими народами, блистательно проявлялся в полезных изобретениях. В обстановке изобилия и свободы процветали все изящные искусства. Из просвещенной Италии, которой Козимо Медичи незадолго перед этим вернул ее золотой век, Нидерланды перенесли к себе живопись, архитектуру, гравирование на дереве и меди, и тут, на новой почве, эти искусства пережили новый расцвет. Нидерландская школа, дочь школы итальянской, скоро начала соперничать со своей матерью и вместе с последней сделалась законодательницей всей Европы в области изящных искусств. О мануфактурах и тех отраслях искусства, на которых главным образом основывалось и теперь еще отчасти основывается благосостояние нидерландцев, нет необходимости упоминать более подробно. Производство ковров, живопись масляными красками, рисование на стекле, даже фабрикация карманных и солнечных

* A. G. d. vereinigten Niederlande. II часть, 562, Fischers G. d. d. Handels, II. 595 и след.

часов — все это, как утверждает Гвиччардини, первоначально изобретено нидерландцами; им мы обязаны усовершенствованием компаса, деления которого до сих пор еще известны под нидерландскими названиями. В 1428 году в Гарлеме было изобретено книгопечатание, и судьбе угодно было, чтобы это полезное искусство спустя столетие в отплату принесло своему отечеству свободу. Творческие стремления к новым изобретениям сочетались у нидерландцев со счастливой способностью улучшать изобретения чужие и уже прежде сделанные. Едва ли удастся назвать какие-либо технические изобретения и виды мануфактурных предприятий, которые не возникли бы в Голландии или по крайней мере не получили бы в ней широчайшего развития.

НИДЕРЛАНДЫ ПРИ КАРЛЕ V

До этого времени нидерландские провинции были государством, составлявшим предмет зависти в Европе. Ни один из бургундских герцогов не решался нарушить их конституцию; даже дерзость Карла Смелого, замышлявшего навязать рабство одной иноземной республике, не посягнула на эту конституцию. Все государи росли с сознанием того, что им предстоит управлять лишь одной республикой, и ни одна из их земель не давала им другого примера. Притом же все эти государи обладали только тем, что давали им Нидерланды. В их распоряжении были только те войска, которые выводил для них в поле сражения народ Нидерландов, только те богатства, выдачу которых разрешали им нидерландские государственные чины. Но вот все изменилось. Они подпали под власть государя, в распоряжении которого находились иные орудия и иные ресурсы и который мог вооружить против них чужеземную державу *. Карл V

* Неестественное соединение таких взаимопротивоположных наций, как нидерландцы и испанцы, никоим образом не могло дать благоприятных результатов. Не могу не привести здесь параллели, которую в ярких словах проводит между теми и другими Гроций: «С соседними народами,— говорит он,— нидер-

по произволу распоряжался в своих испанских владениях; в Нидерландах он был только первый гражданин. Полнейшее подчинение, обеспеченное ему на юге его государства, заставило его презирать личные права человека; в Нидерландах ему напоминали о необходимости чтить эти права. Чем больше наслаждался он в Испании неограниченной властью и чем больше воспитывали в нем все окружающие высокое мнение о самом себе, тем неохотнее соглашался он в Нидерландах опускаться до положения обыкновенного смертного и тем сильнее росло в нем желание преодолеть эту преграду. Нужно быть слишком добродетельным, чтобы не объявить войны той силе, которая стоит на пути наших сокровеннейших желаний.

Могущество Карла возбуждало у нидерландцев то недоверие, которое обыкновенно вытекает из бессилия. Никогда нидерландцы не дорожили так своей конституцией, никогда не сомневались в такой степени в правах государя, никогда не были осторожнее в своих пере-

ландцы легко могли находиться в дружелюбных отношениях, так как и первые и последние были одинакового происхождения и их развитие шло одинаковыми путями. Но испанцы и нидерландцы во многом отличаются друг от друга, и тем ожесточеннее их борьба при каждой встрече. И те и другие уже несколько столетий совершали блистательные военные подвиги; но нидерландцы в настоящее время, среди роскоши и спокойствия, отвыкли от грома оружия, между тем как у испанцев военное дело поддерживалось итальянским и африканским походами. Склонность к наживе делает нидерландцев более приверженными к миру, но не менее чувствительными к оскорблениям. Ни один народ не имеет меньше его жажды к завоеваниям, но и ни один не защищает лучше его свою собственность. В этом заключается причина многочисленности его городов, сосредоточенных на узком пространстве земли, городов, переполненных переселенцами из других стран и местными жителями, городов, укрепленных со стороны моря и больших рек. Вследствие этого через восемь столетий после северного переселения народов чужеземное оружие не могло принести им никакого вреда. Напротив, Испания гораздо чаще меняла своих повелителей; но когда она, наконец, попала в руки готов, характер ее и нравы уже успели в той или иной степени подвергнуться влияниям предыдущих завоевателей. В итоге всех этих перемен испанский народ описывают нам как терпеливейший в труде, неустрашимейший в опасностях, одинаково жаждущий богатства и почестей, гордый до презрения ко всему остальному, набожный и

говорах. Во время правления Карла мы видим сильнейший подъем республиканского духа, и притязания нации доходили порой до злоупотребления, что давало видимость оправдания усилению королевской власти. Государь будет всегда смотреть на гражданскую свободу как на отчужденную часть своих владений, которую он снова стремится захватить в свои руки. Для гражданина же чья-либо суверенная власть — это бурный поток, затопляющий территорию его законных прав. Нидерланды защищались плотинами от океана и конституциями — от своих государей. Вся всемирная история есть не прекращающаяся война между властолюбием и свободой за этот спорный клочок земли, точно так же как история природы есть не что иное, как борьба стихий и тел за необходимое пространство.

Нидерланды скоро почувствовали, что сделались провинцией монархии. Пока их прежние властители считали своей главной задачей — беречь благосостояние этой страны, они находились в положении счастливой

помнящий чужие благодеяния, но в то же время до такой степени мстительный и необузданный в победе, как если б по отношению к врагу не должно было существовать ни совести, ни чести. Все эти свойства чужды нидерландцам, которые хитры, но не коварны, которые, расселившись как раз посредине между Францией и Германией, удачно соединяют в своих умственных качествах недостатки и достоинства обоих народов, умеряя первые вторыми. Нидерландца обойти пелегко, и нельзя оскорбить его безнаказанно. В набожности он тоже не уступает испанцу. От христианской религии, раз он ее принял, не могло его заставить отречься норманское оружие; ни одно учение, осуждаемое церковью, не отравляло до сих пор чистоты его верований. Мало того: его богоугодная щедрость шла так далеко, что оказалось необходимым в законодательном порядке ограничить корыстолюбие нидерландского духовенства. Оба народа обладают врожденной преданностью государю, с тою только разницей, что нидерландец ставит законы выше короля. Между испанцами кастильцы более остальных своих соплеменников требуют осторожности в управлении. Но привилегий, на которые они сами предъявляют притязания, они не любят предоставлять другим. Поэтому их общий повелитель стоит перед трудной задачей — распределить свое внимание и заботливость между обоими народами таким образом, чтобы предпочтение кастильцу не оскорбляло нидерландца и чтобы равноправность последнего не оскорбляла кастильского высокомерия». (Grot. Annal. Belg. L. 4. 5 seqq.)

замкнутой семьи, главой которой был ее правитель. Карл V вывел Нидерланды на мировую политическую арену. Они сделались составной частью исполняющего тела, которое один-единственный человек превратил в орудие своего честолюбия. Они перестали быть самоцелью; центральный нерв их существования был перенесен теперь в душу их регента. Так как все его правление было заполнено внешней борьбой за территорию государства и политической деятельностью, то прежде всего ему необходимо было обеспечить господство над всеми частями своего государства, дабы иметь возможность распоряжаться ими быстро и уверенно. Поэтому он не мог разбираться в многосложном механизме внутренней гражданской жизни голландцев или относиться к их особым правам и преимуществам с той добросовестной внимательностью, которой требовал республиканский педантизм. Смелой поступью монарха вступил он в их искусно созданный муравейник. Ему нужно было путем объединения облегчить себе использование их сил. Мехельнский трибунал был до тех пор независимым судебным учреждением; он подчинил его королевскому совету, который был основан им в Брюсселе и сделался органом его воли. Он распространил на иностранцев важнейшие конституционные права страны и начал доверять им важнейшие должности. Люди, ставившие превыше всего королевскую милость, не могли не быть дурными блюстителями законов, которые к тому же они мало знали. Постоянный рост расходов в воинственное царствование Карла V заставил его стремиться к увеличению своих ресурсов. Он нарушил священнейшие привилегии провинций, обложив их чрезвычайными налогами. Государственные чины, чтобы спасти свой авторитет, должны были согласиться из осторожности на то, что он мог вынудить силой. Вся история правления этого государя в Нидерландах есть почти непрерывная цепь требования податей, отказов в этих требованиях и, наконец, все-таки согласия на них. Вопреки конституции он ввел чужеземные войска в нидерландские владения, производил в провинциях рекрутские наборы для своей армии и втягивал их в войны, которые были совершенно ненужны им, если не вредны для них,

и на которые они не давали согласия. Он наказывал республику за проступки как самодержавный государь, и страшная кара, постигшая Гент, ясно показала нидерландцам огромные перемены, происшедшие в их конституции.

Благосостояние страны было обеспечено настолько, насколько это было необходимо для политических замыслов ее государя, насколько благоразумная политика Карла не нарушала законов жизни здорового тела, силы которого он был вынужден напрягать. К счастью, столь противоположные между собою стремления, как властолюбие и бескорыстнейшая любовь к человечеству, часто ведут к одному и тому же: к достижению гражданского благосостояния, к которому стремится Марк Аврелий и которому нередко содействуют Августы и Людовики.

Карл V убедился вполне, что торговля составляла силу нации и что главным основанием этой торговли служит свобода. Он щадил эту свободу, потому что ему нужна была сила нации. Более умный дипломат, а не более справедливый человек, чем его сын, он подчинял свои принципы требованиям времени и места и отменял в Антверпене те распоряжения, которые в Мадриде он поддержал бы всей суровостью своей власти.

То, что было особенно достопримечательно в правлении Карла V в Нидерландах,— это происшедший при нем великий религиозный переворот, которым мы должны заняться несколько подробнее как важнейшей предпосылкой последующего восстания. Именно этот переворот позволил властям впервые произвольно вторгнуться в сокровеннейшую святыню нидерландской конституции, дал им повод чинить повсеместно ужасную расправу и, узаконив произвол, обострил до крайности республиканские тенденции. И если республиканский дух перешел в анархию и восстание, то власть монархическая поднялась до вершин деспотизма.

Нет ничего более естественного, чем переход гражданской свободы в свободу совести. Человек или народ, которые благодаря хорошему государственному устройству узнали цену человеческому достоинству, которые привыкли к тому, что закон защищает их или является их собственным созданием, которые развили свой ум

благодаря своей деятельности, изошрили свои чувства благодаря наслаждению жизнью и укрепили свое врожденное мужество под влиянием безопасности и благосостояния, такой народ и такой человек труднее всякого другого подчинится слепому господству тупого деспотического вероисповедания и раньше всякого другого освободятся от него. Было еще одно обстоятельство, которое благоприятствовало развитию нового учения в этих странах. Италия, бывшая в то время средоточием величайшей утонченности человеческого духа, страна, в которой постоянно свирепствовали самые ожесточенные политические партии, в которой знойный климат разжигает кровь для самых сильных аффектов, Италия — могли бы нам возразить — среди всех европейских государств почти не была затронута новшествами. Но для романтического народа, в котором теплое и прелестное небо, роскошная, вечно юная и вечно улыбающаяся природа и самые разнообразные чары искусства поддерживают вечное упоение жизнью, — для такого народа больше подходила религия, которая пленяет чувства торжественной роскошью, таинственные загадки которой открывают бесконечный простор фантазии и строгие заповеди вкрадываются в душу с помощью художественной формы. Наоборот, народ, будничная бюргерская жизнь которого лишена поэзии, который живет больше осязательными представлениями, чем идеальными образами, и развивает свой здравый человеческий смысл за счет силы воображения, — такой народ примет с большой готовностью учение, не столь боящееся проверки, учение, которое скорее опирается на мораль, чем на мистицизм, и больше доступно пониманию, чем созерцанию. Короче сказать: католическая религия в целом годится больше для народа художников, протестантская — для народа торговцев.

С этой точки зрения новое учение, которое распространяли в Германии Лютер и в Швейцарии Кальвин, должно было найти в Нидерландах самую благоприятную почву. Первые семена его были заброшены в Нидерланды протестантскими купцами, которые собирались в Амстердаме и Антверпене. Немецкие и швейцарские войска, введенные сюда Карлом, и огромное количество

французских, немецких и английских беглецов, которые искали в привилегиях Фландрии убежища от преследований, ожидавших их на родине, способствовали его распространению. Большая часть нидерландского дворянства обучалась в то время в Женеве, потому что Лувенская академия не была еще популярна, а к созданию академии в Дуэ еще только собирались приступить. Новые религиозные воззрения, которые там открыто проповедовались, учащееся юношество приносило оттуда на родину. В народе, национально однородном и замкнутом, эти первые семена можно было бы заглушить. Но стечение столь многих и столь разнородных наций в голландские и брабантские торговые города скрыло от глаз правительства первые побегі этого растения и ускорило его развитие под покровом тайны. Различие в убеждениях могло легко найти себе простор там, где не было ни общности характера, ни единства прав, обычаев и законов. Наконец, в стране, где трудолюбие считалось высочайшей добродетелью, а нищенство — презреннейшим пороком, народ не мог в продолжение долгого времени не относиться с отвращением к монашескому сословию, ордену праздности и безделья. Вследствие этого новая религия, ратовавшая против этих пороков, выигрывала бесконечно много уже тем, что мнение народа в этом вопросе было на ее стороне. Брошюры, полные яда и сатиры, быстро распространявшиеся в этих странах благодаря изобретенному перед этим книгопечатанию, и большое число кочевавших в то время по провинциям театральных трупп, называвшихся редериками, которые в сценических представлениях или песнях осмеивали тогдашние злоупотребления, — все это немало способствовало подрыву авторитета римской церкви и подготавливало умы народа к дружелюбному восприятию нового учения*.

Первые победы этого учения одерживались с изумительной быстротой; число людей, преимущественно из более северных провинций, которые за короткое время приняли новое учение, было громадно, но все-таки среди них было гораздо больше иностранцев, чем

* A. G. d. v. Niederlande. II часть. 399; см. примечание.

коренных нидерландцев. Карл V, как деспот, не ошибся в выборе стороны, на которую он должен был стать в этом великом религиозном расколе, и стал принимать против упорно развивавшегося нового учения самые решительные меры. К несчастью для реформации, политическая законность была на стороне ее гонителя. Плоти́на, которая в течение стольких столетий держала человеческий ум на далеком расстоянии от истины, прорвалась теперь слишком быстро для того, чтобы бешеный поток не выступил тотчас же из берегов. Воскресший дух свободы и критического исследования, который должен был бы оставаться в границах одних религиозных вопросов, подверг анализу и права государей. Сначала стали разбивать лишь железные оковы, потом захотели разорвать и самые необходимые и законные узы. Книги священного писания, получившие ныне большее распространение, давали теперь столько же яду самому необузданному фанатизму, сколько света и пищи самой искренней любви к истине. Благому делу пришлось избрать для себя пагубную дорогу мятежа, и последствием этого было то, что будет и всегда, пока люди не перестанут быть людьми. В то же время и дурное дело, не имевшее с благим делом ничего общего, кроме использования противозаконных средств, стало смелей благодаря этому родству, вошло с ним в сообщество и смешалось с ним. Лютер боролся против почитания святых — и вот каждого наглеца, врывающегося в церкви и монастыри и грабившего их алтари, стали называть лютеранином. Фанатизм, любостяжание, мошенничество, распутство становились под его знамя; самые злостные преступники объявляли перед судом, что они последователи Лютерова учения. Реформация низвела римского папу на степень обыкновенного грешного человека — и вот бешеная толпа, движимая голодом, требует уничтожения всякого различия сословий. Естественно, что с учением, показавшим себя государству только с пагубной стороны, не мог примириться государь, у которого и без того было достаточно оснований, чтоб искоренить его. Не удивительно поэтому, что он употребил против него то оружие, которое оно само дало ему в руки!

В Нидерландах Карл должен был считать себя самодержавным государем уже потому, что та свобода вероисповедания, которую он допустил в Германии, не была им распространена на эти провинции. В то время как в Германии, под влиянием настойчивого сопротивления тамошних князей, он спокойно допускал распространение новой религии, в Нидерландах он преследовал ее самыми жестокими эдиктами. Чтение евангелия и апостолов, все общественные и тайные собрания, имевшие сколько-нибудь религиозный характер, и все разговоры на эти темы дома или в гостях запрещались этими эдиктами под страхом строгого наказания. Во всех провинциях страны были учреждены особые суды для наблюдения за исполнением эдиктов. Защитник протестантского учения лишался должности, каков бы ни был его сан. Уличенный в распространении еретического учения или даже в том, что он только присутствовал на тайных сходках реформаторов религии, осуждался на смерть, причем мужчин казнили мечом, а женщин хоронили заживо. Отступников-еретиков предавали огню. Эти страшные приговоры не отменялись даже и в том случае, если преступник отрекался от своего заблуждения. Отрекавшийся выигрывал в крайнем случае только то, что ему смягчали род казни*.

Земельная собственность осужденного переходила в казну вопреки всем привилегиям страны, в силу которых наследникам позволялось выкупать ее за небольшую сумму. Вопреки бесспорному и драгоценному праву голландского гражданина — быть судимым не иначе, как в пределах своей провинции — виновных увозили в чужой судебный округ, где приговор над ними произносили чужеземные суды. Таким образом, религия должна была стать помощницей деспотизму, и на те льготы и привилегии, которые оставались неприкосновенными для рук светской власти, церковь могла посягать без боязни ответственности и не встречая сопротивления**.

* Thuan. Hist. P. I. L. VI. 300. Grot. L. I.

** A. G. d. v. N. II т. 547.

Карл V, ободренный успехами своего оружия в Германии и полагая, что для него теперь все возможно, начал подумывать о введении в Нидерландах испанской инквизиции. Ужас перед самым этим словом вызвал застой в антверпенской торговле. Крупнейшие чужеземные купцы вознамерились выехать из города. Всякая купля-продажа прекратилась. Ценность домов упала, приостановилась работа ремесленников. Деньги уплывали из рук граждан. Гибель этого цветущего города была бы неизбежна, если бы Карл V, убежденный советами регентши, не отказался от этого губительного плана. Суду было приказано щадить чужеземных купцов, а звание инквизиторов было заменено более мягким — духовные судьи. Но в остальных провинциях этот суд продолжал свирепствовать все с тем же бесчеловечным деспотизмом. Считают, что в правление Карла V только за преступления против религии пали от руки палача пятьдесят тысяч человек*.

Трудно понять, вспоминая обо всех насилиях этого самодержца, что сдерживало то восстание, которое так бешено вспыхнуло в следующее царствование. Более близкое знакомство с фактами позволяет уяснить себе это обстоятельство. Страшное для Европы могущество Карла помогло нидерландской торговле подняться на такую высокую ступень, какой она никогда еще не достигала. Величие его имени открывало перед нидерландскими судами все гавани, все моря и обеспечивало для народов самые благоприятные торговые договоры с иноземными державами. Главным образом благодаря его поддержке они разрушили до основания господство Ганзы в Балтийском море. Новый Свет, Испания, Италия, Германия, имевшие теперь одного властителя с Нидерландами, сделались как бы провинциями собственного отечества этих последних и были открыты для всех их предприятий. Вслед за тем Карл присоединил еще к бургундскому наследству остальные шесть провинций и настолько увеличил территорию Нидерландов и их политический вес, что они заняли место в ряду

* Meteren. I. Ч. 1. Книга. 56. 57. Grot. Annal. Belg. L. I. 12. Последний насчитывает сто тысяч. A. G. d. v. N. II. Ч. 519.

первых государств Европы *. Этим он льстил национальной гордости народа. После присоединения к его короне Гелдерланда, Утрехта, Фрисландии и Гронингена прекратились в этих провинциях все частные войны, так долго мешавшие их торговле; постоянный внутренний мир позволил им пожинать все плоды их трудолюбия. Таким образом, Карл был благодетелем этого народа. Блеск его побед слепил и их глаза; слава их государя, отражавшаяся и на них, усыпила их республиканскую бдительность; страшный ореол непобедимости, окружавший покорителя Германии, Франции, Италии и Африки, приводил в ужас партии. Притом же кому не известно, как много человек — будь то частное лицо или государь — может позволять себе, когда ему удастся вызвать чувство изумления? Нередко одно личное присутствие Карла в этих провинциях, которые он, по собственному его признанию, посетил десять раз, сдерживало недовольных; существовавшая практика строгого и быстрого судопроизводства поддерживала страх перед королевской властью. Наконец, Карл V родился в Нидерландах и любил народ, среди которого он вырос. Его обычаи нравились ему; естественность характера голландцев и их обхождение доставляли ему приятное отдохновение от строгой испанской чопорности. Он говорил на их языке и домашнюю жизнь свою вел сообразно с их обычаями. Утомительный церемониал — неестественная китайская стена между королем и народом — был изгнан из Брюсселя. Властолюбивый чужеземец не

* Он даже хотел возвести их в ранг королевства. Но существенные различия провинций между собой, различия от государственного устройства и обычаев до системы меры и весов, заставили его отказаться от своего намерения. Более существенной могла бы быть услуга, которую он оказал Нидерландам Бургундским договором, определяющим их отношения к Германской империи. В силу этого договора семнадцать провинций должны были выплачивать для общественных потребностей Германской империи вдвое больше денег, чем выплачивал на этот предмет курфюрст, а для войны с турками — втрое больше. Но зато они могли пользоваться могущественной защитой империи с сохранением всех своих особых привилегий. Революция, изменявшая при сыне Карла политическое устройство провинций, ликвидировала и этот договор, который вследствие малого его значения не заслуживает дальнейшего упоминания.

преграждал нидерландцам доступа к их государю; они находили дорогу к нему через ряд своих же соотечественников, которым он доверил охрану своей особы. Он любил подолгу говорить с ними; обхождение его было ласковое, слова приветливые. Эти маленькие ухищрения доставили ему общую любовь нидерландцев, и в то время, когда его войска топтали их хлеба и рылись своими хищническими руками в их имуществе, в то время, как его наместники угнетали, а палачи казнили, — он владел сердцами народа с помощью ласковой улыбки.

Карлу очень хотелось, чтобы эта любовь нации перешла и на сына его, Филиппа. Именно с этой целью он привез его еще в юности из Испании и показал в Брюсселе его будущему народу. В торжественный день своего отречения от престола он представил сыну эту страну как драгоценнейший камень короны и настоятельно увещевал его хранить нерушимо ее конституцию.

Филипп II по всем чертам своего человеческого характера был полной противоположностью отца. Честолюбивый не меньше последнего, но менее знакомый с людьми и человеческим достоинством, он создал себе идеал королевской власти, согласно которому люди должны были служить лишь послушным орудием произвола и малейшее проявление свободы должно было рассматриваться как оскорбление. Рожденный в Испании и воспитанный в духе железной монашеской дисциплины, он и от других требовал того угрюмого однообразия и той принужденности, которые сделались сущностью его характера. Веселая резвость характера нидерландцев возмущала его темперамент и душевное настроение настолько же, насколько их привилегии оскорбляли его властолюбие. Он не говорил ни на каком языке, кроме испанского, терпел вокруг себя только испанцев и упорно держался их обычаев. Напрасно изобретательный ум всех фландрских городов, через которые он проезжал, изощрялся в устройстве пышных празднеств в честь его пребывания: * взоры

* Один только Антверпен израсходовал по этому случаю 260 000 гульденов (Meteren. I. T. I. Кн. 21. 22).

Филиппа не прояснялись; все ухищрения роскоши, все громкие и яркие проявления искренней радости не вызвали на его лице ни одной улыбки одобрения *.

Карл сделал грубую ошибку, представив своего сына фламандцам. Его иго не казалось бы им впоследствии столь тяжким, если бы он никогда не ступал на их землю. Но его облик возвещал о том будущем, которое их ожидает: его въезд в Брюссель отвратил от него все сердца. Дружеское отношение императора к этому народу сделало еще более отвратительной для всех надменную суровость его сына. На его лице они прочли гибельные замыслы против их свободы — замыслы, которые уже в то время волновали его ум. Нидерландцы ожидали найти в нем тирана и стали готовиться к борьбе с ним.

Нидерландский трон был первым, с которого сошел Карл V. В торжественном собрании в Брюсселе он освободил государственных чинов от их присяги и перенес ее на короля Филиппа, своего сына. «Если бы моя смерть (таковы были ее заключительные слова, обращенные к Филиппу) доставила вам обладание этими землями, то уже одно это драгоценное наследство дало бы мне большое право на вашу благодарность. Но теперь, когда я уступаю вам их по собственной воле, когда я спешу умереть, чтобы ускорить для вас обладание ими,— я требую от вас, чтобы вы заплатили этим народам то, что считали бы обязанным заплатить мне за эту уступку. Другие государи счастливы тем, что радуют своих детей короной, которую отнимает у них самих смерть. Эту радость хочу я разделить с вами еще при жизни. Я хочу видеть вас живущим и царствующим. Немногие последуют моему примеру, немногие делали это до меня. Но этот мой акт заслужит одобрение, если вы будущей жизнью вашей оправдаете мое доверие, если вы никогда не отступите от мудрости, которой вы до сих пор обладали, если вы сохраните непоколебимую чистоту веры, которая есть надежнейшая опора вашего престола. Прибавлю еще одно: да наградит и

* A. G. d. v. N. II. 512.

вас бог сыном, которому и вы будете иметь возможность — но не будете обязаны — уступить корону».

Когда император кончил, Филипп преклонил перед ним колени, прильнул лицом к его руке и принял отцовское благословение. Глаза его увлажнились в последний раз в жизни. Все окружающие плакали. Это была незабываемая минута *.

За этим трогательным фарсом скоро последовало другое. Филипп принял от государственных чинов присягу и сам дал клятву, которая была прочтена собранию и которая гласила: «Я, Филипп, божией милостью государь Испании, обеих Сицилий и проч., обещаю и клянусь, что для всех земель, графств, герцогств и проч. буду добрым и справедливым государем, что сохраню цело и нерушимо для всех дворян, городов, общин и подданных те привилегии и льготы, которые даны им моим предшественником, а равно их обычаи, предания, нравы и права, которыми они теперь вообще и в частности владеют и которыми пользуются, и сверх того будут исполнять все, что приличествует доброму и справедливому государю и законному монарху. В этом да помогут мне бог и все его святые угодники!» **

Боязнь, которую породило деспотическое правление императора, и недоверие государственных чинов к его сыну проглядывают уже в форме этой присяги, которая составлена гораздо осмотрительнее и определеннее, чем та, что приносили сам Карл V и все бургундские герцоги. Филипп уже должен был присягать в нерушимости местных нравов и обычаев, чего до него не требовали ни от одного государя. В присяге, которую принесли ему чины ***, упоминалось только о таком повиновении с их стороны, которое могло иметь место при сохранении местных привилегий; его чиновникам разрешалось рассчитывать на послушание и содействие только в случае строгого исполнения возложенных на них обязанностей. Наконец, в этой присяге чинов

* Strada. Dec. I. L. l. 4. 5. Meteren. I. B. 1. Книга 28. Thuan. Histor. P. I. L. XVI. 769.

** A. G. d. vereinigten Niederlande. II. Часть 515.

*** Там же, 516.

Филипп называется только естественным, прирожденным государем, а не суверенным повелителем или владыкою, как того желал император. Достаточное доказательство того, как слабы были надежды, возлагавшиеся на справедливость и великодушие нового государя!

ФИЛИПП II, ВЛАСТИТЕЛЬ НИДЕРЛАНДОВ

Филипп II наследовал Нидерланды в высшем расцвете их благосостояния. Он был первым из государей этой страны, который получил ее всю целиком. Она состояла из семнадцати провинций: четырех герцогств — Брабанта, Лимбурга, Люксембурга, Гелдерланда; семи графств — Артуа, Геннегау, Фландрии, Намюра, Зютфена, Голландии и Зеландии; маркграфства Антверпена и пяти областей — Фрисландии, Мехельна, Утрехта, Оверэйсела и Гронингена. Соединенные вместе, области эти составили огромное и могущественное государство, которое могло соперничать с империями. Торговля его не могла уже подняться выше той ступени, на которой стояла. Золотые россыпи его находились на поверхности земли, но неистощимостью и богатством превосходили все подземные копи Америки. Эти семнадцать провинций, которые, взятые вместе, едва составят пятую часть Италии и занимают пространство не более трехсот фландрских миль, приносили своему государю больше дохода, чем доставляла своим королям вся Британия в то время, когда они не присоединили еще к короне имуществ духовенства. Триста пятьдесят городов, оживленных трудом и весельем, большею частью неприступных и без крепостей, защищенных и без каменных стен, шесть тысяч триста местечек, множество мелких деревушек, бесчисленное количество мыз и замков делали из этой страны сплошной цветущий край *. Именно в это время нация достигла кульминационного пункта своего блеска; приле-

* Strada. Dec. I, L. I, I, 17. Thuan. II. 482.

жание и избыток возвысили дух граждан, просветили их понятия, облагородили стремления. Процветание духовное шло рядом с процветанием материальным. Спокойная кровь, охлаждаемая суровым климатом, не позволяет здесь страстям разыгрываться слишком бурно; ровность характера, умеренность и усидчивое терпение есть дары этого северного пояса; честность, справедливость и вера — неизбежные спутники того рода занятий, который господствует в нем; наконец, правдивость, благожелательность и патриотическая гордость, эти прекрасные плоды его свободы, не так грубо смешиваются здесь с человеческими пороками. Нет на земле народа, которым разумный и добрый государь мог бы управлять с такой легкостью, а лицемер и тиран — с таким трудом, как именно этим народом. Нигде глас народа не является таким непогрешимым судьей правительства, как здесь. Нигде истинное дипломатическое искусство не могло стяжать себе большей славы и нигде мертвая искусственная политика не могла ожидать более тяжелых неудач.

Такое государство могло бы действовать гигантской силой и упорством, если б действительная необходимость заставила обратиться к его ресурсам, если б умное и умеренное правительство стало черпать из его источников. Карл V оставил своему наследнику в этих провинциях такую власть, которая мало чем отличалась от ограниченной монархической власти. Королевский авторитет заметно взял верх над республиканскими тенденциями, и эту сложную машину можно было пустить в ход почти так же безопасно и быстро, как вполне покорное государство. Многочисленное и прежде столь могущественное дворянство теперь добровольно следовало за государем в военных походах или ловило улыбку монарха, занимая гражданские должности. Коварная политика короны создавала новые призрачные блага, которые раздавала только она сама. Новые страсти и новые понятия о счастье вытеснили, наконец, суровую простоту республиканской добродетели. Гордость уступила место тщеславию, свобода — стремлению к почестям, независимость нищеты — богатому и веселому рабству. Возможность угнетать или грабить

отечество в качестве властного сатрапа, неограниченного повелителя прельщала корыстолюбивых и честолюбивых вельмож сильнее, чем право разделять с государем на имперском сейме сотую часть верховной власти. Вдобавок к этому бóльшая часть дворянства обеднела и была обременена долгами. Уже Карл V, под предлогом воздаяния почестей, ослабил опаснейших вассалов государства, отправив их посланниками к иностранным дворам, что стоило им много денег. Так, например, Вильгельм Оранский был послан в Германию с императорской короной, а граф Эгмонт — в Англию для устройства брака между Филиппом и королевой Марией. После того оба они сопровождали во Францию герцога Альбу для заключения мира между этими двумя государствами и нового брака между их королем и принцессой Елизаветой. Издержки этого путешествия составили триста тысяч гульденов, из которых король не заплатил ни гроша. Когда принц Оранский был назначен главнокомандующим вместо герцога Савойского, ему пришлось одному нести все расходы, сопряженные с этим званием. Во время приездов в Брюссель иностранных посланников или вельмож нидерландская аристократия должна была спасать честь своего короля, который всегда обедал один и никогда не давал банкетов. Испанские политики изобрели еще более остроумный способ для постепенного разорения богатейших нидерландских семей. Каждый год в Брюсселе появлялся один из кастильских вельмож, окружавший себя тут блеском и роскошью, далеко превосходившими его средства. Уступить этим гостям в пышности Брюссель считал для себя неизгладимым позором. Все наперерыв стремились превзойти его и расточали в этих состязаниях все свое имущество, а испанец во-время убирался домой и там возмещал годовое мотовство многолетней бережливостью. Соревнование с каждым приезжим из-за славы богача составляло слабость нидерландского дворянства, и правительство отлично умело пользоваться ею. Правда, впоследствии эти ухищрения закончились для него не так счастливо, как оно рассчитывало: неоплатные долги, в которые вошло дворянство, были причиною того, что оно становилось на сторону

нововведений. Известно, что тот, кто все потерял, только выигрывает в общей сумятице*.

Духовенство искони было — да и не могло не быть — опорой королевской власти. Золотое время для этого сословия всегда совпадало с рабством человеческого духа, и мы постоянно видим, как оно собирает жатву с тупоумия и чувственности. Угнетение граждан делает религию более ценной для них и более необходимой; слепая покорность тиранической власти приготавливает умы к слепому, удобному верованию, и за услуги, оказываемые деспотизмом иерархии, эта последняя отплачивает ему с процентами. Епископы и прелаты в парламенте были усердными агентами королевской власти и всегда были готовы жертвовать интересами граждан в интересах церкви и государственных выгод короля. Многочисленные и храбрые гарнизоны держали в постоянном страхе города, которые в это время были, кроме того, разъединены религиозными спорами и партиями. Как легко было поэтому короне удержать здесь свои преимущества и какую нужно было сделать оплошность, чтобы их потерять!

Насколько велико было влияние Филиппа в этих провинциях, настолько же поднялся авторитет испанской монархии в тогдашней Европе. Ни одно государство не отваживалось померяться с ней силами на поле сражения. Франция, опаснейший ее сосед, была обессилена тяжелой войной и еще более раздорами партий, поднявших головы во время управления короля-ребенка. Она уже шла быстрыми шагами к той несчастной эпохе своей истории, которая длилась почти столетия и была наполнена бедствиями и ужасами. Елизавета Английская с трудом оберегала свой собственный, еще колеблющийся трон от бурного напора партий и свою новую, еще не окрепшую церковь — от тайных происков изгнанных ее противников. Лишь ее творческая сила вывела это государство через некоторое время из позорного мрака, и тогда оно обрело в безрассудной политике своего соперника ту силу, которая помогла, наконец, сокрушить его. Немецкая импе-

* Reidanus. L. I. 2.

рия была связана с Испанией двойными узами — крови и государственных интересов, а военные успехи Сулеймана заставляли ее обращать больше внимания на восток, чем на запад Европы. Итальянские государи приняли сторону Филиппа под влиянием страха и благодарности, а в римском конклаве господствовали его креатуры. Северные монархии пребывали еще в тьме варварства или только еще начинали образовываться, и система европейских государств игнорировала их. Самые искусные полководцы, многочисленная, привыкшая к победам армия, грозный флот и богатая дань золотом, которую лишь теперь начала регулярно доставлять Вест-Индия, — какие это были страшные орудия в твердых руках умного государя! Под столь счастливой звездой началось царствование Филиппа.

До того, как дать оценку его деятельности, мы должны бегло заглянуть в его душу и там найти разгадку его политики. В его душе отсутствовала радость и доброжелательность. Первое чувство уничтожили в нем темперамент и мрачное детство, второго не могли воспитать в нем люди, у которых не было крепких и тесных связей с обществом. Его узкий ум был сосредоточен только на двух понятиях: на своем личном я и на том, что он признавал выше этого я. Эгоизм и религия — вот содержание и девиз всей его жизни. Он был король и христианин — и дурной король и дурной христианин, потому что стремился соединить оба эти элемента. Он никогда не был человеком для людей, так как он был способен отходить от своего я лишь вверх, а не вниз. Его религиозность была мрачной и жестокой, и его бог был ужасным существом. Он ничего не ожидал от него, а только боялся его. Для обыкновенного смертного бог является утешением и спасением, Филиппу же он представлялся каким-то пугалом, какой-то ужасной подавляющей силой, которая ограничивала его человеческое всемогущество. Его благоговение было здесь тем более глубоко и искренне, что он не удаивал этим чувством никакое другое существо. Он подобострастно трепетал перед богом, ибо только перед ним одним он и мог трепетать. Карл V ревностно защищал религию, потому что и он был многим ей обязан;

Филипп защищал ее потому, что он был действительно предан ей, как истинно верующий. Карл V предавал тысячи людей огню и мечу из-за догмата и в то же время сам осмеивал в лице своего пленника — папы то учение, из-за которого проливал кровь человеческую; Филипп же неохотно и с угрызениями совести решился на совершенно справедливое объявление войны папе и отказался от всех плодов своей победы, как раскаявшийся злодей от награбленного. Император Карл был варваром по расчету, а сын его — по чувству. Первый ум был силен и светел, но тем хуже, может быть, был он как человек; второй был человеком ограниченным, но более справедливым, чем отец.

Мне кажется, однакоже, что оба они как люди могли быть гораздо лучше того, чем были в действительности, и в общем они действовали на основании одинаковых принципов. Часто случается, что мы ставим в вину определенному лицу именно то, что составляет общечеловеческий недостаток или является неизбежным атрибутом человеческой природы вообще. Монархия такого объема была слишком большим искушением для гордости человеческой и слишком тяжелым бременем для сил человеческих. Только дух бесконечный и вездесущий способен соединить общее благополучие с величайшей индивидуальной свободой. Но что ж может сделать человек в положении творца? Человек старается помочь своей ограниченности с помощью классификации; подобно естествоиспытателю, он устанавливает признаки и правила, облегчающие его слабому уму охват окружающего, и делает их обязательными для всех других людей. Эту возможность дает ему религия. Она находит семена надежды и страха в каждой человеческой груди; овладевая этими стремлениями, подчиняя их одной цели, она обращает миллионы самостоятельных существ в однообразную абстракцию. Тогда уже бесконечное разнообразие человеческих волей не смущает более того, кто ими повелевает. Появляется понятие о каком-то общем зле и общем благе, которое этот повелитель может даровать или отнять и которое действует заодно с ним даже там, где его нет. Появляется предел для свободы, та священная черта,

к которой в конце концов должны прийти все противоположные стремления нашей воли. Общей целью деспотизма и иерархии непременно является единообразие, а единообразие само по себе есть лишь необходимое вспомогательное средство для человеческой бедности духа и ограниченности. Поэтому Филипп должен был быть деспотичнее отца ровно настолько, насколько он был ограниченнее его, или, другими словами, он тем более робко должен был придерживаться общих правил, чем менее он был способен спуститься до особых и видов. Что же следует из всего этого? Очевидно, то, что у Филиппа не могло быть более высокого стремления, чем стремление к единообразию в религии и в государственном устройстве, ибо он не мог царствовать без этого единообразия.

И все же он начал бы свое правление с большей мягкостью и осторожностью, если бы мог приступить к нему ранее. Давая общую оценку этому государю, не обращают, повидимому, достаточно внимания на одно обстоятельство, которое непременно должно быть учтено теми, кого интересует история его внутреннего мира. Филиппу было почти тридцать лет, когда он вступил на испанский престол, между тем раннее развитие его ума сделало его совершеннолетним задолго до этого времени. Человек с его характером, и притом сознающий себя вполне зрелым и лелеющий самые большие надежды, конечно, не иначе, как с отвращением переносил ярмо детской зависимости. Превосходство отцовского гения и самодержавный произвол должны были тяжело угнетать самовлюбленную гордость такого сына. Та доля участия, которая была ему предоставлена в управлении государством, была достаточна только для того, чтобы отвлечь его дух от мелких страстей и поддержать строгость и серьезность его характера. В то же время это участие было ограничено настолько, чтоб не пробудить в нем тем большего стремления к неограниченной власти. Когда же он действительно взял в свои руки бразды правления, оно уже утратило для него всю прелесть новизны. Ему или было вовсе незнакомо, или для него уже миновало то сладостное опьянение юного монарха, который вдруг

достиг высшей власти, ему незнакомо было то упоение радостью, которое открывает душу для мягких побуждений и которому человечество уже обязано многими благодетельными учреждениями; характер его уже успел окрепнуть к тому времени, когда счастливая судьба подвергла его этому важному испытанию, и его твердые принципы не поддались благодетельному потрясению. Уже целых пятнадцать лет готовился он к этому переходу, и, вместо того чтобы при перемене положения поступить как юноша или хотя бы в первые годы своего правления забыться в суетном бездействии, он остался спокоен и сумрачен и тотчас же вступил в полнейшее обладание всеми своими правами, как если бы он хотел этим полным обладанием вознаградить себя за долгие лишения и ожидание власти.

С У Д И Н К В И З И Ц И И

Едва Филипп II, после заключения мира в Като-Камбрези, обеспечил себе спокойное обладание подвластными ему странами, как он уже предался всецело великому делу очищения веры и вполне оправдал опасения своих нидерландских подданных. Все указы, которые были изданы его отцом против еретиков, были восстановлены во всей своей силе, и страшные судилища, которым недоставало только названия «инквизиционных», принялись бдительно следить за их соблюдением. Но королю казалось, что дело будет сделано лишь наполовину, если он не пересадит испанскую инквизицию в полном составе на почву этих стран, хотя уже его отец должен был отказаться от выполнения такого намерения.

Испанскую инквизицию можно смело назвать совершенно новым и вполне своеобразным учреждением, которое не имело прецедента в предшествующие века и не может сравниваться с каким бы то ни было духовным или светским трибуналом. Инквизиция существовала уже с той самой поры, когда разум осмелился коснуться религии, с той поры, как только появились

скептики и религиозные новаторы. Но только с половины XIII века, после того как некоторые случаи отпадения от церкви напугали иерархию, Иннокентий III создал особое судилище, проведя неестественное разделение между функциями надзора и руководства церкви и ее карающей властью. Дабы иметь еще большую гарантию, что никакое человеческое чувство, никакие соблазны естества не поколеблют неумолимой суровости статутов этой новой карательной власти, он изъял ее из рук епископов и светского духовенства, которые, казалось ему, были еще слишком тесно связаны с людьми по гражданской жизни, и передал ее в руки монахов, этих вырожденцев человечества, отрекшихся от всех священных требований природы и всецело посвятивших себя служению римскому престолу. Германия, Италия, Испания, Португалия и Франция приняли этих судей. Монах францисканского ордена председательствовал в судилище при произнесении страшного приговора над храмовниками. Лишь очень немногим государствам удалось избавиться от этих судей или подчинить их светской власти. Нидерланды до воцарения Карла V были избавлены от них; цензура в вопросах религии оставалась в руках епископов, и в чрезвычайных случаях обыкновенно приходилось обращаться к иноземным инквизиционным судилищам: французским провинциям — в Париж, немецким — в Кельн*.

Но та инквизиция, о которой сейчас идет речь, явилась с запада Европы и как по своему происхождению, так и по внешнему облику была совершенно иной. Последний мавританский престол в XV столетии пал, наконец, в Гранаде, и сарацинское богослужение должно было уступить место богослужению христиан, на сторону которых склонилось счастье. Но слово божие было еще слишком ново и не успело прочно укорениться в этом самом молодом из христианских государств. Обе религии еще не успели достаточно размежеваться среди смеси разнообразных законов и обычаев. Хотя меч религиозного преследования и успел

* Hopper. Mémoires d. Troubles des Pays-Bas in Vita Vigl. 65 sq.

изгнать много тысяч семейств в Африку, но значительно большая часть их, горячо привязанная к милой своей отчизне, избавилась от этой участи посредством лицемерной комедии обращения в христианство и продолжала служить Моисею и Магомету у подножия христианских алтарей. Пока мавры обращались в молитвах своих к Мекке, Гранада оставалась независимой; пока новообращенный христианин в домашнем быту своем оставался иудеем или мусульманином, он был столь же ненадежным слугой для испанского трона, как и для римского престола. Тут, следовательно, дело шло не к тому, чтобы вынудить этот упрямый народ к принятию внешних форм новой религии или соединить его с восторжествовавшей церковью слабыми узами внешних обрядов; дело шло о том, чтобы с корнем вырвать старую религию и победить во что бы то ни стало ту упорную привязанность к ней, которая закрепилась в нравах, языке и законах народа и продолжала жить под родным небом на родной земле. Если церковь хотела отпраздновать полную победу над враждебным ей богослужением и защитить новые завоевания от угрозы возврата к старым порядкам, она должна была подрывать самые основы, на которые опиралась древняя религия; она должна была окончательно разбить самую форму, в какую отлился нравственный тип народа и с которой он был связан теснейшими узами. Церкви предстояло извлекать тайные корни этой религии из сокровеннейшей глубины новообращенных душ, стирать все следы ее в кругу домашней и гражданской жизни, истреблять всякое напоминание о ней и — где возможно — даже убивать всякую восприимчивость к ней. Отечество и семья, совесть и честь, священные чувства, свойственные каждому обществу и природе человека, — вот что чаще всего стоит в тесной связи с религиями, отсюда черпают они свою силу и сюда же вливают ее. Надо было разорвать эту связь, насильно оторвать прежнюю религию от священнейших чувств, свойственных природе человека; хотя бы ценой утраты этих священных чувств. Так возникла *инквизиция*, которую мы называем испанской в отличие от более человеческих судов, которые тоже были известны под

именем *инквизиционных*. Основателем этой инквизиции является кардинал Хименес; доминиканец Торквемада первый вступил на кровавый трон инквизиции, положил основу статутам ее, завещал соблюдение их своему ордену и тем самым положил на него вечное проклятие. Поношение разума и смерть духа — таков был их обет; позор и ужас — вот что было их орудием. Все страсти были у них на откупе, каждой жизненной радостью умели они пользоваться как западней. Даже одиночество не могло укрыться от пытливых взоров инквизиции; страх перед ее вездесущностью налагал оковы даже на свободу, глубоко запрятанную в недрах души. Все инстинкты человеческие инквизиция подчинила вере; веру должно было ставить выше всех, даже самых священных, человеческих уз. Еретик не мог претендовать на человеческие права. Самого легкого проступка против велений матери-церкви было достаточно, чтобы навлечь гибель на весь свой род. Робкое сомнение в непогрешимости папы осуждалось наравне с отцеубийством и позорило человека не менее, чем содомский грех. Сами приговоры инквизиции походят на страшную заразу, быстро разлагающую самое здоровое тело. Даже неодушевленные предметы, принадлежащие еретику, подвергались проклятию. Сама судьба не могла исторгнуть из рук инквизиции ее жертвы; приговоры ее одинаково исполнялись и над трупами, и над картинами, и даже могила не могла служить надежным убежищем от страшной, карающей десницы ее!

Дерзость приговоров инквизиции превосходило только то крайнее бесчеловечие, с каким эти приговоры приводились в исполнение. Соединяя смешное с ужасным и поражая зрителей необычайностью процессий, она вытесняла чувство сострадания к осужденному другими чувствами, она топила сострадание в насмешках и презрении. С торжественной пышностью вели преступника к месту казни. Впереди развевалось кроваво-красное знамя; шествие сопровождалось трезвонном всех колоколов. Сначала шли священники в полном облачении, распевая священные песнопения. За ними следовал осужденный грешник в желтом одеянии, разрисованном изображениями бесов. На голове у него бумажная

шапка с изображением человека, окруженного пламенем и отвратительными демонами. За осужденным несут распятие, отвернутое от него ликом, так как для него искупление уже не существует более: смертное тело его принадлежит пламени, как его бессмертная душа — геенне огненной. Рот осужденного плотно заткнут кляпом, который не дает ему возможности облегчить воплями свои страдания, вызвать у окружающих участие к себе изложением своей истории и поведать о страшных тайнах священного судилища. За осужденным следует духовенство в праздничном облачении, власти и дворянство; отцы-судьи замыкают страшное шествие. Кажется, что видишь перед собой труп, провожаемый до могилы, а между тем это не труп — это живой человек, мучения которого должны были служить столь ужасной забавой для народа. Обыкновенно подобные казни назначались в дни больших праздников, и для этих случаев нарочно собирали в тюрьмах инквизиции известное количество таких несчастных, дабы поднять интерес к зрелищу большим количеством жертв. При этих зрелищах присутствовали даже короли. Они с непокрытой головой садились на стул, ниже того, который занимал инквизитор, уступая ему в эти дни первое место. Какой трепет должно было вызывать судилище, перед которым склонялись и цари! *

Великий религиозный переворот, совершенный Лютером и Кальвином, снова вызвал к жизни ту же нужду. в этом судилище, с которой было связано его возникновение. То, что вначале было придумано для очищения маленького королевства Гранадского от ничтожных остатков сарацинов и иудеев, вдруг стало потребностью для всего католического мира. Все инквизиции в Португалии, Италии, Германии и Франции приняли внешнюю форму инквизиции испанской. Она последовала за европейцами даже в Индию и в Гоа воздвигла тот страшный трибунал, бесчеловечные действия которого

* Burgund. Histor. Belg. 126. 127. Hopper. 65. 66: 67. Grot. Annal. Belg. L. I. 8. 9 sq.; Essay sur les Moeurs. T. III. Inquisition.

по одним только описаниям способны привести нас в ужас. Всюду, куда бы она ни вступала, запустение шло за ней следом. Но нигде не свирепствовала она с такой яростью, как в Испании. Убитых ею — забывают; человеческие поколения — возобновляются; даже и те страны, которые из-за нее опустели и обезлюдели, вновь будут переживать расцвет. Но пройдут еще столетия, пока исчезнут следы, оставленные ею в характере испанцев. Она приостановила развитие талантливой и превосходной нации, она изгнала гений из страны, которая была его родиной, осудила на кладбищенское безмолвие дух народа, который более других народов Европы был призван к радостному существованию.

Карл V впервые насадил в 1522 году инквизицию в Брабанте. В помощники инквизитору назначено было несколько священников; сам инквизитор был, однако, лицом светским. По смерти Адриана VI наследовавший ему Климент VII назначил трех инквизиторов для всех нидерландских провинций, а Павел III снова уменьшил число до двух, и их оставалось двое до самого начала волнений. В 1530 году, с согласия и при участии представителей сословий, были изданы указы против еретиков, послужившие основой для всех последующих подобных же указов; в них уже весьма определенно говорится об инквизиции. В 1550 году Карл V счел необходимым, вследствие быстрого распространения сектантства, возобновить и усилить эти указы. Город Антверпен воспротивился тогда введению инквизиции и счастливо избег ее. По духу своему эта нидерландская инквизиция, сообразуясь с народным характером, была, конечно, гораздо более человеческой, нежели инквизиция в испанских странах. К тому же во главе ее не только не было ни одного доминиканца, но даже и ни одного иностранца. Инквизиция эта строго придерживалась тех указов, которые были всем и каждому известны и уже поэтому вызывали меньше отвращения. Как ни строго она судила, приговоры ее меньше зависели от личного произвола, и она не окружала себя такой таинственностью, как инквизиция испанская.

Но Филипп желал проложить в Нидерланды дорогу именно испанской инквизиции, ибо она казалась ему

наиболее удобным орудием для того, чтобы унижить дух этого народа и подготовить его к деспотизму. Он начал с того, что усилил указы своего отца по вопросам религии, стал давать все большую власть инквизиторам и сделал ее более основанной на произволе и более независимой от гражданской судебной власти. Вскоре оказалось, что инквизиционному трибуналу в Нидерландах недоставало только названия испанского, да еще разве доминиканца в качестве председателя. Одного подозрения уже было достаточно, чтобы вырвать гражданина из лона его семьи и общества и по малейшему оговору подвергнуть его пытке. Кто падал в эту бездну, тот не мог уже из нее выбраться. Для него не существовало ни благодетельной защиты закона, ни материнской заботливости правосудия. Вне всех мирских условий жизни злоба и безумие судили его по законам, противным человеческой природе. Виновный никогда не знал имени своего обвинителя и в очень редких случаях знал, за что именно его судят. Неслыханное, истинно дьявольское ухищрение вынуждало самого несчастного отгадывать, в чем он виноват, и, обезумев от пыток или под влиянием долгого заключения, в котором он был заживо погребен, возводить на себя такие преступления, каких он никогда не совершал или которые по крайней мере никогда не были известны судье. Имущества осужденных конфисковались, а доноски поощрялись к новым доносам выдачею им вознаграждения и жалованными грамотами. Никакие привилегии, никакое гражданское правосудие не имели значения перед священной властью инквизиции. Кого она касалась, тот был уже вне всякой мирской власти. Мирская власть не могла уже принимать дальнейшего участия в инквизиционном правосудии: ей дозволялось только почтительно преклоняться перед приговорами инквизиции и выполнять их. Влияние такого учреждения не могло не привести к самым ужасным и противоестественным последствиям. Все земные блага и самая жизнь каждого, даже ничем не запятнанного человека были отданы на произвол первого встречного негодяя. Каждый тайный враг, каждый завистник подвергался опасному соблазну прибегнуть к тайной и безнаказанной мести.

Исчезли гарантии безопасности для собственности и искренность в общении. Все узы крови, все связи по симпатии или по выгоде — все было порвано. Общественная жизнь была отравлена всеобщим недоверием. Боязнь шпионов заставляла всех бояться каждого взгляда собственных очей своих, каждого звука собственного голоса. Никто не верил в честность другого; и ему самому также не верили. Доброе имя, землячество, братство, самая клятва и все то, что люди привыкли считать священным, — утратили всякую цену. И такой участи подвергнут был большой цветущий торговый город, в котором сотня тысяч деловых людей была связана единственно узами общего доверия. Каждый необходим другому, — между тем все сомневаются друг в друге, все подозревают друг друга. Всех привлекал друг к другу дух наживы, и всех отталкивал друг от друга страх. Поколеблены были все основы общественной жизни там, где общественность служит фундаментом жизни и ее прочности *.

ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ НИДЕРЛАНДСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Не удивительно, что такое противоестественное судилище, которое стало невыносимым даже для гораздо более терпеливых испанцев, возмутило республику. Но ужас, внушаемый этим судом, увеличивали испанские войска, которые были оставлены и после водворения мира в Нидерландах и, вопреки имперской конституции, размещены в пограничных городах. Карлу V прощали ввод в республику чужеземных войск, так как сознавали необходимость этого и верили в его благие намерения, ныне же в этих войсках видели силу, подготовляющуюся для подавления народа, и орудие ненавистой иерархии. Довольно многочисленной кавалерии, набранной из среды местных жителей, вполне хватало для защиты страны, и эти чужеземцы оказывались

* Grotius. L. 1. 9. 10.

совершенно излишними. Необузданность и грабежи испанских солдат, которые требовали уплаты задержанного жалования и возмещали таковое грабежом населения, усиливали раздражение народа и доводили простых людей до отчаяния. Когда в дальнейшем всеобщий ропот вынудил правительство оттянуть испанские войска от границы и переместить их на Зеландские острова, где были снаряжены корабли для их отправки, наглость этих испанских когорт дошла до того, что жители Нидерландов прекратили постоянные работы на дамбах и готовы были скорее отдать свою землю морю, чем переносить дольше зверское обращение этих буйных ватаг *.

Филиппу очень хотелось удержать испанские войска в Нидерландах, чтобы при помощи их увеличить значение своих указов и поддержать те нововведения, которые он намерен был внести в конституцию. Войска эти служили ему гарантией всеобщего спокойствия и в то же время — цепью, которой была скована вся нация. Вот почему он всячески уклонялся от удовлетворения настойчивых просьб со стороны сословий о немедленном удалении испанцев, исчерпав при этом все возможности по части интриг и уговоров. То оказывалось, что он опасается неожиданного нападения со стороны Франции, хотя в то время ее раздирали такие яростные междоусобия, что она с трудом выдерживала эту внутреннюю борьбу партий. То вдруг он начинал утверждать, что войска были предназначены для встречи на границе сына его, дона Карлоса, которого он никогда и не думал отпускать из Кастилии. При этом Филипп замечал, что содержание испанского войска не должно обременять нацию, так как он сам, из своей собственной казны, готов обеспечить все потребные на то издержки. Чтобы иметь лучший предлог для удержания войска на месте, он систематически не выплачивал ему жалованья за прошлое, хотя он и предпочитал испанцев местным войскам, с которыми должен был расплачиваться полностью. Чтобы успокоить встревоженный народ и пода-

* Allg. G. d. v. Niederlande. III. Том 21. Книга. стр. 23 и след.

вить всеобщее недовольство, он предложил главное командование этими войсками любимцам народа: принцу Оранскому и графу Эгмонту. Однако они оба отказались принять его предложение и благородно заявили, что никогда не решатся занять должность, противную законам их страны. Чем более выказывал король желанья оставить своих испанцев в пределах страны, тем упорнее настаивали штаты на их удалении. На последовавшем затем сейме в Генте королю пришлось в кругу своих придворных услышать чисто республиканскую истину: «К чему нам чужие руки для нашей защиты? — сказал ему синдик Гента. — Уж не затем ли, чтобы все стали считать нас слишком легкомысленными или слишком трусливыми для того, чтобы самим себя защищать? К чему было нам заключать и самый мир, если все тяготы войны обрушиваются на нас и в мирное время? Во время войны мы терпели по необходимости, а теперь в дни мира мы опять должны страдать. Или ты думаешь, что мы будем в силах сдерживать эти распущенные ватаги, когда их не сдерживает твое собственное присутствие? Здесь перед тобою твои же подданные из Камбре и Антверпена, и они громко жалуются на насилия. Тионвиль и Мариенбург уже опустели, а ты, конечно, не для того даровал нам мир, чтобы обращать города наши в пустоши. Между тем их, несомненно, ожидает такая участь, если только ты не избавишь их от их разорителей. Быть может, ты хочешь предупредить неожиданное нападение наших соседей? Эта предосторожность твоя является мудрой, но не забудь, что слухи о приготовлениях к такому нападению задолго предупреждают о нем. К чему же все эти затраты на наем чужеземцев, которым, конечно, нечего щадить нашу страну, так как им не сегодня-завтра придется ее покинуть? В твоём распоряжении находятся те же самые храбрые нидерландцы, которым твой отец доверял республику в гораздо более тревожные времена. Почему же ты стал сомневаться в их верности, после того как они уже столько столетий кряду верой и правдой служили твоим предкам? Неужели наших сил не хватит даже на то, чтобы продержаться, пока не подспеют твои союзники под своими

знаменами или ты сам не пришлешь помощь из ближних мест?» Такие слова были для короля слишком внове, а справедливость их настолько очевидна, что он не смог ответить на них немедленно. «Тогда и я тоже чужеземец! Не хотите ли вы и меня изгнать из вашей страны?» — воскликнул он. И тотчас же сошел с трона и покинул собрание. Но смелая речь осталась безнаказанной. Через два дня после того он приказал объявить сословиям: если бы он раньше знал, что им так тягостно содержать его войско, то он распорядился бы немедленно о переброске его в Испанию. Теперь же этого сделать нельзя, так как войска не могут удалиться из Нидерландов, не получив сполна своего жалованья. Но он дает торжественное обещание, что тяготы по содержанию войска будут лежать на них не долее четырех месяцев. И несмотря на все это, войска еще восемнадцать месяцев оставались после этого в Нидерландах и, вероятно, покинули бы их еще позже, если бы для монархии их присутствие не оказалось более необходимым в иных местах*.

Насильственное предоставление чужеземцам важнейших должностей в управлении вызвало новые жалобы против правительства. Это лишение чужеземцев всякого права занимать должности в Нидерландах более всего было ненавистно испанцам, и ни одну из привилегий этих провинций не старались они так подорвать, как эту**. Италия, обе Индии и все провинции необъятного царства были открыты их честолюбию и корысти; только самую богатую из этих провинций закрывал для них основной закон страны. Монарха убедили, что королевская власть никогда не утвердится надлежащим образом в этих странах, пока укреплять ее не станут чужеземцы. Уже епископ Аррасский, бургундец родом, был навязан фламандцам противозаконно, а тут оказалось, что и граф Фериа, кастилец, тоже получит и голос и место в государственном совете. Но этот замысел встретил такой мужественный отпор,

* Burgund. L. I. p. 38. 39. 40. Reidan. L. I. p. 1. Meteren. I. Часть. 1. Книга. 47.

** Reidan. L. I. p. 1.

какого вовсе не ожидали льстившие королю придворные. Деспотическое всемогущество короля на этот раз разбилось о ловкость Вильгельма Оранского и твердость штатов*.

ВИЛЬГЕЛЬМ ОРАНСКИЙ И ГРАФ ЭГМОНТ

Так начал Филипп II свое царствование в Нидерландах; таковы были жалобы страны, когда он собирался покинуть ее. Уже давно хотел он удалиться из Нидерландов, где он был чужаком, где многое оскорбляло его склонности, где его деспотической душе резко напоминали о законах свободы. Наконец, мир с Францией дал ему возможность оставить Нидерланды. Военные приготовления Сулеймана призывали его на юг, кроме того и Испании необходимо было возвращение короля. Выборы главного штатгальтера Нидерландов были главной задачей, стоявшей перед ним. Со времени отречения Марии Венгерской это место занимал герцог Эммануил Филиберт Савойский, но для него это звание было более почетным, чем действительным, пока король сам пребывал в Нидерландах. В отсутствие же монарха это была важнейшая должность во всей монархии и самая блестящая карьера, какой только могло добиваться честолюбие гражданина. Теперь, с удалением герцога, которому по мирному договору в Като-Камбрези вернули его владения, она стала свободной. Почти неограниченная власть главного штатгальтера, способности и знания, которые требовались для столь важного и деликатного поста, в особенности же дерзкие замыслы правительства против свободы страны, исполнение которых зависело от штатгальтера,— все это, конечно, затрудняло выбор. Закон, устранивший иностранцев от службы, делал исключение для главного штатгальтера. Так как он не мог быть родом сразу из всех семнадцати провинций, то ему дозволялось не принадлежать ни к одной из них; из соперничества брабантец не уступил бы фламандцу, живущему от него в полумиле,

* Grot. Annal. L. 1. p. 13.

совершенно так же, как и сицилианцу, рожденному под другим небом, на другой земле. Но, казалось, выгоды самой короны требовали того, чтобы отдать предпочтение нидерландскому гражданину. Например, брабантец по происхождению, чья родина подчинялась бы ему с безграничным доверием, мог в случае измены нанести полусмертельный удар скорее, чем иностранцу удалось бы преодолеть то недоверие, которое сопровождало бы малейший его шаг. Если бы правительство провело свой план в *одной* провинции, сопротивление остальных было бы дерзостью, за которую оно было вправе карать строжайшим образом. Конституции отдельных провинций как бы расплывались в общем целом, которое они тогда составляли; послушание одной из них было законом для всех остальных, и привилегия, которой не сумела отстоять *одна* провинция, погибала и для всех остальных.

Из всех нидерландских вельмож, которые могли притязать на главное штатгальтерство, надежды и симпатии нации делились между графом Эгмонтом и принцем Оранским: они были годны для этого поста вследствие одинаково благородного происхождения, одинаковых заслуг и одинаковой любви к ним народа. Высокое положение ставило обоих ближе всего к престолу, и если взоры монарха искали достойнейшего, они неизбежно должны были пасть на одного из них. Так как впоследствии нам придется часто упоминать эти имена, то пора остановить на них внимание читателя.

Вильгельм I, принц Оранский, происходил из немецкого княжеского дома Нассау, который благоденствовал уже восемь веков, одно время боролся за первенство с Австрийским домом и дал Германии одного императора. Помимо богатых земель в Нидерландах, благодаря которым он был гражданином этого государства и прирожденным вассалом Испании, ему принадлежало еще во Франции независимое княжество Оранское. Вильгельм родился в 1533 году в Диллембурге (в Нассауском графстве) от графини Штольберг. Его отец, граф Нассауский, носивший то же имя, принял протестантство и в его законе воспитал своего сына. Но Карл V, которому Вильгельм понравился еще мальчиком, взял

его очень молодым к своему двору и воспитывал в римской религии. Угадывая в ребенке будущего великого человека, он продержал его подле себя девять лет, удостоил лично давать ему наставления в правительственных делах и почтил его доверием не по летам; ему одному дозволялось быть при императоре, когда тот давал аудиенцию иностранным послам, — знак, что уже мальчиком он заслуживал славного прозвища Молчаливый. Император, не краснея, даже признался публично, что этот юноша нередко предлагает ему планы, которые ускользали бы от его собственной мудрости. Как много можно было ожидать от человека, воспитанного в такой школе!

Вильгельму было двадцать три года, когда Карл отрекся от престола; он уже дважды получил от короля публичное свидетельство высочайшего уважения. Монарх дал ему, обойдя всех вельмож своего двора, почетное поручение отвезти императорскую корону своему брату Фердинанду. Когда герцог Савойский, командовавший императорскою армией в Нидерландах, был отвлечен в Италию своими делами, император вручил Вильгельму начальство над этими войсками вопреки представлению всего своего военного совета, которому казалось слишком опасным противопоставить юношу опытным полководцам Франции. В его отсутствие и без всякого авторитетного ходатайства за него монарх оказал ему предпочтение перед толпой героев, увенчанных лаврами, и последствия не заставили его раскаяться в своем выборе.

Достаточно было той особой милости, которою пользовался этот принц у отца, чтобы сын не доверял ему. Сверх того Филипп как будто сделал своим правилом мстить нидерландской знати за то, что при Карле V она пользовалась предпочтением перед испанскою. Но еще важнее были внутренние побуждения, отталкивавшие его от принца. Вильгельм Оранский принадлежал к тем тощим и бледным людям, как называл их Цезарь, которые не спят по ночам и все думают и перед которыми принуждены отступать самые бесстрашные мужи. Под спокойствием всегда бесстрастного лица скрывалась деятельная пылкая душа, не колебавшая покры-

вала, за которым она трудилась, недоступная ни хитрости, ни любви; разносторонняя, плодовитая, не знавшая усталости, достаточно мягкая и гибкая, чтобы вдруг перелиться в другую форму, она была и достаточно опытна, чтобы не потерять своего лица, и настолько крепка, чтоб перенести любые превратности судьбы. Никто не умел так понимать людей и привлекать сердца, как Вильгельм. Не то чтоб он по-придворному холопствовал на словах, внутренне презирая это холопство: он действовал тем, что не был ни скуп, ни расточителен на знаки милости и уважения. Как умный хозяин, он, обязывая людей, только приумножал действительный запас своих средств. Медленно зрела в нем мысль, но тем совершенней были ее плоды; решение являлось поздно, зато тем упорнее и непоколебимее было его исполнение. Если он принял план,— никакое препятствие не могло помешать ему, никакая случайность не могла разрушить его: все предвиделось им заранее. Насколько он был свободен от того, чтобы поддаваться ужасу и радости, настолько он был чувствителен к страху; но страх у него предшествовал опасности: он был спокоен в минуту схватки, потому что дрожал в предшествовавшие ей минуты спокойствия. Вильгельм сорил деньгами, но дорожил каждой секундой, как скупец. Часы трапезы были его единственным отдыхом, и он весь принадлежал в это время сердцу, семье и друзьям: вот все, что он раврешал себе урвать от служения отечеству! Здесь, за стаканом вина, приправленного веселостью и воздержанием, просветлялось его чело; здесь заботы не омрачали юности его духа. Он вел широкий образ жизни; слуги его были многочисленны и блестящи, его свиту составляли люди значительные, и все это делало его жилище похожим на двор владетельного князя. Широкое гостеприимство, это главное магическое средство демагогов, было божеством его дворца. Чужеземные принцы и посланники находили здесь радушный прием и угощение, которые превосходили все, что могла предложить им пышная Бельгия. Благоговейная покорность правительству оставливая порицание и подозрения, которые могла вызвать такая роскошь. Но эта расточительность поддер-

живала славу его имени у народа, которому больше всего льстит такая демонстрация сокровищ отечества перед чужеземцами; а вершина счастья, на которой видели его, поднимала цену той приветливости, до которой он снисходил. Да, не было человека, который до такой степени был бы рожден для роли вождя заговора, как Вильгельм Молчаливый. Проницательный твердый взгляд, обращенный к прошлому, настоящему и будущему, способность быстро использовать случай, власть над умами, широкие замыслы, чей смысл и значение мог постигнуть лишь взор удаленного наблюдателя, смелые соображения, вьющиеся длиною цепью у подножья будущего, — все эти силы находились под надзором просвещенной и свободомыслящей добродетели, которая остается незыблемой даже на самом рубеже.

Такой человек мог быть не понят своим веком, но его понял недоверчивый ум Филиппа II: он быстро и глубоко проник в характер, который при всем его добронравии более всего походил на его собственный. Если бы он не постиг его в совершенстве, было бы необъяснимо, почему он не удостоил своим доверием человека, совмещавшего в себе почти все те качества, которые Филипп II ценил больше всего. У Вильгельма была еще более важная точка соприкосновения с Филиппом II: оба учились государственному искусству у одного и того же мастера, но можно было опасаться, что первый был более способным учеником. Вильгельм познал опасное искусство низвергать и восстанавливать троны не потому, что изучал «Государя» Макиавелли, а потому, что получил наглядные жизненные уроки от монарха, который осуществлял принципы этой книги на практике. Филиппу приходилось иметь дело с противником, который был во всеоружии его собственного государственного искусства и, защищая добро, располагал также и средствами зла. Последнее обстоятельство и объясняет нам, почему из всех смертных он ненавидел Вильгельма больше всего и боялся его так неестественно сильно.

Уже сложившееся недоверие короля к принцу еще усиливалось вследствие двусмысленного отношения последнего к религии. Вильгельм верил в папу, пока был

в живых его благодетель-император; но не без основания опасались, что его сердце не было свободно от симпатии, которую он в юности питал к реформации. Какую бы церковь он ни предпочитал в разные периоды своей жизни, каждая из них могла быть уверена, что вполне он не принадлежал ни к одной. В зрелых летах он перешел в кальвинизм почти так же легко, как в раннем детстве променял лютеранство на католическую религию. Он оборонял от испанской тирании не столько убеждения протестантов, сколько их человеческие права: он побратался с ними из-за их страданий, а не ради их веры*.

Эти общие поводы для недоверия, казалось, подкреплялись одним случайным разоблачением его истинного образа мыслей. Вильгельм остался во Франции заложником мира в Като-Камбрези, в заключении которого он принимал личное участие. По оплошности Генриха II, принявшего его за поверенного Филиппа II, он узнал о тайном плане французского и испанского дворов, направленном против протестантов обоих королевств. Принц поспешил сообщить эту важную весть своим брюссельским друзьям, которых она касалась столь близко, письма же, которыми он обменялся с ними по этому поводу, попали, к несчастью, в руки испанского короля**. Филипп не столько был поражен этим убедительнейшим свидетельством образа мыслей Вильгельма, сколько разгневан тем, что план его расстроился. Но испанские вельможи, еще не простившие принцу того, что он был опорой величайшего из императоров при последнем акте его государственного бытия, не преминули воспользоваться благоприятным случаем, чтобы окончательно погубить в мнении короля нарушителя государственной тайны.

Не менее благородного происхождения был Ламораль, граф Эгмонт и принц Гаврский, потомок тех герцогов Гелдернских, которые мужественно боролись с

* Strada. Dec. I. L. I. p. 24 и L. III. p. 55. sq. Grot. Annal. L. I. p. 7. Reidan. L. III. 59. Meurs. Guil. Auriac. T. I. p. 2 sq. Burg. 65. 66.

** Strada. Dec. I. L. III. p. 56. Thuan. I. 1010. Reid. L. I. p. 2.

Австрийским домом. Его род блистал в летописях страны; один из его предков уже был при Максимилиане наместником Голландии. Брак Эгмонта с герцогиней Баварской Сабиной придал новый блеск его имени; его могущество возросло благодаря важным связям. Карл V посвятил его в 1546 году в Утрехте в рыцари Золотого руна. Войны этого императора служили школой его будущей славы; битвы при Сен-Кантене и Гравелингене сделали его героем столетия. Благодеяния мира, столь ценимые народами, занимающимися торговлей, напоминали о победах, которые ускорили его заключение. Подобно гордости тщеславной матери, росла гордость фламандцев за блестящего сына их земли, вызывавшего удивление всей Европы. Девять детей, которые росли на глазах сограждан, служили новыми узами близости между ним и отечеством. Всеобщая любовь к нему возрастала при лицезнении самых дорогих ему лиц. Каждое публичное появление Эгмонта было триумфальным шествием; всякий устремленный на него взор повествовал о его жизни; хвастливость его соратников напоминала о его подвигах. На рыцарских играх матери указывали на него своим детям. Прекрасным украшением его заслуг были его вежливость, благородство осанки и приветливость — эти милые добродетели рыцарства. Его открытое чело было зеркалом свободной души. Откровенность была столь же плохим стражем его тайн, как благотворительность — хозяйкой его имущества: каждая его мысль тотчас становилась всеобщим достоянием. Мяжки, человечны были его религиозные убеждения, но они не отличались особенной ясностью: они черпали свой свет из его сердца, а не разума. Силой Эгмонта была скорее совесть, чем убеждения; его голова не сама создала кодекс принципов, которым он следовал, — она заучила готовое; поэтому он отворачивался от известных поступков уже из-за одного их названия. В его глазах люди творили зло или добро, но не были злы или добры; его нравственный кодекс не знал компромисса между пороком и добродетелью; оттого нередко одна хорошая черта в человеке подкупала его целиком. В Эгмонте соединились все достоинства героя. Как воин он был выше Оранского, но он стоял гораздо ниже его

как государственный муж. Тот видел свет таким, как он был на деле; этому в магическом зеркале фантазии он представлялся приукрашенным. Люди, ошеломленные дарами счастья, которые они, казалось, заслужили своими деяниями, легко подвергаются соблазну вообще забывать о необходимой связи причин и следствий и усматривать в естественном ходе вещей ту высшую чудесную силу, которой они, наконец, вверяются слепо, как Цезарь своей звезде. Таков был Эгмонт. Опьяненный признанием своих заслуг, преувеличиваемых благодарными людьми, он утопал в этом сладостном сознании, как в приятных сновидениях. Он ничего не боялся, потому что доверился такому неверному залогу судьбы, как всеобщая любовь, и верил в справедливость, потому что был счастлив. Даже после ужасного опыта испанского вероломства он не мог расстаться с этой доверчивостью. Даже на эшафоте его последним чувством была надежда. Полный нежности страх за семью сковывал его мужество и патриотизм мелкими заботами. Дрожь за свое достояние и жизнь, он не мог идти для республики на большой риск. Вильгельм Оранский порвал с тронem, так как произвол возмущал его гордость. Эгмонт был тщеславен и потому цеплялся за монаршие милости. Вильгельм Оранский был гражданином всего мира, Эгмонт всегда оставался фламандцем*.

Филипп II еще был в долгу у победителя при Сен-Каптене, и главное наместничество в Нидерландах, казалось, было единственной наградой, достойной столь блестящих заслуг. Родовитость и влияние, голос нации и личные дарования говорили одинаково и за Эгмонта и за Оранского, и если б пришлось обойти последнего, это могло быть сделано только в пользу первого.

Два соперника, имевшие столько равных заслуг, поставили бы Филиппа в тупик, если бы он вообще думал выбрать одного из них. Но они для него не годились именно в силу достоинств, на которые опирались их права, а то, что нация горячо желала им успеха, окончательно губило их шансы. Филипп не мог допустить в Нидерландах штатгальтера, который имел бы на своей

* Grotii. Annal. L. I. p. 7. Strada. L. I. 23 и L. III. 84.

стороне добрую волю и силы народа. По своему происхождению от гелдернских герцогов Эгмонт был прирожденным врагом Испанского дома. Казалось опасным вручать высшую власть человеку, которому могло прийти в голову отомстить сыну вместо угнетателя отца. Устранение любимцев нации по видимости не должно было оскорбить ни ее, ни их самих: было заявлено, что король избегает назначать кого-либо из них лишь потому, что не может предпочесть одного другому*.

Однако не оправдавшиеся расчеты на регентство не лишили Оранского окончательной надежды упрочить свое влияние в Нидерландах. В числе других кандидатов на эту должность была герцогиня Лотарингская и тетка короля, Христина, оказавшая престолу важную услугу как посредница при заключении мира в Като-Камбрези. Вильгельм имел виды на ее дочь, которую надеялся получить, деятельно поддерживая кандидатуру ее матери, но ему не пришло в голову, что этим-то он и губил ее дело. Герцогиня Христина была отвергнута — и не столько потому (так было заявлено), что зависимость ее земель от Франции делала ее подозрительной в глазах испанского двора, сколько потому, что ей симпатизировали нидерландский народ и принц Оранский**.

МАРГАРИТА ПАРМСКАЯ, ВЕРХОВНАЯ РЕГЕНТША НИДЕРЛАНДОВ

В то время как все напряженно ожидали, кто будет распорядиться судьбой провинций, у границ страны появилась герцогиня Маргарита Пармская, призванная королем из далекой Италии управлять Нидерландами.

Маргарита — незаконная дочь Карла V и девицы-нидерландки Вангеест — родилась в 1522 году. Охраняя честь дома, ее сначала воспитывали втайне. Но ее мать, более тщеславная, чем достойная, не очень заботилась о сокрытии ее подлинного происхождения — и царское воспитание выдало тайну рождения Марга-

* Strada. Dec. I. I. L. I, 24. Grot. Annal., p. 12.

** Burgund. L. I; 23 sq.; Strada. Dec. I. L. I. 24. 25.

риты. Еще ребенком она была сдана на руки двоюродной бабушке, регентше Маргарите, проживавшей в Брюсселе. Но уже восьми лет она лишилась своей воспитательницы, роль которой перешла к приемнице последней, венгерской королеве Марии, сестре императора. Ей не было и четырех лет, когда отец просватал ее за одного из феррарских принцев. Но впоследствии узы эти были расторгнуты. Маргариту решили выдать за нового герцога Флоренции, Александра Медичи, и этот брак состоялся по возвращении победоносного императора из Африки в Неаполь. Но не прошло и года после заключения этого несчастного брака (муж не любил ее), как насильственная смерть похитила Александра, — и отец в третий раз стал торговать ее рукой в интересах своей политики. Октавий Фарнезе, тринадцатилетний принц и родственник Павла III, получил вместе с ее рукой герцогства Парму и Пьяченцу; по странной игре судьбы совершеннолетняя Маргарита стала теперь женой ребенка, тогда как прежде, в раннем детстве, она сама была продана взрослому мужчине. Ее не женственная натура делала эту последнюю связь еще более неестественной, ибо она обладала мужскими наклонностями; весь ее образ жизни был насмешкой над ее полом. Она страстно любила охоту, подобно своей воспитательнице, королеве Венгерской, и прабабке герцогине Марии Бургундской, которой это пристрастие стоило жизни. Она так закалила этим свое тело, что могла не хуже мужчины выдерживать все тяготы такой жизни. В самой поступи ее было столь мало женской грации, что ее скорее можно было принять за переодетого мужчину, чем за мужеподобную женщину. Природа, которую она оскорбляла таким нарушением границ между полами, отплатила ей в конце концов мужской болезнью — подагрой. Все эти странные качества были увенчаны грубой монашеской верой, которую имел честь воспитать в душе Маргариты ее духовник и учитель — Игнатий Лойола. Среди дел благотворительности и подвигов покаяния, которыми она смиряла свое тщеславие, замечательнее всего было одно: каждый год на страстной седмице она собирала некоторое количество нищих, которым строго запреща-

лось приводить себя до этого в порядок, собственно-ручно мыла им ноги, прислуживала им за столом и отпускала с дорогими подарками.

Уже этого достаточно, чтобы понять, почему король предпочел Маргариту всем другим соискателям. Но его предпочтение было тотчас подкреплено более серьезными основаниями — государственной пользой. Маргарита родилась и воспитывалась в Нидерландах. Она провела раннюю юность среди этого народа и многое усвоила из его обычаев. Две регентши, под присмотром которых она выросла, постепенно посвятили ее в тайны наилучшего управления этим своеобразным народом и сами служили ей в этом образцом. У нее не было недостатка в уме и в деловитости, которую она заимствовала у своих воспитательниц и развила в итальянской школе. Нидерланды уже давно привыкли к женскому правлению; быть может, Филипп надеялся даже, что женская рука мягче будет пускать в ход тот нож тирании, который он собирался употребить против них. Говорят, на выбор короля повлияло и желание сделать приятное отцу, который еще был жив и очень благоволил к дочери. Возможно также, что Филипп хотел предпочтением, оказанным жене, привязать к себе мужа, герцога Пармского, одну просьбу которого он именно в это время не исполнил. Передача Маргарите верховной власти не представляла опасности: земли ее были окружены итальянскими провинциями испанцев и всегда доступны для их оружия. Чтоб окончательно обезопасить себя, король оставил ее сына, Александра Фарнезского, заложником при мадридском дворе. Всего этого было достаточно, чтобы склонить короля на сторону Маргариты; все было решено, когда ее поддержали епископ Аррасский и герцог Альба. Последний, вероятно, руководился ненавистью и завистью ко всем остальным кандидатам; первый же, скорее всего, уже предчувствовал тогда то великое удовлетворение, которое даст его властолюбивую непостоянный нрав принцессы*.

* Burgund. L. I. 23 sq. Strada, Dec. I. L. I. 24—30. Meteren. II. B. 61. Recueil et Mémorial des troubles des Pays-Bas (autore Hoppero). T. II. Vita Vigil. 18. 19.

Филипп встретил новую регентшу на границе, окруженный блестящей свитой, и вся процессия торжественно направилась в Гент, где были собраны генеральные штаты. Так как он не собирался скоро вернуться в Нидерланды, то, прежде чем покинуть их, он считал нужным удовлетворить нацию созывом торжественного сейма и тем придать своим распоряжениям больше убедительности и законной силы. Тут он в последний раз показался нидерландцам, которые затем должны были ждать решения своих судеб из таинственного далека. Чтобы увеличить блеск этого торжественного дня, он посвятил одиннадцать новых рыцарей Золотого руна, посадил свою сестру в кресло рядом с собой и представил ее народу как будущую властительницу. Все жалобы народа: на указы о вере и об инквизиции, на испанские войска, на обременительные подати, на противозаконное допущение чужеземцев к государственным должностям были высказаны на этом сейме. Эти жалобы горячо дискутировались обеими сторонами. Одни из них были искусно отклонены или лишь по видимости приняты во внимание, другие — отвергнуты властью. Не владея языком страны, король говорил с народом через епископа Аррасского. Он хвастливо перечислил все благодеяния своего правления, обещал свое благоволение на будущее время и еще раз строжайше велел чинам блюсти католическую веру и искоренять ересь. Он пообещал через несколько месяцев вывести испанские войска, ему лишь нужно время, чтобы оправиться от массы затрат на последнюю войну и уплатить этим войскам недоданное жалованье. Он заявлял, что местные законы будут неприкосновенны, налоги не превысят платежеспособности народа, а инквизиция станет вершить свое дело справедливо и с умеренностью. Король прибавил, что при выборе регентши он руководствовался главным образом желанием нации и остановился на местной жительнице, знающей нравы и обычаи страны и любящей свое отечество. Поэтому он увещевал нидерландцев принять его выбор с благодарностью и повиноваться герцогине, его сестре, как ему самому. В заключение Филипп сказал, что в случае, если неожиданные препятствия помешают

его возвращению, он обещает прислать вместо себя своего сына, принца Карла, резиденцией которого будет Брюссель *.

Некоторые наиболее мужественные члены собрания отважились выступить в защиту свободы совести. По их мнению, надо считаться с национальным характером так же, как и с телосложением каждого отдельного человека. Так, на юге еще можно быть счастливым при той степени принуждения, которая уже невыносима для севера. Прибавляли, что люди Фландрии никогда не согласятся на ярмо, с которым, возможно, примирились бы испанцы, и пойдут на все, если только это ярмо попробуют наложить на них. Эти возражения были подерживаемы также некоторыми советниками короля, которые настаивали на смягчении страшных указов о вере. Но Филипп остался неумолим. Он отвечал, что лучше вовсе не царствовать, чем управлять еретиками **.

По установлению, предложенному еще Карлом V, при регентше были учреждены три совета, или палаты, которые участвовали в решении государственных дел. Пока Филипп находился в Нидерландах, власть этих трех учреждений была очень невелика, а деятельность первого из них, государственного совета, почти совсем замерла. Теперь же, когда он выпустил из рук кормило правления, они приобрели прежнюю власть. В государственном совете, который рассматривал вопросы о войне, мире и внешней безопасности, заседали: епископ Аррасский, принц Оранский, граф Эгмонт, президент тайного совета Виглиус фон Зюйхем Аиттский президент финансового совета граф Барлемон. Все кавалеры ордена Золотого руна, все члены тайного и финансового советов, а также члены великого совета в Мехельне, который уже при Карле V был подчинен брюссельскому тайному совету, пользовались местом и голосом в государственном совете в том случае, если регентша специально приглашала их туда. Управление

* Burg. L. I. 34. 37. A. G. d. v. N. III. B. 25. 26. Strada, L. I. 32.

** Bentivogli. L. I. p. 10.

королевскими доходами и дворцовым имуществом находилось в ведении финансового совета, а тайный совет заведовал судами и гражданским порядком в стране, а также давал грамоты о помиловании. Упраздненные должности наместников провинций были или вновь замещены, или отданы прежним лицам. Граф Эгмонт получил Фландрию и Артуа, принц Оранский — Голландию, Зеландию, Утрехт и Западную Фрисландию с графством Бургундским, граф фон Аремберг — Восточную Фрисландию, Оверэйсел и Гронинген, граф Мансфельд — Люксембург, Барлемон — Намюр, маркиз Берген — Гениегау, Като-Камбрези и Валансьен, барон Монтиньи — Турне с его областью. Остальные провинции были розданы лицам, менее заслуживающим нашего внимания. Наместничество в Гелдерланде и Зюлтфене было поручено графу Мегену, после того как Филипп Монморанси, граф Горн, был утверждён адмиралом нидерландского флота. Каждый наместник провинции был в то же время кавалером ордена Золотого руна и членом государственного совета. Каждый из них в своей провинции командовал местными войсками и надзирал за гражданским управлением и судами; лишь во Фландрии наместник не мог вмешиваться в судебные дела. Один Брабант был непосредственно подчинен регентше, которая, согласно обычаю, избрала Брюссель своей резиденцией. Назначение принца Оранского на пост наместника противоречило собственно конституции страны: он был иностранцем. Но это уравновешивалось тем, что он сам владел некоторыми землями, разбросанными в провинциях, и частью управлял, как опекун, владениями своего сына. Сверх того он долго жил в стране. А главное — он пользовался безграничным доверием нации*.

Национальное войско нидерландцев в его полном составе состояло из трех тысяч всадников; тогда же в нем числилось немного больше двух тысяч, и они были разделены на четырнадцать эскадронов, начальниками которых, кроме наместников, были герцог Аршот,

* Meteren. I. Том. 1. Книга 46; Burgund. I. L. I. p. 7. 25. 30. 34. Strada, L. I. 20 sq.; A. G. d. v. N. III. 21.

графы Гогстратен, Боссю, Руэкс и Бредероде. Конница эта, разбросанная по всем семнадцати провинциям, должна была быть наготове для срочных действий; недостаточная для крупных операций, она предназначалась для поддержания внутреннего спокойствия в стране. Она состояла из людей испытанного мужества; прошлые войны разнесли славу об их храбрости по всей Европе *. Следовало еще иметь и пехоту, но штаты до сих пор не соглашались на это. Из иностранных войск республике служили лишь несколько немецких полков, ожидавших уплаты жалованья. Четырьмя тысячами испанцев, стоявшими гарнизонами в пограничных городах и вызывавшими столько нареканий, командовали два испанских начальника Мендоза и Ромеро.

Из всех нидерландских вельмож, которых король особо выделил при этих назначениях, самыми влиятельными были граф Эгмонт и Вильгельм Оранский. Как ни глубоко ненавидел Филипп их обоих, особенно последнего, уже тогда он дал им эти открытые доказательства своей милости: планы его мести еще не созрели, а народ питал к этим двум вельможам величайшую любовь. Их имения были освобождены от налогов **, им самим были поручены доходные наместничества. Король хотел польстить им выражением своего доверия, которого в действительности не было, предложив им начальство над оставшимися в стране испанцами. Но именно в то мгновение, когда он публично оказывал принцу такое почтение, тайно он нанес ему чувствительный удар. Опасаясь, как бы союз с могущественным Лотарингским домом не толкнул этого ненадежного вассала на более смелые предприятия, Филипп помешал браку, налаживавшемуся между Вильгельмом и одной из принцесс этого дома, и тем разрушил его надежды, которые были так близки к осуществлению. Принц никогда не мог забыть этой обиды ***. Однажды ненависть возобладала даже над прирожден-

* Burgund. L. I. 26. Strada. L. I. 21 sq.; Hopper 18. 19. sq. Thuan. M. II. 489.

** Та же милость была оказана графу Горну. A. G. d. v. N. III. B. 8.

*** Watson. T. I. 137.

ной способностью короля к притворству; она довела его до шага, в котором нельзя было его узнать. Когда Филипп II сел на корабль во Флиссингене и местные вельможи окружили его на берегу, он забылся до того, что грубо принял принца и прямо назвал его зачинщиком волнений во Фландрии. Принц сдержанно отвечал, что не произошло ничего такого, чего штаты не совершили бы по собственному почину и на законных основаниях. «Нет, — воскликнул Филипп, схватив его за руку и сильно встряхнув ее, — нет! Не штаты, а вы, вы, вы!» Принц смолчал. Не дожидаясь отплытия корабля, он пожелал королю счастливого пути и возвратился в город*. Так личное оскорбление обострило до крайности то ожесточение против угнетателя свободного народа, которое уже давно таилось в груди Вильгельма. Под влиянием этого двойного вызова созрело, наконец, великое предприятие, вырвавшее из испанской короны семь драгоценных камней.

Филипп во многом поступился своим характером, обойдясь при отъезде столь милостиво с Нидерландами. Решение узаконить сейм, готовность удалить испанские войска и поручить главные должности любимцам народа, наконец такая жертва в пользу конституции, как удаление графа Фериа из государственного совета, — все это были знаки благосклонности, до которых потом уже не снисходило его великодушие. Но в ту минуту он нуждался более чем когда-либо в расположении штатов, чтобы с их помощью, насколько возможно, погасить долги, лежавшие на Нидерландах после прежних войн. К тому же он, вероятно, надеялся путем маленьких жертв вынудить у них согласие на крупное превышение власти. Свое прощание с ними король ознаменовал милостью: он знал, в чьи руки он ее передал. Страшные смертные приговоры, которые готовились для этого несчастного народа, не должны были омрачить блеска величества, которое, как божество, отмечает свой путь благодеяниями. Эта ужасная слава предоставлялась его заместникам. А учреждение государственного совета больше льстило самолю-

* «Vie et Généalogie de Guillaume I, Prince d'Orange».

бию дворянства, чем давало ему действительную власть. Историк Страда, лучше всех знавший все, что касается регентши из собственных ее бумаг, сохранил нам одну статью тайных наказов, данных ей испанским министерством *. Там сказано, что если она заметит, что советники разделяются на партии или, боже упаси, частным образом совещаются перед заседанием и сговариваются между собой, она должна закрыть собрание и самолично решить спорные вопросы в узком комитете. В этот комитет, названный «консультой», входили епископ Аррасский, президент Виглиус и граф Барлемон. Так же должна поступать она и в случае, если срочные дела потребуют быстрого решения. Не будь это новое учреждение орудием произвола и деспотизма, его можно было бы оправдать с точки зрения самой разумной политики, с ним помирилась бы, быть может, и сама республиканская свобода. В больших собраниях сталкивается много частных интересов и страстей; масса слушателей сильно возбуждает тщеславие и честолюбие оратора, партии нередко нападают друг на друга с необузданной яростью; тут не всегда решение принимается так обдуманно и зрело, как в тесном кругу, если он хорошо подобран. Мы не говорим уже о том, что при многолюдии преобладают ограниченные умы, которые в силу равноправия голосов нередко толкают собрание в сторону неразумия. Другое правило, которому должна была следовать регентша, было таково: если некое распоряжение прошло вопреки желанию некоторых членов совета, настойчиво требовать от последних, чтобы они так же охотно исполняли его, как самые его ревностные защитники. Таким способом регентша не только скрывала бы от народа имена тех, кто голосовал за этот закон, но и препятствовала бы зарождению частных распрей между членами и допускала бы большую свободу голосования **.

Несмотря на все эти меры предосторожности, Филипп не мог бы покинуть Нидерланды спокойно, если бы руководство государственным советом и обеспечение

* Strada. I, II. 49; I. I. 31.

** Strada. Dec. I. L. I. 31.

послушания провинций находились в руках ненадежного дворянства. Чтобы обезопасить себя и с этой стороны, а также иметь гарантию относительно регентши, он подчинил ее самое, а с нею и все государственные дела высшему надзору епископа Аррасского, который один мог служить достаточной опорой против самого опасного заговора. Герцогиня должна была видеть в нем непогрешимейшего оракула его величества, он же был самым бдительным и строгим надсмотрщиком за ее правлением. В то время из всех смертных подозрительности Филиппа II, казалось, избежал один Гранвелла: пока он был в Брюсселе, король мог спокойно спать в Сеговии. Король покинул Нидерланды в сентябре 1559 года. Буря потопила его флот, а сам он невредимо сошел на берег у Ларедо в Бискайе. В мрачной своей радости он дал спасителю ужасающий обет. Опасное кормило правления в Нидерландах было вручено священнику и женщине, а трусливый тиран ускользнул в свою молельню в Мадриде от просьб, жалоб и проклятий народа *.

КНИГА ВТОРАЯ

КАРДИНАЛ ГРАНВЕЛЛА

Антон Перено, епископ Аррасский, в дальнейшем архиепископ Мехельнский и митрополит всех Нидерландов, которого ненавидевшие его современники увековечили под именем кардинала Гранвеллы, родился в 1516 году в городе Безансоне, в Бургундском графстве. Его отец, Николай Перено, сын кузнеца, благодаря собственным заслугам возвысился до звания тайного секретаря герцогини Маргариты Савойской, тогдашней регентши Нидерландов. Здесь он стал известен Карлу V как человек способный; император взял его к себе на службу и использовал для самых важных государственных дел. Двадцать лет работал он в кабинете импера-

* A. G. d. v. Niederlande. III. 27. 28.

тора, занимал должность его тайного советника и хранителя печати, был посвящен во все государственные тайны этого монарха и приобрел большое состояние *. Звания, влияние, государственное искусство отца перешли к сыну, Антону Перено, который смолоду проявил большие способности, открывшие ему столь славное поприще. В разных высших учебных заведениях Антон развил таланты, которыми природа одарила его с такой щедрой расточительностью, и пошел дальше отца. Вскоре оказалось, что он и собственными силами может удержаться на месте, которое досталось ему за чужие заслуги. Ему было двадцать четыре года, когда император послал его своим уполномоченным на Тридентский собор. Здесь он показал впервые то красноречие, которое потом обеспечило ему такую власть над двумя королями **. Карл пользовался им еще и в разных затруднительных миссиях, осыпая его хвалами; когда же Карл передавал сыну скипетр, этот драгоценный дар был поднесен наследнику тем самым министром, который помогал королю управляться с ним.

Гранвелла начал свое поприще с самого блестящего проявления своего политического таланта: он легко перешел от милостей такого отца к благоволению такого сына. Вскоре ему удалось по праву заслужить последнее. В 1558 году в Перроне при посредстве герцогини Лотарингской происходили тайные переговоры между французскими и испанскими министрами. Тут Гранвелла составил с кардиналом Лотарингским план заговора против протестантов, который созрел в Като-Камбрези, где он также помогал при заключении мира. Но именно там этот заговор и был предан.

В этом человеке удивительным образом сочетались разнообразные свойства: пронизательный, многосторонний ум, редкая легкость в ведении больших и сложных дел, обширнейшая ученость, а рядом с этим упорное прилежание и неистощимое терпение, самый предприимчивый дух и машиноподобная аккуратность. Дни и ночи этот трезвый, не знающий сна человек мог про-

* Meteren. 60. Strada. 47.

** A. G. d. vereinigten Niederlande. II. Том 526.

водить за государственными делами; он обдумывал одинаково добросовестно и тщательно и важное и пустяки. Нередко на него работали разом пять секретарей на пяти языках; сам он, как утверждали, говорил на семи. Все медленно выработанное испытующим умом принимало в его устах силу и привлекательность, и истина, опираясь на могучий дар красноречия, неудержимо увлекала всякого слушателя. Его преданность была неподкупна, потому что душа его не знала никаких страстей, которые ставят человека в зависимость от других. С удивительной пронизательностью вникал он в душу своего господина, и часто один взгляд раскрывал для него весь ход мыслей короля, подобно тому как отбрасываемая тень указывает на приближающийся предмет. С большим искусством оказывал он помощь ленивому уму, придавал бесформенному намеку вид законченной мысли, а затем великодушно предоставлял повелителю славу изобретения. Гранвелла понимал трудное и столь полезное искусство отступить в тень самому и отдавать свой гений другому. Так он властвовал, скрывая свою власть,— только так можно было властвовать над Филиппом II. Довольный незаметной, но действительной властью, он не стремился ненасытно, как мелкие душонки, к внешним знакам этой власти, но всякий новый сан был ему к лицу, словно он всегда был с ним неразлучен. Немудрено, что столь необычайные качества снискали ему милость господина: он был и необходим королю благодаря той сокровищнице политических тайн и опыта, которую Карл V на протяжении своей богатой событиями жизни скопил и завещал ему. Сколько бы ни доверял себялюбивый Филипп собственному уму, его опасливая, идущая оцупью политика искала опоры в сильной личности, чтобы использовать авторитет, чужой пример и опыт другого для преодоления собственной нерешительности. Ни одно политическое событие, ни одно внутреннее дело королевского дома не обходилось без Гранвеллы, пока Филипп пребывал в Нидерландах. А когда король отправился в Испанию, он сделал новой регентше в лице этого министра такой же подарок, какой в свое время получил от своего отца-императора.

Деспоты оказывают доверие собственным креатурам, извлеченным из грязи; это дело обычное. Но победить замкнутое себялюбие такого человека, как Филипп, победить настолько, чтоб оно сменилось доверием и даже задушевностью, — для этого требовалось исключительное дарование. Малейшее поползновение предъявить права собственности на какую-нибудь мысль, которую король соблаговолил признать своею, стоило бы министру всего его влияния. Он мог предаваться низким страстям — сладострастию, алчности, мстительности, но он должен был тщательно скрывать от подозрительных взоров деспота единственную одушевлявшую его страсть — сладкое сознание своего превосходства и силы. Он добровольно отказывался от всех своих преимуществ, чтобы вновь получить их от великодушия короля; его счастье заключалось в том, что никакой другой человек на свете не мог рассчитывать на благодарность короля. Он не надел присланного ему из Рима пурпура до тех пор, пока не пришло на это королевское соизволение из Испании: повергнув пурпур к подножию престола, он как бы принял его из рук его величества *. Герцог Альба, не столь ловкий политик, устроил лично себе триумф в Антверпене и приписал себе победу, которую одержал в качестве орудия короны, — и Альба сошел в могилу с немилостью своего владыки. Преступною рукой коснулся он прав короны: он осмелился черпать прямо из источника бессмертия.

Трижды Гранвелла менял господина — и трижды добился высшей милости. Он так же легко играл нежным тщеславием женщины, как и гордым достоинством самодержца и жестоким эгоизмом деспота. Он сносился с регентшей посредством записочек даже тогда, когда оба они жили в *одном* доме, — обычай, бывший в употреблении еще при Августе и Тиверии. Когда регентша находилась в затруднении, она обменивалась с министром записочками из часа в час. По всей вероятности, Гранвелла избрал этот путь, чтобы отводить глаза дворянам, ревность которых все возрастала: они не должны были знать всей степени его влияния на

* Strada. 65.

регентшу. Быть может, он рассчитывал также крепче запечатлеть свои советы и, если понадобится, оправдаться от обвинений посредством такого рода письменных свидетельств. Однако эта предосторожность разбилась о бдительность дворянства: вскоре во всех провинциях стало известно, что ничего не делается без участия министра.

Для монархий, близких к деспотизму, у Гранвеллы были все качества настоящего государственного мужа, но он вовсе не годился для республик, во главе которых стоят короли. Воспитанный между престолом и исповедальней, он не понимал иных отношений между людьми, кроме властвования и покорности, а внутреннее сознание собственного превосходства внушало ему презрение к людям. Его искусству государственного деятеля недоставало гибкости — единственной добродетели, которая тут именно и требовалась. Он был надменен и заносчив, королевские полномочия усиливали в нем прирожденную резкость и страстность, возвращенную его духовным званием. Он прикрывал интересами короны свое собственное честолюбие и стремился довести разлад между нацией и королем до разрыва: ведь тогда монарх не смог бы обойтись без него. Гранвелла вымещал на дворянстве свое низкое происхождение. Как все завоевавшие счастье собственными заслугами, он ставил преимущества рождения ниже тех, которых достиг сам. Протестанты видели в нем своего самого непримиримого врага. Все тяготы, обременявшие страну, приписывались ему, и они ощущались тем мучительнее, что проистекали от него. Мало того, его обвиняли в том, что он добился поворота к строгостям от более мягкого режима, на который, наконец, согласился монарх после настойчивых просьб штатов. Нидерланды проклинали его как самого страшного врага своей свободы и главного виновника того бедствия, которое вскоре обрушилось на них*.

(1559) Было очевидно, что Филипп слишком рано покинул Нидерланды. Новые мероприятия правитель-

* Strada. Dec. I. L. II. 47—50. Thuan. L. VI. 301. Burgundius.

ства были еще слишком чужды этому народу, — один король мог санкционировать их и придать им силу. Новую машину, которую он пустил в ход, надо было направлять крепкой и бесстрашной рукой, выждать и проследить за ее первыми движениями, пока к ней не привыкнут. Филипп же оставил своего министра лицом к лицу со всеми страстями, которые вдруг прорвались на свободу в отсутствие монарха, и передал в слабые руки подданного кормило в тех условиях, в каких не мог бы с ним справиться сам король со всем своим могуществом.

Правда, страна процветала, всеобщий достаток свидетельствовал, повидимому, о благах мира, которого она только что добилась. Внешнее спокойствие было обманом глаз; оно было лишь показное: в сокровенных недрах нации назревал опаснейший разлад. Когда в стране пошатнется религия, дело на этом не останавливается. Бунт начинается со святынь, а кончается мирскими делами. После удачного нападения на иерархию появляется смелость и желание посягнуть на власть вообще, стремление подвергнуть критике законы и догмы, обязанности и мнения. Эта смелость фанатизма, испробованная на том, что освящено веками, может быть направлена на разные предметы; это презрение к жизни и собственности в состоянии превратить трусливых мещан в дерзновенных бунтовщиков. Почти сорокалетнее женское правление дало возможность нации закрепить за собой вольности. Долгие войны, для которых Нидерланды служили плацдармом, породили некоторую распущенность и выдвинули право сильного за счет гражданского порядка. Провинции наполнились чужеземными проходимцами и беглецами — людьми, которых не связывали ни отечество, ни семья, ни собственность и которые принесли к тому же со своей несчастной родины семена мятежа. Постоянный вид мучений и смерти порвал тонкие нити нравственности и придал характеру нации неестественную суровость.

При всем том мятеж медленно и тихо назревал бы в низинах, если бы он не нашел в дворянстве опору, которая сразу обеспечила ему быстрое распространение. Карл V избаловал нидерландских вельмож: он сделал

их соучастниками своей славы, ублажал их национальную гордость, оказывая им предпочтение перед кастильским дворянством, открывал поприще для их честолюбия во всех частях своей империи. В последней войне с французами они действительно заслужили эти преимущества в глазах его сына. Выгоды, полученные королем по мирному договору в Като-Камбрези, были главным образом плодом их храбрости, и теперь они были весьма сильно задеты, не получив награды, на которую они так уверенно рассчитывали. А тут немецкая императорская корона отпала от испанской монархии, новое правительство обнаруживало меньше воинственности — и поле деятельности нидерландских вельмож вообще сократилось. Им уже не предвиделось добычи за пределами своего отечества. Филипп ставил своих испанцев там, где Карл V назначал нидерландцев. Они перенесли в период мира те страсти, которые были пробуждены ранее и которым дало простор прежнее правительство. К этим разнузданным и беззаконным стремлениям присоединилось тяжкое положение и жалобы нации. Снова ожили притязания, которые были заглушены на время новыми страстями. При последних назначениях король вызвал почти всеобщее недовольство; даже те, кто получил посты, были довольны не многим более, чем вовсе обойденные, ибо они рассчитывали на лучшее. Вильгельм Оранский получил четыре штатгальтерства, не считая мелких должностей, которые все вместе стоили пятого, но он рассчитывал на Брабант и Фландрию. Он и граф Эгмонт забывали, что они получили, — они помнили лишь о том, что им не досталось регентство. Большая часть дворянства либо сама погрязла в долгах, либо правительство втягивало ее в долги. Теперь исчезла надежда поправить на доходных местах, и вельможам грозила опасность впасть в нужду, особенно чувствительную на фоне блестящего материального положения буржуазии. В той крайности, в какой они находились, многие из них готовы были на преступление. Нелегко было им устоять перед соблазнительными предложениями кальвинистов, хорошо плативших за ходатайства и защиту! Наконец, многие, положение которых было безнадежно,

искали последнего выхода в общем запустении и в любое мгновение готовы были зажечь пламя мятежа *.

Это опасное состояние умов усугублялось злополучным соседством с Францией. Там уже совершилось то, чего Филипп II опасался для провинций. В судьбе этого государства он мог видеть будущее Нидерландов. Дух мятежа мог позаимствовать оттуда соблазнительный пример. Под влиянием тех же обстоятельств семена нового были развеяны по этому королевству при Франциске I и Генрихе II; и там яростные гонения и дух междоусобия помогли их росту. Гугеноты и католики боролись с одинаково неопределенными шансами на успех. Яростная борьба партий взбудоражила всю монархию и влекла это могучее государство к гибели. И здесь и там корыстолюбие, властолюбие и дух партий могли прикрыться именем религии и отечества, и страсти немногих граждан могли поставить под ружье всю нацию. Граница обеих земель проходит по валлонской Фландрии; мятеж мог, подобно морскому приливу, перехлестнуть сюда свои волны. Разве могла остановить эти волны страна, которая по своему языку, нравам и характеру стояла где-то между Галлией и Бельгией? Правительство еще не учло своих протестантских подданных в этих странах, но оно знало, что новая секта — это чудовищная республика, которая пустила корни во всех христианских монархиях и во всех частях Европы, — равно чувствует малейшее потрясение. Есть грозные, соединенные подземными ходами, вулканы, в которых извержение начинается одновременно. Нидерланды должны были быть открыты всем народам, потому что они жили ото всех народов. Мог ли король изолировать торговое государство так же легко, как свою Испанию? Если он желал очистить провинции от ереси, ему необходимо было начать с истребления ее во Франции **.

Таково было положение Нидерландов при вступлении Гранвеллы в управление (1560).

* Vita Vigil. T. II. vid. Recueil des Troubles des Pays-Bas. P. Hopper. 22. Strada. 47.

** Strada. I. III. 71. 72. 73.

Важнейшей задачей нового министра и испанской политики было — вернуть этим странам единообразие католичества, сломить соперничающую с королевской властью дворянства и чинов и восстановить королевское могущество на развалинах республиканской свободы. Но решение задачи этой встретило препятствия, для устранения которых потребовалось изобрести новые средства и пустить в ход новые орудия. Инквизиции и указов о вере, казалось, было достаточно, чтобы предотвратить заразу еретичества; но за выполнением указов некому было следить, а у инквизиции не хватало орудий для ее обширного судопроизводства. Еще сохранилось церковное устройство былых времен, когда провинции не были еще так густо заселены и когда в церковной жизни царило еще всеобщее спокойствие и за нею легче было надзирать. В течение ряда столетий, на протяжении которых изменился весь внутренний строй провинций, эта форма иерархии оставалась нерушимой, и ее охраняли от произвола властителей особые привилегии провинций. Все семнадцать провинций были поделены между четырьмя епископами, имевшими свое пребывание в Аррасе, Турне, Камбре и Утрехте, и были подчинены архиепископам Реймса и Кельна. Правда, герцог бургундский Филипп Добрый помышлял о расширении иерархии ввиду роста населения этих земель. Но в суете его пышной жизни этот план был забыт. Карл Смелый, увлекаемый честолюбием и жаждой завоеваний, не мог углубляться во внутренние дела своих земель, а у Максимилиана было и без того слишком много препирательств с чинами. Бурное царствование не дозволило Карлу V осуществить обширный план, который и перешел теперь к Филиппу II как завещание всех этих государей *. Настала пора, когда неотложные требования церкви могли оправдать это нововведение, а обстановка мира могла способствовать его исполнению. Из-за громадного наплыва людей в нидерландские города из всех стран Европы произошло такое смешение религий и убеждений, что за ним нельзя было уследить немногим над-

* Burgund. 45. Strada. 22.

зирающим. Так как число епископов было недостаточным, то округа их неизбежно были слишком обширными, и четыре человека не могли совладать с задачей очищения веры на таком большом пространстве.

Судебная власть, сосредоточенная в руках кельнского и реймского архиепископов, в Нидерландах уже давно претила правительству, которое не могло считать эту страну своей собственностью, пока важнейшая функция власти находилась в чужих руках. Нужно было вырвать ее из этих рук, оживить ведение религиозных процессов привлечением новых сил и увеличить в сейме число своих приверженцев, а для этого не было лучшего средства, как умножить число епископов. С такими замыслами вступил Филипп II на престол. Однако перемены в иерархии должны были вызвать самое решительное противодействие со стороны штатов, без которых нельзя было провести их. Следовало предвидеть, что дворянство никогда не согласится на мероприятие, которое доставило бы столько выгод королевской партии и отняло бы у него самого перевес в сейме. Доходы, на которые должны были жить новые епископы, пришлось бы отнять у аббатов и монахов, а они составляли значительную часть государственных чинов. Нечего и говорить, что следовало опасаться протестантов, которые не преминули бы тайно действовать против короля в сейме. Все дело подготовлялось в Риме в строжайшей тайне. Священник города Лувена Франциск Соннуа, креатура Гранвеллы, явился к папе Павлу IV и доложил, как обширны эти земли, как они благодатны и многолюдны, как пышно их благоденствие. «Но,— прибавил он,— при неумеренном наслаждении свободой истинная вера находится там в пренебрежении и появляются еретики. Чтобы искоренить это зло, римский престол должен свершить нечто чрезвычайное». Нетрудно было склонить римского прелата к нововведениям, которые расширяли круг его собственной власти. Павел IV назначил суд из семи кардиналов для рассмотрения этого важного дела; за его смертью оно было закончено Пием IV *. Желанное

* Burgund. 46. Meteren. 57. Vita Vigil. T. I. 34.

послание застало короля еще в Зеландии, раньше чем он сел на корабль для отплытия в Испанию, и он тайно поручил министру исполнение опасного плана. Объявляется новая иерархия (1560): к *четырем* существующим епископствам прибавляется *тринадцать* новых, по одному на каждую из семнадцати провинций; четыре из них возводятся в ранг архиепископств. Шесть епископств (Антверпен, Герцогенбуш, Гент, Брюгге, Иперн и Рюремонд) подчиняются мехельнскому архиепископству, пять (Гарлем, Мидделбург, Лэварден, Девентер и Гронинген) — утрехтскому, четыре (Аррас, Турне, Сент-Омер и Намюр), близкие к Франции, разделяющие ее язык, характер и нравы, поступают в ведение Камбрейского архиепископства. Мехельн, лежащий в середине Брабанта и всех семнадцати провинций, становится примасом, или главой всех остальных епископств, и вместе со многими богатыми аббатствами вручается Гранвелле. Доходы новых епископств черпаются из сокровищниц монастырей и аббатств, скопленных добродетельными даяниями и благочестием целых веков. Некоторые из аббатов получили епископские места, сохраняя свои монастыри и прелатуры, за которые они подавали голос в сейме. С каждым епископством связываются еще девять приходов, розданных самым искусным юристам и богословам, которые должны были поддерживать инквизицию и епископа в его деяниях. Двое из них, наиболее выдающиеся по знаниям, опытности и безукоризненному поведению, становились инквизиторами и имели первый голос в собраниях. Архиепископу Мехельнскому, как митрополиту всех семнадцати провинций, предоставлялась власть назначать и отрешать всех епископов по своей воле: римский престол только утверждал его выбор*.

Во всякое другое время нация приняла бы с благодарностью такое упорядочение церковных дел, достаточно оправдываемое необходимостью, полезное для религии и неизбежное в целях исправления нравов

* Burg. 49. 50 Dinoth. de Bello civil. Belg. L. I. 8. Grot. 15. Vita. Vigl. 34. Strada. 23. Reid. 6. Hopper. Recueil des Troubles des Pays-Bas in Vita. Vigl. T. II. 23. 28.

монашествующей братии. Но исторические обстоятельства сделали решение это ненавистным. Оно было встречено всеобщим недовольством. Раздались голоса — конституция поцрана; права нации нарушены; инквизиция у ворот, и вскоре она и здесь, как в Испании, введет свои кровавые суды! Народ с содроганием взирал на этих новых прислужников произвола и гонения. Дворянство видело, что в собрании штатов монархическая власть усилилась четырнадцатью мощными голосами и уничтожена главная опора национальной свободы — равновесие между королевской и гражданской властями. Прежние епископы скорбели об оскудении своих богатств и о сокращении своих округов; аббаты и монахи потеряли сразу и власть и доходы, а приобрели строгих блюстителей нравов. Знать и народ, светские люди и церковнослужители — все выступили против общего врага; и хотя каждый боролся за свои маленькие выгоды, казалось, что прогремел грозный голос патриотизма *.

Из провинций наиболее шумно сопротивлялся Брабант. Неприкосновенность церковного строя была одною из важнейших его привилегий, узаконенных примечательной льготною грамотой, так называемым «Радостным въездом»; нарушение статута освобождало нацию от обязанности повиноваться монарху. Напрасно сама высшая школа в Лувене доказывала, что в смутные для церкви времена привилегии, данные в спокойную пору, теряют свою силу. Введение новых епископств потрясло все здание народной свободы. Перешедшие к епископам прелатуры должны были теперь служить особой цели, а не заботиться о пользе провинции, чьими представителями они были. Свободные, патриотически настроенные граждане превращались в послушное орудие римского престола и архиепископа, который мог повелевать ими и как первый прелат Брабанта **. Свобода голосования исчезла, так как епископы, эти усердные соглядатаи короны, запугивали всех. Люди спрашивали: «Кто посмеет при таких надсмотрщиках возвысить голос в парламенте или

* Grot. 15 sq. Vita Vigl. T. II. 28 sq.

** В качестве настоятеля Афлигемского монастыря.

на их глазах отстаивать права нации против разбойничьих налетов правительства? Они вынюхают все об источниках доходов провинций и выдадут короне все тайны нашей свободы и нашей собственности. Они заградят путь ко всем почетным постам, а туда пролезут как приспешники; впредь места в парламенте будут занимать дети чужеземцев, и их продажными голосами будет управлять эгоизм их покровителей». А монахи прибавляли: «Это насилие — разрушать святыне молитвенные места и, презирая священную волю умирающих, жертвовать сокровищами, собранными в этих хранилищах благочестивыми жертвователями на пользу неимущих, ради вящей пышности этих епископов служить их роскоши и великолепию за счет ограбления нищих!» Не одни аббаты и монахи, к которым действительно пришла беда, страдали от сокращения своих прав: все семьи, питавшие хоть какие-нибудь надежды на то, что им или их потомкам достанутся церковные бенефиции, переживали крушение надежд, как будто оно уже совершилось; горе некоторых прелатов задевало интересы целых родов *.

Историки рассказывают нам, как осторожно действовал Вильгельм Оранский среди всей этой смуты, стараясь направить все эти противоречивые страсти к одной цели. По его наущению, жители Брабанта попросили себе у регентши особого ходатая и защитника, так как, к их несчастью, лишь у них одних из всех нидерландских подданных властитель и ходатай за них перед властью соединялись в одном лице. Конечно, выбор их мог пасть только на принца Оранского. Но Гранвелла удачно отвел их поползновения. «Кто займет эту должность, для того, надеюсь, будет памятно, что он разделяет власть над Брабантом с королем Испании», — сказал он в государственном совете **. Долгая задержка папского послания, вызванная недоразумением между римским и испанским дворами, дала недовольным время объединиться. В полной тайне снарядили чины Брабанта чрезвычайное посольство к

* Burgund. 55. 56. Vita Vigl. T. II. 24. Strada. 36.
** Strada. III. 80. 81.

Пию IV, чтобы самим устроить свои дела в Риме. Посланный получил от принца Оранского важнейшее рекомендательное письмо и значительную сумму, чтобы проложить себе путь к главе церкви. В то же время к испанскому королю было послано официальное послание от города Антверпена, в котором короля убедительнейше просили избавить этот процветающий торговый центр от нововведений. Граждане, говорилось в нем, знают, что намерения монарха превосходны и назначение новых епископов для поддержки истинной религии весьма полезно. Но иностранцев в этом не убедишь, а от них зависит процветание города. В таких случаях самые вздорные слухи не менее опасны, чем самые верные. Но первое посольство было во-время открыто и задержано регентшей. На второе городу Антверпену было отвечено, что «до личного прибытия короля» он будет избавлен от епископа *.

Пример Антверпена и его удача подвигли на сопротивление все остальные города, куда предполагалось назначить епископов. Это было убедительным доказательством той ненависти, которую возбуждала инквизиция, и единодушия между нидерландскими городами: они скорее готовы были отказаться от всех выгод, сопряженных с пребыванием у них епископов, чем поддержать своим согласием отвратительное судилище. Девентер, Рюремонд и Лэварден оказали стойкое сопротивление и достигли своего (1561). Но другим городам насильно навязали епископов, несмотря на все их возражения. Первыми отворили им ворота Утрехт, Гарлем, Сент-Омер и Мидделбург; их примеру последовали остальные города. Но в Мехельне и Герцогенбуше епископы были встречены не слишком почтительно. Когда Гранвелла совершал торжественный въезд в Мехельн, навстречу ему не вышел ни один дворянин. И торжество его не удалось, ибо оно совершалось в отсутствие тех, над кем он хотел торжествовать **.

Срок, в который испанские войска должны были

* Burgund. 60. 61. Meteren. 59. Vita Vigil. T. II. 9. 30. Strada. III. 78. 79. Thuan. II. 488.

** Vita Vigil. T. II. Recueil des Troubles des Pays-Bas p. Норпер. 24.

очистить страну, уже истек, однако не было заметно никаких приготовлений к их отбытию. Страна с ужасом узнала об истинной причине этой оттяжки, и, к несчастью, подозрение связало эту оттяжку с введением инквизиции. Отсрочка вывода этих войск не давала министру производить дальнейшие нововведения: она возбуждала бдительность и недоверие нации. Но вместе с тем он не спешил расстаться с этой мощной опорой; в стране, где все его ненавидели, в делах, вызвавших всеобщее сопротивление, она казалась ему необходимой. Наконец, всеобщий ропот вынудил регентшу к серьезному настоянию перед королем о выводе войск. Провинции, писала она в Мадрид, единодушно заявили, что, пока он не сдержит слова в этом вопросе, они не согласятся на требуемые чрезвычайные налоги. Она прибавляла, что мятеж грозит гораздо большей опасностью, чем нападение французских протестантов; что, если вспыхнет восстание в Нидерландах, войска будут не в силах подавить его, а в казне не хватит денег для найма других. Король всё еще пытался выиграть время, оттягивая свой ответ, и повторные представления регентши остались бы втуне, если бы, к счастью для провинций, после поражения, нанесенного ему турками, ему бы не понадобились эти войска для борьбы на Средиземном море. Он согласился, наконец, чтобы они вернулись: войска были посажены на суда в Зеландии (1561). Их отплытие вызвало ликование во всех провинциях *.

Между тем Гранвелла властвовал почти неограниченно в государственном совете. Он раздавал все должности — как светские, так и духовные; его мнение имело больший вес, чем соединенный голос всего собрания. Сама регентша повиновалась ему. Ему удалось устроить так, что самое назначение ее было ограничено лишь двумя годами — уловка, благодаря которой он держал ее в своей власти **. Более важные дела лишь изредка представлялись на обсуждение остальным членам совета, да и это было ни к чему, в сущности все уже было предрешено заранее: обсуждение было одной

* Strada. 61. 62. 63.

** Meteren. 61. Burgund. 37.

лишь формальностью. Если читалось королевское послание, Виглиус получал приказ выпустить места, подчеркнутые министром. Нередко случалось, что в переписке с Испанией раскрывались те слабости государства или опасения регентши, которые не собирались доводить до сведения членов совета, дабы не омрачать недоверием их преданность. Если же случалось, что члены совета брали верх над министром и упорно настаивали на мере, которую он не мог отклонить, он отсылал дело на усмотрение мадридского министерства; этим он во всяком случае выигрывал время, да и в поддержке Мадрида не могло быть сомнений *. За исключением графа Барлемона, президента Виглиуса и немногих других, все государственные советники были в сенате необязательными статистами, и обращением своим министр показывал, как мало он ценит их дружбу и преданность. Не удивительно, что люди, которые гордились вниманием к ним монархов и которых преданные им сограждане боготворили как кумиров своего отечества, с глубоким негодованием переносили высокомерие *плебея*. Многим из них Гранвелла нанес личное оскорбление. Принцу Оранскому было известно, что именно он расстроил его брак с принцессой Лотарингской и пытался расстроить другой его план — женитьбу на принцессе Саксонской. У графа Горна он отнял штатгальтерство в Гелдерне и Зютфене; он оставил за собой также одно аббатство, на которое рассчитывал граф Эгмонт для одного из своих родственников. Уверенный в своей силе, Гранвелла даже не считал нужным скрывать то презрение к знати, которое проявлял во всех своих действиях: лицемерия своего он удостоивал одного лишь Вильгельма Оранского. Если он действительно чувствовал себя свободным от всякого страха и всех требований приличия, то его губила самоуверенная гордость, и благодаря ей он погрешал против искусства государственного управления столько же, сколько и против скромности. При тогдашних условиях не было ничего худшего для правительства, чем пренебрежение дворянством. Следовало льстить его

* *Meteren*. 61.

склонностям, лукаво и незаметно вовлекать его в свои планы и при его же содействии подавлять свободу нации. А ныне это поправление свободы совсем некстати напоминало дворянству о его долге, о его достоинстве и силе, возбуждало его патриотизм, направляло необдуманно отвергнутую правительством энергию его честолюбия на истинно великие дела. Правительство нуждалось в рьяном содействии штатгальтеров для проведения указов о вере, не удивительно, однако, что они не очень-то старались помогать ему в этом. Напротив, весьма вероятно, что они слишком стремились тайно нагромождать препятствия и срывать мероприятия министра, чтобы неудача поколебала доверие к нему короля и сделала смехотворным его управление. Очевидно, умеренная горячность их рвения содействовала тем быстрым успехам, которые делала при Гранвелле реформация в Нидерландах, несмотря на все грозные эдикты. Опираясь на знать, Гранвелла мог бы презирать возмущение черни, которое бессильно разбивается о неколебимое подножие престола. Страдания *бюргера* долго проявлялись лишь в слезах и безмолвных вздохах, пока они не прорвались наружу под влиянием смелого примера *дворянства* *.

(1561—1562) Между тем с привлечением множества новых исполнителей расследования дел о вере продолжались с новой энергией, и законы против еретиков начали проводиться с неумолимой строгостью. Но время для успешного применения этого отвратительного лекарства уже прошло. Нидерландский народ был слишком развит для применения к нему столь грубых средств. Новую религию можно было истребить, лишь осудив на смерть всех ее приверженцев. Казни служили лишь соблазнительным доказательством превосходства еретиков, зрелищем их торжества, их лучезарной добродетели. Героическое величие, с которым они умирали, возбуждало страсть к вере, за которую они умирали: из крови *одного* убитого вырастал десяток новых последователей. Не только по городам и деревням, но и на больших дорогах, на кораблях и в телегах спорили о

* Grot. 8—14. Strada. 51.

почитании папы, о святых, о чистилище, об индульгенциях, говорили проповеди, обращали в новую веру. Из сел и городов устремлялись толпы, чтобы вырвать жертвы святого судилища из рук жандармов, и камни летели в представителей власти, дерзавшей внушить к себе почтение силой. Народ толпами ходил за протестантскими проповедниками, которых преследовала инквизиция; он на плечах вносил их в церкви и выносил из церквей, и с опасностью для собственной жизни укрывал их от гонителей. Первая провинция, которую охватило опьянение мятежа, была, как и опасались, валлонская Фландрия. В Турне прослыл за чудотворца французский кальвинист Лонуа, подкупивший несколько женщин, которые притворились больными и были исцелены им. Он проповедовал в лесах за городом, привлекая народ толпами и воспламеняя умы к восстанию. То же произошло в Лилле и Валансьене, но в последнем городе власти задержали апостолов. Казнь их оттягивали, а тем временем число их приверженцев так страшно возросло, что они могли бы вторгнуться в тюрьмы и отнять у правосудия его жертвы. Наконец, правительство ввело в город войска, которые восстановили спокойствие. Однако этот незначительный инцидент сразу снял покров таинственности, окутывавший вопрос о численности протестантов. Министр увидел, что количество их огромно. В одном Турне на проповеди их собралось до пяти тысяч, в Валансьене — немного меньше. Что же следовало ожидать от северных провинций, где свободы было больше, а правительство дальше и где соседство Германии и Дании умножало источники заразы? По одному мановению выступила из тени такая огромная масса. На сколько же больше было таких, которые в душе принадлежали к новой секте и только ждали благоприятной минуты, чтобы признаться в этом? *

Такое открытие крайне обеспокоило регентшу. Ее положение становилось тем затруднительней, что указы плохо исполнялись, казна опустела до такой степени, что пришлось установить новые налоги, на французской же

* Burgund. 53. 54. 55. Strada. L. III. 75. 76. 77. Dinot. de Bello civili Belgico. L. I. 25.

границе происходили подозрительные передвижения гугенотов. В то время регентше было приказано из Мадрида отправить две тысячи нидерландских всадников во Францию, к королеве-матери, которая, принужденная к этому религиозной войной, прибегла к помощи Филиппа Второго. Все, что касалось веры, — о какой бы стране ни шла речь, — было *личным* делом Филиппа. Он принимал его к сердцу так близко, как если бы речь шла о судьбе его дома. В таких случаях он всегда был готов жертвовать своим добром ради чужих интересов. Если и тут им руководило своекорыстие, то во всяком случае — королевское, величественное, и мы настолько же питаем уважение к смелой твердости его принципов, насколько осуждаем их гибельность.

Регентша возвестила государственному совету королевскую волю, которая встретила самое упорное сопротивление со стороны дворянства. Граф Эгмонт и принц Оранский заявили, что не время сейчас лишать Нидерланды войск, — напротив, следовало бы подумать о том, как собрать новые. Волнения в соседней Франции ежеминутно угрожают вторжением, внутреннее брожение в провинциях требует более чем когда-либо бдительности правительства. «До сих пор, — говорили они, — немецкие протестанты смотрели на борьбу своих единоверцев сложа руки. Но так ли будет обстоять дело, если мы усилим их врагов нашей помощью? Не вызовем ли мы их гнев против *нас самих* и не привлечем ли мы их войска в северные Нидерланды?» Почти весь государственный совет присоединился к этому мнению; доводы были убедительны, и возражать было трудно. Сама регентша и министр должны были почувствовать их справедливость, и, казалось, собственная выгода должна была бы заставить их отложить исполнение королевского приказа. В самом деле, разве удалить большую часть армии не значило отнять у инквизиции единственную опору? Не значило отдать себя безоружными и беспомощными на произвол строптивой знати в мятежной стране? В то время как регентша колебалась между королевской волей, настойчивыми убеждениями своих советников и собственным страхом, не решаясь принять какое-либо окончательное решение, встал Вильгельм

Оранский и предложил созвать генеральные штаты. Для авторитета королевской власти не было более смертельного удара, чем обращение к нации: в такую минуту это было соблазнительным напоминанием о ее могуществе и о ее правах. От министра не ускользнула грозившая ему опасность; он дал герцогине знак прервать обсуждение и распустить собрание. «Правительство нанесло бы себе величайший ущерб, согласившись на собрание чинов,— писал он в Мадрид.— Такой шаг опасен всегда, так как он толкает нацию на соблазн обсуждать права короны и ограничивать их. Теперь же он трижды неуместен! Ныне дух мятежа уже распространился повсеместно; аббаты, недовольные потерей своих доходов, пойдут на все, чтобы подорвать власть епископов; вся знать и все уполномоченные городов находятся в руках принца Оранского, и недовольные могут вполне рассчитывать на содействие нации». Это представление, которому по крайней мере нельзя было отказать в убедительности, произвело ожидаемое действие на ум короля. Последовала резолюция: собрание штатов отвергнуть раз навсегда, возобновить преследование еретиков со всею строгостью, заставить регептшу спешно отправить требуемые войска.

Но государственный совет не сдавался. От него удалось добиться только одного: вместо воипской помощи королеве-матери послали деньги, что было ей в ту пору всего приятнее. А чтобы обмануть нацию хотя бы тенью республиканской свободы, пригласили штатгальтеров провинций и рыцарей Золотого руна на чрезвычайное собрание в Брюсселе, чтобы посоветаться о ныне существующих опасностях и нуждах государства. Президент Виглиус изложил существо вопросов, подлежавших обсуждению, и дал три дня на обдумывание. За это время принц Оранский собрал приглашенных в своем дворце и доказал им необходимость собраться еще раз *перед* заседанием и сообща наметить меры, которые следует принять в связи с существующей для государства опасностью. Многие приняли это предложение. Только Барлемон с некоторыми приверженцами кардинала Гранвеллы решился выступить на совещании в пользу короны и министра. «Вам не

подобает вмешиваться в дела правления, — сказал он, — это предварительное голосование есть противозаконное и наказуемое деяние, в котором я не хочу быть повинным». После такого заявления собрание закончилось ничем *. Регентша, уведомленная графом Барлемоном об этом случае, так ловко сумела занять рыцарей во время их пребывания в городе, что им не оставалось времени для дальнейшего стовора. Однако в этом собрании, с ее согласия, было решено, чтобы Флорентий Монморанси, сеньор Монтиньи, поехал в Испанию, дабы рассказать королю о положении дел. Но регентша сначала отправила в Мадрид тайного посланца, который должен был заблаговременно уведомить короля обо всем, что произошло на собрании между принцем Оранским и рыцарями. В Мадриде фламандского депутата осыпали пустыми заявлениями о королевском благоволении и его отеческой заботливости о Нидерландах, а регентше был дан приказ всячески препятствовать тайным стоворам дворян и по возможности сеять раздор между наиболее влиятельными **.

Многие вельможи уже давно не ладили между собой из-за соперничества, личных выгод и различия религий. Но теперь их толкнуло друг к другу пренебрежительное отношение к ним со стороны правительства и общая их ненависть к министру. Пока граф Эгмонт и принц Оранский добивались главного штатгальтерства, они неизбежно *сталкивались* между собой на избранных ими путях к одной и той же цели. Оба встретились на пути к славе и у подножия *престола*; пути их скрещивались и в *республике*, где они стремились к одной и той же награде — к благосклонности своих сограждан. Столь противоположные характеры должны были, наконец, разойтись. Но их вскоре снова объединило сильное чувство солидарности в общей беде. Они стали необходимы друг другу. Необходимость привела их к союзу, который не мог бы возникнуть между ними по влечению сердец ***. Регентша строила свои расчеты именно на

* Burgund. 63. 65. Vita Vigil. T. II. 25. 26. Strada. 82.

** Strada. L. III. 83.

*** Burgund. 45. Strada. 83. 84.

несходстве их характеров. Если бы ей удалось разъединить этих мужей, она разбила бы все нидерландское дворянство на две партии. Она старалась подарками и мелкими знаками внимания возбудить зависть к ним остальной знати. Делая вид, что она отдает предпочтение графу Эгмонту перед принцем Оранским, она надеялась посеять в последнем подозрение в преданности его товарища. Случилось так, что именно тогда ей пришлось снарядить чрезвычайного посланника на императорские выборы во Франкфурт. Она избрала самого отъявленного врага принца, герцога Аршота, как бы затем, чтобы показать, как щедро награждается ненависть к Вильгельму Молчаливому.

Но партия Оранского не уменьшилась; напротив, она получила существенное подкрепление в лице графа Горна, который сопровождал короля в Бискайю в качестве адмирала нидерландского флота, а теперь снова вошел в государственный совет. Беспокойный республиканский дух Горна соответствовал отважным замыслам Оранского и Эгмонта, и вскоре эти три друга составили опасный триумvirат, который подорвал королевскую власть в Нидерландах, но кончился для всех трех по-разному.

(1562) Тем временем, исполнив свою миссию, возвратился Монтиньи и передал государственному совету благоволение монарха. Но принц Оранский получил известия из Мадрида через собственных тайных агентов. Эти известия во всем противоречили докладу Монтиньи и заслуживали гораздо большего доверия. Из этих источников он узнал о всех кознях Гранвеллы у короля против него самого и против его друзей, а также подлинные определения, которые были там даны поведению нидерландского дворянства. Вильгельм Оранский понял, что ничего нельзя предпринять, пока министр не будет устранен от кормила правления,— и как ни отважен и необычен был этот замысел, он занял его теперь целиком. Вильгельм и графы Горн и Эгмонт решили направить королю от имени всей знати общее послание с открытыми обвинениями министра и с настойчивым требованием его удаления. Герцог Аршот, которому граф Эгмонт сообщил это предложение, отверг его,

надменно заявив, что он не намерен получать приказаний ни от Эгмонта, ни от Оранского, что он не может пожаловаться на Гранвеллу, что, наконец, он считает дерзостью предписывать королю, как он должен обходиться с министрами. Подобный же ответ получил Оранский от графа Аремберга. То ли пустили корни семена подозрения, посеянные регентшей между дворянами, то ли страх перед могуществом министра перешибил отвращение к его управлению, но вся знать робко и нерешительно отступила перед этим предложением. Но не удавшаяся попытка не обескуражила трех вождей; послание было составлено (1563), и они подписались под ним*.

В этом послании Гранвелла был представлен как главный виновник всей смуты в Нидерландах. Вожди заявили, что, пока высшая власть будет находиться в столь преступных руках, они не смогут усердно служить нации и королю, и, наоборот, все придет в прежнее равновесие, все распри прекратятся и народ опять полюбит правительство, как только его величество соблаговолит удалить этого человека от кормила государства. В этом последнем случае, прибавляли писавшие, у них хватит рвения и влияния, чтобы поддержать в стране то уважение к авторитету короля, ту чистоту веры, которые дороги для них не меньше, чем для кардинала Гранвеллы**.

В какой бы тайне ни было отправлено послание, герцогиня во-время узнала о нем. Чтобы ослабить возможное, хотя и мало вероятное, влияние его на короля, она поспешно препроводила в Мадрид другое послание. Ответа не было несколько месяцев. Наконец, ответ пришел — мягкий, но неопределенный. Он гласил: «Король не привык осуждать своих министров по обвинению их врагов, не выслушав их. Естественная справедливость требует, чтобы обвинители кардинала перешли от общих жалоб к отдельным доказательствам, и если им нежелательно сделать это пись-

* Strada. 85. 86.

** Burgund. L. I. 67. Hopper. 30: Strada. 87: Thuan. Pars II. 489.

менно, то пусть один из них пожалует в Испанию, где он будет встречен с подобающими почестями» *. Кроме этого общего ответа всем трем, граф Эгмонт получил еще собственноручное письмо короля, который выражал желание подробно узнать от него обо всем, чего общее послание касалось лишь в общих чертах. И регентше также было строжайше предписано, что отвечать всем трем вместе и что графу Эгмонту в отдельности. Король понимал людей, с которыми он имел дело. Он знал, как и насколько легко воздействовать на графа Эгмонта, если иметь дело с ним одним: оттого-то королю хотелось привлечь его в Мадрид, где он не находился бы под влиянием более сильного ума. Даря его столь лестными знаками своего доверия, в отличие от двух остальных друзей, Филипп хотел поставить трех вождей в *неодинаковое* положение перед престолом: после этого как могли бы они одинаково ревностно работать для одной и той же цели, если их требования стали бы уже различны? На этот раз бдительность Оранского расстроила план, но в дальнейшем мы увидим, что посеянные тут семена не совсем заглохли **.

(1563) Трое союзников не были удовлетворены ответом короля; они осмелились сделать новую попытку. Их немало удивило, — писали они, — что его величество обратил столь мало внимания на их представление. Они отправили то послание не как обвинители министра, а как советники его величества, обязанные извещать его о положении его государства. Они не желают министру зла; напротив, они были бы рады видеть его довольным и счастливым во всяком *другом* месте, только не в Нидерландах. Но они вполне убеждены, что его присутствие совершенно несовместимо со всеобщим спокойствием. Нынешнее опасное положение их отечества не позволяет никому из них отлучаться и из-за Гранвеллы предпринимать далекое путешествие в Испанию. Если же его величеству не угодно снизойти на их *письменную* просьбу, то они надеются, что он избавит их впредь от

* Vita Vigl. T. II. 32. 33. Burgund. 68. Grot. 16.
** Strada. 88.

посещения сената, где их ожидает лишь неприятность встретить министра, не принося пользы ни королю, ни государству и заставляя презирать себя самих. В заключение они просили не посетовать на их неприкрашенную прямоту: люди их склада предпочитают хорошие поступки красным словам *. То же значилось в специальном письме графа Эгмонта, который благодарил короля за собственноручное послание. На это второе послание последовал такой ответ: их представления будут приняты во внимание, а пока их просят попрежнему посещать государственный совет.

Было очевидно, что монарх вовсе не думает исполнить их просьбу; поэтому они перестали посещать государственный совет и даже покинули Брюссель. Им не удалось избавиться от министра законным путем — и они попытались тогда прибегнуть к другому, более надежному, способу. Они и их приверженцы на каждом шагу открыто выказывали кардиналу презрение, которое питали к нему, и высмеивали все его действия. Они решили терзать высокомерие этого человека столь унижительным обращением и, быть может, под влиянием уязвленного самолюбия получить то, чего не удавалось добиться другим путем. *Этого* они, правда, не добились, но избранный ими путь все же привел к низвержению министра.

Голос народа громче поднялся против Гранвеллы, как только стало известно, что он пренебрег добрыми советами знати и что люди, которых слепо обожала толпа, уже высказали свое презрение к нему. Унижительное обращение дворянства с министром как бы выставляло его на всеобщий позор и оправдывало то поругание его чести, которое не щадит ничего святого. Новый строй церкви, внушивший такой ужас нации, был главною причиною возвышения Гранвеллы — и этого ему не могли простить. Каждое новое зрелище казней, на которые были так щедры рьяные инквизиторы, распространяло ненависть к нему; наконец, вошло в обычай связывать всякое бедствие с его именем. Чужой в стране, которой он был навязан насильно,

* Vita Vigl. T. II. 34. 35.

один среди миллионов врагов, неуверенный во всех своих действиях, слабо поддерживаемый далеким королем, связанный с нацией, которую он должен был привлечь к себе, посредниками, открыто предававшими его, людьми, прямая выгода которых состояла в том, чтобы представлять в искаженном виде его действия, наконец, приставленный к женщине, которая не могла разделять с ним тяжесть всеобщих проклятий, — так стоял Гранвелла лицом к лицу с ненавистью, видя перед собой неблагодарность, пристрастие, зависть и бушевавшие страсти порвавшего узду, расходившегося народа! Замечательно, что возбужденная им ненависть была несоизмерима с обвинениями, которые можно было возвести на него: его обвинителям было трудно, даже невозможно, оправдать точными доводами тот приговор, который они вынесли ему. И до и после него фанатизм приносил жертвы на своем алтаре, и до и после него текла кровь граждан, попирались человеческие права и людей делали несчастными. При Карле V тирания должна была чувствоваться сильнее — ведь она была еще внове. При герцоге Альбе она дошла до последних пределов, так что правление Грапвеллы должно было казаться милостивым сравнительно с действиями его преемника. Между тем нет сведений о том, что современники питали к Альбе столь личную злобу и презрение, какие выпали на долю его предшественника.

Чтобы прикрыть его низкое происхождение блеском высокого сана и защитить его от злобы врагов представлением ему высочайшего звания, регентша добилась для него в Риме сана кардинала. Но именно этот сан, сближавший министра с римским двором, окончательно отчуждал его от провинций. Пурпур стал для Брюсселя новым преступлением, и ненавистное одеяние разоблачало те побуждения, которыми кардинал был намерен руководиться в будущем. Его не могли спасти от насмешек ни почетный сан, который нередко освящает самого гнусного плута, ни высокий пост, ни выдающийся талант, ни даже страшное могущество, которое подтверждалось ежедневно столь кровавыми доказательствами. В отношении к этому человеку противоестест-

венно соединялись страх и насмешка, ужас и ирония *. Отвратительные слухи пятнали его честь. Ему приписывали злодейские замыслы на жизнь Эгмонта и Оранского; верили в невероятное; самые чудовищные вещи никого не поражали, если их приписывали *ему* или они исходили от *него*. Нация уже дошла до той степени исступления, когда сливаются самые противоположные чувства, исчезают тонкие границы приличия и нравственной чуткости. Вера в необычайное преступление почти всегда служит несомненным признаком, что оно вскоре совершится **.

Однако в странной судьбе этого человека есть что-то великое, возвышенное, что вызывает восхищение беспристрастного наблюдателя. Перед нами нация, которую не мог ослепить никакой блеск, не мог остановить никакой страх: она упорно, неумолимо и единодушно, без всякого сговора, проклинает насильственное название этого чужеземца, ставшее оскорблением ее достоинства. Мы видим его всегда одиноким, всегда обособленным, подобно инородному, чуждому телу, плавающему по поверхности, которая не хочет принять его. Даже могучая рука монарха, его друга и защитника, не могла поддержать его против воли народа, который решился раз навсегда оттолкнуть его от себя; голос народа столь грозен, что само своекорыстие бросает верную добычу, что благодеяния его проклинаются как плоды проклятого дерева. Позор всеобщего отвержения окружает его словно чумное дыхание. Он не знает благодарности. Его избегают даже приверженцы, а

* По предложению графа Эгмонта, знать одела своих слуг в одинаковую ливрею, на которой был вышит дурацкий колпак. Весь Брюссель принял последний за кардинальскую шапку, и каждое появление такого слуги возбуждало хохот. Потом этот колпак, вызвавший неудовольствие двора, был заменен связкой стрел — шутка, которая имела серьезные последствия и, вероятно, легла в основу герба республики (*Vita Vigil.*, T. II, 35; *Th u n.*, 439). Кардинал, наконец, до того потерял уважение в глазах народа, что ему публично сунули в руки гравюру сатирического содержания, где он был изображен сидящим на яйцах, из которых вылупляются епископы, а над ним летит черт с надписью: «Се есть сын мой: слушайте его!» (*A. G. d. v. N.* III. 40).

** Норрег. I. I. 35.

друзья молчат. Так страшно мстила нация могущественнейшему монарху на земле за свою знать, за оскорбление своего величия.

В истории только раз повторился этот достопамятный пример — в лице Мазарини, но он соответствовал духу иного времени и иной нации. Оба кардинала не могли оградить высшую власть от осмеяния. Но Франция уже чувствовала облегчение, когда смеялась над «панталонами» Мазарини, в Нидерландах же насмешка привела к восстанию. Французы вдруг почувствовали себя непривычно свободными после долгого правления Ришелье; нидерландцы же перешли от долгой прирожденной свободы к незнакомому рабству; естественно, что Фронда кончилась новым подчинением, а нидерландская смута — восстанием и республиканской свободой. Возмущение парижан было порождением нищеты: оно было разнузданным, но не смелым; упрямым, но не настойчивым; низким и неблагородным, как породивший его источник; ропот нидерландцев был гордым и могучим голосом богатства. *Тех* воодушевляли злоба и голод, *этих* — месть, собственность, жизнь и религия. Мазарини подстрекала алчность, Гранвеллу — властолюбие; тот был человечен и мягок, этот — суров, повелителен, жесток. Французский министр прибегал к благосклонности своей королевы против ненависти вельмож и ярости народа, нидерландский вызвал ненависть всей нации, угождая одному-единственному лицу. Против Мазарини поднялись лишь *партии* да вооруженная ими чернь, против Гранвеллы — *вся нация*. Там парламент пытался добиться власти, ему не принадлежавшей; здесь он боролся за свою законную власть, которую министр стремился коварно уничтожить. Тот боролся с принцами крови и пэрами королевства точно так же, как этот — с родовитой знатью и чинами. Но французы старались уничтожить своего общего врага лишь с тем, чтобы самим стать на его место, в то время как цель нидерландцев состояла в том, чтобы упразднить самый пост министра, искоренить ту власть, которою не должен обладать неограниченно один человек.

В то время как дела приняли в народе такой оборот, положение министра при дворе регентши пошатнулось.

Вечные жалобы на *его* власть должны были, наконец, показать ей, как мало думают об *ее* власти. Кроме того, она, быть может, еще боялась, как бы всеобщее отвращение к нему не коснулось и ее или как бы его долгое правление не привело, наконец, к угрожавшему восстанию. Отношения с ним, его наставления и пример сделали ее, наконец, способной управлять и без него. Его авторитет начинал подавлять ее по мере того, как он становился все менее необходим ей. Его недостатки, которые не замечались, пока она к нему благоволила, становились заметнее при охлаждении. Прежде она их покрывала, а теперь старалась подмечать, улавливать и перечислять их. Поскольку она уже была столь неблагоклонно настроена к кардиналу, на нее, наконец, стали производить впечатление настойчивые представления знати, тем более что они искусно возбуждали в ней чувство страха. Граф Эгмонт говорил ей между прочим: «Все удивляются, как это король допускает, чтобы его нидерландские подданные страдали из-за человека, даже не нидерландца, счастье которого, как известно, вовсе не связано с благом этих земель, — страдали из-за чужака, который по рождению — подданный императора, а по пурпуру — креатура римского двора». Граф прибавлял, что «ему одному Гранвелла обязан жизнью; но впредь он предоставляет эту заботу регентше, о чем и предупреждает ее». В то же время большая часть знати, которой стало нестерпимо пренебрежительное отношение к ней, мало-помалу вышла из государственного совета, и министерский произвол оказался лишенным последних следов республиканизма, смягчавших его до тех пор: *пустыня в сенате* обнажала надменное господство министра во всей отвратительной наготе. Регентша почувляла над собой господина — и с этой минуты изгнание министра было предрешено.

Она послала в Испанию своего тайного секретаря Томаса Армантероса, чтобы открыть глаза королю на положение кардинала, передать ему все упомянутые заявления знати и, таким образом, заставить его самого решиться на изгнание. Чего она не могла доверить письму, то Армантерос должен был искусно вплести в свой устный доклад, которого король, по всей вероятно-

сти, потребует от него. Армантерос выполнил свое поручение с ловкостью настоящего царедворца. Однако четырехчасовая аудиенция не могла разрушить дела многих лет — уничтожить мнение о министре, сложившееся в уме Филиппа и укоренившееся навеки. Долго колебался монарх между государственными соображениями и предубеждением, пока Гранвелла сам не помог ему, попросив отставку из опасения, что она для него неизбежна. То, чего нельзя было достигнуть под влиянием отвращения всей нидерландской нации, совершилось благодаря пренебрежению знати: министру надоела, наконец, власть, которая уже не внушала страха и не столько вызывала зависть, сколько навлекала на него позор. Быть может, он дрожал и за свою жизнь, как думали некоторые; и она действительно подвергалась опасности. А может быть, ему хотелось получить отставку как дар, а не по приказу короля, и, по примеру древних римлян, с *достоинством* перенести падение, которого уже нельзя было избежать. Повидимому, и сам Филипп решил, что лучше именно теперь великодушно снизойти к просьбам нидерландской нации, чем потом уступить требованию; в этом случае шаг, вынужденный необходимостью, заслужил бы по крайней мере благодарность подданных. Страх его оказался сильнее упрямства: его гордость была побеждена рассудком.

Гранвелла ни минуты не сомневался в решении короля. Через несколько дней после возвращения Армантероса он увидел, как лицемерная покорность исчезает и с тех немногих лиц, которые еще раболепно улыбались ему; исчезали последние следы суетливости продажных слуг, вертевшихся вокруг него. Его порог опустел: он понял, что животворящая теплота испарилась из атмосферы, окружавшей его личность. Клевета, чернившая его на протяжении всего его правления, не щадила его и при уходе. Уверяли, что незадолго до отставки он будто бы искал примирения с принцем Оранским и графом Эгмонтом, даже готов был просить у них прощения на коленях, если бы они согласились простить ему *. Мелочно, отвратительно чернить память

* Reidan. 4.

выдающегося человека подобными сплетнями; еще более отвратительно, мелочно передавать их потомству. Гранвелла подчинился королевскому приказу со спокойным достоинством. Уже за несколько месяцев до этого он писал в Испанию герцогу Альбе, чтобы тот приготовил ему убежище в Мадриде на случай, если ему придется покинуть Нидерланды. Герцог долго не мог решить, что более благоразумно — привлечь в Мадрид такого опасного соперника на соискание королевских милостей или оттолкнуть от себя столь влиятельного друга, столь важное, ценное орудие мести в его старой борьбе с нидерландскими вельможами. Месть победила в его душе страх, и он энергично поддержал перед монархом просьбу Гранвеллы. Но его ходатайство не помогло. Армантерос убедил короля, что пребывание министра в Мадриде умножит жалобы нидерландской нации, из-за которых его принесли в жертву. Будут думать, что теперь он станет отравлять уже не ручьи, а самые истоки их. Филипп послал Гранвеллу на его родину, в графство Бургундию, для чего нашелся и приличный предлог. Кардинал представил свой отъезд из Брюсселя как небольшое путешествие, из которого он возвратится через несколько дней. Но в то же время все государственные советники, добровольно удалившиеся во время его правления, получили от двора приказ снова явиться в сенат, в Брюссель. Это обстоятельство делало возвращение министра маловероятным, и все расценили его слова как жалкую выдумку. Тем не менее даже намек на возможность этого возвращения омрачал то ликование, с которым был встречен его отъезд. Казалось, сама регентша не знала, насколько верить этому слуху. Она напоминала королю в новом письме обо всех представлениях и доводах против возвращения кардинала. Гранвелла же старался в письмах к Барлемону и Виглиусу распространить этот слух и держать в страхе своих врагов хотя бы ложной угрозой, раз уж он не мог мучить их своим присутствием. А страх перед влиянием этого человека был так велик, что его изгнали, наконец, и из пределов собственной его родины.

Когда умер Пий IV, Гранвелла съездил в Рим, чтобы присутствовать при папских выборах и кстати испол-

нить некоторые поручения своего государя, который доверял ему попрежнему. Вслед за тем Филипп сделал его вице-королем Неаполя. Там Гранвелла поддался соблазнам; дух, который не могли сломить никакие превратности судьбы, поддался сладострастию. Ему было шестьдесят два года, когда король снова призвал его в Испанию, где он продолжал вести итальянские дела, неограниченный в своей власти. Угрюмая старость и самодовольная гордость шестидесятилетнего правителя превратили его в сурового и несправедливого судью чужих мнений, в раба предрассудков, в надоедливого восхвалителя старых времен.

Но искусство государственного управления уходящего века не перешло к веку восходящему. Молодежи в новом министерстве вскоре надоед столь властный надзиратель, и сам Филипп начал избегать советника, который восхвалял лишь деяния его отца. Несмотря на это, он доверил ему, наконец, свои испанские земли, когда завоевание Португалии потребовало присутствия короля в Лиссабоне. Гранвелла умер в Италии, на пути в Мантую, семидесяти трех лет от роду, в блеске своей славы: он сорок лет *беспрерывно* пользовался доверием своего короля*.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Тотчас же после отъезда министра сказались те хорошие последствия, которых ожидали от его удаления. Недовольные вельможи снова заняли свои места в государственном совете и принялись за дела с удвоенным рвением. Они не хотели дать никакого повода для сожалений об изгнанном, рассчитывая доказать его ненадобность, удачно управляя государством. Все теснились вокруг герцогини. Каждый старался превзойти другого в угодливости, покорности, в служебном рвении; работа затягивалась до глубокой ночи; водворилось полнейшее согласие между всеми тремя куриями, завязывались наилучшие отношения между двором и чинами. Всего

* Strada. Dec. I. L. III. IV. p. 88—98.

можно было добиться от добродушной нидерландской знати, стоило только польстить ее упрямству и гордости доверием, уступчивостью и снисходительностью. Регентша воспользовалась первыми радостями нации, чтобы выманить ее согласие на некоторые налоги, которые не удавалось вынудить при прежнем управлении. Тут ее сильно поддержало большое доверие, которым пользовалась знать у народа. Она быстро открыла тайну этой нации, столь знакомую имперскому сейму Германии, а именно, что нужно только требовать *по-больше*, чтобы получить кое-что. Сама она с удовольствием замечала, что избавилась от долгого рабства. Соревнование дворян в усердии облегчало ей бремя трудов, а их льстивая покорность давала ей чувствовать всю сладость власти *.

(1564) Гранвелла был низвергнут, но еще не ушли его приверженцы. Его политика продолжала жить в его креатурах, которых он оставил в тайном и финансовом советах. Ненависть еще тлела среди партий, хотя вождь был уже давно изгнан, и названия оранжистов и королевцев, патриотов и кардиналистов все еще разделяли сенат и поддерживали пламя раздоров. Виглиус ван Зюйхем Айттский, президент тайного совета, государственный советник и хранитель печати, считался теперь первым человеком в сенате, могущественнейшею опорой короны и тиары. Этому почтенному старцу мы обязаны некоторыми драгоценными вкладами в историю нидерландского восстания: его тайная переписка с друзьями нередко служила нам руководством в этом повествовании. Он был одним из главных законовевов своего времени, а также богословом и священником и занимал важнейшие должности уже при императоре. Сношения с ученейшими людьми, украшавшими тот век, с Эразмом Роттердамским во главе, а также частые путешествия по делам императора расширили круг его познаний и опыт, и во многих отношениях он умственно стоял выше своего времени. Слава о его учености держалась целый век и передала его имя потомству. Когда

* Нопер. 38. Burgund. 78. 79. Strada. 95. 98. Grot. 17.

в 1548 году на Аугсбургском сейме было провозглашено объединение Нидерландов с Немецкою империей, Карл V послал туда этого государственного мужа вести дело провинций, и преимущественно благодаря его искусству переговоры кончились в пользу Нидерландов *. По смерти императора Виглиус оказался в числе тех, кто был завещан Филиппу, и одним из немногих, в лице которых король почтил память отца. Успех министра Гранвеллы, с которым Виглиус был связан старыми отношениями, способствовал также и его повышению. Но он не пал вместе со своим благодетелем, так как не разделял ни его властолюбия, ни его ненависти. Двадцатилетнее пребывание в провинциях, где ему вверялись важнейшие дела, самая испытанная преданность монарху и самая ревностная приверженность к католической вере делали его превосходнейшим орудием монархии в Нидерландах **.

Виглиус был ученый, но не мыслитель, опытный деятель, но не просвещенный ум. Ему недоставало мужества, чтобы, подобно другу его Эразму, разорвать путы ложных взглядов, но он не был и настолько развращен, чтобы превратить их в орудие своих страстей, как его предшественник Гранвелла. Слишком слабый и нерешительный, чтобы следовать смелым внушениям собственного разума, он следовал более удобному для совести пути: справедливо было то, что вменялось ему в обязанность. Он принадлежал к числу тех честных людей, которые необходимы для негодяев: обман рассчитывал на его честность. Полвека спустя его обесмертила бы та свобода, подавлению которой он ныне содействовал. В брюссельском тайном совете он служил тирании; в лондонском парламенте или в амстердамском сенате он был бы, пожалуй, Томасом Мором или Ольден-Барневельдом.

У патриотов был другой, не менее страшный, враг — президент финансового совета граф Барлемон. Историки сохранили нам мало сведений о заслугах и образе мыслей этого человека; его затмило ослепительное величие

* A. G. d. v. N. II часть 563, и след.

** Vita Vigl.

предшественника, кардинала Гранвёллы, а когда тот сошел со сцены, его подавило превосходство противной партии. Но то небольшое, что мы знаем о нем, рисует его характер в благоприятном свете. Принц Оранский не раз старался оторвать его от кардинала и привлечь на свою сторону — достаточное доказательство того, как он ценил такое приобретение. Все его попытки не имели успеха — доказательство, что он имел дело не со слабым характером. Не раз Барлемон один выступал в совете против сильной партии и отстаивал против всех уже погибавшее дело короны. Когда принц Оранский собрал у себя рыцарей Золотого руна, чтобы заранее решить вопрос об отмене инквизиции, Барлемон первый осудил этот поступок как незаконный и первый же сообщил об этом регентше. Некоторое время спустя принц спросил его, знает ли регентша о том собрании, и он, не задумываясь, сказал ему правду. Все его действия, которые нам известны, рисуют его как человека, которого не могли соблазнить ни примеры других, ни страх людской: он с твердостью и непоколебимым упорством оставался верен партии, которую раз избрал, а гордость и деспотизм мышления не позволяли ему примкнуть к иной *.

К приверженцам короля в Брюсселе были причислены еще герцог Аршот и графы Мансфельд, Меген и Аремберг — все трое по происхождению нидерландцы и, казалось, призванные наравне с остальной нидерландскою знатью противодействовать иерархии и монархическому произволу в своем отечестве. Непонятно, почему они действовали иначе, тем более что они были дружны с самыми именитыми членами партии и относились отнюдь не безучастно к общему тяжелому положению отечества. Но они не имели достаточно твердости и мужества, чтобы отважиться на неравную борьбу с более сильным противником. С трусливой расчетливостью они подчинили требованиям необходимости свое справедливое недовольство и принесли в жертву свою *гордость*, потому что их изощренное *тщеславие* было неспособно принести другую. Эти господа были слишком расчетливы и премудры, чтобы вынудить

* Strada. 82. 83. Burgund. 91. 168. Vita Vigl. 40.

у своего государя, как дар справедливости или страха, те материальные блага, которыми они пользовались по его доброхотному великодушию, или чтобы отдать *действительное* благополучие для спасения *тени* иного счастья: они предпочли воспользоваться удобной минутой, чтобы поторговать своею верностью, которая тогда поднялась в цене ввиду всеобщего отпадения знати. Равнодушные к истинной славе, при решении вопроса о том, на какую сторону им стать, они исходили из соображений честолюбия. Мелкое честолюбие скорее подчиняется тяжелому игу насилия, чем мягкому господству более сильного ума. Невелика была выгода пойти за принцем Оранским, а союз с его величеством делал их его страшными противниками. Там, среди большой свиты и в блеске их соперника, их имя терялось, на покинутой стороне королевской власти их жалкие заслуги выступали в ярком свете.

Роды Нассау и Кюра (к последнему принадлежал герцог Аршот) уже при многих правителях соперничали между собой по части влияния и сановитости. Это соперничество поддерживало их старую родовую ненависть, которая стала непримиримой из-за различия религий. Дом Кюра с незапамятных времен славился своим благочестием и папистской святостью, а графы Нассауские стали на сторону нового учения,— достаточная причина, чтобы Филипп Кюра, герцог Аршот, предпочел партию, наиболее враждебную принцу Оранскому. Двор не преминул извлечь выгоду из этой личной ненависти и противопоставил столь серьезного врага возраставшему значению Нассауского дома в республике. Графы Мансфельд и Меген были сначала задушевными друзьями графа Эгмонта. Они вместе с ним поднимали голос против министра, сопротивлялись инквизиции и указам и честно держались с ним до этого мгновения, до последнего рубежа своего долга. Но теперь, на опасном распутье, эти три друга разошлись. Безрассудная добродетель Эгмонта неудержимо влекла его на путь гибели: его друзья, получив предупреждение, начали во-время подумывать о почетном отступлении. До нас дошли письма, которыми обменялись графы Эгмонт и Мансфельд. Хотя они и написаны позднее,

в них правильно отражено тогдашнее положение дел. Эгмонт дружески упрекал Мансфельда за переход на сторону короля. Тот отвечал другу: «Если я прежде считал, что общее благо требует отмены инквизиции, смягчения указов и удаления кардинала Гранвеллы, то ведь теперь король удовлетворил наши желания и причины для нашего недовольства устранены. Мы и так слишком много действовали против его величества и авторитета церкви; давно пора остановиться, чтобы при появлении короля мы могли выйти ему навстречу с открытым челом, без чувства страха. Я лично не боюсь его немилости: я со спокойным духом отправился бы в Испанию по его мановению и доверчиво ожидал бы приговора, который будет продиктован его справедливостью и добротой. Говорю так не потому, чтобы сомневался, что граф Эгмонт скажет иначе. Но, по моему мнению, граф Эгмонт поступил бы мудро, если бы больше думал о своей безопасности и устранил подозрения в отношении своих поступков». В заключение читаем: «Если я узнаю, что он внемлет моим предостережениям, наша дружба сохранится; если же нет, то я чувствую в себе достаточно решимости, чтобы принести все человеческие отношения в жертву долгу и чести» *.

Рост могущества знати подвергал республику едва ли не большей опасности, чем та, от которой она избавилась с изгнанием министра. Дворяне обеднели в погоне за роскошью, которая испортила и их нравы, и так свыклись с этой роскошью, что уже не могли от нее отказаться. Теперь они стояли перед соблазном воспользоваться случаем, чтобы удовлетворить свое растущее властолюбие и вернуть себе изменившее им счастье. Расточительность приводила к алчности, алчность — к продажности. Светские и духовные должности продавались; почести, привилегии, патенты предлагались за деньги тому, кто больше даст; торговали даже правосудием. Кого осуждал тайный совет, того оправдывал государственный совет; в чем отказывал первый, того добивались за деньги во втором. Правда, государственный совет сваливал потом это обвинение на две другие

* Strada. 159.

курии, но последние заражались его же примером. Изобретательная алчность открывала новые источники доходов. Жизнь, свобода, религия страховались за известную сумму, как поместья; за деньги освобождались убийцы и злодеи, и нацию грабили лотереями. Невзирая на чины и заслуги, давали важнейшие должности слугам и креатурам государственных советников и штатгальтеров провинций. Кто хотел выпросить что-нибудь у двора, должен был действовать через регентшу и ее ничтожнейших слуг. Пускались в ход всевозможные соблазны, чтобы вовлечь в распутство тайного секретаря герцогини Фому Армантероса, до тех пор человека незапятнанного и правдивого. Лицемерными изъявлениями преданности и дружбы сумели втереться к нему в доверие и жизненными соблазнами заставили его нарушить свои правила. Пагубный пример подействовал заражающе на его нравственность, и новые потребности одержали верх над его дотоле неподкупной добродетелью. Теперь он стал слеп к злоупотреблениям, соучастником которых оказался сам. Он набрасывал покров на чужие преступления, чтобы скрыть свои собственные. С его ведома и согласия происходил грабеж королевской казны и, извращая намерения правительства, дурно распоряжались ресурсами. А регентша предавалась сладким иллюзиям насчет своей мнимой власти и деятельности, иллюзиям, которые вельможи искусственно поддерживали в ней своей лестью. Честолюбие партий играло на слабостях женщины. Она продавала свою действительную власть за внешний этикет и за проявление угодливой видимости подчинения. Вскоре герцогиня совсем предалась партии и незаметно изменила свои убеждения. В противоположность своему прежнему образу действий она, вопреки закону, передавала на решение государственного совета, руководимого партией, вопросы, касавшиеся других курий, или предложения, которые ей делал тайно Виглиус, в то время как при Гранвелле она столь же незаконно пренебрегала государственным советом. Теперь почти все дела и почти все влияние перешло к штатгальтерам. К ним направлялись все прошения; они раздавали все доходные места. Дошло до того, что они отняли у город-

ских властей судебные дела и передали их своим судам. Значение провинциальных судов уменьшилось в пользу последних, а с уменьшением осторожности власти пострадали правосудие и гражданский порядок. Мелкие суды стали следовать примеру центральной судебной власти. Вскоре дух, господствовавший в брюссельском государственном совете, распространился во всех провинциях. Подкупы, безнаказанность преступлений, грабительство, продажность правосудия стали всеобщими явлениями в судах. Нравы пали, а новые секты пользовались этой распущенностью, чтобы расширить круг своей деятельности. Веротерпимость знати, которая сама стояла на стороне сектантов либо по меньшей мере ненавидела инквизицию как орудие деспотизма, привела к тому, что указы о вере стали применяться менее строго. Многие протестанты получали льготные грамоты, которые вырывали из рук святейшей инквизиции ее лучшие жертвы. Ничто так не могло уверить народ в необходимости участия знати в правлении, как упразднение в угоду ему ненавистного трибунала инквизиции. И к этому знать стремилась в большей степени по собственной склонности, чем под давлением политических соображений. Надия внезапно перешла от тяжкого гнета нетерпимости — к свободе, от которой она уже слишком отвыкла, чтобы пользоваться ею умеренно. Инквизиторы, лишенные правительственной опоры, стали скорее смешны, чем страшны. Городской совет в Брюгге даже посадил в тюрьму на хлеб и на воду некоторых из ее служителей инквизиции, желавших задержать одного еретика. В то же самое время в Антверпене, где чернь тщетно попыталась отнять еретика у святейшей инквизиции, на рынке был прибит написанный кровью листок, гласивший, что несколько человек поклялись отомстить за смерть невинного*.

Если весь государственный совет поддался разложению, то от этого еще были далеки тайный и финансовый советы, где председательствовали Виглиус и Барлемон.

* Hopper. 40. Vita Vigl. 39. Grot. 17. Burgund. 80. 87. 88. Strada. 99. 100.

Так как оппозиции не удалось ввести своих приверженцев в эти две курии, то у нее оставалось одно только средство — осудить оба совета на бездеятельность, перенеся их дела в государственный совет. Чтобы привести в исполнение этот замысел, принц Оранский стремился заручиться поддержкой остальных членов государственного совета. Часто он говорил своим приближенным: «Хотя вас и называют сенаторами, но власть не в ваших руках. Когда нужны деньги, чтобы заплатить войскам, когда идет речь о противодействии вторжению ереси или о сохранении порядка в стране, тогда призывают вас, так как вы ведь не стоите на страже казны и законов, а служите для двух других коллегий лишь органами, с помощью которых они воздействуют на государство. А между тем только вы одни достойны взять на себя все государственное управление, которое неизвестно зачем раздробили между тремя различными палатами. Вам стоит только объединиться, чтобы возвратить государственному совету эти отрезанные отрасли управления; *одна душа* должна оживлять все тело». Предварительно был составлен следующий тайный план: привлечь в государственный совет двенадцать новых рыцарей Золотого руна; возвратить отправление правосудия мехельнскому трибуналу, которому оно и принадлежало по закону; жалованные грамоты, патенты и т. п. представить президенту Виглиусу, но все финансовые дела отдать в ведение государственного совета. Нельзя было не предвидеть все те затруднения, которые возникнут со стороны недоверчивого двора и соперников возрастающей власти знати. Чтобы заставить регентшу согласиться на этот план, начали действовать с помощью некоторых влиятельных офицеров армии; они должны были осаждать брюссельский двор назойливыми требованиями уплаты задержанного жалованья и в случае отказа грозить бунтом. Кроме того, регентшу засыпали прошениями и письмами, где жаловались на судебную волокиту и преувеличивали опасность от ежедневно растущей ереси. Не было упущено ничто для того, чтобы нарисовать столь страшную картину разрушения гражданского порядка, правосудия и финансов, что герцогиня в ужасе очнулась от того сна, в котором

пребывала до тех пор *. Она созывает все три курии для обсуждения мероприятий, необходимых, чтобы остановить беду. Большинство советовало отправить в Испанию чрезвычайного посла, который путем обстоятельного и живого рассказа ознакомил бы короля с истинным положением дел и, быть может, дал бы ему возможность найти лучший выход. Виглиус, который не имел понятия о тайных планах партии, воспротивился этому предложению. «Зло, на которое жалуются,— сказал он,— конечно, велико, и на него следует обратить внимание, но оно не непоправимо. Правосудие отправляется плохо, но лишь потому, что сама знать роняет значение власти презрением к ней, и штатгальтеры недостаточно поддерживают ее. Ересь растет оттого, что светская власть бросает на произвол судьбы духовных судей, а простой народ, по примеру знати, не почитает их. Долги провинций увеличились не от дурного управления финансами, а вследствие прежних войн и государственных нужд короля, и от этого долга можно постепенно избавиться посредством необременительных налогов. Все эти жалобы прекратятся, если только государственный совет не будет так щедр на жалованные грамоты, льготы и привилегии, если он начнет улучшение нравов с себя самого, если станет больше уважать законы и восстановит былое значение власти,— словом, если только коллегии и штатгальтеры прежде всего исполнят свой долг. К чему отправлять нового посла в Испанию, когда не произошло ничего такого, что оправдало бы эту чрезвычайную меру? Но если будут настаивать на этом, я не стану противиться общему решению, но потребую, чтобы послу поручено было прежде всего склонить короля к скорейшему прибытию» **.

Насчет кандидатуры посла мнение было *единым*: из всех нидерландских вельмож граф Эгмонт был, повидимому, единственным человеком, который мог удовлетворить обе стороны: его открытая ненависть к инквизиции, его патриотические и свободные убеждения, незапятнанная честность служили республике достаточ-

* Burgund. 92—94. Hopper. 41. Vita Vigl. 87. 88.

** Burg. 95. 96. Hopper. 41, 43 sq.

ной гарантией за его поведение, а раньше мы указали, почему он должен был быть приятен королю. У государей оценка часто зависит от первого взгляда. Привлекательный облик Эгмонта мог оказать поддержку его красноречию и придать его посещению тот вес, которого никогда не имеет в глазах королей само правое дело. Эгмонт также желал этого посланничества, чтобы поговорить с королем о некоторых семейных делах *.

К этому времени окончился Тридентский церковный собор, и его решения стали известны всему католическому миру. Но эти решения, далекие от того, чтобы удовлетворить задачам, которые были возложены на синод, не оправдали ожиданий религиозных партий: напротив, пропасть между обеими церквями еще расширилась и религиозный раскол стал вечным и непоправимым.

Старое вероучение не было очищено, оно стало лишь более непреложным и непререкаемым. Все тонкости догмы, все уловки и притязания святого престола, опиравшиеся до этого скорее на произвол, стали теперь законами и были возведены в систему. Обряды и злоупотребления, приставшие к христианству в варварские времена суеверия и мракобесия, были объявлены теперь существенными частями богослужения; проклятие падало на всякого, кто дерзнул бы противиться этим догматам, уклоняться от этих обрядов. Да будет проклят тот, кто посмеет сомневаться в чудотворной силе мощей, не будет почитать костей мучеников, не будет верить в предстательство святых; право индульгенций, эта первопричина отпадения от римского престола, было теперь доказано неопровержимым догматом; монашество было взято под защиту прямым решением синода, согласно которому юноша на 16-м году от роду, девица — на 12-м могли принять постриг. Все без исключения догматы протестантов были осуждены; не было вынесено ни одного постановления в их пользу; не было сделано ни одного шага, чтобы путем уступок возвратить отпавших в материнское лоно церкви. Жалкая деятельность синода, нелепость его постановлений еще более усилили то глубокое презрение, которое про-

* Strada. 103.

тестанты уже давно питали к папству, и открыли для их нападок новые, дотоле не замеченные его слабости. Злосчастна была мысль — столь близко поднести к таинствам церкви всеозаряющий светильник разума и доводами разума отстаивать предметы слепой веры!

Постановления собора не удовлетворили даже и весь католический мир. Франция совсем отвергла их, частью из желания угодить кальвинистам, частью потому, что ее оскорбляла присвоенная папой верховная власть над соборами; высказались против них и некоторые католические государи Германии. Хотя Филиппу II вовсе не были по душе некоторые решения собора, слишком задевавшие его собственные права, к которым ни один монарх в мире не был так ревнив, как он; хотя его также оскорбляло огромное влияние папы на собор и произвольное, поспешное закрытие его; хотя, наконец, папа дал ему достаточное основание для недоброжелательности, отвергнув его посла, — тем не менее он согласился признать постановления собора, которые даже в таком виде соответствовали его основной цели: истреблению еретиков. Все другие политические соображения отступили на задний план — и Филипп приказал обнародовать постановления собора во всех своих владениях*.

Чтобы разжечь огонь мятежа, и без того уже пылавшего во всех нидерландских провинциях, совсем не требовалось еще и этой головни. Умы уже пришли в брожение; авторитет римской церкви и без того уже сильно упал в глазах многих. При таких обстоятельствах властные и часто оскорбительные постановления собора, конечно, были приняты враждебно. Но Филипп II не мог изменить себе. Он не мог позволить народам, живущим под другим солнцем, в другой части света, при других законах, иметь какую-либо иную веру. Регентша получила строжайшее приказание принудить и Нидерланды к такому же послушанию тридентским постановлениям, как в Испании и Италии**.

* Watson. Hist. de Philippe II, T. II, L. V. Thuan. II. 29. 491. 350. Essay sur les moeurs. T. III, Concile de Trente. Meteren. 59. 60.

** Strada. 102.

Постановления собора встретили сильнейшее сопротивление в брюссельском государственном совете. «Нация,— заявил Вильгельм Оранский,— не примет и не может принять их, ибо они по большей части противоречат основам ее конституции и на этом же основании были отвергнуты многими католическими государями». Почти весь государственный совет склонился на сторону Оранского; большинство считало нужным уговорить короля либо совсем взять обратно постановления, либо обнародовать их по крайней мере с известными ограничениями. Против этого восстал Виглиус, настаивавший на буквальном выполнении королевского приказа. «Церковь,— сказал он,— во все времена поддерживала чистоту своего учения и строгость дисциплины такими вселенскими соборами. Против религиозных заблуждений, уже давно волнующих наше отечество, нет лучшего средства, чем именно эти постановления, которые здесь хотят отклонить. Если они кое в чем противоречат чувству справедливости граждан и конституции, то этой беде легко помочь разумным и умеренным применением их. Прибавлю, что и это делает честь нашему монарху, испанскому королю,— ибо он, один из всех государей своего времени, не подчиняет свою совесть требованиям необходимости и не отвергает из страха мероприятия, которые долг повелевает ему принять ради блага церкви и счастья своих подданных». Так как в постановлениях собора заключались даже нарушения прав короны, то некоторые воспользовались случаем и предложили при их обнародовании выпустить хоть такие статьи. Чтобы королю легче было обойти эти щекотливые и умаляющие его достоинство статьи, они предлагали выставить в качестве мотива национальную свободу Нидерландов и покрыть именем республики это вмешательство в дела собора. Но король принял постановления безусловно и провел их в своих остальных государствах; трудно было предположить, чтобы он дал другим католическим державам пример сопротивления собору и сам разрушил здание, которое воздвигал столь усердно*.

* Watson. T. I. L. VII. 262. Strada. 102. Burgund. 115.

Поручение, которое недовольные дали графу Эгмонту, состояло в том, чтобы сделать представление королю по поводу постановлений собора, склонить его к мягкости в отношении протестантов и предложить отмену двух других советов. Регентша предлагала ему сообщить также монарху о сопротивлении нидерландского народа указам о вере, убедить его в невозможности применять эти указы со всей строгостью, раскрыть ему глаза на плохое состояние военного дела и финансов в его нидерландских владениях.

Инструкция графу была составлена президентом Виглиусом. Она содержала горькие жалобы на падение правосудия, на распространение ереси, на истощение казны и настаивала на личном присутствии короля. Остальное предоставлялось красноречию посла, которому регентша посоветовала не упускать такого хорошего случая, чтобы закрепить за собой милость государя.

Принц Оранский считал, что данная графу инструкция и представления, которые он должен был сделать королю, составлены в слишком общих и неопределенных выражениях. Он говорил: «Сделанное президентом описание нашего тяжелого положения затеняет истину. Как королю найти наилучшие лекарства, когда мы скрываем от него источник болезни? Мы не должны преуменьшать число еретиков по сравнению с их действительной численностью. Мы должны искренне признаться, что ими кишит каждая провинция, каждый город, каждое местечко; мы не должны скрывать, что они презирают карающие их законы и не слишком уважают власть. К чему такая сдержанность? Признайтесь чисто-сердечно королю, что республика не может выносить такого положения! Конечно, тайный совет скажет иное: ему на руку это всеобщее разложение. Ведь откуда же это плохое правосудие, это всеобщее растление судов, как не от его алчности, которую ничем не насытишь? Откуда это великолепие, эта позорная роскошь тех креатур, которые на наших глазах поднялись из грязи, как не от подкупов? Разве народ не твердит изо дня в

день, что двери суда отворяются только золотым ключом? Могут ли люди, ставшие жертвами собственных страстей, думать о всеобщем благополучии? Думаете ли вы, что мы, штатгальтеры провинций, обязаны стоять с нашими солдатами на страже благоденствия какого-нибудь ничтожного ликтора? Мы должны положить предел тому снисхождению и тем попущениям, на которые они так щедры для тех, кому отказываем *мы*; кто прощает преступника, грешит против общего блага, усиливает зло. Признаюсь, мне никогда не нравилось разделение государственных тайн и правительственных дел между столькими коллегиями. Государственного совета хватит на все: многие патриоты уже сознали это в глубине души, а я теперь говорю то же самое открыто. Заявляю, что мне неизвестно другое средство против горьких бедствий, на которые тут жалуются, кроме слияния обеих палат с государственным советом. Вот чего нужно добиваться от короля; иначе и это новое посольство будет бесцельным и бесполезным». И принц сообщил собравшемуся сенату план, о котором сказано выше. Тут завеса спала с глаз Виглиуса, против которого собственно и было направлено это предложение, и его охватил сильнейший гнев. Это душевное волнение было слишком велико для его слабого тела: на другое утро его поразил удар, его жизнь находилась в опасности*.

Его место занял Иоахим Гоппер из брюссельского тайного совета, человек старых нравственных правил и незапятнанной честности, самый близкий и достойный друг президента**. Он сделал добавления в инструкции послу в пользу оранской партии, а именно относительно отмены инквизиции и соединения трех курий; регентша не столько соглашалась, сколько не противилась этому. Когда затем граф Эгмонт простался с уже оправившимся президентом, тот просил его

* Vita Vigl. 88, 89; Burgund. 97—102.

** Vita Vigl. 89. Это — тот самый Гоппер, из «Mémoires» которого я почерпнул так много для описания того времени. Впоследствии его путешествие в Испанию привело к переписке между ним и президентом, составляющей один из драгоценнейших документов для истории эпохи.

привезти ему из Испании отставку. Он говорил, что его время прошло, что ему хочется, по примеру своего предшественника и друга Гранвеллы, удалиться в тишину частной жизни и предупредить поворот изменчивого счастья *. Его разум предостерегает его от грядущей бури, в которую он не желал бы быть вовлеченным.

Граф Эгмонт пустился в путь в январе 1565 года. Он был принят в Испании так милостиво и с такими почестями, как ни один сановник до него. Все кастильские вельможи, следуя примеру короля или, скорее, следуя его государственному искусству, казалось, забыли свою застарелую злобу к фламандской знати: они соперничали друг с другом в стремлении подкупить графа приятным обращением. Король удовлетворил все его личные просьбы, чего посол даже не ожидал, и во все время пребывания Эгмонта в Испании он не мог нахвалиться гостеприимством монарха. Филипп настойчиво уверял его в своей любви к нидерландскому народу и обнадежил его насчет своей готовности подчиниться всеобщему желанию и несколько ослабить строгость указов о вере. Но в то же время в Мадриде была назначена комиссия из богословов, которой предложили вопрос — следует ли даровать провинциям требуемую веротерпимость? Большинство склонялось к мнению, что тут была бы извинительна некоторая снисходительность ввиду особой конституции Нидерландов и опасений мятежа. Тогда вопрос был повторен в более решительной форме: король желает знать не то, *может* ли он это сделать, а *должен* ли он это сделать? На это богословы отвечали отрицательно. Тогда Филипп встал, преклонил колена перед распятием и воскликнул: «Молю тебя, царь царей, не дай мне пасть так низко, чтобы я оставался государем тех, которые отрицают тебя!» И приблизительно в этом духе были приняты меры, задуманные им в отношении Нидерландов. По вопросам религии решение этого монарха было принято раз навсегда. Крайняя необходимость могла, пожалуй, заставить его быть несколько более снисходительным в применении грозных указов, но никогда он не согласился бы на их отмену

* Burgund. 103.

или даже ограничения законом. Эгмонт доказывал ему, что публичные казни еретиков изо дня в день лишь умножают их приверженцев: примеры их мученичества и радостного приятия смерти наполняют зрителей глубочайшим благоговением и внушают им высокое мнение об учении, создающем героев. Это соображение было услышано. Но оно произвело на короля совсем не то действие, какое ожидалось. Чтобы избежать соблазна, отнюдь не ослабляя строгости указов, он прибег к новой уловке: было решено, что впредь казни будут совершаться тайно. Ответ короля по существу миссии графа был дан последнему письменно, в виде бумаги на имя регентши. Прежде чем отпустить графа, Филипп не удержался, чтобы не спросить у него отчета о его поведении по отношению к Гранвелле, причем он особо отметил случай с шутовской ливреей. Эгмонт заверил его, что все это было не более чем застольная шутка: тут не было и мысли о какой-либо непочтительности к монарху. Знай он, что кто-либо из участников шутки имел в мыслях что-либо дурное, он сам вызвал бы его на поединок*.

При отъезде Эгмонта Филипп подарил ему 50 000 гульденов и, кроме того, обещал устроить судьбу дочерей. Он позволил ему также взять с собой в Брюссель молодого Фарнезе Пармского, чтобы тем оказать внимание его матери, регентше**. Лицемерная благосклонность короля и его заверения в любви к нидерландской нации, которой на самом деле у него *не было*, подкупили честного фламандца. Довольный тем воображаемым счастьем, которое ожидает его отечество, хотя до этого счастья никогда еще не было так далеко, как в то время, граф покинул Мадрид, удовлетворенный всем сверх ожидания и готовый прославлять своего доброго короля во всех нидерландских провинциях.

Но уже когда королевский ответ был объявлен брюссельскому государственному совету, приятные надежды сильно пошли на убыль. Ответ гласил: «Решение короля относительно указов о вере остается твердым и

* Grot. VI Норрег. 43. 44. 45; Strada. 104. 105. 106.

** Strada. 107.

неизменным: он скорее готов пожертвовать тысячей жизней, чем изменить в них одну букву. Но, с другой стороны, представления графа Эгмонта заставляют его испробовать все, какие только могут быть, *мягкие* меры, чтобы предохранить народ от гибели в ереси и избавить его от *неизбежных* кар. Так как из отчета графа следовало, что главными причинами религиозных заблуждений служили нравственная порча нидерландского духовенства, плохое обучение народа и невнимание к воспитанию юношества, то король поручает регентше составить особую комиссию из трех епископов и нескольких искуснейших богословов; ее задачей будет обсуждение необходимых реформ, с тем чтобы впредь народ не колебался от озлобления и не впадал в заблуждения по невежеству. Так как, кроме того, он слышал, что всенародные казни еретиков дают им возможность хвастаться дерзким мужеством и ослеплять толпу мнимой славой мученичества, то комиссия должна придумать, как эти казни совершать более потаенно, чтобы лишить осужденных еретиков возможности гордиться своей стойкостью». А для гарантии того, что этот частный синод не выйдет за пределы поставленной ему задачи, король решительно настаивал на назначении в члены комиссии епископа Ипернского, этого надежного человека и строжайшего ревнителя католической веры. Совещания комиссии должны происходить по возможности тайно и под видом обсуждения вопроса о введении тридентских постановлений; вероятно, тут имелось в виду, чтобы римский двор не беспокоился по поводу этого частного синода, а мятежный дух в провинциях не получил бы новой пищи. Сама герцогиня должна участвовать в заседаниях с некоторыми верными государственными советниками и тотчас же отправлять королю письменный отчет обо всем, происходящем в комиссии. Единственный раз регентше было послано немного денег на ее необходимые нужды. Филипп обнадеживал ее относительно своего личного прибытия, после окончания войны с турками, которых ожидают под Мальтой. В ответе короля совсем умалчивалось о предположенном расширении государственного совета и о слиянии с ним

тайного и финансового советов; там лишь содержалось повеление вступить в последний герцогу Аршоту, о котором мы уже говорили как о ревностном стороннике короля. Виглиус, правда, получил отставку от должности президента тайного совета, но он еще целых четыре года занимал этот пост, так как все еще не приезжал из Испании его преемник, Карл Тиссенак, член мадридского совета по нидерландским делам*.

УСИЛЕНИЕ УКАЗОВ О ВЕРЕ

Тотчас же после возвращения Эгмонта пришли приказы об усилении преследования еретиков, посланные ему вдогонку из Испании. Они опровергали его радостные вести о счастливой перемене в образе мыслей монарха. С ними прибыл и текст тридентских постановлений в том виде, как они были приняты в Испании и теперь должны были вводиться в Нидерландах, а также утверждение смертного приговора некоторым перекрещенцам и другим еретикам. Вильгельм Молчаливый говорил: «Графа в Испании перехитрили. Самолюбие и тщеславие ослепили его проникательность: из-за личных выгод он забыл об общем благе». Лживость испанских властей была очевидна. Это бесчестное поведение возмутило лучших людей страны. Но больше всех страдал граф Эгмонт. Он понял, что оказался игрушкой в руках лукавых испанцев и неумышленно стал предателем отечества. Он открыто и горько жаловался: «Все эти мнимые милости были лишь западней, чтобы отдать меня на посмеяние моих сограждан и погубить мое доброе имя! Если король собирается таким образом выполнить данные мне в Испании обещания, то пусть Фландрия достается кому угодно, я же моим удалением от дел докажу народу, что я не участвую в этом вероломном обмане». Действительно, испанские власти не могли найти лучшего средства подорвать

* Hopper. 44—46. 60. Strada. 107. 151. Vita Vigil. 45. Not. ad Vitam Vigil. 187. Burgund. 105. sq. 119.

доверие к столь влиятельному человеку, как публичной демонстрацией перед обожавшими его согражданами того, как ловко им удалось его обойти *.

Тем временем синод сошелся на следующем заключении, которое тотчас же было переслано королю: что касается религиозного обучения народа, улучшения нравственности духовенства и воспитания юношества, то тридентские постановления предусмотрели это с такой тщательностью, что нужно лишь скорее провести их в жизнь. Императорские указы против еретиков не должны подвергаться никаким изменениям: можно только *конфиденциально* дать понять судам, что казнить смертью следует лишь упорных еретиков и проповедников ереси, что нужно делать различие между сектами и считаться с возрастом, званием, полом и характером обвиняемых. Если публичные казни лишь разжигают фанатизм, то более подходящим является другое, *не героическое*, но не менее тяжелое наказание, а именно — наказание ссылкой *на галеры*, чтобы не создавать вокруг осужденных славы мученичества. Проступки, продиктованные простым своеобразием, любопытством и легкомыслием, можно было бы карать денежными штрафами, изгнанием или даже телесными наказаниями **.

В то время как происходили эти совещания, отчеты о которых отсылались в Мадрид, с ожиданием оттуда обратного ответа, процессы против сектантов прекратились или по крайней мере велись очень вяло. Со времени удаления министра Гранвеллы, вследствие анархии в высших куриях, которая распространялась оттуда по провинциальным судам, а также вследствие большой религиозной терпимости знати, секты подняли голову, а их апостолы свободно проповедовали обращение в свою веру. С судьями инквизиции стали обращаться презрительно, так как светская власть слабо поддерживала их и часто открыто брала их жертвы под свою защиту. Католическая часть нации ожидала многого от постановлений Тридентского собора и от поездки

* Strada. 113.

** Норрег. 49. 50. Burgund 110. 114.

Эгмонта в Испанию. Эти ожидания, казалось, оправдывались в связи с благоприятными известиями, которые привез граф, не перестававший распространять их в простоте своего сердца. Но чем больше отвыкала нация от суровых религиозных проповедей, тем большей должна была она почувствовать внезапное возобновление и усиление их. Такова была обстановка, когда пришло королевское послание из Испании, содержащее ответ на заключение епископов и на последний запрос регентши.

Как бы ни истолковывал граф Эгмонт словесные высказывания короля, — гласило послание, — последний еликогда не имел даже в мыслях изменить хоть букву в карательных указах, изданных его отцом, императором, в провинциях тридцать пять лет тому назад. Он, со своей стороны, повелевает применять впредь эти указы по всей строгости. Светская власть должна твердо поддерживать инквизицию, и постановления Тридентского собора должны беспрекословно и во всей точности выполняться во всех нидерландских провинциях. Он полностью одобряет мнение епископов и богословов, за исключением их предложения допускать бóльшую мягкость, считаясь с полом, возрастом и характером судимых, ибо он полагает, что его указы не страдают отсутствием умеренности. Ересь распространяется в стране лишь вследствие недостатка рвения у судей и их вероломства. Поэтому впредь те из них, которые не проявят должного рвения, будут отстранены от должности и заменены лучшими. Инквизиция, не считаясь ни с какими человеческими чувствами, должна делать свое дело мужественно, бесстрашно и беспристрастно, заглядывая вперед и не оглядываясь назад. Король заранее одобряет ее деятельность, как бы далеко она ни зашла, если только она не будет доводить до открытого возмущения*.

Это королевское послание, с которым оранская партия связывала все последующие несчастья нидерландцев, вызвало сильнейшее возбуждение среди членов государственного совета, и то, что последние говорили о нем в обществе случайно или намеренно, вызывало в

* «*Inquisitores praeter me intueri neminem volo. Lacessant scelus securi. Satis est mihi, si scandalum declinaverint.* Burgund. 118.

народе чувство ужаса. Снова воскрес страх перед испанской инквизицией, и с ее усилением, казалось, должна была погибнуть вся конституция страны. Люди словно уже слышали, как строят тюрьмы, куют цепи и ошейники, разводят костры. Повсюду только об этом и говорили, и страх уже не мог сдерживать эти разговоры. К домам дворян приклеивались листки, в которых призывали их, как когда-то древние римляне своего Брута, спасти умирающую свободу. Появлялись злые пасквили на новых епископов, которых называли палачами. В комедиях осмеивали попов, и злоречие не щадило ни трона, ни римского престола*.

Регентша, напуганная всеми этими слухами, созвала всех государственных советников и рыцарей, чтобы посоветоваться с ними, что делать в столь трудном положении. Мнения разделились, и начались горячие споры. Обсуждение затягивалось, люди колебались между страхом и долгом, как вдруг поднялся старик Виглиус, и высказанное им мнение поразило все собрание. Он сказал: «Теперь нельзя и думать об оглашении королевских распоряжений, пока мы не сообщим монарху о том приеме, который, по всей видимости, ожидает их. Наоборот, судьям инквизиции следует внушить, чтобы они не злоупотребляли своей властью и отказались от жестокости». Изумление всех еще больше возросло, когда за Виглиусом выступил принц Оранский и начал оспаривать это мнение: «Воля короля, — сказал он, — слишком ясно и определенно выражена и подкреплена целым рядом доводов, чтобы можно было дольше медлить с ее исполнением и тем навлечь на себя обвинение в злостном упрямстве». — «Я возьму на себя такое обвинение, — прервал его Виглиус, — я готов подвергнуться немилости короля; если мы обеспечим этим спокойствие его Нидерландов, наше сопротивление заслужит его благодарность». Регентша уже начала склоняться к этому мнению, как вдруг принц прервал ее и с жаром воскликнул: «Что дали нам многие представления, которые мы ему делали, все письма, которые мы ему писали, и то посольство, которое совсем недавно мы

* Grot. 19. Burgund. 122. Норпер. 61.

ему отправляли? Ничего! Чего же нам еще ждать? Неужели мы, его государственные советники, захотим навлечь на себя его гнев, желая оказать ему, на свой страх, услугу, за которую он не поблагодарит нас?» Собрание растерялось и, не чувствуя себя уверенно, не знало, на что решиться. Ни у кого не хватало смелости ни поддержать это мнение, ни возражать против него. Принцу помогла прирожденная робость регентши, которая не решалась на определенный выбор. Последствия ее злополучной покорности будут очевидны, это правда. Но если она мудро решит не подчиняться решениям короля, чем можно будет доказать, что она действительно опасалась именно этих последствий? И она выбрала самое печальное из двух возможных решений: будь что будет, а королевские указы должны быть обнародованы. Итак, на этот раз победила оппозиция. Единственный мужественный друг правительства, который готов был навлечь на себя немилость монарха, чтобы только сослужить ему службу, был выбит со своей позиции*. После этого заседания регентша не знала уже более покоя. С этого дня Нидерланды оказались захваченными той бурей, которая затем непрерывно бушевала внутри этой страны. Когда советники расходились, принц Оранский сказал одному из них, стоявшему поблизости: «Ну, у нас скоро начнется большая трагедия»**.

* Burgund. 123. 124. Meteren. 76. Vita Vigl. 45.

** Историки испанской партии не преминули обернуть поведение Оранского на этом заседании против него и с торжеством усматривали в этом доказательство нечестности его характера. «Он, — говорили они, — который во всех случаях до этого словом и делом противился всем мероприятиям двора, пока хоть сколько-нибудь можно было опасаться, что они будут осуществлены, — теперь, когда добросовестное исполнение королевских приказов пошло бы, вероятно, во вред королю, впервые стал на сторону короля. Чтобы доказать королю, как дурно последний сделал, пренебрегая его предостережениями, чтобы иметь возможность похвастаться, что «я предсказывал это», он поставил на карту благо нации, борьбу за которое считал до этого своей единственной целью. Все его прежнее поведение доказывает, что он считал исполнение указов бедствием; теперь же он внезапно изменил свои убеждения и проводил противоположный план, хотя не произошло никаких изменений, касающихся тех

Всем штатгальтерам провинций был послан приказ — строжайше исполнять как распоряжения императора, так и указы, изданные нынешним правительством против еретиков, постановления Тридентского собора и решения только что созданного епископского синода. Кроме того, они должны были сами содействовать инквизиции и ревностно побуждать к тому же нижестоящие органы власти. Для выполнения всего этого каждый штатгальтер должен был выбрать из подчиненного ему совета надежного человека, с тем чтобы он усердно объезжал провинции, строго расследовал, точно ли исполняют данные приказы низшие чиновники, и через каждые два месяца посылал в резиден-

мотивов, которые диктовали ему прежнее поведение. Он поступил так потому, что последствия приказов должны были пасть на короля. Итак, ясно,— продолжают противники Оранского,— он руководствовался не столько *благом* своего народа, сколько злобой против короля: ему ничего не стоило пожертвовать интересами народа, лишь бы дать удовлетворение своему чувству ненависти к королю».

Но действительно ли Оранский жертвовал интересами нации, содействуя обнародованию указов? Говоря точнее: настаивая на *обнародовании* указов, помогал ли он их применению? Не вероятнее ли, что только *опубликованием* их он мог остановить их *применение*? Нация находилась в состоянии брожения, и, по всем данным (разве сам Виглиус не боялся этого?), ожесточенные партии должны были оказывать указам сопротивление, которое вынудило бы короля уступить. Теперь, сказал себе Оранский, мою нацию охватил подъем, с помощью которого можно с успехом бороться против тирании. Если я упущу это мгновение, тирания будет в состоянии *добиться* тайными переговорами и кознями того, что не удалось ей осуществить путем открытого насилия. Она будет преследовать *ту же* цель, только осторожнее и мягче, между тем только *крайность* может объединить мою нацию в борьбе за *единую* цель, увлечь ее на смелые действия. Итак, ясно, что принц с определенным намерением изменил только свою речь в отношении короля; по отношению же к народу он действовал в полном согласии со всем своим прежним поведением. Разве могли быть у него какие-либо обязанности перед королем, которые не совпадали бы с его обязанностями по отношению к республике? Неужели он должен был *остановить* насилие именно в *ту* минуту, когда виновник должен был заплатить за него? Неужели он оказал бы услугу своему отечеству, если бы удержал его палача от той успешности, которая одна только могла спасти народ от неизбежного несчастья?

цию точный отчет обо всем. Архиепископам и епископам были разосланы тексты тридентских постановлений, переведенные с испанского оригинала с указанием, что если им понадобится содействие светской власти, штатгальтеры их епархии должны приходить к ним на помощь со своими войсками, но всего лучше обращаться за этим к регентше. Исполнение постановлений обязательно для всех, невзирая ни на какие привилегии. Однако король желает и повелевает, чтобы их исполнение отнюдь не ограничивало право особых местных судов в провинциях и городах *.

Эти приказы, всенародно прочитанные герольдом в каждом городе, произвели на народ впечатление, вполне оправдавшее опасения президента Виглиуса и надежды принца Оранского: почти все штатгальтеры отказались исполнять их и грозили отставкой, если вздумают силой принуждать их к повиновению. «Распоряжения,— говорили они,— основаны на совершенно ложных данных о численности сектантов **. Справедливость протестует против чудовищного количества жертв, ежедневно скопляющихся в наших руках. Мы не можем предать пламени 50—60 тысяч людей из наших округов». Против тридентских постановлений особенно восставало низшее духовенство, поскольку постановления жестоко нападали на его невежество и нравственную испорченность и, кроме того, угрожали ему столь ненавистной реформой. Это духовенство приносило теперь в жертву своим личным интересам высшие интересы церкви; оно ожесточенно нападало на эти постановления и на весь собор и сеяло в умах чувство возмущения. Снова

* Strada. 114. Норрег. 53. 54. Burg. 115. Metegen. 77. Grot. 18.

** Обе партии по-разному определяли число еретиков: они преуменьшали или преувеличивали эту цифру, исходя из своих интересов и под влиянием страстей. Одна и та же партия часто противоречила сама себе, если этого требовали ее интересы. Если шла речь о новых учреждениях для угнетения народа, о введении судов инквизиции и т. п., количество протестантов оказывалось неисчислимым, необъятным. Когда же, наоборот, дело шло о снисходительном отношении к ним, о распоряжениях в их пользу, их оказывалось так мало, что не стоило делать нововведений из-за такого ничтожного количества испорченных людей. Норрег. 62.

раздался тот вопль, которым раньше встретили монахи новых епископов. Наконец, архиепископу камбрейскому, хотя и не без большого сопротивления, удалось обнародовать постановления. Труднее было осуществить это в Мехельне и Утрехте, где архиепископы разошлись со своим духовенством, которое, как его обвиняли, было готово скорее привести всю церковь к гибели, чем подчиниться постановлению о своем нравственном исправлении*.

Среди провинций громче всех раздавался протестующий голос Брабанта. Чины этой области снова выдвинули ту важную привилегию, в силу которой местного жителя нельзя было судить в чужом суде. Они кричали о присяге, которую давал король их уставным грамотам, и о тех условиях, на которых они присягали ему на верность. Лувен, Антверпен, Брюссель и Герцогенбуш торжественно протестовали в особом послании, которое они направили регентше**. А она, неуверенная, колеблющаяся между партиями, не имея решимости ни повиноваться королю, ни тем более слушаться его, собирала новые совещания, выслушивала мнения за и против и всегда присоединялась к самому неудачному предложению. Внесены предложения снова обратиться к испанскому королю. Тут же находят, что это затянет дело, между тем опасность угрожает непосредственно: нужно уступить буре и на свой страх применять королевские приказы, считаясь с обстоятельствами. Наконец, регентша велела просмотреть летописи Брабанта, чтобы найти руководящие указания в инструкции первому инквизитору, поставленному Карлом V в провинции. Эта инструкция не была похожа на те, которые даются теперь, но ведь сам король объявил, что не вводит ничего *нового*: следовательно, допустимо приспособление нового распоряжения к старым постановлениям. Правда, этот компромисс не удовлетворял возросших требований брабантских чинов, которые желали полной отмены инквизиции, но он послужил толчком к подобным же протестам и к такому же храб-

* Норрег. 55. 62. Strada. 115. Burg. 115. Meteren. 76. 77.

** Норрег. 63. 64. Strada. 115.

рому сопротивлению в других провинциях. Не дожидаясь, пока герцогиня на что-либо решится, они самовольно отказались повиноваться инквизиции и оказывать ей содействие. Религиозные судьи, которые только что получили строгий приказ сурово исполнять свой служебный долг, снова оказались покинутыми светской властью, потеряли всякий авторитет и всякую поддержку и на свои обращения ко двору получали в ответ лишь пустые слова. Желая удовлетворить все партии, регентша оказалась покинутой всеми*.

В то время как отношения между двором, курьями и чинами складывались таким образом, народом начал овладевать дух мятежа. Занялись изысканиями о правах подданных и стали обсуждать вопрос о королевской власти. Многие говорили и отнюдь не шепотом: «Нидерландцы не так глупы, чтобы не знать, чем обязан подданный государю, а государь подданному, и чтобы не найти средства ответить на силу силой, хотя пока об этом еще нет речи». Во многих местах в Антверпене было даже прибито воззвание, которое требовало от государственного совета обращения к высшему суду в Шпейере с жалобой на испанского короля за то, что он нарушил присягу и вольность страны, ибо на Брабант, составляющий часть Бургундского округа, распространяется действие соглашений, заключенных в Пассау и Аугсбурге. В это же самое время кальвинисты выпустили в свет изложение своего вероучения и заявили в предисловии, обращенном к королю, что они, несмотря на то, что их около ста тысяч, живут мирно и несут все повинности наравне с остальными подданными. Отсюда ясно, прибавляли они, что они вовсе не думают о восстании. В обществе распространялись вольные, опасные сочинения, которые рисовали в отвратительном виде испанскую тиранию и напоминали нации об ее привилегиях, а также иногда об ее силах**.

* Н о р р е г. 63. 64. S t r a d a. 115.

** Регентша называла королю пять тысяч таких сочинений (S t r a d a. 117). Замечательно, какую большую роль играли в нидерландском восстании типография и публицистика. При помощи этих органов одна горячая голова могла говорить с миллионами. Среди памфлетов, отличавшихся в большинстве случаев вуль-

Военные приготовления Филиппа против Порты, а также военные приготовления герцога Брауншвейгского Эриха, ближайшего соседа страны (делавшиеся неизвестно с какой целью), усиливали всеобщее подозрение, что инквизиция будет навязана нидерландцам силой. Об этом говорили уже многие именитые купцы: они собирались покинуть свои дома и поместья, чтобы искать в других странах свободы, если ее отнимут у них здесь. Другие искали вождя и намекали на сопротивление силой и на иностранную помощь*.

В таком трудном положении регентша лишилась поддержки и совета со стороны того единственного человека, который был ей теперь так необходим и который способствовал тому, чтобы она оказалась в таком положении. Принц Оранский писал ей: «Теперь уже невозможно исполнять приказы короля, не рискуя зажечь пламя гражданской войны. В случае, если на этом будут настаивать, я буду вынужден просить о замене меня другим лицом, которое больше подходит для осуществления намерений его величества и в состоянии иметь больше влияния на умы нации. Надеюсь, что мое рвение на службе королю, которое я доказал в других случаях, не позволит дурно истолковать мой теперешний шаг. При создавшемся положении дел мне остается выбрать одно из двух: или послушаться короля, или действовать во вред отечеству и себе самому». После этого Вильгельм Оранский вышел из государственного совета, удалился в свой город Бреду и из этого убежища бдительно и вряд ли безразлично следил за ходом событий. Его примеру последовал граф Горн**. Лишь Эгмонт все еще колебался между республикой и престолом, все еще тщетно пытался соединить в себе доброго гражданина и образцового верноподданного. Нуждаясь более других в милости короля и менее равнодушный

гарностью, грубостью и жестокостью, характерными для большинства тогдашних протестантских тенденциозных сочинений, встречаются иногда и книги, содержавшие основательную защиту религиозной свободы.

* Норрег. 61. 62. Strada 117. 118. Meteren. 77. A. G. d. v. N. III. 60.

** Норрег. 67.

к ней, чем другие, Эгмонт не был в состоянии отказаться от своего счастья, потому что именно теперь открывались перед ним двери при дворе регентши. После ухода принца Оранского, который в трудной обстановке и благодаря своему умственному превосходству имел влияние на регентшу, как всякая большая величина на малую, в окружении регентши образовалась пустота. В этих условиях граф Эгмонт безгранично овладел доверием герцогини благодаря той солидарности, которая легко устанавливается между *трусливой* слабостью и слабостью *добросердечия*. Маргарита одинаково боялась как раздражить *народ*, оказывая исключительное доверие приверженцам короны, так и навлечь на себя немилость короля большим сближением с явными главариами оппозиции. При таких условиях она должна была подарить свое доверие именно графу Эгмону, о котором трудно было сказать, к какой из двух партий он принадлежал.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЗАГОВОР ДВОРЯН

(1565) Сохранение общественного спокойствия являлось до сих пор, повидимому, искренним желанием принца Оранского, графа Эгмонта, графа Горна и их друзей. Наравне с соображениями об общем благе они руководились также и соображениями об *истинных* интересах короля, их государя; по крайней мере их стремления и их действия не противоречили ни тому, ни другому. Ничего не произошло еще такого, что не соответствовало бы их верности государю, что могло бы поставить их намерения под подозрение или в чем проявился бы дух мятежа. Все, что они делали до сих пор, они делали как несущие ответственность граждане республики, как представители и защитники нации, как советники короля, как люди совести и чести. Их оружием, с помощью которого они боролись с чрезмерными притязаниями двора, были доклады, скромные жалобы,

прошения. В справедливом увлечении своим благим делом они никогда не позволяли себе заходить столь далеко, чтобы оставить путь благоразумия и умеренности, что вообще очень часто делается под влиянием фанатизма. Но не все дворяне республики слушались голоса благоразумия, не все пребывали в границах умеренности.

В то время как в государственном совете обсуждался серьезный вопрос, от решения которого зависело, будет ли нация обречена на страдания, или нет, и присяжные ее защитники подбирали все доводы разума и справедливости, а третье сословие и народ отводили душу в пустых жалобах, угрозах и проклятиях, одна часть нации приступила к *действиям*, и как раз та часть, которая казалась наименее призванной к этому и на которую до сих пор меньше всего обращали внимания. Вспомним о той части дворянства, о которой было сказано выше, что Филипп, приступив к управлению государством, не нашел нужным посчитаться с ее заслугами и потребностями. Огромная часть дворянства ждала повышений по службе не только из соображений честолюбия: у них были для этого еще гораздо более веские основания. Многие из дворян по причинам, о которых говорилось выше, погрязли в долгах; выбраться из них собственными силами у них не было уже надежды. Тем, что Филипп обошел их при замещении должностей, он затронул нечто гораздо более важное, чем их гордость. В лице этих нищих он создал праздных наблюдателей и безжалостных судей, создал злорадных собирателей и распространителей всякого нового слуха. Лишившись состояния, они не лишились своего высокомерия, и им осталось теперь только одно: извлекать пользу из единственного капитала, который находился еще в их распоряжении, — из своего *дворянского звания*, из уважения республики к их именам, и они пустили в оборот монету, годную только в *такие* времена или вовсе негодную, — свою *протекцию*. В сознании своего высокого положения, которому дворяне придавали тем большее значение, что оно оставалось их единственным достоянием, они смотрели на себя как на важного посредника, стоящего между самодержцем и гражданами; они считали, что они призваны прийти на

помощь угнетенной республике, которая с нетерпением ждет их, как свою последнюю опору. Эта идея была смешна лишь постольку, поскольку дворяне страдали избытком самомнения. Но выгоды, которые они сумели извлечь из этого, были довольно основательны. Купцы-протестанты, в руках которых находилась большая часть богатств Нидерландов и которые выше всего ценили возможность беспрепятственно исповедовать свою религию, не упустили случая сделать единственно возможное употребление из этой части народа, которая продавалась на рынке и на которую не было спроса. Эти люди, на которых они во всякое другое время, вероятно, смотрели бы сверху вниз с гордостью богачей, могли оказать им теперь очень хорошую услугу благодаря их численности, их решительности, их значительному весу в глазах толпы, благодаря их враждебному отношению к правительству и даже благодаря их нищенской гордости и их безнадежному положению. На этом основании купцы ревностно взялись за дело, тесным образом связались с ними, тщательно поддерживали их мятежные настроения, поддерживали их высокое мнение о самих себе и, что самое важное, подкупали их бедность своевременно приносимой денежной помощью и заманчивыми обещаниями *. Среди дворян было очень немного таких, которые были бы уже настолько незначительны, чтобы не иметь влияния, хотя бы через родственные связи с высшими. Если бы посчастливилось объединить их, они могли бы поднять бурю возмущения против короны. Многие из них уже принадлежали к новой секте или же втайне сочувствовали ей. Но и те, которые были ревностными католиками, имели достаточно оснований, политических и личных, чтобы объявить себя противниками инквизиции и тридентских постановлений. Наконец, одно уже честолюбие толкало всех их к тому, чтобы не упустить единственного случая, когда им представлялась возможность сыграть какую-то роль в судьбах республики.

Но если *объединение* этих людей обещало многое, то смешно и неосновательно было возлагать какие-либо

* Strada. 52.

надежды на *отдельных* лиц; однако создать такое объединение было не очень-то легко. Даже для того, чтобы собрать их вместе, нужны были исключительные обстоятельства; к счастью, они и явились сами собой. В это время в Брюсселе праздновалась свадьба сеньора Монтиньи, одного из знатнейших нидерландских вельмож, и свадьба принца Александра Пармского. Эти празднества привлекли в город большую часть нидерландского дворянства. По этому случаю родственники встретились здесь с родственниками, завязались новые дружеские отношения и возобновились старые. Бедствия страны стали предметом разговоров. Вино и веселье развязали языки и сердца; делались намеки на братское объединение и на союз с иностранными державами. Случайные встречи вскоре повлекли за собой преднамеренные; открытые разговоры превратились в тайные. Следует прибавить еще, что в это время в Нидерландах пребывали два немецких барона граф фон Голле и фон Шварценберг, которые пользовались любым случаем, чтобы поддерживать надежду на помощь соседа *. Незадолго до этого и граф Людвиг Нассауский обращался лично по этому же делу к некоторым германским властителям **. Ходили слухи, что примерно в то же время в Брабанте видели тайных посланцев адмирала Колиньи, в чем, однако, можно вполне законно усомниться.

Трудно было себе представить политический момент, более благоприятный для попытки изменить режим. У кормила правления — женщина; провинциальные штатгальтеры раздражены и склонны к послаблениям; некоторые из членов государственного совета совершенно удалились от дел; в провинции почти нет войск; немногие имеющиеся войска давно уже недовольны тем, что им задерживают жалованье, а так как их часто обманывали ложными обещаниями, то и к по-

* Burgund. 150. Норрег. 67. 68.

** И принц Оранский также не случайно вдруг исчез из Брюсселя, чтобы присутствовать на выборах императора Священной римской империи во Франкфурте. Съезд столь большого количества немецких князей должен был очень благоприятствовать переговорам (S t r a d a. 84).

вым у них нет доверия. К тому же командующие ими офицеры искренне презирают инквизицию и покраснели бы при мысли, что они могут поднять за нее оружие; денег, чтобы с достаточной быстротой набрать новые войска или чтобы нанять иностранные, в казне не имеется. Двор в Брюсселе, так же как и все три совета, расколот внутренними раздорами и разложен безнравственностью. У правительницы нет полной власти, а король далеко; его приверженцы в провинциях малочисленны, нерешительны и трусливы; оппозиция же многочисленна и сильна. Две трети народа настроены против папства и жаждут перемен. В каком трудном и жалком положении находится правительство! И хуже всего то, что все его слабости хорошо известны его врагам*.

Оставалось лишь сообразно цели объединить этих людей вокруг какого-нибудь вождя и нескольких значительных лиц, чтобы придать больший вес их начинаниям в глазах республики. Подходящими людьми оказались граф Людвиг Нассауский и Генрих Бредероде; оба они были из знатнейших дворян в стране и добровольно встали во главе заговора. Людвиг Нассауский, брат принца Оранского, соединял в себе многие блестящие качества, которые делали его достойным выступить на столь значительном поприще. В Женеве, где он учился, он проникся ненавистью к иерархии и любовью к новой религии. Вернувшись, он тотчас же начал вербовать у себя на родине сторонников этих взглядов. Республиканские стремления, которыми он проникся в той же школе, поддерживали в нем горячую ненависть ко всему, что носило имя испанского; стремления эти одушевляли все его действия и исчезли только с его последним вздохом. Папство и испанское владычество сливались в его представлении воедино, как оно и было на самом деле; отвращение, которое он питал к папству, усиливало его ненависть к испанскому владычеству. Как ни близки были оба брата по своим симпатиям и антипатиям, они проявляли их совершенно различным образом. Бурный темперамент и молодость не

* Grot. 19. Burgund. 154.

позволяли младшему брату идти теми обходными путями, которыми пробирался к своей цели старший. Холодные, спокойные воззрения вели старшего брата к цели медленно, но верно; его гибкий ум подчинял себе события. Безумно смелым напором, опрокидывающим все, младший иногда завоевывал счастье, но чаще ускорял беду. Поэтому Вильгельм был полководец, а Людвиг — всего лишь авантюрист; он был надежной, сильной рукой, если ею управляла мудрая голова. Слово Людвига было нерушимым, связи его выдерживали все испытания, потому что они завязывались под гнетом необходимости и потому что несчастье соединяет крепче, чем легкомысленная радость. Своего брата он любил не меньше, чем свое дело, а за дело свое он сложил голову.

Генрих Бредероде, сеньор Вианский и бургграф Утрехтский, вел свое происхождение от древних голландских графов, которые управляли некогда этой провинцией как суверенные князья. Столь важный титул ставил его очень высоко в глазах народа, у которого воспоминание о прежних государях было еще живо и почиталось тем больше, чем меньше он чувствовал себя удовлетворенным происшедшей переменой. Этот наследственный блеск как нельзя лучше соответствовал самолюбию человека, у которого слава его предков никогда не сходила с языка и который тем охотнее возвращался мыслью к обломкам прошлого великолетия, чем безнадежнее представлялось ему его настоящее положение. Лишенный всех почестей и постов (эскадрон легкой кавалерии — вот все, что ему доверили), претендовать на которые он, казалось бы, имел полное право, если исходить из его собственного высокого мнения о себе и благородстве его рода, он ненавидел правительство и позволял себе осыпать дерзкими насмешками все его мероприятия. Этим он привлек к себе народ. Втайне он сочувствовал также и евангелическому исповеданию, но, пожалуй, не столько по внутреннему убеждению, сколько просто потому, что оно было отступничеством. Он владел скорее техникой речи, чем даром красноречия, и проявлял больше задора, чем мужества; он был отважен, но скорее потому, что не верил в опасность, чем потому, что умел возвыситься над ней. Людвига

Нассауского воодушевляло само дело, за которое он стоял, Бредероде воодушевляла слава, которая выпадает на долю борца. Первого удовлетворяла деятельность в пользу своей партии, второму нужно было стать во главе ее. Он был наилучшим *застрельщиком* восстания, но вряд ли можно было найти для восстания худшего *вождя*. Как ни ничтожны были в сущности его угрозы, поддержка ослепленной массы народа могла придать им большое и страшное значение, если б в его лице был выдвинут претендент на власть. Его притязания на владения его предков основывались на громком имени, но при всеобщем недовольстве было достаточно и имени. Одна брошюра, распространившаяся в то время среди народа, открыто называла его наследником Голландии, а под гравюрой с его изображением стояла хвастливая надпись:

Sum Brederodus ego, Batavae non infima gentis
Gloria, virtutem non unica pagina claudit*.

(1565) Кроме этих двух, из среды знатнейшего нидерландского дворянства к союзу присоединились еще молодой граф Карл фон Мансфельд, сын того самого Мансфельда, который был ревностнейшим сторонником короля, граф Куйлембург, граф Берген, граф фон Баттенбург, Иоанн фон Марникс, сеньор Тулузский, Филипп Марникс, сеньор Сент-Альдегонде, и многие другие. Этот союз был основан в середине ноября 1565 года в доме некоего ван Гаммеса, герольда ордена Золотого руна **. Эти шесть человек ***, как некогда шесть союзников, поднявшихся за швейцарскую свободу, решили судьбу своего отечества, зажгли факел сорокалетней войны и положили основание свободе, воспользоваться которой им самим не было суждено. Цель братского объединения была изложена в следующей

* «Я — Бредероде, немалая слава для голландского народа; о моей храбрости рассказывается на многих страницах». Burgund. 351. 352; Grot. 20.

** Ревностный кальвинист и самый искусный вербовщик в союзе, он гордился тем, что привлек к союзу до двух тысяч дворян (Strada. 148).

*** Burgund. 156. Strada называет девять человек (148). в Allg. G. d. v. N. III, T. говорится об одиннадцати.

формуле присяги, под которой первым поставил свою подпись Филипп Марникс:

«После того как известные злонамеренные лица под личиною благочестивого рвения, в действительности же побуждаемые только своей жадностью и властолюбием, склонили короля, нашего всемилостивейшего государя, ввести в здешней стране гнусный суд инквизиции (суд, который противоречит всем человеческим и божеским законам и по бесчеловечности далеко оставляет за собою все варварские учреждения слепого язычества, суд, который подчиняет инквизиторам всякую другую власть, унижает людей до состояния рабства и своими преследованиями подвергает вечному страху смерти даже наиболее честных граждан, так как любой священник, вероломный друг, испанец, вообще всякий негодяй имеет полную возможность, когда ему только угодно и кого ему угодно, обвинить перед этим судом, заставить заточить его, судить и казнить, а обвиняемому не разрешается ни узнать, кто его обвинитель, ни привести доказательств своей невиновности), мы, нижеподписавшиеся, соединились вместе, чтобы оберегать наши семейства, наше имущество и самих себя. Мы обязуемся, и с этой целью объединяемся в священное братство, изо всех сил противодействовать введению этого суда в нашей стране, как бы ни пытались ввести его, тайно или явно и под каким бы то ни было именем, и мы клянемся в этом торжественной клятвой. В то же время мы заявляем, что мы очень далеки от того, чтобы совершать что-либо противозаконное по отношению к королю, нашему государю. Наоборот, нашим неизменным намерением является поддерживать и защищать его королевское правление, охранять мир и по возможности противодействовать всякому восстанию. Соответственно этому намерению мы уже клялись и теперь снова клянемся свято чтить правительство, щадить его на словах и на деле. Да будет этому свидетель всемогущий бог!

Далее, мы торжественно обещаем и клянемся взаимно оберегать и защищать друг друга всегда и повсюду против всякого нападения, поскольку оно имеет отношение к статьям, обозначенным в этом договоре.

Этим мы берем на себя обязательство, что никакое обвинение со стороны наших гонителей, как бы они его ни назвали — будь то бунт, восстание или еще что-нибудь, — не заставит нас нарушить нашу клятву по отношению к тому, кого обвинят в этом, — не заставит нас отказаться от данного нами ему обещания. Никакое действие, направленное против инквизиции, не может быть названо мятежом. Итак, если кто-нибудь по такой причине будет подвергнут заключению, мы обязуемся по мере наших возможностей помогать ему и добиваться его освобождения всякими дозволенными средствами. В этом случае, как и во всех остальных правилах нашего поведения, в особенности же по отношению к суду инквизиции, мы подчиняемся общественному мнению союза или же суждению тех, кого мы единогласно изберем нашими советниками и вождями.

Для засвидетельствования этого и для утверждения нашего союза мы обращаемся к святому имени живого бога, создателя неба и земли и всего, пребывающего там, который проникает в сердца, в совесть и помыслы всех и знает чистоту наших намерений. Мы молим о помощи его духа святого, чтобы удача и честь увенчали наше предприятие для прославления имени его и на благо и вечный мир нашему отечеству» *.

Этот «Компромисс» тотчас же перевели на многие языки и быстро распространили по всем провинциям. Каждый из заговорщиков старался привлечь к союзу всех своих друзей, родственников, приверженцев и слуг, чтобы поскорее увеличить его численность. Устраивались богатые пиршества, продолжавшиеся по целым дням, — неодолимый соблазн для чувственной и распутной породы людей, у которых глубочайшая нужда не могла убить влечения к роскоши. Кто попал сюда, — а всякий был здесь желанным гостем, — становился податливее под влиянием льстивых уверений в дружбе; разгоряченный вином, он увлекался примером и поддавался пламени неистового красноречия. Водили рукою многих, когда они ставили свою подпись, сомневающихся поносили, колеблющимся угрожали,

* Burgund. 156. 159. Strada. 118.

лойяльных старались перекричать. Некоторые даже не знали, под чем они собственно подписываются, и еще долго спустя стеснялись спросить об этом. Всеобщее опьянение не давало возможности выбора. Многие вступали в союз по одному легкомыслию; ничтожных привлекало блестящее товарищество, боязливых ободряла многочисленность. Прибегли еще к следующей хитрости: были подделаны имена и печати принца Оранского, графов Эгмонта, Горна, Мегена и других; и этой уловкой удалось привлечь к союзу многие сотни людей. Особенное внимание было обращено на офицеров армии, чтобы обеспечить себя на случай, если дело дойдет до насильственных действий. Удалось привлечь многих из них, особенно среди младших чинов; граф Бредероде обнажил даже шпагу против одного прапорщика, который готов был одуматься. Под договором подписывались люди всех классов и сословий. Разница в религии не имела значения; даже католические священники присоединялись к союзу. Побудительные причины были различны, но предлог у всех был один. Католики желали лишь уничтожения инквизиции и смягчения эдиктов; протестанты стремились к неограниченной свободе совести. Некоторые отчаянные головы замыслили даже полный переворот современного образа правления. Самые же ничтожные из заговорщиков питались низменными надеждами на всеобщую неурядицу*.

Прощальный обед, который как раз в это время был дан графу фон Шварценбергу и графу Голле в Бреде, а вскоре затем и в Гогстратене, привлек в оба эти города многих наиболее знатных дворян, среди которых находилось немало и таких, которые уже подписали «Компромисс». На этом обеде присутствовали — без всякого предварительного сговора — также и принц Оранский, граф Эгмонт, граф Горн и граф Меген; однако они не вступили в союз, к которому, между прочим, открыто примкнуло несколько слуг и даже один из личных секретарей Эгмонта. Триста человек объявили себя на этом обеде за «Компромисс», и был поднят вопрос о том,

* Strada. 119. Burgund. 159—161.

следует ли обратиться к регентше с оружием в руках или без оружия, с речью или с петицией. Горн и Оранский (Эгмонт ничем не хотел поддержать это предприятие) были избраны при этом в судьи, и, хотя они и высказались за путь умеренности и послушания, это избрание дало повод обвинить их в том, что они взяли дело заговорщиков под свое покровительство, не стремясь особенно скрыть это. В итоге было решено отправиться к регентше без оружия и с петицией: был назначен и день, когда все должны были собраться в Брюсселе*.

Первое предостережение о заговоре дворянства было сделано регентше графом Мегеном тотчас же после его возвращения. «Зреет один замысел, — заявил он, — триста дворян принимают в этом участие, он касается религии, участники связали себя клятвой, они рассчитывают на иностранную помощь, дальнейшее она вскоре узнает». Больше он ей ничего не сказал, как настойчиво она ни добивалась, ибо один дворянин доверил ему это под зарюком молчания, и он дал ему на то свое честное слово. Конечно, не столько деликатный вопрос о чести удержал его от дальнейших слов, сколько отвращение к инквизиции, выслуживаться у которой он не имел никакой охоты. Вскоре после этого граф Эгмонт передал регентше копию «Компромисса», причем назвал ей за немногими исключениями имена всех заговорщиков. Почти в то же время принц Оранский написал ей, что армия, как он слышал, уже вербует, что четыреста офицеров назначены и двадцать тысяч человек вскоре будут готовы к бою. Все эти подробности преднамеренно преувеличивали слухи о заговоре, и опасность, казалось, росла по мере того, как рассказы о ней переходили из уст в уста**.

Ошеломленная этими первыми известиями и руководясь только страхом, регентша с величайшей поспешностью созывает всех членов государственного совета, находившихся в Брюсселе; в то же время она приглашает настойчивым письмом принца Оранского и графа Горна снова занять оставленные ими места в сенате.

* Burgund. 150. 166.

** Норрег. 69. 70. Burgund. 166. 167.

Еще раньше, чем они прибыли, она совещается с Эгмонтом, Мегеном и Барлемоном о том, что следует предпринять в столь затруднительном положении. Вопрос стоял так: взяться ли сейчас же за оружие, или же лучше, уступая необходимости, пойти навстречу желаниям заговорщиков? Или же следует постараться выгадать время, задержав их обещаниями и видимостью уступок, чтобы успеть получить из Испании указания, как действовать, и запастись деньгами и войском? Для первого решения не хватало нужных денег, а также и необходимого доверия к армии, которая, быть может, уже склонилась на сторону заговорщиков. Второе решение никогда не было бы одобрено королем и привело бы лишь к усилению упорства заговорщиков, а отнюдь не уничтожило бы его. Искусно же осуществленная уступчивость и быстрое безусловное прощение за все содеянное, быть может, задушило бы восстание в колыбели. Меген и Эгмонт поддерживали последнее мнение. Барлемон же выступил против него. Он говорил, что «слухи преувеличены». «Невозможно, чтобы столь значительная подготовка военных сил была проведена в полной тайне и с такой быстротой. Речь, очевидно, идет о скопище немногих негодяев, сбитых с толку двумя-тремя горячими головами,— вот и все; отрубить несколько голов — и все успокоится». Регентша решила подождать мнения общего собрания государственного совета; в ожидании его она все же не оставалась в бездействии. Укрепления в важнейших городах осматриваются, и все замеченные повреждения исправляются; ее посланники при чужих дворах получают приказ удвоить свою деятельность; в Испанию снаряжаются курьеры. В то же время она снова пускает слух о скором приезде короля, а своим внешним поведением старается выразить твердость и спокойствие человека, который ожидает нападения, но не считает его для себя опасным*.

В конце марта — следовательно, ровно через четыре месяца после составления «Компромисса» — в Брюсселе собрался государственный совет в полном своем

* Strada. 120. Burgund. 168. 169.

составе. Присутствовали принц Оранский, герцог Аршот, графы: Эгмонт, Берген, Меген, Аремберг, Горн, Гогстратен, Барлемон и другие; сеньоры: Монтиньи и Ашикур, все рыцари ордена Золотого руна, вместе с председателем Виглиусом, государственным советником Брукселем и остальными ассессорами тайного совета *. Тут были уже представлены на рассмотрение различные документы, в которых давались более подробные сведения о плане заговора. Затруднительное положение, в котором находилась регентша, усилило позиции всех недовольных, и они не упустили случая воспользоваться этим, чтобы открыто выразить свое так долго подавлявшееся раздражение. Они позволили себе выступить с горькими жалобами даже против двора и правительства. «Только недавно,— сказал принц Оранский,— король послал шотландской королеве сорок тысяч гульденов золотом, чтобы поддержать ее замыслы против Англии, а свои Нидерланды он оставляет на погибель под бременем долгов. Но не говоря уже о несвоевременности этих субсидий и их полной бесплодности **, зачем он возбуждает против нас гнев королевы, дружба которой нам так важна, а враждебность так страшна?» Принц Оранский не упустил также возможности намекнуть на скрытую ненависть, которую король якобы питает ко всей Нассауской фамилии и в особенности к нему. «Совершенно очевидно,— сказал он,— что король совещался с исконными врагами моего дома о том, как бы любым способом устранить меня со своего пути, и что он с нетерпением ждет предлога для этого». Пример принца Оранского развязал языки графу фон Горну и многим другим, и они с большой страстностью заговорили о собственных заслугах и о неблагодарности короля. Регентше стоило большого труда успокоить страсти, направить внимание на действительный предмет обсуждения. Речь идет о том, следует ли принять заговорщиков, которые, как это стало теперь известно, собираются подать двору петицию. Герцог Аршот, графы Аремберг,

* Норрег. 71. 72. Burgund. 173.

** Деньги попали в руки королевы Елизаветы.

Меген и Барлемон высказались против этого. «Разве нужно пятьсот человек,— говорил Барлемон,— чтобы передать небольшую записку? Такое несоответствие между смирением и заносчивостью не сулит ничего доброго. Пусть они пошлют нам кого-либо из своей среды, человека, достойного уважения, без пышности, без претензий, и таким путем доведут до нашего сведения свои желания. В противном случае надо запереть перед ними ворота. Если же впускать их,— тогда надо строжайшим образом наблюдать за ними и первую же дерзость, допущенную кем-нибудь из них, наказать смертью». Граф Мансфельд, собственный сын которого находился среди заговорщиков, заявил, что он против них и что он пригрозил своему сыну лишением наследства, если он не отступится от союза. Графы Меген и Аремберг также выразили сомнение в том, что следует принять прошение. Но принц Оранский, графы Эгмонт, Горн, Гогстратен и многие другие упорно держались противоположного мнения. «Объединившиеся в союз,— говорили они,— известны нам как люди совести и чести. Огромная часть их находится с нами в дружеских и родственных отношениях, и мы готовы поручиться за их действия. Подавать прошение разрешается каждому подданному. Нельзя же, не совершая несправедливости, лишить столь высокое сообщество того права, которым пользуется в государстве самый простой человек». Так как большинство голосов поддержало это мнение, то было решено допустить членов союза, с условием, что они явятся невооруженными и будут вести себя сдержанно. Эти споры между членами совета отняли так много времени, что дальнейшее обсуждение вопроса пришлось отложить до второго заседания, которое и состоялось на следующий же день*.

Чтобы не утопить, как вчера, основной вопрос в бесполезных жалобах, регентша на этот раз немедленно поспешила к цели. «По имеющимся у нас сведениям,— сказала она,— Бредероде намерен обратиться к нам от имени союза с ходатайством об уничтожении инквизиции и о смягчении эдиктов. Мой сенат должен решить,

* Strada. 121. 122.

какой ответ следует мне ему дать. Но, раньше чем вы выскажете свои мнения, разрешите мне предпослать им несколько слов. Мне говорят, будто даже и среди вас есть много таких, которые публично бранят эдикты императора, моего отца, по вопросам веры и представляют их народу как бесчеловечные и варварские. Я спрашиваю вас самих, рыцари Золотого руна, советники его величества, члены государственного совета, не вы ли сами подали свой голос за эти эдикты, и не сословные ли представители империи признали за ними законную силу? Почему же ныне бранят то, что раньше было признано правильным? Не потому ли, что эдикты стали теперь необходимы больше, чем когда бы то ни было? С каких это пор инквизиция в Нидерландах стала чем-то необычным? Разве не шестнадцать лет прошло с тех пор, как император учредил ее, и разве она более жестока, чем эдикты? Если признать, что эдикты были делом мудрости и что всеобщее одобрение генеральных штатов освятило их, то почему же вы столь враждебны к инквизиции, которая все же более человечна, чем эдикты при точном соблюдении их? Теперь говорите свободно; я не хочу моими словами связывать вашего суждения, но ваше дело позаботиться о том, чтобы суждение ваше не складывалось под влиянием страсти» *.

Государственный совет, как всегда, разделился во мнениях на две части; но те немногие, которые высказались за инквизицию и за точное применение эдиктов, были подавлены огромным большинством голосов противной партии, во главе которой стоял принц Оранский. «Если б небу угодно было, — начал он, — чтоб мои соображения были приняты во внимание еще в ту пору, когда они были едва возникшими опасениями, мы никогда не дошли бы до такого положения, когда придется прибегать к крайним средствам, и те люди, которые и тогда уже впали в заблуждения, не погрязли бы в них еще больше, как это произошло теперь из-за тех мер, которые применялись к ним с целью вывести их из заблуждений. Все мы, как видите, согласны в основном.

* Strada. 123. 124.

Все мы хотим, чтобы католическая религия была вне опасности. Если бы этого нельзя было достигнуть без помощи инквизиции, ну что же, мы готовы были бы принести ей в жертву наше имущество и кровь нашу; но как раз этого, как вы здесь слышите, большинство из нас не думает.

Есть два рода инквизиций. Одной хочет распоряжаться папский престол, другая с незапамятных времен находилась под управлением епископов. Сила обычая и привычка сделали для нас вторую возможной и необременительной. Эта инквизиция не встретит больших возражений в Нидерландах, а увеличение числа епископов сделает ее и вполне достаточной для отправления правосудия. Для чего же тогда первая, одно название которой приводит всех в возбуждение? Столько наций обходится без нее, почему же именно *нам* должна она быть навязана? До Лютера никто не знал ее. Император был первым, который ввел ее; но это случилось в то время, когда не хватало духовных пастырей; к тому же немногие епископы были весьма недеятельны и вследствие безнравственности духовенства были лишены права быть судьями. Теперь все изменилось; теперь у нас епископов столько же, сколько провинций. Почему бы искусство управления не согласовать с духом времени? Нам нужна снисходительность, а не жестокость. Мы видим недовольство народа, которое надо постараться смягчить, чтобы оно не перешло в возмущение. Со смертью Пия IV полномочия инквизиторов окончились; новый папа не утвердил их еще, а без этого ни один из инквизиторов не осмелился еще приступить к отпращиванию своей обязанности. Следовательно, теперь как раз время прекратить эти полномочия, не нарушая ничьих прав.

То, что я высказал относительно инквизиции, применимо также и к эдиктам. Потребность времени *вызвала* их, но те времена уже прошли. Столь продолжительный опыт должен же был в конце концов доказать нам, что против ереси нет средства более бесплодного, чем костры и меч. Какие огромные победы одержала новая религия в провинциях в течение немногих лет, и если мы вникнем в причины этого, то увидим, что одной

из главных являлась славная стойкость тех, кто жертвовал ради нее жизнью. Охваченные состраданием и восхищением, люди начинают в глубине души приходить к мысли, не истина ли то, что отстаивается с таким непреклонным мужеством. Во Франции и в Англии относились к протестантам столь же сурово. И разве это помогло? Уже первые христиане гордились тем, что кровь мучеников была семенем, из которого выросла их церковь. Император Юлиан, страшнейший враг из всех когда-либо бывших у христианства, постиг эту истину. Убедившись, что преследования лишь увеличивают рвение, он начал прибегать к издевательствам и насмешкам, и нашел, что это оружие гораздо действеннее, чем насилие. В Византийской империи появлялись в разные времена различные секты: Арий при Константине, Аэций при Констанции, Несторий при Феодосии, и, однако, у нас нет свидетельств, чтобы против этих лжеучителей или их учеников прибегали к мерам, подобным тем, которыми опустошаются *наши* страны. А между тем, где же теперь все эти секты, вместить которые, казалось, не мог весь мир? Такова судьба всякой ереси. Если отнестись к ней с презрением, она рассыплется в прах. Ересь похожа на железо, которое ржавеет, если лежит неподвижно, и становится острым только при употреблении. Стоит от нее отвернуться, и она теряет свою могучую привлекательность, очарование новизны, очарование запретного. Почему бы нам не удовлетвориться мероприятиями, которые принимались с успехом великими правителями? Пример да будет для нас наилучшим руководством.

Но зачем же нам брать примеры из древних языческих времен, когда перед нами стоит как славный образец Карл V, величайший из правителей, который, наученный опытом, покинул в конце концов кровавый путь преследований и пришел к терпимости за много лет до своего отречения от престола. Сам Филипп, всемилостивейший государь наш, казалось, склонялся раньше к милосердию: советы некоего Гранвеллы и ему подобных убедили его в обратном, правильно ли это, — пусть они решают сами. Мне же издавна казалось, что законы должны сообразоваться с обычаями, а основные

правила — с временем, и лишь тогда успех будет сопутствовать им. В заключение я вам напомню о той тесной близости, которая существует между гугенотами и фламандскими протестантами. Остережемся раздражать наших протестантов еще сильнее, чем они уже раздражены. Не будем по отношению к ним повторять опыт французских католиков, чтобы они не вздумали по отношению к нам разыграть роль гугенотов и, как гугеноты, не ввергли бы свое отечество в ужасы гражданской войны» *.

На этот раз доводы принца Оранского, поддержанные решающим большинством сената, не остались совсем без влияния, но этим он был обязан не столько их правильности и целесообразности, сколько состоянию разложения, в котором находилась военная сила, и истощению казны, что помешало защищать противоположное мнение вооруженной рукой. Было решено удовлетворить некоторую часть требований заговорщиков, чтобы по крайней мере сдержать первый натиск и выгадать время, необходимое для улучшения своего положения. Постановили смягчить указы императора о наказаниях в такой степени, в какой он и сам смягчил бы их, если бы встал в эти дни из гроба, и поскольку он однажды при сходных обстоятельствах и сам не счел ниже своего достоинства смягчить их. Инквизицию решили не вводить там, где она еще не была введена; там же, где она была введена, решили либо несколько смягчить ее, либо оставить ее в бездействии, так как инквизиторы не были еще утверждены новым папою. Были именно такие выражения, чтобы ни в коем случае не доставить удовольствия протестантам, показав им, будто их боятся или будто их требования признаются справедливыми. Тайному совету было поручено составить это постановление сената без промедления. Приготовившись таким образом, стали ждать заговорщиков **.

* Burgund. 174—180. Hopper. 72. Strada. 123—124.

«Пусть никто не удивляется, — говорит Бургундиус, горячий приверженец католической религии и испанской партии, — что в речи этого принца проявляется такое знание философии: он почерпнул его при сношении с Балдуином». 180.

** Strada. 124. 125.

Сенат не успел еще разойтись, как по всему Брюсселю распространилась весть, что члены союза приближаются к городу. Ехали всего лишь двести всадников, но слухи увеличили их число. Регентша в полной растерянности ставит вопрос, закрывать ли городские ворота, или спасаться бегством? * И то и другое отвергается как унижительное; к тому же спокойный въезд дворян в город вскоре рассеивает всякий страх вооруженного нападения. Утром, в первый же день после своего прибытия, они собрались в доме Куйлембурга, и Бредероде потребовал от них второй клятвы в том, что они, не говоря уже о других обязательствах, будут защищать друг друга даже с помощью оружия, если это понадобится. Здесь же было прочитано письмо из Испании, извещавшее о том, что протестант, которого они все знали и глубоко уважали, сожжен там живым на медленном огне. После таких и тому подобных вступлений Бредероде вызывает по имени одного за другим и заставляет их принести новую присягу и подтвердить прежнюю как от своего собственного имени, так и от имени отсутствующих. Тут же для передачи петиции был назначен следующий день — 5 апреля 1566 года.

Их было теперь от трехсот до четырехсот человек. Среди них находились многие вассалы высшей знати, а также и различные служащие самого короля и герцогини **. С графом Нассауским и с графом Бредероде во главе они шествием тронулись ко дворцу по четыре человека в ряд. Весь Брюссель смотрел в молчаливом изумлении на это необычайное зрелище. Здесь были люди, которые выступали достаточно смело и независимо, чтобы не казаться просителями, и впереди них шли два человека, которых также не привыкли видеть просящими. Здесь было столько порядка, смирения и тихого спокойствия, как никогда не бывает ни при каком мятеже. Регентша принимает процессию, окруженная всеми своими советниками и рыцарями Золотого руна.

* Strada. 126.

** Норпер. 73.

«Эти благородные нидерландцы,— почтительно обращается к ней Бредероде,— которые собрались здесь перед вашим высочеством, и другие, которые еще в большем количестве в скором времени прибудут сюда, желают представить вам прошение, в важности которого, как и в их покорности, должна вас убедить эта торжественная процессия. Я, как уполномоченный этого сообщества, прошу вас принять это прошение, в котором нет ничего, что не соответствовало бы благу отечества и достоинству короны».

«Если в этом прошении,— ответила Маргарита,— действительно не содержится ничего такого, что противоречит благу отечества и достоинству короны, то нет никакого сомнения, что оно будет удовлетворено».— «Мы с горечью и огорчением слышали,— начал снова оратор,— что нашему союзу приписываются предосудительные намерения и что ваше высочество восстановлено против него. Поэтому мы настойчиво просим назвать нам тех, кто возводит на нас тяжелые обвинения; пусть они предъявят их прямо и открыто для того, чтобы те, кто действительно окажется виновным, могли быть подвергнуты заслуженному наказанию».— «Мне во всяком случае не может быть поставлено в упрек,— отвечала регентша,— что я на основании неблагоприятных слухов о намерениях и связях вашего союза сочла нужным обратить на него внимание провинциальных штатгальтеров. Но я, конечно, никогда не назову вам тех, кто мне сообщил эти сведения; никто не имеет права требовать от меня,— прибавила она с недовольным видом,— чтобы я выдавала государственные тайны». Затем она назначила членам союза прийти за ответом на их прошение на следующий день, а сама отправилась совещаться с рыцарями Руна*.

«Никогда,— так гласило прошение, автором которого, по мнению некоторых, был знаменитый Балдуин,— никогда мы не отступали от верности своему королю и теперь мы также далеки от этого. Но все же мы готовы скорее подвергнуться опасности навлечь на себя немилость своего государя, чем оставлять его

* Норрег. 73. Strada. 126. 127. Burgund. 182. 183.

далее в неведении, какими дурными последствиями грозит нашему отечеству насильственное насаждение инквизиции и упорное сохранение эдиктов. Долгое время мы льстили себя надеждой, что общее собрание сословных представителей избавит нас от этих тягостей; теперь же, когда и эта надежда угасла, мы считаем своим долгом предупредить регентшу о возможном бедствии. Поэтому мы просим ваше высочество отправить в Мадрид какое-нибудь благомыслящее и хорошо осведомленное лицо, которое было бы в состоянии склонить короля к тому, чтобы он, согласно единодушному желанию нации, уничтожил инквизицию и отменил существующие эдикты, а вместо них приказал общему собранию сословных представителей выработать новые, более человеческие. Тем временем, в ожидании, пока король объявит о своем решении, пусть эдикты больше не применяются, а инквизиция пусть бездействует. Если же, — так говорилось в заключение, — наше смиренное ходатайство не будет услышано, то призываем в свидетели бога, короля, регентшу и всех советников, что мы сделали все для отвращения бедствий» *.

На следующий день, когда им было назначено прийти за ответом, члены союза явились к регентше такой же процессией, но в еще большем количестве, так как за это время к ним присоединились граф Берген и граф Куйлембург с их сторонниками. Ее ответ был написан на полях прошения и гласил следующее: не в ее власти совсем отменить инквизицию и эдикты, но она готова, согласно желанию членов союза, послать кого-нибудь из дворян в Испанию и сама всеми силами поддержит их ходатайство перед королем; инквизиторам же будет предложено исполнять тем временем свои обязанности с умеренностью. Со своей стороны она ждет, что союз воздержится от всяких насильственных действий и ничего не предпримет против католической религии. Как ни мало были члены союза удовлетворены этими общими и нерешительными обещаниями, но все же это было все, чего они могли хотя бы с некоторой долей вероятности ожидать на первых порах.

* Норрег. 74. Burgund. 162. 166.

Собственно говоря, удовлетворение или неудовлетворение их прошения не имело ничего общего с подлинными целями союза. Пока что им было достаточно, что союз был основан, что дух восстания обрел в нем поддержку и что этим, в случае необходимости, можно будет устрашить правительство. Таким образом, члены союза действовали в полном соответствии со своим планом, когда они удовлетворились таким ответом и предоставили остальное решать королю. Вообще вся эта комедия с прошением была придумана только для того, чтобы скрыть за обликом просителя более смелые планы союза, пока он не окрепнет настолько, чтобы показаться в подлинном своем обличии; поэтому им было гораздо важнее сохранить маску и сделать так, чтобы их прошение было принято благосклонно, но не удовлетворено немедленно. В новой записке, которую они передали-регентше через три дня, они настаивали, чтобы она удостоверила, что они в данном случае выполняли только свой долг и руководствовались верноподданническим рвением. Когда герцогиня уклонилась от объяснений, они уже с лестницы направили к ней посланца, чтобы вторично попытаться достигнуть этого. «Только время и ваше будущее поведение,— ответила герцогиня посланному,— явятся судьями ваших намерений» *.

Пиршества положили начало союзу, и пиршество же оформило и завершило его. В тот самый день, когда было передано второе прошение, Бредероде угощал заговорщиков в доме Куйлембурга. Присутствовало до трехсот гостей. Опьянение сделало их задорными, и молодечество их возрастало вместе с численностью. Некоторые из них вспомнили, что они слышали, как граф Барлемон шепнул по-французски регентше, которая при передаче ей петиции побледнела, что она не должна бояться кучки нищих (*gueux*). Большая часть дворян вследствие плохого ведения хозяйства действительно так разорилась, что вполне оправдывала это название. А так как они были в это мгновение заняты тем, чтобы найти наименование своему братству, то и ухватились

* Норрег. 94. Strada. 127.

с жадностью за это имя, которое скрывало дерзость их замысла под видом смирения и в то же время было очень близко к истине. Они тотчас же стали чокаться друг с другом, выкрикивая при всеобщем одобрении: «Да здравствуют гёзы!» По окончании обеда Бредероде появился с сумой, какие тогда носили странствующие богомольцы и нищенствующие монахи, повесил ее себе на шею, выпил из деревянного кубка за здоровье присутствовавших, поблагодарил всех за их вступление в союз и торжественно поклялся, что готов рисковать своею жизнью и имуществом за каждого из них. Все громко воскликнули то же самое, кубок пошел в круговую, и каждый произносил, поднося кубок к губам, ту же самую клятву. Затем все они один за другим получили по нищенской суме, и каждый повесил ее на свой собственный гвоздь. Шум, сопровождавший эту потеху, привлек в дом случайно оказавшихся поблизости принца Оранского, графа Эгмонта и графа Горна. Бредероде, как хозяин дома, с бурной настойчивостью пригласил их остаться и выпить с ними *. Прибытие этих трех влиятельных лиц вызвало новый взрыв ликования, и веселье стало переходить в разгул. Многие опьянели совсем; гости и прислуга, серьезное и шутовское, чувственное упоение и государственные дела — все это перемешалось самым причудливым образом; всеобщее бедствие в стране подготовило вакханалию. Дело на этом не кончилось. То, что было решено в опьянении, было затем выполнено в трезвом виде. Для народа было необходимо сделать существование его защитников явным, и для поддержания рвения в партии нужен был внешний знак; лучшим средством для этого было открыто присвоить себе название гёзов и, исходя из этого, взять знаки для братства. Через несколько дней город

* «Мы ведь выпили только один-единственный маленький стакан вина,— уверял впоследствии Эгмонт в своей защитительной записке,— и они кричали при этом: «Да здравствует король и да здравствуют гёзы!» Тут я в первый раз услышал это название, и, конечно, оно мне не понравилось. Но времена были такие тяжелые, что приходилось во многом принимать участие наперекор своим склонностям, и я смотрел на это как на невинный поступок (*Procès criminels des comtes d'Égmont* etc. Т. I. «Защита Эгмонта»).

Брюссель кишел пепельно-серыми одеждами, которые привыкли видеть на нищенствующих монахах и на кающихся. Семья каждого из заговорщиков, считая в том числе и челядь, облачилась в это монашеское одеяние. Некоторые прикрепили к своим шапкам деревянные миски, покрытые тонким слоем серебра, такие же кубки или ножи — всю домашнюю утварь нищенствующей братии; другие подвесили все это к поясу. На шею они надели золотую или серебряную медаль, получившую потом название «пфенниг гёзов», на одной стороне медали был изображен бюст короля с надписью: «Королю верен»; на другой стороне изображены были две руки, держащие суму для припасов, с надписью: «До нищенской сумы». Отсюда и взялось название «гёзы», которое впоследствии носили в Нидерландах все те, кто отпал от папства и поднял оружие против короля*.

Прежде чем разойтись и рассеяться по провинциям, члены союза еще раз явились к герцогине, чтобы напомнить ей о необходимости более мягкого отношения к еретикам в ожидании ответа короля из Испании, если она не желает довести народ до крайности. Но если, добавили они, вследствие иного способа обращения произошла бы беда, то они желали бы, чтобы на них во всяком случае смотрели как на людей, выполнивших свой долг.

Герцогиня ответила, что она надеется принять такие меры, что никаких беспорядков не произойдет. Но если б это все-таки случилось, то она могла бы приписать это только членам союза и никому другому. Поэтому она настойчиво советует им, чтоб и они со своей стороны выполнили все свои обещания, не принимали больше в союз новых членов, не созывали больше никаких частных собраний и вообще не вводили бы никаких новшеств. Пока же, чтоб успокоить их, тайному секретарю было приказано показать им письма, в которых предписывалось всем инквизиторам и светским судьям соблюдать умеренность по отношению к тем еретикам, которые не усугубили своей виновности в ереси граж-

* Норрег. 94. Strada. 127—130. Burgund. 185. 187.

данскими преступлениями. До своего отъезда из Брюсселя члены союза выбрали из своей среды четырех представителей * для заведования делами союза и кроме них выбрали еще для каждой провинции собственного уполномоченного. В самом Брюсселе было оставлено несколько человек, чтобы зорко следить за всеми действиями двора. Бредероде, Куйлембург и Берген покинули, наконец, город в сопровождении пятисот пятидесяти всадников; за стенами города они еще раз салютовали друг другу выстрелами из мушкетов и затем разъехались — Бредероде в Антверпен, двое других в Гелдерн. Регентша поспешила опередить Бредероде, послав в Антверпен курьера, чтобы предостеречь магистрат города. Возле гостиницы, где остановился Бредероде, столпилось больше тысячи человек. Он показался у окна со стаканом вина в руке. «Граждане Антверпена, — обратился он к ним, — я нахожусь здесь, рискуя своей жизнью и имуществом, с целью избавить вас от гнета инквизиции. Если вы хотите принять участие в этом деле и хотите избрать меня своим руководителем, то примите тост, который я провозглашаю за ваше здоровье, и в знак одобрения поднимите руки». С этими словами он выпил, и при шумных криках ликования все руки сразу поднялись вверх. После этого геройского поступка он покинул Антверпен **.

Сейчас же после передачи дворянами петиции регентша поручила тайному совету выработать новую формулу эдиктов, которая должна была занять среднее положение между указами короля и требованиями членов союза. Теперь встал вопрос, что благоразумнее: тотчас ли обнародовать *модерацию*, как обычно стали называть эту новую формулу, или же сначала представить ее на одобрение короля ***. Тайный совет, считая слишком рискованным предпринять такой важный шаг без предуведомления монарха и даже вопреки определенным его предписаниям, выступил против принца

* Бургундиус говорит, что таких представителей было двенадцать и будто народ называл их в шутку двенадцатью апостолами (188).

** Strada. 131.

*** Норпер. 95.

Оранского, который высказался за немедленное обнаружение. Кроме того, были основания бояться, что и народ не будет доволен этой модерацией, выработанной без участия сословных представителей, ибо об их участии все время и шла речь. Чтобы как-нибудь добиться согласия сословий или, вернее, украсть его у них, регентша прибегла к хитрости. Она обратилась за одобрением к каждой области отдельно и прежде всего к таким, как Артуа, Геннегау, Намюр и Люксембург, у которых было меньше всего свобод. Этим она не только избегла возможной опасности, что они будут подстрекать друг друга к неповиновению, но достигла и того, что более свободные провинции, как Фландрия и Брабант, которых мудро оставили на самый конец, дали увлечь себя примером других *. Уполномоченные городов были сбиты с толку этим совершенно незаконным образом действий, до того как они успели обратиться к своим общинам, а затем их обязали еще хранить полное молчание обо всем происшедшем. Таким путем регентша достигла того, что некоторые области признали модерацию безусловно, другие области признали ее с некоторыми поправками. Люксембург и Намюр подписали ее без всякого колебания. Соеловия в Артуа сделали добавление, что ложные доноски должны подлежать закону возмездия; сословия в Геннегау выразили желание, чтобы вместо конфискации имущества, которая противоречит их привилегиям, были введены какие угодно другие наказания. Фландрия потребовала полного уничтожения инквизиции и возможности для обвиняемых апеллировать к своим провинциям. Сословия Брабанта позволили себя провести ухищрениям двора. Зеландия, Голландия, Утрехт, Гелдерланд и Фрисландия, огражденные самыми значительными привилегиями и охранявшие их с наибольшим рвением, именно поэтому никогда и не были запрошены об их мнении по поводу модерации. От провинциальных судов потребовали, чтобы и они дали свои заключения о вновь принятом смягчении, но, повидимому, их заключения прозвучали не слишком

* Grot. 22. Burgund. 196. 197, sq.

благоприятно, так как они никогда не были посланы в Испанию *. По основному содержанию этого *смягчения*, которое в самом деле заслуживало своего названия, можно сделать выводы и насчет самих эдиктов. «Наставники, руководители и духовные писатели всех сект, говорилось там, а также и все те, которые дают кому-нибудь из них убежище, содействуют еретическим собораниям, скрывают их и вообще совершают какое-либо другое нарушение общественного порядка, должны быть наказаны виселицей, а имущество их (где это допускается местными законами) должно быть конфисковано; но если они отрекутся от своих заблуждений, то могут быть подвергнуты казни мечом, а оставшееся после них имущество перейдет к их семьям». — Жестокая западня для родительской любви! — «Незакоренные, готовые раскаяться еретики, — говорилось далее, — могут получить помилование; те же из них, которые не хотят раскаяться, должны покинуть страну, не лишаясь, однако, своего имущества, кроме тех случаев, когда они совращают в свою ересь других». Благоденствие это не распространялось, однако, на анабаптистов. Они, если вина их не искупалась усерднейшим покаянием, должны были лишиться своего имущества, а если они становились рецидивистами, то есть вторично отпадали от церкви, то их предписывалось казнить без всякого милосердия **. Очень соблазнительно было бы объяснить большее уважение к жизни и собственности, заключенное в этих постановлениях, постепенной переменой во взглядах у испанских властей. Но в действительности это был лишь вынужденный шаг, предпринятый под давлением стойкого сопротивления дворян. В Нидерландах были столь мало удовлетворены этой модерацией, которая собственно не отменяла ни одной существенной тяготы, что народ, в раздражении, вместо модерации (*смягчение*) называл ее *моордерацией*, то есть *убийством* ***.

Выманив таким образом у сословий согласие на модерацию, ее представили в государственный совет;

* A. G. d. v. N. III. 72.

** Burgund. 190—193.

*** A. G. d. v. N. 72.

утвержденная им, она была послана королю в Испанию, чтобы получить через его санкцию силу закона*.

Миссия в Мадрид была сначала поручена, по соглашению с заговорщиками, маркизу Бергену**, но, вполне обоснованно опасаясь настроений короля и не желая брать на себя одного исполнение столь деликатного поручения, Берген выпросил себе помощника. Он получил его в лице барона Монтиньи, который когда-то был уже уполномочен на такое же дело и с честью довел его тогда до конца. Но за это время обстоятельства сильно изменились, и он имел полное основание беспокоиться о том, какой прием будет ему оказан в Мадриде во второй раз. Поэтому для большей своей безопасности он договорился с герцогиней о том, что она предварительно напишет обо всем монарху, между тем как он со своим сотоварищем будут совершать путешествие достаточно медленно для того, чтобы узнать об ответе короля еще в дороге. Добрый гений, который, казалось, хотел спасти его от ожидавшей его в Мадриде страшной судьбы, создал неожиданное препятствие для его путешествия: маркиз фон Берген вследствие раны, полученной им во время игры в мяч, не мог тотчас же тронуться в путь. Однако Монтиньи — ввиду того, что регентша просила его поспешить, — отправился в дорогу один, но не для того, чтобы отстоять, как он надеялся, в Испании дело своего народа, а для того, чтобы умереть за него***.

Положение вещей настолько изменилось теперь, и шаг, предпринятый дворянством, настолько приблизил мгновение полного разрыва с правительством, что принцу Оранскому и его друзьям казалось уже невозможным оставаться на той осторожной половинчатой позиции между республикой и двором, которую они до сих пор занимали, и быть верными дальше столь противоречивому долгу. Сколько усилий приходилось им делать при их образе мыслей, чтобы сохранять

* *Vigl. ad Norper. Epist. VII.*

** Надо отличать этого маркиза фон Бергена от графа Вильгельма фон Бергена, который один из первых подписал «Компромисс» (*Vigl. ad Norper. Epist. VII.*).

*** *Strada. 133. 134.*

беспристрастие в этом споре, и как страдали их природное свободомыслие, их любовь к отечеству и их понятие о терпимости под тем давлением, которое оказывало на них занимаемое ими положение; а наряду с этим проявления недоверия к ним Филиппа и недостаточное внимание, с которым давно уже начали относиться к их мнениям, и холодность герцогини — все это уменьшало их рвение и затрудняло еще больше выполнение той неблагодарной роли, которую они взяли на себя с такой неохотой. Из Испании доходили к тому же различные слухи, благодаря которым становился несомненным тот факт, что король весьма недоволен петицией дворянства, а также и их собственным поведением при этих обстоятельствах; с его стороны приходилось ждать теперь действий, которые они, как опора отечественной свободы и как друзья и родственники большей части членов союза, никоим образом не могли бы поддержать *. От того, каким именем назовут в Испании объединение дворянства, зависело теперь решение, как им действовать в дальнейшем. Если петиция будет названа мятежом, то перед ними встанет выбор, либо *преждевременно* вызвать двор на опасное объяснение, либо же поддержать двор в деле преследования людей, которые действовали вполне в их духе и интересы которых являются и их интересами. Только совершенно отстранившись от дел, могли они уклониться от этой неприятной альтернативы, и это был тот путь, которым они частично уже следовали один раз и который при теперешних обстоятельствах становился чем-то большим, чем простой выход из положения. На *них* смотрела вся нация. Безграничное доверие к их убеждениям и всеобщее почитание их, близкое к обожествлению, облагораживали дело, которое они считали своим, и окончательно губили тех, которые отступались от него. Их участие в государственном управлении, если оно даже и оставалось только номинальным, сдерживало враждебную партию; пока они находились в сенате, насильственных мер избегали, потому что все еще оставалась надежда достигнуть чего-то добром. Их неодобрение

* Meteren. 81.

партии заговорщиков, если оно даже шло и не от сердца, отнимало у заговорщиков мужество и делало их нерешительными; наоборот, партия получила бы всю свою силу, если бы она хоть в какой бы то мере могла рассчитывать на столь важное для нее одобрение. Те мероприятия правительства, которые, проходя через их руки, привели бы, вероятно, к благоприятным результатам, без этого неизбежно становились подозрительными и бесполезными; даже уступчивость короля, если она не возникала под влиянием этих друзей народа, в значительной мере теряла свое значение. Их удаление от дел, — не говоря уже о том, что это лишало регентшу советников в то время, когда советы ей были крайне необходимы, — давало перевес противной партии, которая, руководясь слепой приверженностью ко двору и незнакомая с особенностями республиканского характера, должна была неизбежно увеличить бедствие и довести озлобление граждан до последней степени.

Каждый может решить сам, — в зависимости от того, хорошо или плохо относится он к принцу Оранскому, — какой из этих мотивов был преобладающим, когда принц Оранский принял решение покинуть регентшу на произвол судьбы и отстраниться от всех государственных дел. Повод, чтобы привести в исполнение это решение, вскоре нашелся. Принц Оранский голосовал за скорейшее опубликование заново переделанных эдиктов. Регентша поступила соответственно мнению тайного совета и послала их сначала королю. «Я вижу теперь, — заявил принц Оранский с преднамеренной горячностью, — что ко всем *моим* советам относятся с недоверием. Королю не нужны слуги, в верности которых он сомневается, и я далек от того, чтобы навязывать моему государю услуги, которые ему неприятны. Итак, будет лучше и для него и для меня, если я отстранюсь от государственных дел» *. Примерно то же самое заявил и граф фон Горн. Эгмонт попросил об отпуске под предлогом того, что врачи предписали ему аахенские воды, хотя он (так говорится в обвинительном акте против него) вид имел цветущий. Регентша,

* Burgund. 189.

испуганная последствиями, к которым неизбежно должны были привести эти шаги, заговорила с принцем очень резко. «Если ни мои доводы, ни общественное благо не в состоянии заставить вас отказаться от этого намерения, то подумайте по крайней мере о своем добром имени. Людвиг Нассауский — ваш брат. Он и граф Бредероде, главари заговора, были, как всем известно, у вас в гостях. Петиция говорит о том же, о чем вы постоянно говорили во всех ваших заявлениях в государственном совете. Если вы сейчас так внезапно покидаете вашего короля, то не будет ли это означать в глазах всех, что вы поддерживаете дело заговорщиков?» О том, вышел ли принц на этот раз из государственного совета, сведений нет. Но если он и ушел, то, вероятно, скоро одумался, так как мы вскоре после этого опять видим, что он занят государственными делами. Эгмонт, вероятно, поддался на уговоры герцогини, и только Горн действительно удалился в одно из своих поместий с намерением никому не служить более — ни императору, ни королям*.

Тем временем гёзы рассеялись по всем провинциям, и всюду, где они появлялись, они распространяли благоприятнейшие известия об успехе их предприятия. По их уверениям, свободы религии уже были завоеваны, и, чтобы уверить в этом других, они, не довольствуясь правдой, не стеснялись прибегать и ко лжи. Так, например, они показывали поддельное письмо рыцарей ордена Золотого руна, в котором торжественно заявлялось, что на будущие времена из-за вопросов религии никто не должен больше бояться ни тюрьмы, ни изгнания, ни смертной казни, разве что одновременно им будет совершено какое-нибудь политическое преступление, но и в таком случае судьями будут, разумеется, члены союза; и так будет до тех пор, пока король вместе с чинами государства не примет по поводу этого каких-нибудь других решений. Хотя рыцари Руна при первом же известии об этом обмане приложили все усилия, чтобы вывести нацию из заблуждения,

* Здесь он оставался три месяца в стороне от всякой деятельности («Обвинение Горна», 118).

все же эта уловка в короткое время оказала гёзам большие услуги. Если бывают истины, действие которых ограничивается одним *мгновением*, то вымыслы, которые держатся также в течение этого *мгновения*, могут очень легко заступить их место. Пущенный слух посеял недоверие между регентшей и рыцарями Руна. Кроме того, он вселил мужество в протестантов, возбудив в них новые надежды, и дал тем, кто боролся за нововведение, видимость права; и если даже сами они не верили в это право, то все же оно послужило к украшению всех их действий. Хотя ложное убеждение и было скоро опровергнуто, в тот короткий промежуток времени, пока ему верили, оно стало причиной стольких правонарушений и вызвало столько безудержных вольностей, что отступление стало невозможным, и те, которые уже встали на новый путь, почувствовали себя вынужденными продолжать его по привычке или от отчаяния *. После первого же известия о счастливых событиях бежавшие протестанты снова поспешили вернуться в свое отечество, с которым они расстались с такой неохотой; те, кто скрывались, покинули свои убежища; те, которые до сих пор чтили новую религию только в глубине сердца, ободренные терпимостью постановлений, стали признавать ее прямо и открыто **. Имя гёзов громко прославлялось во всех провинциях, их называли опорой религии и свободы; их партия росла с каждым днем, и многие купцы начали носить их знаки. На пфенниге гёзов купцы внесли свое изменение: они присоединили к эмблемам два накрест положенных посоха, как бы указывая на то, что ежеминутно готовы покинуть ради религии свой очаг и дом. Возникновение союза гёзов придало делу другую значимость. Ропот подданных, до сих пор бессильный и ничтожный, потому что это были лишь вопли отдельных лиц, теперь грозно слился воедино и благодаря этому объединению получил силу, стойкость и направление. Каждая горячая голова смотрела на себя как на члена славного и грозного целого и верила, что ее отвага приобретает

* Strada. 132. 133.

** Grot. 22.

вес в этом сборище всеобщего недовольства. Честолюбивым льстило, если их считали важным приобретением в союзе. Трусливых привлекала возможность незаметно и безнаказанно затеряться в этом мощном потоке. То лицо, которым заговорщики повернулись к нации, было совсем непохоже на то, которое они показывали двору. Но если б даже их намерения и были кристально чисты, если б они действительно желали добра королевскому престолу, как они старались ему это показать, — все равно большинство было бы к ним привлечено только тем, что было в их действиях противозаконного, а добрая цель их осталась бы незамеченной.

ПУБЛИЧНЫЕ ПРОПОВЕДИ

Вряд ли гугеноты и немецкие протестанты смогли бы выбрать более благоприятный момент, чем этот, для ввоза своего опасного товара в Нидерланды. Все крупные города кишели подозрительными пришельцами, переодетыми сыщиками, еретиками всякого рода и их апостолами. Три религиозные секты из числа отпавших от господствующей церкви получили значительное распространение в провинциях. *Анабаптисты* переполняли Фрисландию и прилегающие к ней местности; но они, как самые бедные из всех, не имеющие общественного управления и внутреннего устройства, лишены военной силы и к тому же раздираемые спорами, не вызывали серьезных опасений. Гораздо большее значение имели *кальвинисты*, которые овладели южными провинциями и особенно Фландрией и нашли себе могучую опору в своих соседях-гугенотах, в Женевской республике, в швейцарских кантонах и в некоторой части Германии; к тому же их религия в несколько измененном виде восседала и на английском троне. Секта кальвинистов была самой многочисленной из всех; особенно много приверженцев было у нее среди торгового сословия и среди простых граждан; ее возникновению содействовали главным образом изгнанные из Франции гугеноты. *Лютеране* отставали от кальви-

нистов по своей численности и богатству, но большое количество приверженцев среди дворянства придавало им вес. Они захватили преимущественно восточную часть Нидерландов, которая граничит с Германией; их вероисповедание господствовало и в некоторых северных государствах; могущественнейшие из имперских князей были их союзниками, и они могли с полной видимостью права установить свободу вероисповеданий в стране, к которой по Бургундскому договору принадлежали и Нидерланды. Антверпен стал местом, где собрались представители всех этих трех вероисповеданий, потому что народные массы укрывали их, а смешение всех наций в этом городе благоприятствовало свободе. Эти три церкви не имели между собой ничего общего, кроме непримиримой ненависти к папству и особенно к инквизиции и испанскому правительству, орудием которого она была; но как раз ревность, с которой они наблюдали друг за другом, поддерживала их рвение и препятствовала тому, чтобы угасло пламя их фанатизма*.

В ожидании, пока выработанная модерация будет утверждена, регентша, желая удовлетворить гёзов, рекомендовала штатгальтерам и другим провинциальным властям соблюдать умеренность в преследовании еретиков, и большая часть их, относясь с отвращением к карательным функциям, с радостью последовала этому указанию и придала ему самое широкое толкование. Большинство наиболее уважаемых лиц в магистратах от души ненавидело инквизицию и испанскую тиранию. Многие из них даже принадлежали втайне к одной из религиозных сект, а те, которые и не принадлежали, все же с трудом переносили то, что испанцы, их заклятые враги, так жестоко обращаются с их соотечественниками**. Поэтому они с намерением поняли регентшу неправильно и повели дело так, что инквизиция, а также и эдикты почти перестали существовать. Стольнисходительное отношение правительства, а также и блестящая мистификация гёзов вызвали протестантов из

* Grot. 22. Strada. 136. Burgund. 212.

** Grot. 29; Burgund. 203. 204.

подполья, тем более что их стало уже слишком много, чтобы можно было дальше укрываться там. До сих пор они удовлетворялись тайными ночными сборищами, теперь же почувствовали себя достаточно многочисленными и сильными, чтобы отважиться на публичные собрания. Эту вольность впервые начали позволять себе между Уденардом и Гентом, а вскоре затем во всей остальной Фландрии. Некий Герман Штрикер, родом из Оверэйсела, беглый монах, бесстрашный энтузиаст, очень одаренный человек, внушительной наружности и с бойкой речью, первый решился созвать народ на проповедь под открытым небом. Новизна предприятия собирает вокруг него до семи тысяч сторонников. Судья этой местности, отличавшийся больше храбростью, чем умом, бросается в толпу с обнаженной шпагой, чтобы арестовать проповедника; но толпа, вооружившись камнями за недостатком другого оружия, столь сурово встречает его, что он падает тяжело раненный и радуется, когда ему удается вымолить себе жизнь*. Удача первой попытки придает смелости на вторую. Протестанты снова собираются в еще большем количестве в окрестностях Альста. Но они уже вооружены рапирами, огнестрельным оружием и алебардами; выставляются сторожевые посты, и подходы загораживаются телегами и повозками. Всякий, кто случайно проходит мимо, должен волей-неволей принять участие в богослужении; особые надзиратели следят за этим. При входе расположились книгопродавцы с протестантскими катехизисами, назидательными сочинениями и пасквилями, направленными против епископов. Апостол Герман Штрикер говорит с кафедры, которую тут же наскоро соорудили из повозок и срубленных деревьев. Кусок парусины, растянутый над головой,

* Burgund. 213. 214. Один человек мог броситься в семитысячную толпу безрасудно смелых людей, возбужденных к тому же совместным молением, чтобы на их глазах арестовать того, кого они обожают,— такая неслыханная грубость доказывает больше, чем все, что можно было бы сказать об этом, с каким непомерным презрением относились тогдашние католики к так называемым еретикам, которых они считали какой-то низшей породой людей.

защищает его от солнца и дождя. Народ становится по ветру, чтобы ни слова не проронить из его проповеди, соль которой заключается в издевательствах над папством. Из ближней речки приносят воду, чтобы он крестил новорожденных без всяких дальнейших церемоний, как во времена первого христианства. Тут же дается причастие по кальвинистскому обряду, благословляются брачные пары, совершаются разводы. Половина Гента вышла, таким образом, за ворота своего города. Движение стало расширяться все дальше и дальше и, наконец, охватило всю Восточную Фландрию. Западную Фландрию таким же образом привел в смятение другой отпавший от католичества монах, Петр Датен из Поперингена. Пятнадцать тысяч человек собрались из городов и деревень на его проповедь. Их количество делает их настолько смелыми, что они силой врываются в тюрьмы, где в ожидании мученической смерти заключены некоторые анабаптисты. Некий Амброзиус Вилле, французский кальвинист, подстрекнул к такой же дерзости протестантов в Турне. Они, в свою очередь, требуют освобождения заключенных и при этом многократно грозят, что откроют ворота города французам. Между тем город оставался без всякой защиты, так как комендант, опасаясь измены, стянул весь гарнизон в цитадель; да и гарнизон к тому же отказывался действовать против своих сограждан. Сектанты зашли в своей дерзости столь далеко, что потребовали себе в городе собственной церкви; так как им было в этом отказано, они вступили в союз с Валансьеном и Антверпеном, чтобы, по примеру других городов, силой обеспечить открытое совершение своих богослужений. Эти три города были в тесной связи друг с другом, и протестантская партия была во всех трех одинаково сильна. Но так как ни одна из них не решалась начать мятеж первой, то они и сговорились, что устроят публичные проповеди одновременно. Появление Бредероде в Антверпене поддержало их мужество. В тот же самый день, когда это происходило в Турне и Валансьене, шестнадцать тысяч мужчин и женщин вышли из ворот Антверпена. Матери вели с собой самых малых детей. Толпа огородилась повозками, связав их

между собой, за повозками спрятались вооруженные люди, чтобы защитить молящихся в случае внезапного нападения. Проповедниками были частью немцы, частью гугеноты, говорили они на валлонском наречии; некоторые из них были выходцами из самых низших слоев, и даже ремесленники почувствовали призвание к этому святому делу. Их ничто не пугало больше: ни уважение к власти, ни закон, ни появление сыщиков. Многих привело сюда любопытство — хотелось послушать, что нового и диковинного скажут эти чужеземные пришельцы, вызывавшие о себе столько толков. Других привлекало звучное пение псалмов, переложенных по женеvскому обычаю на французский язык. Очень многие шли на эти проповеди как на занятную комедию, в которой самым уморительным образом высмеивались папа, участвовавшие на Тридентском соборе отцы церкви, чистилище и другие догмы господствующей церкви. Чем неистовее были эти выступления, тем больше они нравились слушателям, и всеобщие рукоплескания, как в театре, вознаграждали того оратора, который умел превзойти других своими фантастическими преувеличениями. И все-таки то смехотворное, что говорилось о господствующей церкви, не проходило бесследно для слушателей, так же как и те немногие зерна истины, которые время от времени бросались при этом; многие, которые вовсе и не думали искать здесь правды, быть может уносили ее с собой, даже и не подозревая этого*.

Эти собрания повторялись несколько дней под ряд, и с каждым разом дерзость сектантов все возрастала, пока они, наконец, не дошли до того, что позволили себе по окончании богослужения с триумфом проводить своих проповедников домой, окружив их конвоем из вооруженных всадников, что было явным издевательством над законом. Городской совет шлет к герцогине одного гонца за другим, прося ее явиться лично или даже, если это возможно, перенести свою резиденцию в Антверпен. По его мнению, это было единственным средством обуздать строптивость мятежников и спасти

* Strada. 132. Burgund. 220—232.

город от полного разорения, так как наиболее видные купцы, опасаясь возможности грабежей, намеревались уже покинуть его. Страх подвергнуть опасности свое королевское достоинство помешал регентше пойти навстречу этому желанию, но вместо нее прибыл туда граф Меген, чтобы переговорить с магистратом о введении гарнизона в город. Мятежная чернь, очень быстро узнав о цели его приезда, с буйными криками окружает его. «Его знают как заклятого врага гёзов! — кричали ему. — Он несет с собой порабощение и инквизицию и должен немедленно покинуть город». Возбуждение не улеглось до тех пор, пока Меген не выехал за ворота. Тогда кальвинисты города Антверпена подали магистрату заявление, в котором они доказывали, что по своей многочисленности не могут больше удовлетворяться тайными собраниями и что им необходимо иметь в городе собственный молитвенный дом. Магистрат снова обращается к герцогине с представлениями, чтобы она своим личным присутствием все же пришла на помощь городу, находящемуся в затруднительном положении, или же по крайней мере прислала им принца Оранского, как единственного человека, с которым народ еще считается и который к тому же связан с Антверпеном своим наследственным титулом бургграфа антверпенского. Во избежание еще больших бед ей пришлось удовлетворить их второе требование, и, как ни тяжело ей это было, она решилась поручить Антверпен принцу Оранскому. Оранский долго заставил упрашивать себя, так как, повидимому, он твердо решил не принимать никакого участия в государственных делах. В конце концов он все же склонился перед настойчивыми убеждениями регентши и перед бурно выраженной волей народа. Бредерде с большой свитой встретил его за полмили от города, и обе стороны приветствовали друг друга выстрелами из пистолетов. Казалось, все население Антверпена высыпало, чтобы встретить своего избавителя. Большая дорога кишела людьми; крыши деревенских домов были усеяны зрителями; на заборах, на оградах кладбищ и даже на надгробных камнях — всюду виднелись люди. Любовь народа к принцу проявлялась здесь в

детски наивных излияниях. «Да здравствуют гэзы!» — кричали ему и молодые и старые. «Смотрите, — кричали другие, — вот тот, кто несет нам свободу!» — «Это тот, — кричали лютеране, — кто несет нам аугсбургское исповедание!» — «Ну, теперь нам и гэзов никаких больше не нужно! — раздавались восклицания. — И не нужно нам больше ходить в Брюссель — он один для нас всё!» Те, которые ничего не могли сказать, изливали радость свою в псалмах, которые они громко распевали вокруг него. Оранский, однако, не терял своей серьезности, молча раскланивался на все стороны и, наконец, так как никто не хотел слушать его, воскликнул не то с досадой, не то растроганный: «Ей-богу, им бы следовало подумать о том, что они делают; не пришлось бы потом раскаиваться в том, что делается сейчас» *. Ликование еще усилилось, когда он въехал верхом в самый город. Первые же переговоры принца Оранского с руководителями религиозных партий, которых он поодиночке пригласил к себе, показали ему, что главный источник зла заключается во взаимном недоверии партий друг к другу и в подозрительном отношении граждан к намерениям правительства и что первым его делом поэтому должно быть успокоение умов. У кальвинистов, как наиболее сильных по своей численности, он постарался уговорами и хитростью вырвать оружие из рук, что ему, наконец, удалось, хотя и с большим трудом. Но так как вскоре после этого в Мехельне несколько повозок нагрузили военным снаряжением и брабантский окружной начальник стал довольно часто показываться с вооруженными людьми в окрестностях Антверпена, кальвинисты в страхе, что на них могут напасть и помешать их богослужению, обратились к принцу Оранскому с просьбой отвести им в стенах города место, где они могли бы чувствовать себя в безопасности **. Ему снова удалось их успокоить, и благодаря его присутствию в Антверпене даже в праздник успения богоматери, привлекая в город массу народа и вызывавший всевозможные опасения,

* Strada. 138. 139. Burgund. 233. 234.

** Meurs. Guil. Auriac. Libr. I. 10. 11.

не произошло никаких беспорядков. Икону богоматери с обычной торжественностью беспрепятственно носили по всему городу; несколько бранных слов и очень сдержанный ропот по поводу идолослужения — вот все, чем проявила себя некаатолическая часть черни в отношении к этой процессии*.

(1566) В то самое время, как регентша получала то из одной, то из другой провинции самые печальные известия о вызывающем поведении протестантов и трепетала за Антверпен, который она вынуждена была передать в опасные руки принца Оранского, ее привело в немалый ужас еще и другое сообщение. Тотчас же после первых известий о публичных проповедях она обратилась к союзу с предложением выполнить его обещания и протянуть ей руку помощи для восстановления порядка. Граф Бредероде воспользовался этим предлогом, чтобы назначить общее собрание всего союза; вряд ли можно было выбрать для этого более опасный момент. Столь хвастливая и далеко идущая демонстрация внутренних сил союза, одно уже существование и защита которого бодрили протестантскую чернь, должна была поднять уверенность в себе среди сектантов и в такой же степени лишить мужества регентшу. Съезд состоялся в Сент-Труэне, в одном из городов области Люттиха, куда съехалось до двух тысяч членов союза с Бредероде и Людвигом Нассауским во главе. Так как продолжительное отсутствие королевского ответа из Мадрида не предвещало им ничего доброго, то они считали во всяком случае очень желательным добиться для себя от герцогини охранной грамоты. Те из них, которые отдавали себе отчет в своих неблагоприятных симпатиях к протестантской черни, относились к ее бесчинствам как к благоприятному для союза явлению, и видимые успехи тех, до сообщества с которыми они опустились, заставили их заговорить другим языком; их прежнее благородное рвение стало вырождаться в нетерпимость и заносчивость. Многие из них полагали, что надо воспользоваться общим хаосом и растерянностью герцогини для того, чтобы вы-

* Meteren. 83. Burgund. 234.

двигать требование за требованием. Католические члены союза, среди которых многие были настроены монархически и вступили в союз скорее случайно и увлеченные примером, чем по внутреннему побуждению, вдруг услышали тут, к немалому своему изумлению, что предполагается добиваться всеобщей свободы вероисповедания. Они с ужасом поняли, в какое опасное предприятие они опрометчиво позволили втянуть себя. Сейчас же после этого открытия молодой граф Мансфельд вышел из союза, и внутренняя рознь начала подрывать поспешно воздвигнутое здание, незаметно распатывая союз по всем швам*.

Регентша уполномочивает графа Этмонта и Вильгельма Оранского переговорить с членами союза. Двенадцать человек из союза, среди которых были Людвиг Нассауский, Бредероде и Куйлембург, сошлись с двумя уполномоченными в деревне Дуффле, недалеко от Мехельна. «К чему этот новый шаг? — задала им правительница вопрос устами своих уполномоченных. — От меня потребовали, чтобы я отправила в Испанию послов; послы были мной отправлены. Заявили, что эдикты и инквизиция слишком суровы, я смягчила и то и другое. Предложили созвать общее собрание сословных представителей империи; это ходатайство я представила на рассмотрение короля, так как я не имею права удовлетворить его собственной властью. Что же я, сама того не желая, забыла сделать или что я сделала такого, что могло бы вызвать этот съезд в Сент-Труэне? Быть может, члены союза опасаются гнева короля и возможных последствий этого гнева? Оскорбление велико, но милость его еще больше. Где же обещание союза не возбуждать в народе волнений? Где же те пышно звучащие слова — скорее умереть у моих ног, чем посягнуть на права короля? Сторонники нового позволяют себе такие действия, которые граничат с мятежом и ведут республику к гибели, и при этом они ссылаются на союз. Если союз молча терпит это, то он сам навлекает на себя обвинение в соучастии в их преступлениях, если у союза честные намерения по

* Burgund. 235, Strada. 140.

отношению к королю, то он не может бездейственно относиться к этим бесчинствам черни. Но он сам прокладывает безумствующей черни путь своим опасным примером, он входит в сношения с врагами отечества и всю эту дурную молву подкрепляет своим теперешним преступным собранием» *.

Союз формально выступил против этих обвинений в записке, которую он поручил трем депутатам внести в государственный совет в Брюсселе. «Все, что ваше высочество сделало, приняв во внимание нашу петицию, — гласит записка, — мы приняли с живейшей благодарностью. Мы не можем также пожаловаться на то, чтобы какое-нибудь утвержденное за это время нововведение стояло в противоречии с вашими обещаниями. Но если мы тем не менее до сих пор еще узнаем отовсюду и убеждаемся собственными глазами, что наших сограждан продолжают привлекать по религиозным делам к суду и продолжают приговаривать их к смерти, то мы вынуждены заключить из этого, что суды по меньшей мере обращают очень мало внимания на приказы вашего высочества. Со своей стороны, союз честно выполнил то, что обещал; по мере возможности он противодействовал также и публичным проповедям; но нет ничего удивительного в том, если долгое отсутствие ответа из Мадрида вызывает в умах подозрения, а обманутая надежда на всеобщее собрание сословных представителей заставляет с недоверием относиться и к дальнейшим обещаниям. Союз никогда не вступал в сношения с врагами нашей страны, никогда не чувствовал никакой склонности к этому. Пусть только французские войска покажутся в наших провинциях, мы, члены союза, первые сядем на коней, чтобы изгнать их оттуда. Но мы не хотим лицемерить с вашим высочеством. На лице вашем, казалось нам, можно было прочесть признаки недовольства нами; мы видим, что вашей исключительной милостью пользуются люди, известные своей ненавистью к нам. Ежедневно приходится слышать, как других предостерегают от общения с нами, словно мы зачумленные, а нам грозят прибы-

* Meteren. 84. Burg. 238. 239.

тием короля как страшным судом. Что может быть естественнее, если недоверие к нам в конце концов вызвало недоверие и у нас? Что может быть естественнее, если упрек в оскорблении его величества, которым хотя бы бросить тень на наш союз, если военные приготовления принца Савойского и других князей, направленные, по слухам, против нас, если переговоры короля с французским двором о пропуске через Францию испанской армии, направляющейся, как говорят, против Нидерландов, и еще многое тому подобное,—если все это заставило нас подумать о самозащите и о том, чтобы укрепить свое положение, сблизившись с нашими друзьями за границей? На основании смутных и неопределенных толков нас объявляют соучастниками необузданных действий протестантской черни. Но кого же не обвиняют общие толки? На самом же деле верно то, что и среди нас есть протестанты, для которых религиозная терпимость была бы наилучшим подарком, но и они никогда не забывали о своих обязанностях по отношению к своему государю. Не страх перед гневом короля заставил нас созвать это собрание. Король добр и, будем надеяться, также и справедлив. Следовательно, мы не просим у него прощения, а также и не просим о забвении тех наших действий, которые являются среди других наших заслуг перед его величеством не самыми маловажными. Верно также и то, что в Сент-Труэн к нам прибыли делегаты от лютеран и кальвинистов; более того, они передали нам прошение, которое мы здесь прилагаем для вашего высочества. В этом прошении они обязуются приходить на проповеди без оружия, если союз гарантирует им безопасность и поручится, что общее собрание сословных представителей будет созвано. Мы сочли себя обязанными обещать им и то и другое; но одни наши уверения не будут иметь силы, если одновременно их не подтвердит ваше высочество и некоторые из ваших наиболее видных советников. Среди них никто не может быть лучше осведомлен о положении наших дел и не может беспристрастней отнестись к нам, чем принц Оранский, граф Горн и граф Эгмонт. Этим троим мы с радостью примем как посредников, если им дадут нужные для того

полномочия, а нам пообещают, что без их ведома не будет формироваться войско и не будет назначен никто из командующих. Эту гарантию мы требуем, однако, только на определенный срок, по истечении которого от короля будет зависеть отменить или утвердить ее. Если произойдет первое, то по всей справедливости нам должно быть дано время, чтобы укрыться самим в безопасном месте и спасти наше имущество; трех недель будет для этого достаточно. Наконец, в довершение всего, и мы с нашей стороны обязуемся не предпринимать ничего без согласия этих трех посредников» *.

Союз не мог бы говорить столь смелым языком, если б не имел сильной поддержки и не рассчитывал на действительную защиту. Регентша же, с одной стороны, не считала возможным удовлетворить его требования, а с другой стороны — была не в состоянии дать союзу серьезный отпор. Большинству членов государственного совета в это время в Брюсселе не было; они или уехали в свои провинции, или под разными предлогами отстранились от дел. Денег также не было, так что регентша принуждена была обратиться к великодушному духовенству, а когда и это средство оказалось недостаточным, ей пришлось прибегнуть к лотерее. Лишенная, таким образом, совета и денег, она, кроме того, находилась в зависимости от решений из Испании, которых все еще дожидались и которые все еще не приходили. В таком положении ей не оставалось никакого другого выхода, как пойти на унижительное соглашение с собравшимися в Сент-Труэне членами союза, по которому они обязывались ждать решения короля еще двадцать четыре дня, не предпринимая в это время никаких новых шагов. Казалось очень странным, что король продолжал медлить с решительным ответом на петицию, между тем как всем было известно, что он уже ответил на более поздние письма и что регентша поэтому усиленно торопит его. К тому же, как только начались публичные проповеди, она тотчас же послала вслед за

* Meteren. 84. 85. Strada. 141. sq. Burgund. 240—251; Meurs. Guil. Auriac. L. I. 11. 12.

Монтиньи маркиза Бергена, который, как очевидец новых происшествий, мог тем живее поддержать ее письменный доклад и тем быстрее склонить короля к решению*.

(1566) Нидерландский посол Флоренций Монтиньи тем временем приехал в Мадрид, где он был встречен самым почетным образом. В данной ему инструкции говорилось об уничтожении инквизиции и смягчении указов, о расширении государственного совета и об упразднении двух других курий, о желании народа осуществить созыв общего собрания сословных представителей и о настойчивой просьбе регентши, чтобы король самолично прибыл в Нидерланды. Но так как король всегда старался лишь выгадать время, то графу Монтиньи было предложено подождать прибытия его сотоварища, без которого король не желал принимать никакого окончательного решения. Пока же фламандец мог каждый день и в любой час получить аудиенцию у короля, который распорядился показывать ему все депеши герцогини и свои ответы на них. Его часто приглашали также и в совет по нидерландским делам, и он при каждом случае указывал королю на созыв общего собрания сословных представителей как на единственное, исключаящее все остальные, средство, чтобы прекратить бывшие до сих пор волнения. Монтиньи указывал также, что только всеобщая неограниченная амнистия за прошлые проступки могла бы искоренить недоверие, которое лежит в основе всех затруднений и которое будет постоянно тормозить все начинания, даже и самые хорошие. Опираясь на основательное знакомство с положением дел и с характером своих соотечественников, Монтиньи осмеливался ручаться королю за их непоколебимую верность, если только он прямыми действиями убедит их в чистоте своих намерений; и, напротив того, ссылаясь на те же самые свои знания, Монтиньи доказывал, что безнадежно добиться верности нидерландцев, пока они не избавятся от страха, что их хотят поработить и принести в жертву зависти испанских вельмож. Наконец, прибыл и

* Норрег. 117. Burgund. 252. 262.

сотоварищ Монтинья; данные им поручения были снова подвергнуты обсуждению *.

(1566) Король был в это время в Буше, в Сеговии, где он и созвал свой государственный совет. На заседании присутствовали: герцог Альба; дон Гомец де Фигэроа; граф Фериа; дон Антонио Толедский, командор ордена св. Иоанна; дон Иоанн Манриквец Ларский, обер-гофмейстер королевы; Рюи Гомец, принц Эболи, граф Мелитский; Людвиг Квиксада, обер-штальмейстер принца; Карл Тиссенак, президент нидерландского совета; государственный советник и хранитель печати Гоппер ** и государственный советник Кортевиль ***. Заседание длилось несколько дней, оба посланника находились тут же, но король отсутствовал. И вот здесь-то все поведение нидерландского дворянства было освещено с испанской точки зрения. Его рассматривали шаг за шагом, добираясь до самых глубоких оснований. События, которые никогда не были связаны между собой, были поставлены в связь; в основе происшествий, которые были следствием случайности, был усмотрен якобы зрело обдуманый, дальновидный план. Все предприятия и начинания дворянства, которые лишь случайно следовали друг за другом и направлялись так, а не иначе, естественным ходом вещей, являлись, по мнению государственного совета, составной частью хорошо продуманного плана и имели своей целью введение всеобщей свободы вероисповедания и передачу кормила правления в руки дворянства. Первым шагом к этому, утверждал совет, было насильственное устранение министра Гранвеллы, против которого ничего дурного нельзя было сказать, кроме того, что он обладал властью, получить которую в свои руки дворянству хотелось бы больше всего. Вторым шагом была посылка в Испанию графа Эгмонта, чтобы добиться уничтожения инквизиции и смягчения карательных указов и чтобы склонить короля к расширению государственного совета. Но так как этим умеренным образом дей-

* Норрег. 98. 99. 103.

** Из его «Mémoires», как лица участвовавшего, взяты постановления этого заседания.

*** Норрег. 111.

ствий не удалось добиться желаемого, то был предпринят третий и более решительный шаг — форменный заговор, союз гёзов,— чтобы заставить двор уступить. Четвертым шагом, предпринятым с той же самой целью, является это новое посольство, которое безбоязненно сбрасывает, наконец, личину и своими бессмысленными предложениями, которые не постыдились сделать королю, ясно показывает, в каком направлении были предприняты и все предыдущие шаги. «Разве может уничтожение инквизиции,— продолжали члены государственного совета,— привести к чему-нибудь иному, чем к полной свободе вероисповедания? Не наступит ли вместе с тем и полная разнузданность совести? Не вводит ли эта предлагаемая модерация полную безнаказанность для всякого еретичества? Что другое означает этот проект расширения государственного совета и уничтожения двух других куриЙ, как не полный переворот в государственном управлении в пользу дворянства? А что такое это общее правительство для всех нидерландских провинций? Не являются ли мятежные скопища еретиков на публичных проповедях третьим объединением, предпринятым все в тех же видах, так как лига дворян в государственном совете и союз гёзов оказываются уже недостаточными?»

Но каковы бы ни были причины зла,— так было решено,— оно не становится от этого менее опасным и не перестает требовать чрезвычайных мер. Немедленное появление самого короля в Брюсселе несомненно было бы наилучшим средством быстро и основательно уничтожить это зло. Но ввиду того, что было уже позднее время года, а приготовления к путешествию отняли бы и тот небольшой промежуток времени, который оставался еще до зимы, и ввиду того, что из-за осенних бурь и из-за французских и английских судов, делавших переезд через океан опасным, нельзя было избрать для путешествия более короткий северный путь, и ввиду того, что сами мятежники могли тем временем занять остров Вальхерн, чтобы помешать высадке короля на берег,— ввиду всего этого нельзя было и думать о поездке раньше весны, и, за невозможностью пустить в ход это самое решительное средство, приходилось

удовлетвориться половинчатыми мерами. В итоге пришли к решению предложить королю, во-первых, отозвать из провинций папскую инквизицию и оставить там только епископскую; во-вторых, выработать новый проект смягчения указов, причем достоинство религии и короля должно было быть ограждено больше, чем в присланной модерации; в-третьих, предлагалось дать регентше полномочие объявлять помилование всем тем, которые не совершили еще чего-либо преступного или не приговорены уже судом, за исключением проповедников и их укрывателей; это право помилования предлагалось ввести для того, чтобы успокоить умы и не оставить неиспробованными и меры человеколюбия. Все союзы, братства, публичные собрания и проповеди должны были быть впредь запрещены под угрозой строгого наказания. Если все же будут произведены действия, противоречащие этому запрещению, то регентша должна прибегнуть к помощи регулярных войск и гарнизона для насильственного подавления непокорных; в случае надобности она должна иметь право набирать новые войска и по своему благоусмотрению назначать над ними начальников. В заключение было выражено желание, чтобы его величество соизволил написать в милостивом духе важнейшим городам, прелатам и представителям дворянства, некоторым из них даже собственноручно, для оживления их служебного рвения*.

Как только королю было представлено решение государственного совета, он прежде всего отдал приказ устроить по всем значительным городам королевства, также и в Нидерландах, публичные процессии и молебны, чтобы испросить себе у бога помощь для своего решения. Он явился самолично в государственный совет, чтобы утвердить решение и дать приказ его изготовить. Общее собрание сословных представителей он объявил ненужным и совершенно отверг его; он обязался оставить на своем содержании несколько немецких полков и для поощрения их к более усердной службе обещал заплатить им все, что оставалось недоплаченным за прежнее время. Регентше он приказал в

* Норрег. 109. 110. 112. 113.

частном письме исподволь и незаметно готовиться к войне; она должна была набрать в Германии три тысячи всадников и десять тысяч пехотинцев,— для чего он снабдил ее нужными письмами и послал ей сумму в триста тысяч гульденов золотом *. Он приложил к решению несколько собственноручно написанных писем к частным лицам и к городам, где он в весьма милостивых выражениях благодарил их за проявленное ими похвальное рвение по службе и поощрял их к тому же в дальнейшем. Хотя Филипп и остался непреклонным в самом важном пункте, на котором нация главным образом настаивала, а именно в вопросе о созыве сословных представителей, хотя ограниченное и двусмысленное помилование и сводилось собственно ни к чему и слишком зависело от произвола, чтобы успокоить умы; хотя, наконец, и предложенная модерация, та самая, на жестокость которой все жаловались, и была отвергнута им как слишком мягкая,— все же на этот раз он сделал ради нации совершенно необычный шаг: он пожертвовал папской инквизицией и оставил лишь епископскую, с которой нация свыклась. Таким образом, нация нашла в испанском совете более справедливых судей, чем можно было ожидать. Могла ли эта мудрая уступчивость оказать желаемое действие в другое время и при других обстоятельствах, неизвестно. Теперь же она пришла слишком поздно. Когда (1566) королевские письма дошли до Брюсселя, иконоборчество уже началось.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ИКОНОБОРЧЕСТВО

Причины этих чрезвычайных событий, очевидно, не следует искать так далеко, как это делают многие историки. Во всяком случае возможно и весьма вероятно, что французские протестанты усердно работали над

* Норрег. 118. 124. Burgund. 288.

тем, чтобы поддержать в Нидерландах рассадник своей религии, и что они старались всеми средствами помешать полюбовному соглашению тамошних своих единоверцев с испанским королем, желая создать этому непримиримому врагу своей религии трудности в его же собственной стране. Вполне естественно поэтому, что их агенты в провинциях не упускали случая поддерживать смелые мечты своих угнетенных единоверцев, всеми способами усиливать их озлобление против господствующей церкви, преувеличивать тот гнет, под тяжестью которого они стонали, и этим незаметно толкать их к бесчинствам. Возможно, что и среди членов союза было много таких, которые надеялись помочь себе в своем собственном бедственном положении, увеличивая число виновных,— были и такие, которые не видели другого способа спасти право союза на существование, как действительно вызвав те несчастные последствия, от которых они предостерегали короля; некоторые в общем преступлении рассчитывали скрыть свое собственное. Но, с другой стороны, невозможно предположить, чтобы истребление икон явилось результатом заранее обдуманного плана, составленного на съезде в Сент-Труэне; невероятно, чтобы на торжественном собрании стольких благородных и храбрых, среди которых к тому же значительное большинство принадлежало к сторонникам папства, какой-нибудь безумец осмелился выступить с предложением затеять столь позорное дело, которое должно было бы повести не к оскорблению какой-либо отдельной религиозной партии, а к тому, чтобы погрязнуть всякую нравственность и всякое уважение к религии вообще. Мысль о таком позорном деянии могла зародиться только в грязной душе отверженного, из подонков общества. Поверить заранее составленному плану невозможно уже по одному тому, что неистовства эти прорвались так внезапно и развивались так бурно и страстно, что, несомненно, являлись порождением *той самой* минуты, когда они возникли. К тому же они столь естественно вытекают из обстоятельств, которые им предшествовали, что нет никакой надобности в более глубоких исследованиях, чтобы объяснить их происхождение.

Многолюдная и грубая толпа, состоящая из низших слоев черни, зверски настроенная из-за зверского обращения с ней, преследуемая смертными приговорами, которые подстерегали ее в каждом городе, гонимая от границы к границе и загнанная до отчаяния, вынуждена тайком совершать свои богослужения, скрывать, как дело тьмы, свое священнейшее человеческое право; перед ее глазами гордо возвышаются молитвенные дома торжествующей церкви, где гордые братья предаются молитве среди красоты и роскоши, а они, вытесненные за стены города, вытесненные, быть может, только потому, что они численно слабее, вынуждены скрывать, как позор, свои молитвы тому же самому богу в диких лесах или под палящими лучами полуденного солнца. Их вытолкнули из гражданского общества и довели до состояния дикарей, и вот в одну из страшных минут они вспоминают о правах этой дикости! Чем больше их число, тем неестественнее их судьба, и они начинают понимать это. Небо над головой, готовое оружие, безумие в мозгу, озлобление в сердце — все рвется навстречу призыву какого-нибудь оратора-фанатика; обстоятельства зовут к действию, никаких обсуждений не надо там, где все взоры говорят одно и то же, решение рождается раньше, чем произнесено слово; готовая к преступлению, никто еще не знает точно — к какому, разъяренная толпа расходится в разные стороны. Торжествующая роскошь враждебной религии оскорбляет бедность этих людей; великолепие тех храмов издевается над их загнанной верой; каждый крест при большой дороге, каждое изображение святого, на которое они наталкиваются, — все это знак торжества над ними, и все это должно быть уничтожено их мстительной рукой. Фанатизм дает начало ужасам, но осуществляют их низменные страсти, находя себе в этом щедрое удовлетворение.

(1566) Иконоборческое движение началось в Западной Фландрии и в Артуа, в местности, лежащей между изменностью и морем. Обезумевшая банда ремесленников, матросов, крестьян, смешавшись с публичными женщинами, нищими и грабителями, — всех их было человек триста, — захватывает с собой колья, топоры, молотки, лестницы и веревки, — очень немногие были

вооружены огнестрельным оружием и кинжалами, — и устремляется, охваченная фанатической яростью, в местечки и деревни близ Сент-Омера, вышибает двери в церквях и монастырях, которые находит запертыми, опрокидывает алтари, разбивает изображения святых и топчет их ногами. Распалившись еще больше этими преступными действиями и получив подкрепление вновь подошедших, они направляются отсюда прямо в Иперн, где могут рассчитывать на сильную поддержку кальвинистов. Никем не остановленные, они врываются в соборную церковь города; взбираются на стены по лестницам, молотками разбивают иконы, рубают кафедры и церковные скамьи, с алтарей обрывают все украшения и расхищают священные сосуды. Этому примеру тотчас же следуют в Менене, Комине, Феррихе, Лилле и Уденарде; в несколько дней вся Фландрия охвачена этим неистовством. Когда первые известия об этом достигли Антверпена, он был полон множеством людей, не имеющих отечества, которых привлек в город праздник успения божьей матери. Присутствие принца Оранского едва сдерживает распущенные толпы, которые горят желанием последовать примеру своих собратьев в Сент-Омере. Но приказ двора, спешно вызывающий Оранского в Брюссель, где регентша решила созвать государственный совет, чтоб представить ему полученные от короля письма, отдает Антверпен на произвол этих толп. Отъезд Оранского служит сигналом к беспорядкам. Опасаясь разнузданности черни, которая проявилась в первые же дни в насмешливых замечаниях, духовенство после нескольких процессий не выставило иконы божьей матери посредине церкви, как это делалось обыкновенно, а спрятало ее на хорах. Это подстрекнуло нескольких озорных парней из народа пробраться к ней туда и задать ей издевательский вопрос: почему это она на этот раз так быстро удалась? Другие взойшли на кафедру, где стали передразнивать проповедников и вызывать сторонников папы на состязание. Один матрос-католик, раздосадованный таким шутовством, хотел сбросить их оттуда, и дело на кафедре дошло до драки. Такие же беспорядки произошли и на следующий вечер. Толпа

все больше росла числом, и многие пришли уже с опасными орудиями и с припрятанным оружием. Наконец, кому-то пришло в голову крикнуть: «Да здравствуют гэзы!» Вся толпа подхватывает этот возглас, и затем раздаются требования, чтобы и икона божьей матери сделала то же самое. Несколько католиков, находившихся тут, потеряв надежду справиться с этими головорезами, покидают церковь после того, как они заперли все двери, кроме одной. Как только ушли католики, кто-то предлагает спеть один из псалмов на новый лад, запрещенный правительством. Еще во время пения все, словно по сигналу, с бешенством набрасываются на икону божьей матери, прокалывают ее мечами и кинжалами и отсекают ей голову; проститутки и воры срывают с алтаря большие восковые свечи и зажигают их. Церковный орган, мастерское произведение искусства того времени, разрубают на куски, все иконы соскабливаются с полотна, все статуи разбиваются. Распятого Христа в человеческий рост, поставленного против главного алтаря между двумя разбойниками, старое и драгоценное произведение искусства, стаскивают веревками на пол и разрубают топором, обоих же разбойников почтительно оставляют на месте. Святые дары разбрасывают по полу и топчут ногами; случайно найденное вино для причастия распивают за здоровье гэзов; святым миром мажут себе обувь. Даже гробницы были разрыты, полуистлевшие трупы выбрасывают из них и топчут ногами. Все действовали так дружно, словно роли были заранее распределены; каждый работал с соседом рука об руку; как ни легко было свернуть себе шею, ни один из них не получил никакого увечья, несмотря на густую тьму, несмотря на то, что большие тяжести падали кругом и что на верхних перекладинах лестниц кое-кто вступил в рукопашную. Несмотря на то, что множество восковых свечей освещало это озорство, никто не был узнан. Дело было закончено с невероятной быстротой; не более чем сто человек в несколько часов опустошили храм, вмещавший семьдесят алтарей, один из самых больших и самых великолепных храмов в христианском мире после церкви св. Петра в Риме.

Но соборной церковью дело не ограничилось: в полночь отправляются с факелами и со свечами, похищенными из собора, в другие церкви, монастыри и часовни, чтобы подвергнуть и их той же участи. Толпы растут с каждым новым позорным делом, возможность хищений привлекает воров. Забирают все, что находят: сосуды, покровы с алтарей, деньги, священные одеянья; в монастырских погребках напиваются снова; монахи и монахини оставляют все на произвол судьбы, лишь бы избежать надругательств. Глухой шум от происходящего заставил граждан в ужасе проснуться; ночью опасность кажется еще страшнее, чем она есть на самом деле, и, вместо того чтобы поспешить на защиту своих церквей, они заперлись в домах и в страхе перед неизвестностью ждали утра. При восходе солнца стало видно, наконец, произведенное опустошение, но дело, начатое ночью, не окончилось вместе с ней. Некоторые церкви и монастыри остались еще нетронутыми, и их постигла та же судьба. Три дня длятся эти ужасы. Наконец, богатые граждане, обеспокоенные тем, что беснующийся сброд, когда не останется уже ничего священного, набросится на частное имущество и станет грозить их товарным складам, и к тому же осмелев оттого, что выяснилась малочисленность врага, решаются встать с оружием в руках перед дверями, своих домов. Все городские ворота запираются, за исключением одних, через которые иконоборцы бегут для того, чтобы возобновить те же злодеяния в окрестностях города. За все это время власти осмелились прибегнуть к силе только один-единственный раз, до такой степени боялись они численного превосходства кальвинистов, которые, по общему мнению, нанимали грабителей. Убытки, причиненные разгромом, были неисчислимы. Только в одной церкви божьей матери, они, как говорят, достигли четырехсот тысяч гульденов золотом. При этом было уничтожено много драгоценных произведений искусства; погибло много ценных рукописей, много памятников, важных для истории, и, в частности, для истории дипломатии. Магистрат тотчас же издал приказ, чтобы награбленные вещи были немедленно возвращены под угрозой смертной казни, и про-

поведники-кальвинисты, стыдившиеся за своих собратий по религии, энергично поддержали его. Многие были, таким образом, спасены, а главари этого сброда,— потому ли, что они были одушевлены скорее фанатизмом и жаждой мести, чем жаждой наживы, или потому, что их направляла чья-то чужая рука,— постановили действовать в будущем согласованно и с большим порядком, дабы впредь избегать таких излишеств*.

Между тем город Гент трепетал в ожидании, что и его постигнет та же участь. Тотчас же вслед за первыми известиями об истреблении икон в Антверпене магистрат города Гента и знатнейшие граждане поклялись, что прогонят силой осквернителей храмов. Когда об этой клятве было сообщено народу, голоса разделились, и многие открыто заявили, что они вовсе не склонны мешать столь богоугодному делу. При таком положении вещей католическое духовенство нашло благоразумным перевезти церковные ценности в цитадель, а также разрешило некоторым семьям спрятать те ценности, которые когда-то пожертвовали церкви их предки. Пока же все церемонии были отменены, и суды приостановили свою деятельность, как в завоеванном городе; все со страхом ожидали, что будет. Наконец, какая-то безрассудно наглая толпа осмеливается прислать к губернатору города делегацию с дерзким требованием: им велено, заявили делегаты, их начальником изъять иконы из церквей по примеру других городов. Если им не будет оказано сопротивление, то это произойдет спокойно и без всяких насилий; в противном же случае они учинят погром. В своей наглости они зашли так далеко, что потребовали, чтоб им дали в помощь служащих из суда. Такое требование сперва ошеломило губернатора, но затем, приняв во внимание, что вид законности, может быть, обуздает крайности, он, не колеблясь, согласился прислать им агентов полиции.

В Турне церковное убранство было снято в присутствии гарнизона, который ни за что не соглашался пойти против иконоборцев. Так как среди иконоборцев

* Meteren. 86. Strada. 145—147. Burgund. 294. 295. 300. Норрег. 126. Meurs. Guil. Auriac. L. II. 13. 14.

распространился слух, будто золотые и серебряные сосуды, а также и другие церковные драгоценности закрыты под церковью, то они перекопали всю землю под ней, и при этом труп герцога Адольфа Гелдернского, который пал некогда в сражении, предводительствуя возмущившимися жителями города Гента, и был погребен в Турне, снова увидел свет. Герцог Адольф некогда пошел войной на своего отца и заставил покрытого рапами старика плестись до тюрьмы несколько миль босиком. За это Карл Смелый Бургундский отплатил ему тем же. Теперь, спустя полстолетия, судьба отомстила за противоестественное преступление преступлением противорелигиозным. Надо было, чтобы фанатизм осквернил святыню, дабы еще раз были преданы проклятию останки отцеубийцы *.

К иконоборцам города Турне присоединились их братья из города Валансьена, опустошившие все окрестные монастыри, причем в пламени погибла драгоценная библиотека, на собиранье которой ушел труд нескольких столетий. Этот губительный пример заразил также и Брабантскую область. Мехельн, Герцогенбуш, Бреда и Берген-оп-Зом подверглись той же участи. Только провинции Намюр и Люксембург, так же как часть Артуа и часть Геннегау, имели счастье не замарать себя этими позорными деяниями. В течение четырех или пяти дней в Брабанте и Фландрии было разорено до четырехсот церквей **.

Тем же безумием, от которого пострадала вся южная часть Нидерландов, вскоре была охвачена и северная часть. Голландские города Амстердам, Лейден и Гаага были поставлены перед выбором — отдать свои церковные ценности добровольно или же присутствовать при их насильственном расхищении. Дельфт, Гарлем, Гоуда и Роттердам избежали опустошения благодаря решительности своих магистратов. Насилия были совершены и на Зеландских островах. Город Утрехт, несколько местечек в Оверэйселе и Гронингене подверглись такому же разгрому. Фрисланд был спасен от этой уча-

* Burgund. 315. 316.

** Meteren. 85. 87. Strada. 149.

сти графом Арембергом, а Гелдерланд — графом Мегеном*.

Слухи о беспорядках, в преувеличенном виде приходившие из всех провинций, заставили трепетать Брюссель, где регентша как раз созвала чрезвычайное заседание государственного совета. Толпы иконоборцев, как говорили, уже проникают в самую глубь Брабантской области и даже грозят совершить на глазах королевского величества те же самые ужасы в самом Брюсселе, где им обеспечено большое количество приверженцев. В тревоге за свою особу, не чувствуя себя в безопасности даже в сердце страны, в кругу своих штатгальтеров и рыцарей, регентша уже намеревается бежать в город Монс, в Геннегау, где герцог Арноот приготовил для нее убежище, чтобы не быть вынужденной, оказавшись во власти иконоборцев, принять позорные условия. Напрасно рыцари Золотого руна ручаются ей своей кровью и жизнью за ее безопасность и умоляют своим позорным бегством не навлекать на них постыдных наветов, будто у них не хватило мужества и рвения защитить регентшу, напрасно и город Брюссель просит ее не покидать его стен в такой крайности, а государственный совет убедительно доказывает, что таким проявлением слабости она лишь усугубит дерзость мятежников. Все напрасно — она продолжает настаивать на своем отчаянном решении, тем более что посланец за посланцем приносят ей известия, что иконоборцы продолжают двигаться к столице. Она отдает приказ приготовить все к бегству, которое должно было совершиться ранним утром в глубокой тайне. На рассвете перед ней является старец Виглиус, которого она в угоду знатным давно уже отдала от себя. Он желает знать, что означают все эти приготовления; в конце концов она признается, что думает бежать, и советует ему спастись вместе с нею. «Уже два года тому назад, — сказал ей старец, — вы могли бы предвидеть такой исход. Но так как я говорил откровеннее, чем ваши царедворцы, вы заградили от меня свой княжеский слух, и до него доходили лишь

* Burgund. 318. 319. Meurs. Guil. Auriac. L. II. 15.

гибельные советы». Регентша соглашается, что она ошибалась и была введена в заблуждение показной честностью; ныне же необходимость заставляет ее действовать так. «Намереваетесь ли вы,— спросил ее после этого Виглиус,— до конца отстаивать королевские указы?» — «Да, намереваюсь»,— ответила ему герцогиня. «Тогда ищите прибежище в великой тайне искусства управлять — в притворстве и пойдите на мнимое сближение с князьями, чтобы с их помощью отразить нападение. Окажите им доверие, от которого вы в сердце своем очень далеки. Заставьте их принести клятву, что они будут вместе с вами бороться против беспорядков. Тем, которые охотно пойдут вам навстречу, доверьтесь как друзьям своим, но и других остерегайтесь оттолкнуть от себя пренебрежительным отношением». Виглиус долго еще задерживал ее своими речами, пока не пришли князья, которые, как он знал, ни в каком случае не допустят бегства регентши. Когда они появились, он незаметно удалился, чтобы приказать городскому совету запереть ворота и запретить выезд из города всем, кто связан с двором. Этот шаг помог больше, чем все ранее сделанные представления. Регентша, почувствовав себя в плену в собственной своей резиденции, сдалась на уговоры дворянства, которое обязалось защищать ее до последней капли крови. Она назначила графа Мансфельда начальником города, поспешно увеличила гарнизон и вооружила всех своих придворных*.

Тогда состоялось заседание государственного совета, который принял следующее решение: уступить необходимости и там, где проповеди уже начались, разрешить их; опубликовать ко всеобщему сведению об уничтожении папской инквизиции; объявить, что старые эдикты против еретиков отменены, и прежде всего дать дворянству, объединенному в союз, требуемую им гарантию безопасности без всяких ограничений. Тут же принц Оранский, граф Эгмонт, граф Горн и некоторые другие назначаются для переговоров об этом с депутатами союза. Союз торжественно и в самых недвусмысленных выражениях освобождается от всякой ответ-

* Burgund. 330. 331. Н о р р е r. 128. Vita Vigl. 48.

ственности за подавшую им петицию, и всем королевским чиновникам и властям повелевается в будущем не чинить членам союза никаких неприятностей из-за петиции. В свою очередь члены союза в ответном заявлении обязуются быть верными слугами его величества, содействовать всеми силами восстановлению спокойствия и наказанию иконоборцев, склонять народ к разоружению и оказывать королю действительную помощь против врагов внутренних и внешних. Обоюдные обязательства были составлены в форме актов и подписаны представителями обеих сторон; охранная грамота была сверх того отдельно подписана собственной рукой герцогини и снабжена ее печатью. После тяжелой внутренней борьбы и с глазами, полными слез, регентша решилась на этот шаг и с трепетом призналась в нем королю. Всю вину она свалила на знать, которая держала ее в Брюсселе в плену и силой принудила к этому шагу. Особенно горько жаловалась она на принца Оранского*.

Покончив с этим делом, все штатгальтеры спешат в свои провинции: Эгмонт — во Фландрию, Оранский — в Антверпен. Протестанты в Антверпене завладели разоренными церквями как выморочным имуществом и по военному обычаю водворились в них. Принц Оранский снова передает церкви их законным владельцам, восстанавливает все разрушения и возобновляет в церквях католическое богослужение. Три захваченных иконоборца получили петлю за свою дерзость, некоторых мятежников выслали, многих подвергли наказаниям. После этого он вызывает четырех представителей от каждого народа, или, как тогда говорили, от каждой нации, и приходит с ними к соглашению. Ввиду того, что приближение зимы делает невозможным проповедь под открытым небом, для этого будут отведены внутри города три места, где протестанты могут или построить себе церкви, или же приспособить для этой цели частные дома. Там они должны совершать свои богослужения по воскресным и праздничным дням и всегда в один и тот же час; в другие дни богослужение

* Meteren. 88. 89. 90. Hopper. 128. 129—134. Burgund. 333—337. Meursius. L. II. 16. 17.

запрещается. Если на неделе нет праздника, то богослужение должно совершаться в среду. Каждая религиозная община может иметь не больше двух священнослужителей, и те должны быть прирожденными нидерландцами или по крайней мере нидерландцами, получившими право гражданства от одного из значительных городов в провинциях. Все они должны принять присягу в том, что по гражданским делам будут подчиняться городской власти и принцу Оранскому. Все налоги они должны вносить наравне с прочими гражданами. Являться на проповеди вооруженными воспрещается, однако иметь при себе шпагу разрешено. Проповедники не должны позволять себе нападок с кафедры на господствующую религию и не должны вдаваться в разбирательства по спорным религиозным вопросам, за исключением тех, которые тесно связаны с самим учением и касаются нравственности. За пределами указанных им мест петь псалмы воспрещается. При выборах проповедников, настоятелей и диаконов, а также и на всех других консисторских собраниях должно присутствовать уполномоченное лицо от власти, которое обязано докладывать принцу и магистрату обо всех принятых решениях. Вообще же протестанты будут пользоваться той же защитой, что и господствующая религия. Эти постановления должны иметь силу до тех пор, пока король вместе с сословными представителями не вынесет других постановлений; но в таком случае каждому будет предоставлена возможность покинуть страну со своим семейством и со своим имуществом.

Из Антверпена принц поспешил в Голландию, Зеландию и Утрехт, чтобы и там принять те же меры для восстановления спокойствия. Надзор за Антверпеном был поручен во время его отсутствия графу Гогстратену, очень мягкому человеку, который, несмотря на открытую приверженность к союзу, никогда не нарушал своей верности королю. Несомненно, что договором с еретиками принц превысил свои полномочия и, находясь на службе у короля, сам действовал, как суверенный государь. В оправдание он указывал на то, что магистрату гораздо легче наблюдать за многочисленной и сильной сектой, когда он сам вмешивается в дела ее

богослужения и когда это богослужение происходит у него на глазах, чем если бы сектанты были предоставлены самим себе под открытым небом *.

С большей строгостью повел себя в Гельдерланде граф Меген,— он совершенно подавил протестантскую секту и изгнал всех ее проповедников. В Брюсселе регентша воспользовалась тем преимуществом, которое давало ей ее личное присутствие, и запретила публичные проповеди даже вне города. По поводу этого граф Нассауский напомнил ей от имени союза о заключенном договоре и спросил: «Разве город Брюссель пользуется меньшими правами, чем остальные города?» Она ответила, что если в Брюсселе уже до заключения договора происходили публичные проповеди и если теперь они больше не происходят, то это от нее не зависит. Но в то же время она негласно дала знать гражданам, что первому же, кто осмелится пойти на публичную проповедь, не избежать виселицы. Таким образом, ей удалось сохранить верность себе, по крайней мере хоть в своей резиденции **.

Труднее было успокоить Турне. Это дело было поручено графу Горну вместо Монтиньи, к округу которого принадлежал город. Горн приказал протестантам сейчас же очистить все церкви и удовлетвориться молитвенным домом за стенами города. На это проповедники ответили, что церкви построены для того, чтобы народ пользовался ими; народ же не там, где находятся отцы церкви, а там, где находится большая часть его. Если их гонят из католических церквей, то вполне справедливо, чтобы им были даны деньги для постройки своих собственных. Магистрат ответил на это, что если даже католическая партия и более слабая, то зато она из двух партий несомненно лучшая. Строить церкви протестантам не возбраняется, но надо надеяться, что они не потребуют, чтобы город взял на себя расходы еще и по их церквям после убытков, которые ему нанесли иконоборцы, их братья по вере. После долгих препирательств протестантам все же уда-

* Meteren. 91. Burgund. 349—354. Strada. 153. Hopper 136. Meurs. Guil. Aurias. L. I. 17. 18.

** Burgund. 345. 346. 354.

лось отстоять для себя несколько церквей, к которым они для большей верности приставили стражу *. Также и в Валансьене протестанты не хотели подчиниться тем условиям, которые им предложил Филипп Сент-Альдегонде, владетель Нуаркарма, выполнявший обязанности штатгальтера в отсутствие маркиза фон Бергена. Проповедник кальвинист Лагранж, француз по происхождению, подговорил протестантов, у которых он пользовался благодаря своему красноречию неограниченным влиянием, потребовать себе собственные церкви в пределах города и в случае отказа прибегнуть к угрозе, что они сдадут город гугенотам. Численное превосходство кальвинистов и их близость с гугенотами помешали штатгальтеру принять против них какие-либо насильственные меры **.

Даже и граф Эгмонт поборол свое природное мягкосердечие, чтобы доказать свое усердие королю. Он ввел гарнизон в город Гент и казнил нескольких наиболее опасных мятежников. Церкви были снова открыты, католическое богослужение возобновлено, и всем иностранцам был отдан приказ очистить провинцию. Кальвинистам, но только им одним, отвели за стенами города место для постройки молитвенного дома; за это они должны были обязаться оказывать самое строгое повиновение властям города и содействовать им при судебных преследованиях иконоборцев. Подобные же мероприятия были проведены Эгмонтом по всей Фландрии и Артуа. Один из дворян его свиты, приверженец союза, Иоанн Кассемброд, сеньор Бекерцеля, преследовал иконоборцев во главе нескольких всадников, членов союза; близ Граммонта во Фландрии он напал на одну из их шак в то время, как она собиралась ограбить город в Геннегау, и взял в плен тридцать человек: тут же на месте двадцать два человека были повешены, а остальных выгнали плетью за пределы области ***.

Столь серьезные заслуги, казалось, не должны были бы вызвать королевскую немилость. То, что совершили в данном случае Оранский, Эгмонт и Горн, доказывало,

* Burgund. 356. 357.

** Burgund. 359. sq.

*** Meteren, 91, 92. Burgund. 340—343.

что усердия в них было не меньше и действовали они столь же успешно, как Нуаркарм, Меген и Аремберг, которым король выразил свою благодарность и словом и делом. Но это усердие, эти заслуги пришли слишком поздно. Слишком открыто выступали они раньше против его эдиктов, слишком резко восставали против его мероприятий, слишком большое оскорбление нанесли они ему в лице его министра Гранвеллы, чтобы оставалась еще возможность простить их. Ни время, ни раскаяние, ни какое угодно другое полноценное возмещение — ничто не могло бы стереть их провинностей в памяти государя.

(1566) Филипп лежал больной в Сеговии, когда пришли известия об уничтожении икон и о соглашении, которое было заключено с не католиками. Вместе с тем регентша возобновила свою настойчивую просьбу о том, чтобы он лично прибыл в Нидерланды; о том же самом говорили и все письма, которыми обменялись за это время президент Виглиус со своим другом Гоппером. Многие из числа нидерландской знати, как, например, Эгмонт, Мансфельд, Меген, Аремберг, Нуаркарм и Барлемон, прибавили к этому свои особые письма, в которых они давали королю отчет о положении дел в их провинциях и при этом старались выставить принятые ими меры в наивыгоднейшем свете. В это же время пришло письмо от императора, в котором он просил Филиппа отнестись снисходительнее к своим нидерландским подданным и предлагал себя в посредники. Император написал о том же и самой регентше непосредственно в Брюссель и приложил к этому еще особые письма к главарям знати; однако письма эти не были переданы. Овладев собой после первого приступа гнева, который вызвали у него эти неприятные известия, король поручил совету обсудить новые обстоятельства.

Партия Гранвеллы, которая преобладала в совете, была склонна видеть непосредственную связь между поведением нидерландского дворянства и необузданными выходками осквернителей храмов. По их мнению, тождество требований, предъявленных теми и другими, ясно свидетельствует об этом; но еще больше это подтверждает самое время, когда вспыхнули беспорядки. В тот же месяц, указывали они, когда дворянство

предъявило свои три пункта, началось уничтожение икон, и в тот же самый вечер, когда принц Оранский покинул Антверпен, начался разгром церквей. За все время беспорядков ни одна рука не поднялась, чтобы взяться за оружие; все средства, к которым прибегали, шли в пользу сект, и никаких мер не было принято, чтобы поддержать истинную веру. Многие из иконоборцев, говорилось далее, признавались, что они все совершили с ведома и с одобрения князей, а между тем было совершенно ясно, что эти негодяи старались прикрыть громкими именами преступления, затеянные ими на свой страх. Было предъявлено еще одно письмо, в котором знать обещала гёзам свою поддержку, чтобы добиться созыва генеральных штатов; но дворянство упорно отказывалось от него. Вообще старались доказать, что в Нидерландах существуют четыре различных группы мятежников, которые все как-то связаны между собой и все стремятся к одной и той же цели. К одной из них принадлежат те отвратительные шайки, которые громили церкви; вторую составляют различные секты, которые подстрекнули иконоборцев к позорным действиям; гёзы, объявившие себя защитниками сект, являются третьей группой, и четвертой является знать, связанная с гёзами ленными отношениями, родством и дружбой. Таким образом, все оказывалось зараженным одинаковой порчей, и все без различия оказывались одинаково виновными. Правительству приходилось поэтому иметь дело и бороться не с отдельными разрозненными частями, а со всем целым в совокупности его. Между тем, если принять во внимание, что народ был лишь жертвой соблазна и что подстрекательство к возмущению шло сверху, то, по их мнению, следовало склониться к тому, чтобы изменить существовавший до сих пор план действий, уже казавшийся им во многих отношениях ошибочным. До сих пор все классы терпели одинаковое притеснение, без всякого различия; к простому народу относились слишком строго, а к дворянству слишком пренебрежительно, и это заставило и тех и других стремиться к взаимному сближению. Для дворянства создали этим приверженцев, а народу дали вождей. Различное отношение к тем и другим — вот

верное средство разъединить их. Чернь, пока ее не возмутит крайняя нужда, всегда робка и нерешительна; она очень быстро покинула бы на произвол судьбы своих обожаемых защитников и привыкла бы считать их участь заслуженным наказанием, если бы ей самой не пришлось делить с ними эту участь. На основании таких соображений совет постановил предложить королю впредь относиться к массам народа с большей снисходительностью, а всю свою строгость обратить против главарей партии. Но чтобы не вызвать мысли о постыдной уступчивости, нашли удобным воспользоваться как предлогом ходатайством императора; отнюдь не справедливость требований, а только это ходатайство якобы побудило короля сделать своим нидерландским подданным великодушный подарок, удовлетворив их требования*.

Снова был поднят вопрос о личном присутствии короля в Нидерландах, и все возникшие прежде сомнения, казалось, исчезли ввиду крайней необходимости. «Ныне,— высказались по этому поводу Тиссенак и Гоппер,— действительно возникли такие обстоятельства, ради которых король готов будет рисковать тысячью жизней, как он сам однажды заявил графу Эгмонту. Чтобы усмирить один город Гент, Карл V решился на трудное и опасное сухопутное путешествие через враждебную ему область. Теперь же вопрос идет об успокоении всех объединенных провинций, быть может даже об обладании ими»**. Такого мнения держалось большинство, и на поездку короля стали смотреть как на дело, от которого он попросту уже не мог больше отказаться.

Тогда встал вопрос, с какой свитой, большей или меньшей, он должен отправиться в путь. По этому поводу принц Эболи и граф Фигуэроа оказались другого мнения, чем герцог Альба; мнения разделились соответственно интересам, которые были у каждой стороны различны. Если король отправится во главе армии, необходимым лицом будет герцог Альба; и, наобо-

* Burgund. 363. 364. Норрег. 138. 139. 140 и 152. 153.

** Норрег. 142. Burgund. 366.

рот, при мирной свите Альба был бы менее нужен и ему пришлось бы уступить место своим соперникам. «Армия, — заявил Фигуэроа, которому пришлось говорить первому, — встревожит князей, через области которых ее поведут, и возможно даже, что ей будет оказано сопротивление. С другой стороны, армия, предназначенная для усмирения провинций, обременит их напрасно и к тем тяготам, которые теперь завели их столь далеко, прибавит еще новую. Армия угнетает всех подданных одинаково, между тем как правосудие различает невинных и виновных. Необычайный насильственный характер этого шага заставит главарей партии взглянуть на свое поведение, в котором до сих пор главную роль играли своеволие и легкомыслие, с более серьезной стороны и вызовет в них стремление действовать дальше уже с определенным планом и более организовано. Мысль, что они довели короля до такой меры, повергнет их в отчаяние, которое может толкнуть их на крайности. Если король предстанет перед бунтовщиками с вооруженной силой, он лишит себя своего главного преимущества над ними — своего достоинства как государя страны, которое тем вернее служит ему защитой, чем больше он подчеркивает, что полагается только на него. Действуя вооруженной силой, король как бы становится на *один* уровень с мятежниками, которые, со своей стороны, не остановятся перед тем, чтобы набрать армию, так как всеобщая ненависть нации к испанскому войску поможет им в этом. Таким образом, свое несомненное превосходство, которое ему обеспечивается его положением государя страны, он меняет на сомнительные по исходу военные действия, которые неизбежно должны погубить часть его собственных подданных, на чьей бы стороне ни оказался успех. Слух о вооруженном прибытии короля опередит его самого и успеет дойти до провинций с быстротой, достаточной для того, чтобы дать возможность всем, кто чувствует себя виновным, стать в оборонительное положение и собрать все свои внутренние и внешние ресурсы. При этом всеобщий страх окажет им огромную услугу; неуверенность в том, против кого собственно все это направлено, привлечет к общей массе мятежников и менее

виновных и вынудит их стать врагами короля, что иначе никогда не могло бы случиться. Если же, наоборот, будут знать, что король едет без столь ужасной свиты, если его появление будет скорее появлением разгневанного отца, чем кровавого судьи,— мужество всех благонамеренных поднимется, а злые погибнут из-за своей беспечности. Они будут уверять себя, что все случившееся не имеет большого значения, так как королю оно не показалось настолько важным, чтобы прибегнуть к насильственным мерам. Они поостерегутся открытым насилием окончательно испортить дело, поправить которое есть еще надежда. Итак, тихим, мирным путем можно достигнуть того, что на другом пути оказывается безнадежно потерянным. Подданный, сохранивший верность, ни в коем случае не может быть сочтен за мятежника, достойного наказания; только на действительно виновных всей тяжестью падет гнев короля. Нечего уже говорить о том, что таким образом можно избежать огромных издержек, которых стоила бы короне перевозка испанской армии в столь отдаленные места» *.

«Однако,— возразил герцог Альба,— можно ли принимать в расчет бедствия отдельных граждан, когда опасность грозит всем? Если несколькими верным гражданам придется плохо, должны ли поэтому мятежники остаться безнаказанными? Преступление было всеобщим, почему же и наказанию не быть таким же? Бунтовщики провинились своими действиями, остальные — своим бездействием. Чья вина, как не этих последних, что бунтовщики зашли так далеко? Почему они своевременно не оказали им противодействия? Нам говорят, что дела еще не в таком отчаянном положении, чтобы оправдать насильственные меры, но кто поручится нам, что по прибытии короля они не окажутся именно в таком положении? Ведь, по донесениям регентши, все неминуемо идет к катастрофе. Можно ли рисковать настолько, чтобы король уже после своего прибытия в провинции вдруг увидел, как необходима была бы ему военная сила? Слишком много оснований думать, что мятежники уже заручились иноземной по-

* Burgund. 386. 387.

мощью, которая по первому знаку будет к их услугам. Время ли помышлять о военных приготовлениях тогда, когда неприятель уже вторгнется в наши пределы? Можно ли допустить до того, что придется удовольствоваться первыми попавшимися нидерландскими отрядами, на верность которых вряд ли можно положиться? И, наконец, разве сама регентша не повторяла многократно, что только отсутствие надлежащей военной силы мешало ей до сих пор ввести эдикты и воспрепятствовать успехам мятежников? Только хорошо дисциплинированная и вызывающая страх армия может отнять у мятежников всякую надежду устоять против своего законного государя, и только ввиду своей несомненной гибели умерят они свои требования. Без достаточной военной силы король вообще не может рисковать своей особой во враждебных странах, без нее он, не теряя своего достоинства, не может вступать ни в какие соглашения со своими мятежными подданными» *.

(1566) Большое влияние, которым пользовался оратор, дало перевес его доводам, и вопрос шел теперь только о том, как скоро отправится король в путешествие и какой путь должен быть им избран. Так как ни в коем случае нельзя было решиться плыть через океан, то оставался только или путь через Триентское ущелье и Германию, или же путь от Савойи, через Апеннинские Альпы. На первом пути королю приходилось опасаться немецких протестантов, которые не могли отнестись равнодушно к цели его поездки; пробираться через Апеннины в такое позднее время года было слишком опасно. Кроме того, следовало еще доставить из Италии и починить галеры, на что должно было уйти еще несколько месяцев. А так как к тому же на декабрь было уже назначено собрание кастильских кортесов, не присутствовать на котором королю было не очень удобно, то путешествие не могло быть предпринято раньше весны **.

Между тем регентша настоятельно просила определенных указаний о том, как ей выйти из затруднитель-

* Burgund. 381—390.

** Норрег. 154. 155. Burgund. 390—392.

ного положения, не нанося слишком большого ущерба престижу короля. Что-то надо было предпринять, раньше чем король, пользуясь своим личным присутствием, возьмется за прекращение беспорядков. В ответ герцогине были отправлены два письма: одно — официальное, которое она могла представить сословным представителям и совету, и другое — секретное, предназначенное только для нее. В первом письме король извещал ее о своем выздоровлении и о благополучном рождении инфанты Клары-Изабеллы-Евгении, которая стала впоследствии супругой Альберта Австрийского и правительницей Нидерландов. Далее он объявил ей о своем твердом решении лично посетить Нидерланды, для чего уже делаются необходимые приготовления. Созыв чинов он отвергал, как и в прошлый раз. По поводу соглашения регентши с протестантами и с союзом в письме не было никаких упоминаний, потому что король находил пока неудобным решительно отвергнуть его, но и признать его действительным у него не было никакого желания. Зато он приказывал герцогине набрать войска, вызвать полки из Германии и действовать силой против непокорных. Впрочем, заканчивалось письмо, он полагается на знать, среди которой ему известно много людей, относящихся честно к своей религии и к своему королю. В секретном письме он еще раз приказывал ей всеми силами препятствовать созыву чинов; в случае же, если бы общее давление оказалось слишком сильным и ей пришлось бы уступить, пусть она по крайней мере действует при этом столь осторожно, чтобы ничем не уронить его престижа и чтобы никому не дать догадаться о его согласии на это *.

(1566) Между тем как в Испании происходили совещания, протестанты в Нидерландах широко воспользовались теми вольностями, которые им вынуждены были дать. Постройка церквей всюду, где им это было разрешено, производилась с невероятной быстротой; молодые и старые, дворянство и простой народ — все

* Meteren. 92. Норрег. 144. 145. 146. Burgund. 369. 370.

помогали носить камни; женщины, чтобы ускорить постройку, жертвовали даже свои драгоценности. Обе религиозные секты учредили во многих городах собственные консистории и церковный совет и поставили богослужение на законную почву; начало этому положил Антверпен. Было предложено собирать деньги в общий фонд, чтобы в неожиданных случаях, касающихся всей протестантской церкви в целом, сейчас же иметь под рукой необходимые средства. В Антверпене кальвинисты города подали графу Гогстратену заявление о том, что они обязуются уплатить три миллиона талеров за свободное исповедание их религии по всем нидерландским провинциям. Копии этого заявления были в большом количестве пущены в Нидерландах по рукам; чтобы подвигнуть к этому других, многие подписывались на большие суммы. По поводу этих столь далеко зашедших действий враги кальвинистов делали различные предположения, которые имели все некоторую долю вероятия. Повидимому, думали некоторые, кальвинисты, под предлогом сбора необходимых средств для выполнения этого обязательства, надеются, не вызывая больших подозрений, получить деньги на военную оборону, а если уже нация согласна нести расходы, будь это ради регентши или *против* нее, то следует ожидать, что регентша гораздо охотнее пойдет на то, чтобы поддержать мир, чем на то, чтобы начать опустошительную и жестокую войну. Одни видели в этом лишь временные ухищрения протестантов, обман, которым они пытались поколебать ненадолго решимость двора, чтобы самим за это время собраться с силами и оказать сопротивление. Другие заявляли, что это попросту хвастливая болтовня, чтобы утратить регентшу и поддержать мужество партии перспективой столь мощной поддержки. Во всяком случае, каковы бы ни были действительные причины этого предложения, выдвинувшие его лица выиграли от него очень немного: взносы притекали чрезвычайно скупо, а двор ответил на него молчаливым презрением*.

* Strada. 163. Burgund. 374. 375. A. G. d. v. N. III. Часть. 93.

Однако иконоборческие неистовства не улучшили положения союза и не подняли значения протестантов; наоборот, и союзу и протестантам был нанесен этим непоправимый ущерб. Разоренные церкви, походившие скорее, как выразился Виглиус, на хлевы, чем на храмы, возмущали своим видом всех католиков и особенно духовенство. Все принадлежавшие к католическому вероисповеданию, которые вступили ранее в члены союза, теперь покинули его, так как он если и не подстрекал сознательно к бесчинствам и не поддерживал их, то косвенно, несомненно, все же содействовал их возникновению. Нетерпимость кальвинистов, которые жесточайшим образом притесняли католическое население всюду, где их секта оказывалась господствующей, заставила католиков прозреть окончательно; они отказались помогать партии, от которой, если б она получила перевес, им пришлось бы ждать всяких неприятностей для собственной своей религии. Союз потерял таким образом многих из своих достойнейших членов; друзья и помощники, которых он до сих пор имел среди благонамеренных граждан, покинули его, и уважение к союзу в республике начало заметно падать. Суровость же, с которой некоторые члены союза действовали против иконоборцев, желая угодить регентше и отклонить от себя подозрение в соучастии, повредила союзу в глазах народа, который брал иконоборцев под свою защиту. Союзу грозила, таким образом, опасность испортить свои отношения с обеими сторонами.

Как только регентша получила известие об этих переменах, она тотчас же составила план — постепенно расшатать весь союз или по крайней мере ослабить его внутренними раздорами. С этой целью она использовала частные письма короля, которые он написал некоторым из дворян и приложил к своему письму ей с разрешением употребить в дело по своему усмотрению. Эти письма, полные изъявлениями благосклонности, отправлялись адресатам таким образом, что об этом как бы нечаянно стало известно и другим, вследствие чего каждый раз то или другое лицо, из тех, кто ничего не получил, узнавало об этом. А чтоб еще больше увеличить недоверие, копии с этих писем в большом

количестве пускались по рукам. Эта интрига достигла своей цели. Многие члены союза начали сомневаться в стойкости тех, которым давались столь блестящие обещания; боясь быть покинутыми своими главнейшими защитниками, они с жадностью ухватились за условия, которые им предложила регентша, и старались по возможности скорее примириться с двором. Широко распространившийся слух о скором приезде короля, усердно поддерживаемый самой регентшей, оказал ей при этом большие услуги. Многие из тех, кому появление короля не обещало ничего хорошего, не стали долго раздумывать, принять ли ту милость, которая, быть может, предлагается им в последний раз *.

В числе тех, которые получили подобные письма, были Эгмонт и принц Оранский. Оба они обратились к королю с жалобами на те гнусные сплетни, которыми в Испании стараются заклеить их доброе имя и набросить тень на их намерения. Эгмонт в особенности, со свойственной ему честной простотой, требовал от монарха, чтобы тот разъяснил ему, чего он собственно от него хочет, и чтобы он точно указал, чем можно ему угодить и доказать свое служебное рвение. По поручению короля президент Тиссенак ответил Эгмонту, что лучшее средство опровергнуть своих клеветников — это полное подчинение приказам короля, которые составлены так ясно и определенно, что не требуется никаких новых объяснений и никаких особых указаний. Суверенному владыке подобает совещаться, обсуждать и приказывать; беспрекословное подчинение воле суверенного владыки — обязанность подданного; в послушании его честь. Не подобает отдельному члену считать себя умнее своей главы. Действительно, Эгмонту ставится в упрек, что он не сделал всего, что было в его силах, дабы воспрепятствовать разнузданным выступлениям сектантов. Но и теперь еще в его власти навёрстать упущенное, помогая поддерживать до прибытия короля хотя бы только порядок и спокойствие.

Если графа Эгмонта наказывали выговором, как непослушное дитя, то с ним обращались так потому, что

* Thuan. II. 507, Strada. 164. 165. Meteren. 93.

знали его. Против его друга приходилось призывать на помощь хитрость и обман. Оранский также упомянул в своем письме о недоверчивом отношении короля к его верности и преданности, но он коснулся этого иначе, чем Эгмонт,— то есть не в тщеславной надежде рассеять эту подозрительность, от чего он давно уже отказался,— а только для того, чтобы от жалоб на недоверие перейти к просьбе освободить его от всех должностей. С этой же просьбой он уже неоднократно обращался к регентше, но каждый раз получал от нее отрицательный ответ вместе с горячими уверениями в ее уважении. И король, к которому он, наконец, обратился непосредственно с этим ходатайством, дал ему теперь такой же ответ, украшенный самыми милостивыми изъявлениями благодарности и полного одобрения. Король ставил особенно высоко те услуги, которые принц Оранский недавно оказал ему в Антверпене, и очень сожалел, что частные дела принца (они являлись главным предлогом для увольнения) пришли в такое расстройство, но кончал заявлением, что он не может отпустить столь ценного помощника в то время, когда число надежных должно быть увеличено, а отнюдь не уменьшено. Он полагал, говорилось в конце, что принц лучшего мнения о нем; как мог принц считать его способным на то, чтобы верить пустой болтовне некоторых людей, которые злословят не только о принце, но даже и о нем самом? Чтобы тут же доказать ему свою искренность, король с доверием пожаловался ему на его же брата, графа Нассауского, для вида просил его совета в этом деле и, наконец, выразил желание, чтобы граф Нассауский временно покинул Нидерланды*.

Но Филиппу приходилось здесь иметь дело с человеком, который по ловкости далеко превосходил его. Принц Оранский давно уже окружил как самого короля, так и его тайный совет в Мадриде и в Сеговии целой армией шпионов, которые доносили ему обо всех значительных совещаниях, происходивших там. Двор этого скрытнейшего из всех деспотов стал доступен

* Норрег. 149. Burgund. 397. Apologie de Guillaume Pr. d'Orange, в качестве приложения.

принцу благодаря его деньгам и хитрости. Таким путем он добыл в подлиннике некоторые письма регентши, тайно отправленные ею в Мадрид, и тут же, на ее глазах, в самом Брюсселе, торжественно пустил их по рукам, из-за чего она, с изумлением видя у каждого то, что, по ее мнению, должно было находиться в большой сохранности, обратилась к королю с настойчивой просьбой впредь немедленно уничтожать все ее послания. Бдительность Вильгельма Оранского не ограничивалась одним лишь испанским двором. Вплоть до Франции и еще далее того у него были соглядатаи, и некоторые обвиняли его в том, что пути, которыми он получал сведения, не всегда были самыми безупречными. Наиболее важное открытие помогло ему сделать одно перехваченное им письмо испанского посланника во Франции, Франциска Алавы, к герцогине. Посланник распространялся в этом письме о том, что у короля есть теперь прекрасная возможность, пользуясь провинностями нидерландского народа, установить в этой стране деспотическую власть. Поэтому он советовал ей обманывать сейчас дворянство тем же способом; каким оно само действовало до сих пор против нее, а именно — пусть она успокаивает дворян сладкими словами и любезным обращением. Король, кончал он письмо, который считает дворян тайной пружиной всех бывших беспорядков, сумеет, конечно, найти их в свое время, как тех двух, которых он уже заполучил в Испании и которые больше от него не ускользнут; король поклялся наказать их так, чтобы дать пример и ужаснуть весь христианский мир, хотя бы из-за этого ему пришлось даже рискнуть всеми своими наследственными землями. Это злое открытие получило полное подтверждение в письмах, полученных от Бергена и Монтиньи из Испании. Они горько жаловались в них на высокомерное обращение с ними испанских грандов и на изменившееся отношение короля. Теперь принц Оранский окончательно понял, как ему относиться к милостивым заверениям короля*.

* Reidan. 3. Thuan. 507. Burgund. 507. Meteren. 94. Strada. 160.

(1566) Письмо посланника Алавы и еще несколько писем, присланных из Испании и дававших обстоятельные сведения о скором прибытии короля с войском и о его злых замыслах против дворянства, принц Оранский представил своему брату, графу Людвигу Нассаускому, графам Эгмонту, Горну и Гогстратену при свидании в Дендермонде во Фландрии, куда эти пять рыцарей Руна съехались, чтобы сообща принять необходимые для их безопасности меры. Граф Людвиг, который руководился только своим негодованием, отважно заявил, что надо, не теряя времени, взяться за оружие и обеспечить за собой несколько крепостей. Во что бы то ни стало надо помешать вступлению короля с войском в провинции. Надо поднять Швейцарию, протестантских князей в Германии и гугенотов, чтобы они с оружием в руках затруднили королю проход через их земли. Если бы ему все-таки удалось пробиться сквозь все эти препятствия, надо встретить его на границе Нидерландов с армией. Людвиг брал на себя переговоры с Францией, Швейцарией и Германией о заключении оборонительного союза, а также изъявил готовность нанять в Германии четыре тысячи человек конницы и соответственное количество пехоты. Он уверял, что найти предлог для сбора нужных денег будет нетрудно и что купцы-протестанты не оставят его без поддержки. Однако Вильгельм, более осторожный и более благоразумный, высказался против этого предложения, выполнение которого было бы связано с бесконечными трудностями и которое впоследствии ничем не могло бы быть оправдано. Инквизиция — так доказывал он — в самом деле отменена, указы об ересьх пришли почти в полное забвение, и введена справедливая свобода вероисповедания. Таким образом, пока нет достаточных оснований, чтобы вступить на этот путь вражды, однако он не сомневается, что повод к этому будет дан королем достаточно скоро. Итак, его мнение сводится к тому, чтобы спокойно выжидать, когда появится этот повод, а пока зорко следить за всем и во-время дать знать народу об угрожающей ему опасности, чтоб он был готов к действию, когда этого потребуют обстоятельства.

Если б все те, которые присутствовали на собрании, присоединились к мнению принца Оранского, то нет сомнения, что столь мощное объединение, грозное своей силой и влиянием своих членов, могло бы воздвигнуть перед королем такие препятствия, которые заставили бы его отказаться от всего своего плана. Но заявление, с которым выступил граф Эгмонт, ошеломило собравшихся рыцарей ордена и лишило их всякого мужества. «Пусть лучше,— начал граф Эгмонт,— все что угодно обрушится на меня, чем я осмелюсь так безрассудно пытаться свое счастье. Болтовня испанца Алавы трогает меня очень мало: как мог этот человек проникнуть в замкнутую душу государя и проникнуть в его тайны? Известия, полученные нами от Монтиньи, доказывают только то, что мнение короля о нашем служебном рвении очень двусмысленно, он полагает, что у него есть основания не доверять нашей преданности, для чего, думается мне, мы дали ему достаточно поводов. Поэтому я твердо решил удвоить мое усердие, дабы улучшить его мнение обо мне и по возможности уничтожить моим дальнейшим поведением те подозрения, которые я вызвал к себе прежними поступками. Да и как бы мог я вырваться из объятий моей многочисленной семьи, нуждающейся в моей помощи, чтобы скитаться, как изгнанник, по чужим дворам, быть в тягость каждому, кто даст мне приют, быть рабом того, кто, снисходя ко мне, согласится оказать мне помощь, быть наемником у чужестранцев, и все это лишь для того, чтобы избежать нетяжкого гнета на родине? Не может монарх быть немилостивым к своему слуге, который был ему когда-то мил и дорог и заслужил полное право на его благодарность. Никто не уверит меня в том, что король, имевший столь справедливые и милостивые намерения по отношению к своему нидерландскому народу, столь настойчиво и свято уверявший меня в этом, строит теперь против него деспотические козни. Как только мы вернем стране ее прежнее спокойствие, накажем бунтовщиков, восстановим католическое богослужение, поверьте мне, ни о каких испанских войсках не будет больше речи. К этому я призываю вас всех моим примером и моим советом, и к этому же

склоняется ныне большинство наших братьев. Что касается меня, я ничуть не боюсь гнева монарха. Совесть моя оправдывает меня; судьба моя зависит от его справедливости и милости» *.

Напрасно старались Нассауский, Горн и Оранский поколебать его твердость и открыть ему глаза на близкую и неизбежную опасность. Эгмонт был действительно предан королю. Воспоминание о его благодеяниях и о его милостивом обращении было еще живо в памяти Эгмонта. Знаки внимания, которыми король одарил его в отличие от всех его друзей, оказали свое действие. Он защищал против него дело своих соотечественников скорее из ложного стыда, чем по партийным убеждениям. На борьбу против жестоких мероприятий правительства его толкнули скорее темперамент и природная доброта сердца, чем твердость убеждения. Любовь народа, который почитал его как кумира, раздула его честолюбие. Слишком тщеславный, чтобы отказаться от имени, которое звучало для него столь приятно, он вынужден был что-то делать, чтобы заслужить его. Но достаточно было одного взгляда на семью, резкого отзыва о его поведении, указания на опасные последствия, которыми оно грозило, достаточно было произнести слово *преступление*, и он в страхе очнулся от своего самообмана и робко возвратился к исполнению своих обязанностей.

Когда Эгмонт отступил, весь план принца Оранского потерпел крушение. Эгмонт владел сердцем народа и пользовался полным доверием армии, без которой было попросту невозможно предпринять что-нибудь значительное. На него рассчитывали твердо. Весь съезд стал совершенно бесплодным из-за его неожиданного заявления. Разошлись, ничего не решив. Всех тех, которые были в Дендермонде, ожидали в Брюсселе на заседание государственного совета; но лишь один Эгмонт отправился туда. Регентша хотела узнать от него, о чем они совещались, но ей ничего не удалось выпытать, кроме письма Алавы, которое он захватил с собой в копии и представил ей с самыми горькими упреками. Сначала

* Thuan. 507. Burgund. 405. 406. Meteren. 95.

она изменилась в лице, но затем быстро овладела собой и смело заявила, что письмо подложное. «Каким образом, — сказала она, — может это письмо принадлежать Алаве, если все его письма получены мной, а тот, кто перехватил бы его, наверное, не пощадил бы и других? У меня ведь не пропало ни одной посылки, и ни один из посланных не заставил себя долго ждать. Да и мыслимо ли, чтобы король открыл какому-то Алаве тайну, которую он не считает возможным доверить даже мне?»*.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

(1566) Тем временем регентша спешила воспользоваться преимуществом, которое ей давал раскол среди дворян, чтобы довершить гибель союза, уже распатанного внутренними раздорами. Не теряя времени, она вызвала из Германии войска, которые герцог Эрих Брауншвейгский держал для нее наготове, увеличила конницу и набрала пять полков валлонцев, главное командование над которыми получили графы Мансфельд, Меген, Аремберг и другие. Принцу Оранскому, чтобы не обидеть его самым чувствительным образом, также пришлось доверить несколько отрядов, тем более что провинции, в которых он был штатгальтером, больше всего нуждались в них; но из предосторожности к нему был приставлен помощник — полковник Вальдерфингер, который должен был следить за каждым его шагом и имел возможность отменять его распоряжения, если б они показались опасными. Духовенство Фландрии передало графу Эгмонту сорок тысяч гульденов золотом на содержание тысячи пятисот человек, часть которых он распределил по самым опасным местам. Каждый штатгальтер должен был увеличить свою военную силу и позаботиться о снаряжении. Все эти приготовления, происходившие повсюду и с большой поспешностью, не оставляли никакого сомнения в том, каким путем регентша предполагает идти дальше.

Убежденная в превосходстве своих военных сил и

* Burgund. 408. Meteren. 95. Grot. 23.

уверенная в могучей их поддержке, она решается изменить свое обращение с мятежниками и начинает говорить с ними совсем другим языком. Все то, что было разрешено протестантам из страха и по необходимости, она осмеливается истолковывать теперь самым произвольным образом и сводит все их вольности, без слов допущенные ею, только к разрешению проповедей. Все остальные религиозные обряды и церемонии, казавшиеся само собой разумеющимися, поскольку разрешены проповеди, были теперь запрещены новыми указами, содержащими угрозу, что нарушители подвергнутся наказанию как виновные в оскорблении величества. Протестантам разрешалось толковать таинство причастия иначе, чем толковали его католики, но причащаться по другому обряду было преступлением; крестить, венчать и хоронить по своему обряду было запрещено протестантам под угрозой смертной казни. Это было жестоким издевательством над протестантами — им разрешали исповедовать религию и запрещали соблюдать ее обряды. Эта бесчестная уловка, с помощью которой регентша пыталась освободить себя от данного слова, вполне достойна того малодушия, с которым она позволила вырвать у себя это слово. Она пользовалась малейшими нововведениями и самыми незначительными нарушениями правил, чтобы запретить проповеди. Многие проповедники под предлогом, что они исполняли свои обязанности не там, где им было указано, были отданы под суд, а некоторые из них были даже повешены. Регентша при различных обстоятельствах громко заявляла о том, что члены союза недобросовестно воспользовались ее страхом и что она не считает себя связанной договором, к которому ее принудили угрозами*.

Из всех нидерландских городов, принимавших участие в иконоборческих волнениях, регентша больше всего боялась города Валансьена в Геннегау. Нигде партия кальвинистов не была так сильна, как в этом городе, и дух возмущения, которым провинция Геннегау

* Meteren. 93. 94. Thuan 507. Strada. 166. Meurs. Guil. Auriac. 21.

всегда отличалась, более, чем где-либо, обжился именно в Валансьене *. Соседство с Францией, к которой Валансьен по своему языку и обычаям был ближе, чем к Нидерландам, послужило причиной того, что этим городом с давних пор управляли с большей мягкостью, но зато и с большей бдительностью, отчего он тем сильнее чувствовал свое значение. При последнем восстании иконоборцев город едва не передался гугенотам, с которыми он все время поддерживал самую тесную связь, и малейший повод мог воскресить ту же самую опасность. Поэтому из всех нидерландских городов Валансьен был первым, в котором регентша решила усилить гарнизон, как только она оказалась в состоянии сделать это. Филиппу Нуаркармскому, владетельному князю Сент-Альдегонды, штатгальтеру в Геннегау, замещавшему отсутствовавшего маркиза Бергена, было поручено выполнить это, и он подошел к стенам Валансьена во главе военного отряда. Из города вышли к нему навстречу депутаты от магистрата, прося избавить их от гарнизона, так как протестантская часть населения, как более многочисленная, высказалась против этого. Нуаркарм объявил им волю регентши и предоставил на выбор: или впустить гарнизон, или подвергнуться осаде. Больше четырех эскадронов конницы и шести рот пехоты в город введено не будет; ручаясь за это, он готов оставить им в качестве заложника собственного своего сына. Когда эти условия были представлены магистрату, который склонялся к тому, чтобы принять их, появился во главе своих приверженцев проповедник Перегрин Лагранж, апостол и кумир народа. Он был против того, чтобы город подчинился, опасаясь, что при этом ему придется пасть жертвой, и он силой своего красноречия убедил народ отвергнуть эти условия. Когда послы вновь пришли с этим ответом к Нуаркарму, он вопреки всем законам международного права наложил на них оковы и увел в плен. Однако по приказу регентши он вынужден был вскоре отпустить их. Побуждаемая к возможно большей снисходительности

* В Геннегау существовала, а может быть и теперь еще существует, поговорка, что провинция стоит только под богом и под солнцем (Strada. 174).

тайными распоряжениями из Мадрида, регентша заставляяет его еще несколько раз предложить городу, чтобы он принял назначенный ему гарнизон; но так как Валансьен упорно настаивает на своем отказе, то особым актом он объявляется мятежным городом, и Нуаркарм получает приказ подвергнуть его форменной осаде. Всем остальным провинциям запрещается поддерживать мятежный город советом, деньгами или оружием. Все его владения объявляются конфискованными. Желая объявить войну раньше, чем откроются военные действия, чтобы дать городу возможность одуматься, Нуаркарм стянул войска из всего Геннегау и Камбре (1566), овладел Сент-Аманом и разместил гарнизоны по всем близлежащим местечкам. Действия правительства против Валансьена показали всем другим городам, находившимся в том же положении, какая судьба ожидает их, и это тотчас же привело в движение весь союз. Войско гёзов в количестве от трех до четырех тысяч человек, поспешно собранное из беглого сброда и остатков иконоборческих банд, появляется в окрестностях Турне и Лилля, чтобы обеспечить себе оба эти города и тревожить неприятеля под Валансьеном. Лилльскому губернатору удается обратить в бегство один из отрядов этого войска, который по согласию с протестантами города готовился уже занять Лилль, и таким образом он удерживает город за собой. В то же время часть войска гёзов, бездействовавшая возле Лонуа, подвергается нападению Нуаркарма, который почти полностью уничтожает ее. Очень немногие, пробившись сквозь ряды неприятеля с отчаянной храбростью, укрываются в городе Турне; победитель тотчас же требует, чтобы Турне открыл ему ворота и принял гарнизон. Немедленное повиновение облегчает судьбу города. Нуаркарм удовлетворяется тем, что упраздняет протестантскую консисторию, изгоняет проповедников, привлекает к суду руководителей мятежа и восстанавливает католическое богослужение, которое он застал почти в полном забвении. Назначив губернатором в городе верного католика и оставив там достаточный гарнизон, Нуаркарм вновь возвращается со своим победоносным войском к Валансьену, чтобы продолжать осаду.

Валансьен, гордый своими укреплениями, бодро приступил к обороне, твердо решившись защищаться до последней крайности. Военное снаряжение и припасы были своевременно заготовлены в количестве, достаточном для длительной осады. Все, кто только мог носить оружие, — не исключая даже и ремесленников, — стали в ряды войска; дома за стенами города и особенно монастыри были разрушены до основания, чтобы осаждающие не могли ими воспользоваться при осаде. Немногие сторонники короны молчали, подавленные большинством; ни один католик не смел пошевелиться. Анархия и мятеж водворились на место законного порядка. Защитники были многочисленны, отчаянное мужество владело ими; крепка была уверенность, что осада скоро будет снята и ненависть к католической церкви возросла до последней степени. Многим нечего было ждать пощады, и все с ненавистью отвергали гнет самовластного гарнизона. Хотя войско Нуаркарма было снабжено более чем достаточно всем необходимым на случай длительной блокады и к тому же чрезвычайно увеличилось за счет притекавших к нему отовсюду подкреплений, он еще раз попытался подействовать на Валансьен добром, но тщетно. Итак, он велел приступить к рытью траншеи и приготовился обложить город со всех сторон*.

Между тем как силы регентши все больше увеличивались, положение протестантов становилось все хуже. Союз гёзов постепенно уменьшился, чуть ли не в три раза. Некоторые из важнейших его покровителей, как, например, граф Эгмонт, снова перешли на сторону короля. Денежные взносы, на которые члены союза твердо рассчитывали, притекали очень скупо. Фанатизм начал заметно охладевать, а с наступлением весенней погоды должны были прекратиться и публичные проповеди, которые до тех пор поддерживали его. Все это заставило близкую к гибели партию значительно умерить свои требования и обратиться к более скромным средствам, прежде чем прибегнуть к самым крайним.

* Burgund. 379. 411—418. Meteren. 98. 99. Strada. 176. Vigl. ad Hopper. Epist. II. XXI.

На съезде протестантов, созванном для этой цели в Антверпене, где присутствуют и некоторые члены союза, принимается решение отправить к регентше депутацию, чтобы напомнить ей о заключенном договоре и протестовать против нарушения ею своего слова. Бредероде берет на себя это поручение, но ему приходится претерпеть самый грубый и оскорбительный отказ в приеме, причем его даже высылают из Брюсселя. Тогда он решает прибегнуть к письменному заявлению, в котором от имени всего союза жалуется регентше на то, что она, нарушая свое слово, ставит союз в ложное положение по отношению к протестантам, которые сложили оружие только потому, что союз поручился за соблюдение условий договора; беря обратно все, что было разрешено, она уничтожает то доброе, что было сделано членами союза; она стремится унижить союз в глазах народа, вызвать раздоры между его членами; многих из них она даже подвергла преследованиям как преступников. Он настаивал, чтобы она отменила новые свои распоряжения, которые лишают протестантов возможности свободно исповедовать свою веру, но прежде всего — чтоб она сняла осаду с Валансьена и распустила вновь набранные войска. Только при соблюдении этих условий союз может поручиться за общественное спокойствие.

На это регентша ответила в таком тоне, который находился в резком противоречии с ее прежней сдержанностью: «Кто такие эти члены союза, которые обращаются ко мне с этой запиской, для меня остается тайной. Члены союза, с которыми мне раньше приходилось иметь дело, насколько мне известно, разбрелись в разные стороны. Во всяком случае все члены союза не могли присоединиться к этой жалобе, так как я сама знаю многих, которые, будучи удовлетворены во всех своих требованиях, уже вернулись к исполнению своих обязанностей. Но кто бы ни были те лица, которые обращаются здесь ко мне без всякого на то права и не называя своего имени, они по меньшей мере ложно толкуют мои слова, если делают из них вывод, будто я обеспечила протестантам свободу вероисповедания. Ни для кого не тайна, как тяжело мне было согласиться на проповеди

там, где они уже начались, и разве одно это может означать дарование религиозной свободы? Как могла бы я решиться взять под свою защиту противозаконные консистории, терпеть эти государства в государстве? Неужели я могла настолько лишиться разума, чтобы предоставить жалкой секте законное право переименовать все порядки в церкви и в республике и столь отвратительно поносить священную мою религию? Обращайтесь со своими требованиями к тому, кто вам дал такое разрешение, — меня же оставьте в покое! Вы обвиняете меня, будто я нарушила договор, который обеспечивал вам безопасность и безнаказанность? Прошлые грехи я вам действительно простила, но не те, что вы можете совершить в будущем. Ваша петиция от апреля прошлого года ни на кого из вас не должна была навлечь неприятностей, и, насколько я знаю, она ни на кого их и не навлекла. Но тот, кто вновь провинился перед его величеством королем, должен нести последствия своего преступления. И, наконец, как осмеливаетесь вы напоминать мне о договоре, который вы же первые нарушили? По чьему наущению были ограблены церкви, ниспровергнуты иконы и вызваны мятежи в городах? Кто заключал союзы с чужеземными державами, без разрешения вербовал войска и собирал с подданных короля противозаконные подати? Вот почему я стянула войска, вот почему усилила применение эдиктов. Кто требует от меня, чтобы я вновь сложила оружие, не может быть верным своему отечеству и своему королю, и если вы жалеете себя самих, то позаботьтесь о том, чтобы оправдать собственные свои поступки, а не осуждать мои» *.

Все надежды членов союза на мирную сделку исчезли после этого высокомерного заявления. Если бы регентша не была уверена в сильной поддержке, она не стала бы говорить таким языком. Армия стояла в боевой готовности; Валансьен был осажден; ядро союза раскололось, и регентша требовала безусловной покорности. Положение членов союза было теперь столь тяжким,

* Thuan. 523. 524. Strada. 167. 168. Burgund. 433. 434. 435. Meteren. 96. 97.

что открытое сопротивление не могло уже ухудшить его. Если б они отдались в руки разгневанного государя безоружными, их гибель была бы неизбежна; при вооруженной борьбе она могла стать хотя бы сомнительной. Итак, они выбрали последнее и начали серьезно готовиться к защите. Чтобы получить право на поддержку немецких протестантов, Людвиг Нассауский собирался уговорить города Амстердам, Антверпен, Турне и Валансьен принять аугсбургское исповедание и таким образом теснее связаться с их вероучением. Это предложение никогда не было принято, ибо религиозная ненависть кальвинистов к их евангелическим братьям, вероятно, превышала даже то отвращение, которое они питали к папизму. Нассауский настойчиво повел тогда переговоры о субсидиях из Франции, Пфальца и Саксонии. Граф Берген укрепил свои замки. Бредероде с малочисленным войском отправился в свой небольшой город Виану на Леке, над которым он присвоил себе суверенные права, и поспешно подготовил его к обороне, чтобы ждать здесь подкреплений от союза и результатов от начатых Людвигом Нассауским переговоров. Итак, знамя войны было поднято. Всюду били барабаны, всюду двигались войска, добывались деньги, вербовались солдаты. Уполномоченные от обеих сторон часто встречались в одном и том же месте. Едва город освобождался от сборщиков и вербовщиков регентши, как ему приходилось снова выносить такие же насилия от агентов союза *.

(1566) После Валансьена регентша обратила свой взор на город Герцогенбуш, где иконоборцы совершили новые бесчинства и протестантская партия получила большой перевес. Желая добиться мирным путем, чтобы граждане города приняли гарнизон, она отправила к ним в качестве послов канцлера Шейфа из Брабанта и члена городского совета Мероде из Петерсгейма, которого она назначила в этот город губернатором; они должны были мирным путем склонить его на свою сторону и добиться от граждан новой присяги на

* Thuan. 524. Strada. 169. A. G. d. v. Niederl. XXII. Том. 95. Vigl. ad Hopper. Epist. III.

верность. В то же время граф фон Меген, стоявший со своим войском недалеко оттуда, получил приказ двинуться к городу, чтобы поддержать послов при исполнении данного им поручения и, как только будет возможно, сейчас же ввести в город гарнизон. Но Бредероде, узнав об этом в Виане, послал в Герцогенбуш одного из своих приверженцев, некоего Антона фон Бомберга, ярого кальвиниста, прославившего также и храбрым солдатом, с целью поддержать мужество своих единомышленников и помешать планам регентши. Этому Бомбергу удалось захватить письма, привезенные канцлером от герцогини, и подменить их подложными, которые резким своим и властным языком возмутили граждан города. В то же время он постарался вызвать у них подозрение, будто послы замышляют против города недоброе, и это удалось ему столь хорошо, что толпа в дикой ярости схватила обоих послов и посадила их под замок. Сам же он во главе восьмисот человек, которые выбрали его своим предводителем, двинулся навстречу войску графа Мегена, приближавшегося в боевом порядке к городу, и встретил его таким сильным артиллерийским огнем, что Меген вынужден был отступить, ничего не добившись. Регентша отправила в Герцогенбуш служителя суда с требованием, чтобы освободили ее послов, и в случае отказа грозила осадой. Но Бомберг со своими приверженцами захватил ратушу и заставил магистрат выдать ему ключи от города. Служитель суда был отослан обратно с издевательствами, и регентше было передано через него, что участь арестованных зависит от дальнейших приказаний Бредероде. Тогда под стенами появился герольд, чтоб объявить городу войну; но канцлер не допустил этого *.

После неудачной попытки завладеть Герцогенбушем граф Меген бросился к Утрехту, чтобы предупредить нападение, которое собирался совершить на этот город граф Бредероде. Граждане Утрехта, которым приходилось много терпеть от войска гёзов, расположившегося лагерем под Вианой, неподалеку от них,

* Thuan. 525. Strada. 170. Burgund. 423. 424. 427. 428. Vigl. ad Hopper. Epist. VI.

встретили Мегена с радостью, как своего защитника, и согласились на все изменения, которые он ввел в их обряды. Фон Меген велел тотчас же рыть траншеи на берегу Лека, откуда можно было обстреливать Виану. Бредероде, не желая ждать его в этом городе, покинул место военных действий с лучшей частью своего войска и поспешил в Амстердам*.

Казалось, будто принц Оранский в разгар этих событий проводил время в Антверпене без всякой пользы; на самом же деле он при видимом бездействии развивал огромную деятельность. По его указаниям союз набирал войска, а Бредероде укрепил свои замки, для чего Оранский сам подарил ему три пушки, отлитые по его приказанию в Утрехте. Он зорко наблюдал за всем происходящим при дворе и предупреждал союз каждый раз, когда замышлялось что-нибудь против того или другого города. Но прежде всего он, повидимому, стремился овладеть важнейшими городами своего штатгалтерства; вот почему он незаметным образом всеми силами поддерживал планы Бредероде, касающиеся Утрехта и Амстердама**.

Самым важным пунктом был зеландский остров Вальхерн, где можно было ожидать высадки короля на берег. Захватить его при неожиданном нападении — таков был теперь план, предложенный принцем Оранским. Выполнение этого плана взял на себя один из принадлежавших к союзу дворян, близкий друг принца Оранского, Иоанн фон Марникс, сеньор Тулузский, брат Филиппа, сеньора Сент-Альдегонды (1567). Он поддерживал тайные сношения с бывшим судьей из города Мидделбурга, Петром Гаком, что должно было дать ему возможность ввести гарнизон Мидделбург и Флиссинген. Но вербовка солдат, предпринятая с этой целью в Антверпене, не могла пройти настолько незаметно, чтобы не вызвать подозрений у магистрата; желая успокоить магистрат и в то же время имея в виду дальней-

* Thuan. 525. Strada. 170. Burgund. 423. 424. 427. 428. Vigl. ad Hopper. Epist. VI.

** A. G. d. v. N. 98. 99. Strada. 170. Vigl. ad Hopper. 5 письмо. Grotius. 23.

шее развитие своих планов, принц Оранский объявил публично через герольда, чтобы все чужеземные солдаты и другие иностранцы, не состоящие на государственной службе или вообще проживающие без дела, немедленно очистили город. Ему нетрудно было, так говорили его противники, запретить ворота и захватить этих подозрительных солдат, но он выгнал их из города, чтобы тем скорее направить их к месту назначения. Они были тотчас же посажены на суда и по Шельде отправлены до Раммекенса; но так как с помощью одного торгового судна, незадолго до них пришедшего из Антверпена, удалось предупредить Флиссинген об их замыслах, то им и был запрещен вход в гавань. На те же затруднения они натолкнулись и у Арнемуидена, возле Мидделбурга, где не католики напрасно старались вызвать восстание им в помощь. Тогда сеньор Тулузский, ничего не добившись, велел повернуть суда и поплыл обратно вниз по Шельде до Остервиля, что в четверти мили расстояния от Антверпена; здесь он высадил свою команду и расположился лагерем на берегу, рассчитывая получить подкрепление из Антверпена и поддержать своей близостью к городу мужество у единоверцев, угнетаемых магистратом. При помощи кальвинистского духовенства, которое занималось в городе вербовкой для него солдат, его маленькое войско увеличивалось с каждым днем и, наконец, стало опасным для Антверпена, окрестности которого оно сильно опустошало. Негодующий магистрат хотел выслать против него городскую милицию, но принцу Оранскому удалось помешать этому под предлогом, что город нельзя оставить без защиты.

Между тем регентша спешно собрала против Иоанна Марникса небольшое войско, которое усиленным маршем двинулось из Брюсселя под командой Филиппа Лонуа. В то же время граф Меген столь хорошо оцепил и так беспокоил войско гёзов под Вианой, что там ничего не было известно о передвижениях под Антверпеном и они не смогли прийти на помощь своим единомышленникам. Лонуа напал врасплох на разбросанные отряды Марникса, вышедшие на грабеж, и после страшной кровавой бойни совершенно уничтожил их.

Иоанн Марникс с остатком своих войск засел в усадьбе, служившей ему главной квартирой, и долго защищался, с мужеством отчаяния, пока, наконец, Лонуа, исчерпав все средства, чтобы выбить его оттуда, не велел поджечь дом. Немногие спасшиеся от огня погибли от меча неприятеля или нашли себе смерть в реке Шельде. Марникс предпочел умереть в огне, чтобы не попасть в руки врагов. Эта победа, стойвшая противнику больше тысячи человек, досталась победителю довольно дешево: во всем войске у него выбыло из строя только два человека. Триста человек, сдавшихся живыми, были немедленно перебиты без всякого милосердия, из-за того, что опасались нападения из Антверпена *.

До начала сражения в Антверпене ничего не подозревали о готовившемся нападении. Принц Оранский, извещенный об этом, принял некоторые меры предосторожности. За день до сражения он велел сломать мост, соединявший город с Остервилем, чтобы, как он уверял, помешать антверпенским кальвинистам присоединиться к войску Тулузского, но вероятнее для того, чтобы не дать католикам ударить в тыл войску гёзов или же чтобы помешать Лонуа, если он останется победителем, ворваться в город. На том же основании по его приказу были заперты ворота, и жители города, ничего не понимая во всех этих приготовлениях, колебались в нерешительности между любопытством и страхом, пока грохот орудий, донесшийся из Остервиля, не возвестил о том, что там происходит. Тогда все шумной толпой устремились на валы и стены, откуда им, лишь только ветер рассеял пороховой дым над сражающимися войсками, представилось все зрелище битвы. Оба войска были так близко от города, что можно было различить их знамена и очень отчетливо слышать голоса как побеждающих, так и побеждаемых. Ужаснее даже, чем само сражение, было то зрелище, которое представлял теперь собою город. У каждого из двух сражавшихся войск были на стенах города свои приверженцы и свои враги. Все, что происходило внизу, вызывало здесь,

* Meteren. 97. 98. Burgund. 440—441. Strada. 171—172. Thuan. L. 41.

наверху, ликование и вопли ужаса; исход битвы, казалось, решал и судьбу каждого зрителя. Всякое движение на поле боя тотчас отражалось на лицах зрителей: поражение и торжество, страх побежденного и ярость победителя. Здесь — мучительное и тщетное стремление поддержать гибнущего, остановить бегущего; там — столь же тщетное желание догнать его, истребить, стереть с лица земли. Вот бегут гёзы, и десять тысяч человек счастливы; последнее убежище Тулузского объято пламенем, и двадцать тысяч антверпенских граждан приемлют вместе с ними огненную смерть.

Но вскоре первое оцепенение ужаса сменяется неистовым порывом помочь, отомстить. С громкими воплями, ломая руки, с разметавшимися волосами вдова погибшего полководца бросается от одной толпы к другой, моля о мести, моля о сострадании. Воодушевленные Германом, своим апостолом, кальвинисты хватаются за оружие, решив отомстить за своих братьев или погибнуть вместе с ними. Без определенной мысли, без плана, без вождей, руководимые только своей болью, своим безумием, они бросаются к красным воротам, ведущим на поле сражения, но — выхода нет! Ворота заперты, и передние ряды теснят задние. Тысячи напирают на тысячи, на мосту образуется давка. «Нас предали, мы в ловушке! — кричат все. — Проклятие папистам, проклятие тому, кто предал нас!» Глухой ропот, предвестник народного восстания, пробегает по толпе. Возникает подозрение, что все, что совершалось до сих пор, подстроено католиками, чтобы погубить кальвинистов. Католики уничтожили их защитников и теперь набросятся на безоружных. С роковой быстротой распространяется это подозрение по всему Антверпену. Всем кажется, что они поняли то, что было в прошлом, и страшатся подстерегающего их будущего; жестокое недоверие овладевает всеми. Каждая секта боится другой, каждый видит врага в своем соседе; тайна увеличивает эту боязнь, этот ужас; страшное состояние для столь многолюдного города, где случайное стечение народа тотчас же приводит к возбуждению, где каждая догадка превращается в слух, каждая искра разгорается в пламя, и благодаря постоянным столкновениям все

страсти вспыхивают сильней! Все, кто принадлежит к реформатской церкви, приходят от этого слуха в движение. Пятнадцать тысяч кальвинистов овладевают дамбой и устанавливают на ней тяжелые орудия, силой вывезенные из цейхгауза; на другой дамбе происходит то же самое. Многочисленность кальвинистов наводит страх, город оказывается в их руках; чтобы спастись от воображаемой опасности, они приводят весь Антверпен на край гибели.

Как только начались волнения, принц Оранский поспешил к дамбе, смело пробился сквозь разъяренные толпы, призывая их успокоиться и умоляя выслушать его. На другой дамбе граф Гогстратен, сопровождаемый бургомистром Штраленом, пытался сделать то же самое. Но так как у него не было ни влияния, ни красноречия, то, будучи не в силах справиться с разбушевавшейся толпой, он направил ее к принцу, вокруг которого сплотился теперь весь Антверпен. Ворота, — пытался объяснить Оранский, — были заперты только для того, чтобы не пропустить в город победителя, кем бы он ни был, иначе город мог бы стать добычей солдат. Напрасно старался он их уговорить — беснующиеся толпы не слушали его, а один из самых отчаянных в толпе осмелился даже выбрать его предателем и прицелиться в него из ружья. С громкими криками они требовали от него ключи от красных ворот, которые в конце концов он и вынужден был передать в руки проповедника Германа. Однако, — прибавил он с редким присутствием духа, — пусть они поймут, что делают: в предместье их поджидают в засаде шестьсот неприятельских всадников. Измышление, внушенное ему страхом и крайностью, было ближе к правде, чем он, быть может, полагал. Едва только победоносный полководец узнал о волнениях в городе, он тотчас приказал своей коннице сесть в седло, чтобы, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, ворваться в город. «Я по крайней мере, — продолжал принц Оранский, — постараюсь скрыться заблаговременно, и кто последует моему примеру, тому не придется раскаиваться». Эти слова, сказанные кстати и сейчас же подкрепленные действием, произвели впечатление. Стоявшие поблизо-

сти последовали за ним, за этими первыми последовали и другие, и в конце концов те немногие, которые уже двинулись было вперед, увидев, что за ними не идет никто, потеряли охоту иметь дело с конным отрядом в шестьсот человек. Все снова вернулись к дамбе, на которой выставили часовых и форпосты, и провели тревожную ночь, оставаясь под ружьем*.

Городу Антверпену грозила жестокая резня и полное разграбление. В этой крайности Оранский созывает чрезвычайное заседание сената, на которое привлекаются наиболее уважаемые граждане от всех четырех наций. «Если хотят прекратить бесчинства кальвинистов,— сказал принц Оранский,— то необходимо выставить войско, готовое дать им отпор». Итак, было решено поспешно призвать к оружию всех католиков в городе, коренных жителей, итальянцев и испанцев, а также, если возможно, привлечь на свою сторону и лютеран. Вследствие властолюбия кальвинистов, которые, гордясь своими богатствами и опираясь на свой численный перевес, относились с презрением ко всем другим религиозным сектам, лютеране давно уже стали их врагами. Взаимное озлобление этих двух протестантских церквей носило даже более непримиримый характер, чем та ненависть, которую обе они одинаково питали к господствующей церкви. Магистрат уже и раньше извлекал значительные выгоды из их соперничества, стараясь ограничивать одну партию с помощью другой, главным образом, конечно, партию кальвинистов, от усиления которой можно было ждать самых больших неприятностей. На этом основании он молча взял под свое покровительство лютеран, как более слабую и более миролюбивую из сект, и даже выписал для них из Германии духовных наставников, которые должны были своим толкованием спорных пунктов постоянно поддерживать их ненависть к последователям Кальвина. Магистрат к тому же стремился вызвать у лютеран представление, что король относится к их вероисповеданию очень благосклонно, и советовал им не портить своего хорошего положения сближением с кальвинистами.

* Burgund. 444—447. Strada. 172.

Таким образом, в данный момент было нетрудно добиться присоединения лютеран к католикам, так как дело шло о том, чтобы подавить столь ненавистных им соперников. На рассвете перед кальвинистами выстроилось войско, гораздо более многочисленное, чем их войско. Когда Оранский появился во главе этого войска, его красноречие начало производить более сильное впечатление и находить лучший отклик, чем раньше. Хотя кальвинисты и были вооружены и даже имели тяжелые орудия, они все же испугались численного превосходства неприятеля и первые отправили послов с предложением прийти к мирному соглашению, которое благодаря искусству принца Оранского и было заключено ко всеобщему удовольствию. Испанцы и итальянцы сложили оружие тотчас же по обнародовании этого соглашения. За ними последовали кальвинисты, за кальвинистами католики. Последними сложившими оружие были лютеране *.

Двое суток находился Антверпен в этом ужасном положении. Католики подкатали уже бочки с порохом под дамбу, намереваясь взорвать все реформатские войска, находившиеся на ней. Именно так поступили в других местах кальвинисты с католиками **. Одно мгновение могло погубить город; благодаря хитроумию Оранского он был спасен.

(1567) Нуаркарм со своим валлонским войском все еще стоял под стенами Валансьена, который, твердо надеясь на защиту со стороны гёзов, не поддавался ни на какие уговоры регентши и отвергал всякую мысль о сдаче. Точный приказ двора запретил Нуаркарму действовать решительно, пока ему на помощь не придут свежие войска из Германии. Король, не то из желания пощадить город или из боязни, неприязненно относился к мысли о насильственном взятии его штурмом, так как при этом нельзя было избежать, чтобы невинных не постигла та же участь, что и виновных, и с верными гражданами пришлось бы обойтись как с врагами. Но упорство осажденных росло с каждым днем; ободряемые бездеятельностью врага, они осмеливались даже

* Thuan. 526. 527. Burgund. 448—451. Strada. 173. Meteren. 97. 98.

** Meteren. 97.

тревожить его частыми вылазками, подожгли некоторые из подгородных монастырей и возвратились назад с добычей. Между тем как под стенами города теряли время понапрасну, мятежники и их союзники имели возможность лучше его использовать; ввиду всего этого Нуаркарм обратился к герцогине с настойчивой просьбой, чтобы она выхлопотала ему у короля разрешение взять город приступом. Ответ от короля пришел скорее, чем когда бы то ни было. Он предлагал удовлетвориться тем, чтобы приготовить орудия для штурма и, прежде чем приступить к штурму, постараться некоторое время воздействовать на город страхом ожидания его. Если и после этого город не сдастся, тогда он разрешает взять его приступом, по возможности, однако, щадя каждую жизнь. Регентша, раньше чем прибегнуть к этому крайнему средству, уполномочила графа Эгмонта вместе с герцогом Аршотом еще раз поговорить с мятежниками добром. Они вступают в переговоры с депутатами от города и приводят все имеющиеся в их распоряжении доводы, чтобы вывести тех из заблуждения, в котором они находятся. Они сообщают им, что Тулузский разбит и что, таким образом, у осажденных исчезла всякая надежда на помощь; что граф Меген отрезал от города войско гёзов и что они-то сами держатся так долго только благодаря снисходительности короля. Им обещают полное прощение всех прошлых проступков. Каждому будет разрешено доказывать свою невиновность перед каким угодно трибуналом; кто этого не захочет, тому будет разрешено покинуть город со всем своим имуществом в течение двух недель. От них требуется только одно — чтобы они приняли гарнизон. Им дали три дня перемирия для того, чтобы обдумать это предложение. Когда депутаты вернулись назад в город, они нашли своих сограждан менее чем когда-либо расположенными к соглашению, так как тем временем в Валансьене распространились ложные слухи о новой вербовке войск гёзами. Тулузский, передавали друг другу, победил, и сильное войско приближается к городу, чтобы снять осаду. Эта уверенность завела их столь далеко, что осажденные позволили себе нарушить перемирие и открыли огонь по осаждающим. Маги-

страту удалось, наконец, с большим трудом добиться, чтобы двенадцать человек из членов городского совета были посланы в лагерь врагов с предложением следующих условий: эдикт, которым Валансьен обвинялся в оскорблении его величества и объявлялся врагом, должен быть отменен, конфискованное имущество должно быть возвращено, и пленные с обеих сторон должны быть отпущены. Гарнизон должен вступить в город не раньше, чем все, кто это считает нужным, успеют уехать со своим имуществом; гарнизон должен дать обязательство, что он ничем не будет обременять жителей и что король возьмет на себя все издержки по его содержанию.

Нуаркарм с негодованием встретил эти условия и чуть было не расправился с уполномоченными. Если они пришли не с тем,— обратился он к ним,— чтобы передать ему город, то пусть поскорее убираются обратно, или же он сам отправит их назад со связанными за спиной руками. Депутаты сваливали вину на упорство кальвинистов и жалобно просили его, чтобы он оставил их у себя в лагере, потому что среди своих мятежных сограждан им больше делать нечего и делить с ними их судьбу они не желают. Умоляя о заступничестве, они бросились даже обнимать колени Эгмонта, но Нуаркарм остался глух к их просьбам, а вид принесенных оков заставил их вопреки желанию вернуться в Валансьен. Не жестокость, а необходимость побудила Нуаркарма прибегнуть к столь суровому обращению. За задержание послов он уже получил однажды выговор от герцогини. Если б и эти послы не вернулись назад в город, это было бы объяснено теми же причинами, что и в первый раз. К тому же он не хотел лишить город малого остатка благомыслящих граждан и довести его до того, чтобы судьба его зависела лишь от слепой, безрассудно отчаянной толпы. Эгмонт был так возмущен неудачей своего посольства, что в ту же ночь сам объехал верхом весь город, произвел рекогносцировку его укреплений и вернулся назад очень довольный, убедившись, что город долго не продержится*.

* Thuan. 528, Strada. 178. Burgund. 466.

Валансьен раскинулся по ровному пологому скату небольшой возвышенности; он красиво расположен и в то же время хорошо укреплен. С одной стороны его огибает Шельда и еще одна небольшая речка, с другой стороны он защищен глубокими рвами, стенами и башнями и, повидимому, может противостать всякому нападению. Однако Нуаркарм заметил некоторые места в городских рвах, которые по недосмотру осели и сровнялись с почвой, чем он и воспользовался. Он стягивает в одно место все свои отряды, которыми был до тех пор окружен город, и в бурную ночь захватывает одно из предместий города, не потеряв ни единого человека. Затем он делит город между графом Боссю, молодым графом Мансфельдом и младшим Барлемоном; один из его полководцев с величайшей быстротой приближается к стенам города, с которых неприятеля прогоняют убийственным огнем. Вплотную под городом, напротив ворот, на одном уровне с городскими укреплениями, на глазах у осажденных воздвигается батарея, с которой двадцать одно орудие в течение четырех часов штурмует город непрерывной канонадой. Николаевская башня, на которой осажденные установили несколько орудий, рушится одной из первых, и под ее обломками многие находят смерть. Орудия направлены на все значительные здания, и среди жителей производятся страшные опустошения. В несколько часов разрушены все важнейшие сооружения и в самих воротах пробита столь большая брешь, что осажденные, отчаявшись в спасении, спешно посылают двух трубачей с просьбой выслушать их. На это дано согласие, но бомбардировка продолжается безостановочно. Тем сильнее торопятся посланные заключить соглашение, желая сдать город на тех самых условиях, которые были ими отвергнуты два дня тому назад. Но обстоятельства тем временем изменились, и теперь победитель уже и слышать не хочет ни о каких условиях. Непрерывный огонь не дает осажденным возможности поправлять стены, которые своими обломками заполнили весь городской ров и всюду проложили дорогу врагу, давая ему возможность проникнуть через бреши в город. Уверенные в своей окончательной гибели, осажденные на рассвете сдают

город на волю победителя, после того как бомбардировка продолжалась без перерыва тридцать шесть часов и на город было брошено три тысячи бомб. В строгом порядке Нуаркарм вводит свое победоносное войско в город; навстречу ему выходит толпа женщин и детей с зелеными ветками в руках и умоляет его о сострадании. У всех граждан тотчас же отбирается оружие; губернатор города и его сын обезглавлены; тридцать шесть ярых мятежников, в числе которых находятся Лагранж и другой реформатский проповедник, Гвидо де Бресс, искупают свое упорство виселицей; все начальствующие лица лишаются должностей, а город — всех своих привилегий. Католическое богослужение тотчас же восстанавливается во всем своем величии, а протестантское уничтожается. Епископ Аррасский должен перенести свою резиденцию в Валансьен, а для обеспечения покорности в будущем в городе оставляется сильный гарнизон*.

(1567) Сдача города Валансьена, на который были устремлены все взоры, явилась страшной вестью для других городов, провинившихся таким же образом; из-за этой сдачи уважение к военной силе регентши значительно возросло. Нуаркарм не удовлетворился этой победой и тотчас же двинулся на Мастрехт, который, не взявшись за оружие, сдался и принял гарнизон. Отсюда Нуаркарм направился к Торнтуту, чтобы своим приближением устроить города Герцогенбуш и Антверпен. Его появление до такой степени испугало партию гёзов, которая под предводительством Бомберга все еще держала магистрат под своей властью, что она вместе со своим предводителем поспешно покинула город. Нуаркарм был принят без сопротивления, послы герцогини были тотчас же освобождены, и сильный гарнизон был водворен в городе. Также и Камбре с радостными возгласами снова отворил ворота своему архиепископу, который был изгнан из своей резиденции господствующей партией кальвинистов; он заслужил этот триумф, потому что не запятнал кровью своего

* Thuan. 528. 529. Meteren. 98. 99. Strada. 178—180. Burgund. 462—465.

вступления в город. Города Гент, Иперн и Уденард также подчинились и приняли гарнизоны. Граф Меген почти совсем очистил от мятежников Гелдерн и привел его к повиновению; то же самое удалось графу Арембергу в Фрисландии и Гронингене, только несколько позднее и с большими трудностями из-за того, что в его действиях не хватало последовательности и настойчивости, а также и потому, что здесь храбрые республиканцы крепче держались за свои привилегии и полагались на свои укрепления *. Приверженцы мятежников изгоняются из всех провинций, за исключением Голландии; все отступает перед победоносным оружием герцогини. Мужество покинуло предводителей: им ничего не оставалось больше, кроме бегства или безусловного подчинения **.

ОТСТАВКА ВИЛЬГЕЛЬМА ОРАНСКОГО

Уже со времени основания союза гёзов и еще заметнее со времени вспышки иконоборческого движения дух сопротивления и раскола столь усилился в провинциях среди высших и низших сословий и партии так перемешались между собой, что регентша с трудом могла понять, кто же является ее сторонником и помощником, а в итоге она вряд ли уже и знала, в чьих собственно руках она находится. Признаки, отличавшие людей верных от людей подозрительных, постепенно исчезли, и граница между теми и другими стала стираться. Сама регентша лишила законы их определенности и обязательной силы теми изменениями, которые ей пришлось в них внести в пользу протестантов и которые, как вынужденные, являлись по большей части порождением минуты; этим она открыла широкий простор для произвола тех, кому надлежало толковать законы. В конце концов смысл законов исчез среди множества толкований, и цель законодателя оставалась

*. *Vigl. ad Hopper. Epist. I, XXI.*

** *Burgund. 466. 473—475.*

недостигнутой; при той связи, которая образовалась между протестантами и католиками, между гёзами и сторонниками короля, их интересы нередко совпадали, и сторонники короля пользовались всякими уловками, которые вследствие шаткости законов были к их услугам, чтобы уклоняться с помощью искусных толкований от строгого выполнения своих обязанностей. По их мнению, было совершенно достаточно не быть явным мятежником, не быть гёзом или еретиком, чтобы считать себя вправе видоизменять по своему благоусмотрению свои служебные обязанности и устанавливать самые произвольные границы своего повиновения королю. Штатгальтеры, высшие и низшие чиновники, высшие власти в городе и командующие войсками стали относиться к своей службе чрезвычайно небрежно, не неся за это никакой ответственности, и в расчете на безнаказанность проявляли к мятежникам и их сторонникам пагубную терпимость, благодаря чему все меры регентши оказывались недействительными. Ненадежность столь большого количества видных людей в государстве имела своим дурным следствием то, что буйные головы рассчитывали на гораздо более сильную поддержку, чем та, которую они могли иметь на самом деле, потому что каждого, кто равнодушно относился к интересам двора, они уже считали своим. Так как это заблуждение делало их предприимчивее, то последствия были почти те же, как и в том случае, если бы их мнение и в самом деле было правильно: *ненадежные* вассалы оказывались вследствие этого почти столь же опасными, как и *отъявленные* враги короля, и, однако, против первых нельзя было действовать так же строго, как против вторых. К числу ненадежных прежде всего принадлежали принц Оранский, графы Эгмонт, Берген, Гогстратен, Горн и многие другие из высшей знати. Регентша поняла, что необходимо потребовать объяснения у этих ненадежных подданных, чтобы или отнять у мятежников их воображаемую опору, или же сорвать маску с врагов короля. Теперь это было тем более необходимо, что она должна была выставить войско и ей приходилось многим из них доверить командование

отрядами. С этой целью она велела составить *присягу*, по которой каждый присягающий брал на себя обязательство способствовать распространению католической веры, преследовать иконоборцев и всеми силами помогать искоренению всякого рода ересей. Эта клятва обязывала каждого относиться ко всем врагам короля как к своим собственным и быть готовым выступить во имя короля против всякого, на кого бы указала регентша. При помощи этой присяги регентша вовсе не надеялась проникнуть в душу человека, еще меньше рассчитывала она связать кого-либо этой присягой; но присяга, при отказе принести ее, должна была послужить ей законным предлогом для того, чтоб удалить подозрительных и вырвать из их рук власть, которой они могли бы злоупотребить; в случае же нарушения клятвы виновные могли быть привлечены к ответственности. Двор потребовал этой присяги от всех рыцарей Золотого руна, от всех высших и низших служащих в государстве, от всех чиновников и начальствующих лиц, от всех офицеров армии, от всех без исключения, кому что-либо было доверено в республике. Граф Мансфельд был первый, который публично принял эту присягу в государственном совете в Брюсселе; его примеру последовали герцог Аршот, граф Эгмонт, графы Меген и Барлемон. Гогстратен и Горн постарались очень ловко уклониться от нее. Гогстратен еще чувствовал себя обиженным тем недоверием, которое регентша проявила к нему незадолго до этого в связи с его штатгальтерством в Мехельне. Под предлогом, будто присутствие графа в Антверпене необходимо, а Мехельн не может оставаться больше без штатгальтера, она отняла у него эту провинцию и передала ее другому штатгальтеру, на которого могла больше положиться. Гогстратен принес ей свою благодарность за то, что она сняла с него это бремя, и прибавил, что она одолжила бы его еще больше, если бы освободила его и от остальных обязанностей. Граф Горн, верный своему решению, все еще жил в одном из своих владений, в укрепленном городе Вердте, вдали от всех дел. Так как он покинул государственную службу и считал себя свободным от обязательств по отношению к республике и к королю,

то и отказался принести присягу, что ему в конце концов и было, повидимому, разрешено *.

Графу Бредероде было предложено на выбор: или принести требуемую присягу, или отказаться от командования доверенным ему эскадроном. После многих уверток, связанных с тем, что он не занимает никакой общественной должности в республике, он решился, наконец, сдать командование и таким образом избежал клятвопреступления **.

Напрасны были все попытки уговорить принца Оранского принести эту присягу, хотя при том подозрении, которое давно уже тяготело на нем, он, казалось, больше чем кто-либо нуждался в очищении, а та огромная власть, которую ему вынуждены были предоставить, давала как будто все основания требовать от него клятвы. К нему нельзя было обратиться так решительно и просто, как к Бредероде и ему подобным, а его добровольный отказ от всех должностей, на что он охотно пошел бы, не устраивал регентшу, которая, несомненно, предвидела, как опасен может стать для нее этот человек именно тогда, когда почувствует себя независимым и начнет проявлять свои истинные убеждения, не считая себя связанным ни внешними приличиями, ни какими-либо обязательствами. Но принц Оранский со времени совещания в Дендермонде окончательно решил, что он в ожидании лучших дней покинет службу испанского короля и даже удалится из страны. В высшей степени печальный опыт научил его, как непрочны все надежды, возлагаемые на толпу, и как быстро исчезает ее горячее увлечение, когда приходится требовать от нее действий. Армия стояла наготове, другая, еще гораздо более сильная, армия приближалась, как он знал, под предводительством герцога Альбы,— время переговоров миновало, лишь во главе войска можно было надеяться заключить с регентшей выгодное соглашение и помешать испанскому полководцу вступить в Нидерланды. Но откуда взять это войско, если не хватает нужных денег, души всѣх

* Meteren. 99. Strada. 180. sq. Grot. 24.

** Burgund. 421—422.

предприятий? Ведь протестанты отступились от своих хвастливых обещаний и в этом важном деле оставили его на произвол судьбы *. Соперничество и религиозная ненависть разъединили к тому же обе протестантские церкви и мешали спасительному единению всех сил против общего врага их веры. Отвращение кальвинистов к аугсбургскому исповеданию восстановило против них всех протестантских князей в Германии, так что теперь нечего уже было и думать о мощной поддержке этой страны. Вместе с графом Эгмонтом было потеряно превосходное войско валлонов, которое со слепой преданностью следовало за своим полководцем, выучившимся его искусству побеждать под Сен-Кантемом и Гравелингеном. Насилия, совершенные иконоборцами в церквях и монастырях, заставили многочисленное, богатое и сильное сословие католического духовенства отшатнуться от союза, к которому оно до этого несчастного происшествия было уже почти наполовину привлечено, да и от самого союза регентше каждый день удавалось оторвать хитростью по несколько человек.

Все эти соображения, вместе взятые, побудили принца Оранского отложить до более удобного мгновения замыслы, которым теперешнее время не благоприятствовало; вместе с тем он решил покинуть страну, где его дальнейшее пребывание не могло уже принести пользы, а ему самому готовило верную гибель. Каковы были относительно него намерения Филиппа, в этом он уже не мог больше сомневаться после всех собранных сведений, после многих доказательств недоверия, после стольких предупреждений из Мадрида. А если б он

* Как смелы были намерения и как плохо было их выполнение, видно, между прочим, из следующего примера: в Амстердаме некоторые друзья национальной свободы, католики и лютеране, торжественно обещали откладывать в общественную кассу каждый сотый пфенниг своих имуществ до тех пор, пока не наберется сумма в одиннадцать тысяч гульденов, которая должна быть употреблена на пользу общего дела. Для сбережения этих денег был назначен ящик с щелью в крышке, запертый тремя замками. Когда он был открыт по истечении определенного срока, там оказалось сокровище... в семьсот гульденов, которые были предоставлены хозяйке графа Бредероде на покрытие его неоплаченных счетов (Allg. G. d. v. Niederl. III. m.

даже и сомневался, то его неуверенность очень скоро исчезла бы в виду грозной армии, которая была снаряжена в Испании и должна была явиться не под предводительством короля, как ходили ложные слухи, а, как это было ему хорошо известно, под начальством герцога Альбы, человека, который больше всего противодействовал ему и бояться которого у него были все основания. Принц Оранский слишком глубоко заглянул в душу Филиппа, чтобы верить в возможность искреннего примирения с этим государем, который однажды почувствовал перед ним страх. Свой собственный образ действий он тоже оценивал достаточно правильно, чтобы не ждать от короля, подобно другу своему Эгмонту, благодарности, которой он не пытался у него заслужить. Он мог ожидать от него только вражды, и благоразумие советовало ему своевременным бегством постараться избежать реальных проявлений такого отношения. От новой присяги, которую от него требовали, он до сих пор упорно отказывался, и все письменные увещания регентши ни к чему не приводили. Наконец, она послала к нему в Антверпен своего тайного секретаря Берти, который должен был настойчиво воззвать к его совести и указать ему на все дурные последствия как для страны, так и для его собственного доброго имени, могущие произойти из-за его поспешного ухода с королевской службы. Через своего посла регентша велела ему передать, что уже один его отказ от требуемой присяги бросил тень на его честь и придал общей молве, обвиняющей его в сношениях с мятежниками, видимость правды, и эта видимость, благодаря его своейвольной отставке, получит теперь полную достоверность. Только государю положено отпускать от себя своих слуг, но ни в каком случае не положено слуге самому покидать своего государя. Уполномоченный регентши застал принца в его антверпенском дворце, повидимому, уже совершенно покончившим со своей служебной деятельностью и погруженным в частные дела. Он отказался, ответил ему Оранский в присутствии Гогстратена, принести требуемую присягу потому, что не может припомнить случая, чтобы подобное требование предъявлялось до него к кому-нибудь

из штатгальтеров, и еще потому, что он уже взял на себя раз навсегда обязательства перед королем, и этой новой присягой он молча подтвердил бы, что его первая присяга нарушена. Он отказался принести ее потому, что прежняя присяга обязывает его защищать права и привилегии страны, он же не знает, не потребует ли от него новая присяга действий, противоречащих прежней, так как новая присяга, обязывающая его выступать против всякого без различия, на кого бы ему ни указали, не делает исключения даже для короля, его ленного сеньора, против которого он, его вассал, никак уже не может воевать. Он отказался ее принести потому, что эта присяга могла бы заставить его послать на эшафот своих друзей и родственников, своих собственных сыновей и даже жену свою, которая является лютеранкой. Согласно этой присяге ему пришлось бы подчиниться всему решительно, что бы ни вздумалось королю потребовать от него. Король мог бы потребовать от него вещей, способных привести его в ужас; жестокость, с которой обращаются сейчас и всегда обращались с протестантами, уже давно возмущала его. Эта присяга противоречит его человеческим чувствам, и он не может ее принести. В заключение он упомянул с оттенком горечи имя герцога Альбы и вслед за тем замолк*.

На все эти доводы Берти ответил пункт за пунктом. Ни у одного штатгальтера до него такой присяги не требовали потому, что провинции никогда еще не были в таком положении. Эту присягу требуют не потому, что штатгальтеры нарушили первую, а лишь для того, чтобы освежить ее в их памяти и подвигнуть их в настоящем трудном положении к более оживленной деятельности. Эта присяга не обяжет их ни к чему такому, что нарушало бы права и привилегии страны, потому что сам король, как и принц Оранский, клялся сохранить эти привилегии и права. Эта присяга не может потребовать войны ни против императора, ни против кого-либо из князей, состоящих в родстве с принцем, а если это все же смущает его, то может быть внесена

* Burgund. 456—458. Strada. 182. 183.

специальная оговорка, дающая ему гарантии. Его сумеют оградить от всех поручений, которые могли бы противоречить его человеческим чувствам, и никакая власть в мире не станет заставляя его действовать против своей супруги и детей. Берти хотел было уже перейти к последнему пункту, касавшемуся герцога Альбы, но принц, вовсе не стремившийся к выяснению этого пункта, прервал его. Король, сказал он, предполагает приехать в Нидерланды, а он знает короля. Король ни за что не потерпит, чтоб один из его слуг имел своей супругой лютеранку, поэтому он решил добровольно отправиться вместе со всей своей семьей в изгнание, прежде чем их подвергнут такой судьбе насильно. Однако, закончил принц, где бы он ни был, он всегда будет считать себя подданным короля. Из этого видно, сколь *отдаленными* причинами объяснял принц необходимость своего бегства, чтобы обойти молчанием тот единственный повод, который действительно побуждал его поступить таким образом*.

То, чего тайному секретарю регентши не удалось добиться своим красноречием, он еще надеялся достигнуть при помощи красноречия Эгмонта. Он предложил принцу Оранскому отправиться вместе с ним на свидание с графом Эгмонтом (1567), на что принц согласился тем охотнее, что и ему самому хотелось еще раз перед отъездом обнять своего ослепленного друга и постараться уговорить его покинуть путь, ведущий к верной гибели. Это примечательное свидание, последнее между двумя друзьями, произошло в Виллебрюке, деревне на берегу Рупеля, между Брюсселем и Антверпеном. Кроме Берти, тайного секретаря регентши, на этом свидании присутствовал еще молодой граф Мансфельд. Кальвинисты, возлагавшие последние свои надежды на исход этих переговоров, нашли возможность узнать об их содержании, спрятав шпиона в печной трубе той комнаты, где происходило свидание**. Эгмонт, Берти и Мансфельд со всем красноречием обрушились на принца за принятое им решение, однако поколебать

* Burgund. 456. 458. Strada. 182. 183.

** Meteren.

его им не удалось. «Оранский, ты заплатишься всеми своими владениями, если будешь настаивать на своем решении», — сказал ему, наконец, граф Эгмонт, отходя с ним к окну. «А ты, Эгмонт, если не изменишь своего решения, заплатишься жизнью», — ответил тот. — У меня по крайней мере при любой судьбе останется утешение, что в трудную минуту я стремился помочь советом и делом моей родине и друзьям: ты же губишь вместе с собой и друзей и родину». И настойчивее, чем когда бы то ни было, он стал убеждать его снова посвятить себя своему народу, спасти который может только его рука. Если же он не хочет этого, то пусть постарается уйти, хотя бы только ради самого себя, от той грозы, которая надвигается на него из Испании.

Но все эти вполне очевидные доказательства, находившиеся в распоряжении Оранского благодаря его мудрой дальновидности и преподнесенные со всей живостью и горячностью, которые может породить нежная заботливость дружбы, не в состоянии были поколебать роковую доверчивость, связывавшую здравый разум Эгмонта. Предостережение Оранского исходило от сумрачной и недоверчивой души, для Эгмонта же мир все еще был прекрасен. Уйти от роскоши, изобилия и блеска, среди которых он вырос и возмужал, отказаться от тысячи мелких удобств, благодаря которым жизнь только и приобрела в его глазах цену, — и все это, дабы избежать беды, еще очень отдаленной, как ему казалось при его легком отношении, — нет, такой жертвы нельзя было требовать от Эгмонта. Но если б он даже был менее изнежен, как мог он подвергнуть лишениям избалованную длительным счастьем княжескую дочку, свою любезную супругу, и детей, к которым он был привязан всей душой, когда перед этими лишениями слабело его собственное мужество и примириться с ними могла заставить нашу физическую природу лишь возвышенная философия? «Тебе не удастся убедить меня, Оранский, — сказал Эгмонт, — что надо видеть вещи в том трагическом освещении, в каком они представляются твоему мрачному благоразумию. Если мне действительно удастся прекратить публичные проповеди, казнить иконоборцев, подавить мятежников и вновь

вернуть провинциям спокойствие,— в чем сможет упрекнуть меня король? Он милостив и справедлив, я заслужил право на его благодарность, и я не должен забывать того, что у меня есть обязанности и по отношению к себе самому». — «Ну что же,— воскликнул Оранский с досадой и внутренней болью,— действуй в расчете на королевскую благодарность! Но печальное предчувствие говорит мне — и дай бог, чтобы я ошибся! — что ты, Эгмонт, будешь мостом, по которому испанцы пройдут в страну и который они сломают после того, как переберутся». Сказав это, он с глубокой нежностью привлек его к себе и обнял крепко и горячо. Долго, не отводя взгляда, он смотрел на него, как будто хотел насмотреться на всю свою остальную жизнь. Слезы показались у него на глазах. Они уже не встретились более*.

На следующий же день Оранский написал регентше прощальное письмо, в котором он уверял ее в своем неизменном уважении к ней и еще раз просил ее толковать его нынешний шаг в лучшем смысле. С тремя своими братьями и со всей своей семьей он отправился в свой город Бреду, где пробыл ровно столько времени, сколько было нужно, чтобы привести в порядок кое-какие частные дела. Из всей семьи он оставил в стране лишь старшего своего сына, Филиппа-Вильгельма, учившегося в высшей школе в Лувене, считая, что под защитой брабантских вольностей и академических привилегий он находится в достаточной безопасности. Трудно объяснить эту неосторожность, если она не была преднамеренной, имея в виду то правильное понимание глубочайших свойств личности своего противника, которое Оранский проявил во многих других случаях. В Бреде кальвинисты вновь обратились к нему с вопросом, есть ли еще для них какая-нибудь надежда, или же надо считать все непоправимо потерянным. Однажды он уже советовал им присоединиться к аугсбургскому исповеданию, ответил принц Оранский, и теперь он принужден повторить это еще раз; тогда

* Thuan. 527. Strada. 183. Meteren. 95. Burgund. 470. 471. Meurs. 28.

помощь Германии была бы им обеспечена. Если же они все еще не могут решиться на это, то пусть достанут ему шестьсот тысяч гульденов или, если можно, еще больше. Первое, ответили они, противоречит их убеждениям и их совести; насчет же денег можно бы что-нибудь придумать, если только он согласен открыть им, на что именно они будут употреблены. «Да,— воскликнул Оранский с раздражением,— если бы я открыл вам это, то об употреблении уже и речи не могло бы быть!» Он тотчас же прервал разговор и вскоре после этого отпустил послов. Его упрекали в том, будто он расточил свое состояние и обременен долгами, потому что поддерживал стремления к новому. Но он уверял, что у него все еще есть шестьдесят тысяч гульденов ежегодного дохода. Тем не менее перед своим отъездом он взял у голландских штатов еще двадцать тысяч гульденов займа, в обеспечение которых заложил некоторые из своих владений. Трудно было поверить тому, что он без сопротивления покорится неизбежности и откажется от всяких дальнейших действий; однако никто не знал его тайных мыслей, и никто не смог заглянуть ему в душу. Некоторые спрашивали его, как он предполагает держать себя в будущем по отношению к королю Испании. «Спокойно,— был его ответ,— разве что он посмеет затронуть мою честь и мои поместья». Вскоре после этого он покинул Нидерланды, чтобы отправиться на покой в свой родной город Дилленбург в герцогстве Нассауском. Много сотен людей, частью находившихся у него в услужении, частью по своему собственному желанию, отправились вместе с ним в Германию. Вскоре его примеру последовали графы фон Гогстратен, Куйлемберг и Берген, которые скорее соглашались делить с ним добровольное изгнание, чем легкомысленно идти навстречу неверной судьбе. Казалось, что с его отъездом добрый ангел покинул страну: многие боготворили его, все относились к нему с глубоким уважением. Протестанты лишились вместе с ним последней опоры; они продолжали все же возлагать на этого добровольного изгнанника больше надежд, чем на всех оставшихся, вместе взятых. Даже католики приняли его отъезд не без огорчения. Он

выступал против тирании также и ради них; нередко он брал их под защиту от собственной их церкви; многих из них он спас от кровожадной ярости еретиков. Лишь немногие жалкие души среди кальвинистов, раздраженные его предложением присоединиться к протестантам аугсбургского исповедания, тихо возносили благодарственные молитвы в тот день, когда враг этот удалился от них * (1567).

УПАДОК И РАССЕЯНИЕ СОЮЗА ГЁЗОВ

Тотчас же после прощального свидания со своим другом граф Эгмонт вернулся в Брюссель, чтобы при дворе регентши получить награду за свою стойкость и среди придворного шума и солнечного сияния своего счастья рассеять те облака, которые омрачили его душу после суровых предостережений Оранского. Бегство принца Оранского предоставило все поле действия ему одному. Теперь в республике у него не было больше соперников, которые могли бы затмить его славу. С удвоенным рвением стал он домогаться неверной милости монарха, хотя и стоял гораздо выше ее. Весь Брюссель должен был делить с ним его радость. Он начал устраивать великолепные пиршества и публичные празднества, на которых часто присутствовала и сама регентша, желая стереть в его душе всякий след недоверия. Он не удовлетворился тем, что принял требуемую присягу. Он стремился превзойти в благочестии самых благочестивых и в рвении наиболее ревностных, искореняя протестантскую веру и подавляя оружием непокорные города Фландрии. Он заявил графу Гогстратену, своему старому другу, и остальным гёзам, что навсегда порвет с ними дружеские отношения, если они не поспешат вернуться в лоно церкви и не примирятся с королем. Вся тайная переписка, сохранившаяся у обеих сторон, была возвращена, и разрыв стал,

* Meteren. 100. Meurs. Guil. Auriac. 34. Reidan. 5. Grot. 26.

таким образом, открытым и непоправимым. Отступничество Эгмонта и бегство принца Оранского разрушили последние надежды протестантов и привели к разброду в союзе гёзов. Каждый спешил обогнать другого в готовности поскорее отречься от «Компромисса» и принять предложенную ему новую присягу. Напрасно купцы-протестанты негодовали на вероломство знати; их слабый голос уже не был услышан, и все деньги, которые они отдали в свое время на создание союза, пропали*.

Значительнейшие города смирились и получили гарнизоны; мятежники бежали или гибли от руки палача; в провинциях уже не ждали избавителя. Все отступало перед удачей регентши, и ее победоносное войско приближалось к Антверпену. После тяжелой и упорной борьбы этот город очистился, наконец, от наихудших элементов. Герман и его приверженцы бежали; бури отшумели. Люди начали понемногу приходить в себя и, не возбуждаемые больше яростными фанатиками, стали прислушиваться к более разумным советам. Состоятельные граждане искренне стремились к миру, чтобы снова дожидаться процветания торговли и промыслов, сильно пострадавших от длительной анархии. Приближение Альбы, вызывавшее у всех ужас, творило чудеса; желая предупредить те бедствия, которые должна была принести с собой в страну испанская армия, все спешили покориться более мягкой власти герцогини. Жители Антверпена по собственному побуждению решили послать уполномоченных в Брюссель, чтобы предложить регентше вступить с ними в переговоры и узнать об ее условиях. Как ни приятно была поражена регентша этим добровольным шагом, она не поддавалась радости и заявила, что ничего не желает и не может слушать, пока город не примет гарнизона. Теперь это требование не встретило уже никаких возражений, и день спустя граф Мансфельд вступил в город с шестнадцатью ротами в боевом порядке. Между Антверпеном и герцогиней был заключен торжественный договор, по которому город обязывался совершенно

* Strada. 184. Burgund. 472.

прекратить реформатское богослужение, изгнать всех проповедников этой церкви, восстановить римско-католическую религию во всем ее прежнем величии, восстановить разоренные церкви во всем их прежнем великолепии, снова принять к руководству старые эдикты, принести новую присягу наравне с другими городами, которые уже принесли ее, и отдать в руки правосудия всех, кто оскорблял королевское величество, прибегал к оружию и принимал участие в осквернении церквей. Со своей стороны регентша обязывалась позабыть все прошлые вины и даже бралась ходатайствовать за провинившихся перед королем. Всем, кто, не доверяя ее помилованию, предпочел бы уехать в изгнание, было обещано предоставить *один* месяц, чтобы обратить свое имущество в деньги и удалиться в безопасное место; исключение делалось лишь для тех, кто совершил что-либо преступное и вследствие этого подлежал передаче в руки правосудия. Тотчас же после заключения этого договора всем реформатским и лютеранским проповедникам в Антверпене и в его окрестностях было объявлено через герольдов, чтобы они в двадцать четыре часа выехали из пределов страны. На всех улицах, во всех воротах теснились беженцы, которые во имя своего бога покидали самое дорогое и отправлялись искать убежища для своей преследуемой веры. Тут мужья навеки прощались с женами, отцы с детьми; а там — они уводили их с собой. Весь Антверпен стал подобен дому скорби; куда ни падал взгляд, всюду разыгрывались печальные сцены горчайшей разлуки. Все протестантские церкви были опечатаны; не стало больше целой религии. 10 апреля (1567) ее проповедники уезжали из города; явившись в последний день в ратушу, чтобы получить от магистрата разрешение на выезд, они не могли больше удержаться от слез и разразились самыми горькими упреками. Их принесли в жертву, кричали они, их низко предали. Но придет время, когда Антверпен тяжело поплатится за свою подлость. Особенно горько жаловались лютеранские проповедники, которых сам магистрат вызвал в страну, чтобы они проповедовали против кальвинистов. Их втянули в союз против кальвинистов, говорили они, под ложным

предлогом, будто король относится благосклонно к их религии, и с их помощью подавили кальвинистов, а теперь, когда они стали больше ненужны, их подвергают одинаковой с теми участи, заставляя сожалеть о собственном своем неразумии*.

Несколько дней спустя регентша торжественно, как настоящая победительница, совершила свой въезд в Антверпен, окруженная тысячью валлонских всадников, всеми рыцарями Золотого руна, всеми штатгальтерами и советниками, всем своим двором и большим количеством разных начальствующих лиц. Прежде всего она посетила соборную церковь, на которой все еще виднелись печальные следы иконоборческих неистовств, что при ее набожности вызвало у нее горькие слезы. Тотчас же после этого на площади были казнены четыре мятежника, пойманные при попытке к бегству. Католические священники получили приказ окрестить вторично всех детей, крещенных по протестантскому обряду. Все школы еретиков приказано было закрыть, все церкви сровнять с землей. Почти все нидерландские города последовали примеру Антверпена, и протестантские проповедники должны были удалиться отовсюду. К концу апреля все католические церкви были снова разукрашены великолепно, чем раньше, а протестантские молитвенные дома разрушены, и всякое чужое богослужение во всех семнадцати провинциях было изгнано без остатка. Рабочая толпа, которая в своих пристрастиях обычно следует за *счастьем*, деятельно помогала теперь ускорить падение несчастных, на стороне которых она с такой яростью боролась еще недавно. Прекрасный молитвенный дом, воздвигнутый кальвинистами в Генте, исчез менее чем в час. Из балок разрушенных церквей воздвигались виселицы для тех, кто осмелился посягнуть на католические церкви. Все эшафоты были завалены трупами, все тюрьмы переполнены приговоренными к смерти, все дороги усеяны беженцами. В этот кровавый год не было ни одного города, даже

* Meurs. 33, 34. Thuan. 527. Reidan. 5. Strada. 187. 188. Meteren. 99. 100. Burgund. 477. 478.

самого малого, где не оказалось бы от пятидесяти до трехсот казненных, не считая тех, которые попадали в руки военных разъездов в чистом поле и тотчас же вздергивались без всякого сострадания и без дальнейшего расследования*.

Регентша была еще в Антверпене, когда из Бранденбурга, Гессена, Вюртемберга и Бадена явились к ней послы с ходатайством за своих бежавших единоверцев. Изгнанные проповедники аугсбургского исповедания, ссылаясь на религиозный мирный договор германцев, участником которого, как часть империи, являлся и Брабант, хотели отдаться под защиту этих князей. Появление иностранных послов обеспокоило регентшу, но напрасно она старалась помешать их въезду в город. Ей удалось, однако, под предлогом оказания им всяческих почестей, столь бдительно следить за ними, что нечего было опасаться, чтобы спокойствие в городе было нарушено их появлением. По высокомерному тону, который они так некстати приняли по отношению к герцогине, почти можно было бы заключить, что они не очень верят в то, что их требования будут приняты. По всей справедливости, заявили они, аугсбургское исповедание, как единственное, которое постигает истинный смысл евангелия, должно бы быть господствующим в Нидерландах; во всяком случае крайне неестественно и недопустимо преследовать приверженцев этого вероисповедания столь жестокими эдиктами. Итак, во имя религии регентшу просят не обращаться столь сурово с вверенными ей народами. «Такое обращение,— ответила регентша через своего немецкого министра графа Штаремберга,— не заслуживает ответа. По тому участию, какое немецкие князья приняли в нидерландских беженцах, видно, что они с гораздо меньшим доверием отнеслись к письмам его величества, в которых объяснены его действия, чем к донесениям некоторых негодяев, которые оставили по себе память в виде весьма большого количества разоренных церквей. Пусть послы предоставят

* Thuan. 528. Strada. 178. Meteren. 99. 100. Burgund. 482. 484.

испанскому королю заботу о благе своих народов и откажутся от малопочетного труда поддерживать мятежный дух в чужих странах». Послы покинули Антверпен через несколько дней, ничего не добившись, а саксонский министр секретно сообщил регентше, что его государь предпринял этот шаг не по своей доброй воле и что он искренне предан Австрийскому дому *. Еще не успели немецкие послы покинуть Антверпен, как пришло известие из Голландии, которое довершило триумф регентши.

Граф Бредероде, испугавшись графа Мегена, покинул свой город Виану и все свои вновь воздвигнутые крепости на произвол судьбы и проник с помощью не католиков в город Амстердам, где его присутствие вновь оживило мужество протестантов, но в высшей степени обеспокоило магистрат, который только что с большим трудом усмирил восстание. Число сторонников Бредероде в Амстердаме с каждым днем возрастало, а из Утрехта, Фрисландии и Гронингена к нему устремились многие дворяне, которых прогнали оттуда победоносные войска Мегена и Аремберга. При помощи всевозможных ухищрений им удалось пробраться в город, где они и собрались вокруг своего вождя, служа ему надежной охраной. Опасаясь нового восстания, регентша послала в Амстердам одного из своих тайных секретарей, Якова де ла Торре, и повелела, чтобы магистрат во что бы то ни стало избавился от Бредероде. Но ни магистрату, ни самому де ла Торре, который лично объявил графу Бредероде волю герцогини, ничего не удалось от него добиться. Де ла Торре подвергся даже нападению в своей собственной комнате со стороны нескольких дворян из свиты Бредероде — при этом у него были отняты все его бумаги. Быть может, он поплатился бы даже и своей жизнью, если б не сумел быстро ускользнуть из их рук. Целый месяц еще после этого происшествия Бредероде, бессильный кумир протестантов и бремя католиков, пребывал в Амстердаме, занимаясь почти только увеличением счета своих хозяйственных расходов. А в это время его храброе

* Strada. 188. Burgund. 487—489.

войско, оставшееся в Виане и укрепленное многими беглецами из южных провинций, причиняло графу Мегену столь много хлопот, что не давало ему возможности преследовать беглецов-протестантов. Наконец, и Бредероде решил, по примеру принца Оранского, уступить необходимости и отказаться от дела, спасти которое было уже невозможно. Он сообщил городскому совету о своем желании покинуть Амстердам, для чего он просил ему предоставить небольшую сумму денег. Чтобы освободиться от него, поспешили достать для него эти деньги, и некоторые банкиры выдали их под поручительство городского совета. Он покинул Амстердам в ту же ночь и был препровожден на вооруженном судне до Фли, откуда благополучно добрался до Эмдена. Судьба обошлась с ним мягче, нежели с большей частью тех, кого он увлек в свое дерзкое предприятие; он умер год спустя, в 1568 году, в одном из своих замков в Германии от последствий пьянства, которому он, по видимому, предался, чтобы заглушить скорбь. Лучшая участь выпала на долю его вдовы, урожденной графини Мерс, которую взял себе в супруги Фридрих III, курфюрст Пфальцский. Протестанты мало потеряли от удаления Бредероде: дело, начатое им, не умерло вместе с ним, так же как и существовало оно не благодаря ему*.

Маленькое войско, предоставленное после позорного бегства Бредероде самому себе, было энергично, храбро и имело нескольких решительных предводителей. Оно считалось распущенным с момента, когда скрылся тот, который обязан был платить солдатам; однако голод и отвага объединяли их еще некоторое время. Часть войска под предводительством Дитриха фон Баттенбурга подошла к стенам города Амстердама в надежде захватить его врасплох. Но граф Меген, поспешивший на помощь с тринадцатью ротами прекрасного войска, заставил их отказаться от этого намерения. Они удовольствовались тем, что ограбили окрестные монастыри, причем особенно сильно пострадало аббатство в Эгмонте, и затем двинулись к Ватерланду, где рассчитывали

* Meteren. 100. Vigil. Vit. N. CV. A. G. d. v. N. 104.

укрыться среди обширных болот от дальнейших преследований. Но граф Меген последовал за ними и сюда и заставил их поспешно искать спасения на Зюдерзее. Братья фон Баттенбург с несколькими фрисландскими дворянами, в том числе Беймой и Галамой, со ста двадцатью солдатами и с награбленной в монастырях добычей сели на корабль возле города Горна, чтобы переправиться во Фрисландию, но из-за вероломства кормчего, направившего корабль на песчаную отмель возле Гарлингена, они попали в руки одного из командиров Аремберга, который взял их всех живыми. Простым солдатам граф Аремберг тотчас же вынес приговор, а дворян он отправил к регентше, которая приказала семерым из них отрубить головы. Семеро других, наиболее благородной крови, в числе которых находились братья Баттенбург и несколько фрисландцев, все в полном расцвете молодости, были оставлены до прибытия герцога Альбы, чтобы дать ему возможность достойным образом ознаменовать начало своего управления. Больше повезло четырем остальным кораблям, которые отплыли под парусами из Медемблика и за которыми граф Меген погнался на небольших судах. Противный ветер сбил их с пути и пригнал к берегам Гелдерна, где они благополучно высадились на берег. Возле Гейзене они переправились через Рейн и счастливо добрались до Клеве, где разодрали свои знамена и разошлись в разные стороны. В северной Голландии граф Меген догнал несколько эскадронов, задержавшихся дольше, чем другие, из-за ограбления монастырей, и взял их в плен. После этого он соединился с Нуаркармом и поставил в Амстердаме гарнизон. Три роты, последние остатки армии гёзов, подверглись нападению герцога Эриха Брауншвейгского при Виане, где они собирались захватить одно из укреплений, но были разбиты наголову; их предводитель Реннесе попал в плен и был вскоре после этого обезглавлен в замке Фрейденбурге, в Утрехте. Когда герцог Эрих вступил после этого в Виану, он нашел там только опустелые улицы и совершенно безлюдный город: жители и гарнизон покинули его под влиянием первого испуга. Герцог Эрих тотчас же приказал срыть все

укрепления, сломать стены и ворота и превратил крепость гёзов в деревню *. Основатели союза гёзов разбрелись в разные стороны: Бредероде и Людвиг Нассауский бежали в Германию; графы фон Гогстратен, Берген и Куйлембург последовали их примеру; Мансфельд отпал от союза; братья Баттенбург ждали в тюрьме позорной казни, а Тулузский пал славною смертью на поле битвы. Те из членов союза, которые избежали меча врагов или руки палача, ничего не спасли, кроме своей жизни, и, таким образом, то название, которое они лишь символически присвоили себе вначале, стало для них ужасающей реальностью.

(1567) Так бесславно закончил свое существование этот славный союз, который в первое время подавал столь прекрасные надежды и, казалось, должен был явиться могущественным оплотом против угнетения. Единение было его силой, недоверие и внутренние раздоры стали его гибелью. Он породил и дал расцвести многим редким и прекрасным добродетелям, но ему не хватило двух, наиболее необходимых из всех — умеренности и благоразумия, без которых всякое предприятие терпит в конце концов неудачу, а плоды самого неутомимого прилежания гибнут. Если б его цели были так чисты, как он возглашал, или по крайней мере оставались бы настолько же чистыми, насколько они действительно были при его основании, то он смог бы противостоять тем случайностям, которые преждевременно погубили его, и даже в несчастии заслужил бы себе славную память в истории. Но слишком бросается в глаза, что дворянство, объединившееся в союз, принимало в неистовствах иконоборческого движения более близкое участие, чем это совместимо с достоинством и чистотой целей союза, и что многие из дворян смешали понятие о правом деле с дикими выходками этих негодных банд. Ограничение инквизиции и несколько более человеческая форма эдиктов явились благодетельным результатом влияния союза. Но смерть стольких тысяч, погибших за это дело, утрата отечества большим коли-

* Meteren. 100, 101. Thuan. 530. Burgund. 490—492. Strada, 189. Meurs. 31. Vigl. ad Hopper. Epist. XXXIV. A. G. d. v. N. 105.

чеством достойных граждан, которые перенесли свою деятельность в другие страны, посылка в Нидерланды герцога Альбы и вторичное появление испанских войск в провинциях — все это, несомненно, было слишком дорогой ценой за некоторые преходящие льготы. Многие добрые и миролюбивые граждане никогда не впали бы в грех без столь опасных обстоятельств, союз же одним своим именем воспламенил их для преступных деяний, на благополучный исход которых он заставил надеяться, и, не осуществив надежд, привел их к гибели. Однако нельзя отрицать и того, что, совершив много зла, союз опять-таки искушил его немалой пользой. Благодаря союзу произошло сближение между отдельными личностями, и они порвали со своим малодушным эгоизмом; благодаря союзу среди нидерландского народа вновь развился благодетельный дух гражданственности, который до этого почти угас под гнетом монархии, и между отдельными частями нации создалась связь, отсутствие которой всегда увеличивает заносчивость деспотов. Правда, попытка не удалась, и слишком поспешно установленные связи снова распались; но на неудачных попытках нация научилась, как создать, наконец, прочную связь, которая способна устоять против разрушительного влияния времени.

Уничтожение войска гёзов заставило вернуться к прежнему повиновению и все голландские города; во всех провинциях не было больше ни одного города, который не подчинился бы оружию регентши. Но постоянно возраставшее число изгнанников, как коренных жителей, так и чужеземцев, грозило стране гибельным истощением. В Амстердаме количество беглецов было так велико, что появился недостаток в судах для перевозки их через Нордзее и Зюдерзее, и этот цветущий торговый город близился к концу процветания *. Испуганная всеобщим бегством, регентша поспешно отправила во все города письма ободрения, дабы заманчивыми обещаниями поднять упавший дух граждан. Всем, кто добровольно присягнет королю и церкви, она обещала от имени короля полное помилование; путем объявле-

* Allg. G. d. v. N. 105.

ний она приглашала всех бежавших вернуться назад в расчете на эту королевскую милость. Она обещала нации избавить ее от испанского войска, если бы даже оно уже стояло на границе. Она зашла столь далеко, что у нее сорвались с языка слова о том, что можно будет силой воспрепятствовать этому войску войти в провинции, так как она вовсе не склонна уступить другому честь восстановления спокойствия, добиться которого ей стоило стольких усилий. Немногие вернулись назад, положившись на обещания, но и этим немногим пришлось впоследствии раскаяться в этом. Многие тысячи уже ушли, и немало других последовало за ними. Германия и Англия были переполнены беглецами из Нидерландов, которые, где бы они ни осели, всюду сохранили свои обычаи и нравы вплоть до своей одежды: так тяжело им было совсем оторваться от своего отечества и отказаться даже от надежды вернуться туда. Немногие принесли с собой остатки своего прежнего благосостояния; огромное большинство было доведено до нищеты и могло подарить своему новому отечеству лишь свою предприимчивость, трудолюбивые руки и гражданские доблести *.

Регентша поспешила обрадовать короля приятным для него известием, чего ей за все время своего управления еще ни разу не пришлось сделать. Она сообщила ему, что ей удалось водворить спокойствие во всех нидерландских провинциях и что она считает себя достаточно сильной, чтобы и дальше поддерживать его. Секты уничтожены, и римско-католическое богослужение сияет во всем своем прежнем великолепии; мятежники понесли заслуженное ими наказание или ожидают его в заключении; покорность городов обеспечена достаточными гарнизонами. Итак, испанские войска в Нидерландах теперь больше не нужны, и ничто уже не может оправдать их вступление. Появление их только нарушило бы снова порядок и спокойствие, установить которые ей стоило такого труда; оно помешало бы восстановлению торговли и промышленности, в чем они

* Meteren. 101. Meurs. 35. Burgund. 486. Vigil. ad Hopper. Epist. V. Epist. XXXIV. Grot. 26.

очень нуждаются, так как, вводя граждан в новые расходы, войска тем самым лишили бы их последних средств. Уже один только слух о приближении испанского войска лишил страну многих тысяч полезных граждан; действительное же появление войска окончательно превратило бы ее в пустыню. Так как нет больше врага, которого нужно победить, и нет мятежа, который нужно подавить, то для появления войска можно было бы найти только то объяснение, что оно идет с карательной целью. Но такое предположение делает его вступление в страну не слишком почетным. Не оправдываемая необходимостью, насильственная мера будет воспринята как ненавистное проявление гнета; она снова вызовет у граждан озлобление, доведет протестантов до крайности, а их единоверцев в чужих странах заставит вооружаться и встать на их защиту. К тому же она обещала народу от имени короля, что он будет освобожден от иноземных войск, и этому условию главным образом она обязана тем, что водворился порядок. Она не может поручиться за его прочность, если король покажет, что она лгала. Его самого, их государя и короля, нидерландцы встретят со всеми изъявлениями преданности и почтения, если только он явится к ним как отец, а не как карающий владыка. Пусть он прибудет для того, чтобы порадоваться спокойствию, которое она подарила стране, а не для того, чтобы снова нарушить его*.

СНАРЯЖЕНИЕ АЛЬБЫ И ПОХОД В НИДЕРЛАНДЫ

Но в мадридском совете было решено иначе. Министр Гранвелла, который, даже и отсутствуя, господствовал в испанском министерстве через своих приверженцев, кардинал и великий инквизитор Спиноза и герцог Альба, руководствуясь кто ненавистью, кто чувством мести или своими личными интересами, одержали верх над принцем Рюи-Гомесом Эболи, графом Фериа и королевским духовником Френедой, стоявшими за более мягкие

* Strada. 197.

меры *. Хотя волнения сейчас и утихли, утверждали они, но только потому, что слух о вооруженном прибытии короля испугал мятежников; только страху, а не раскаянию обязаны мы этим успокоением, которое минует, как только они освободятся от страха. Провинности нидерландского народа давали королю прекрасный и желанный случай осуществить с видимым правом свои деспотические намерения. Мирное успокоение, которое регентша ставила себе в заслугу, нимало не соответствовало его собственной цели, заключающейся в том, чтобы отнять у нидерландских провинций под каким-нибудь законным предлогом все их вольности, давно уже являвшиеся камнем преткновения для его властолюбия.

С самым непроницаемым видом король поддерживал до сих пор всеобщее заблуждение, будто он лично намеревается посетить провинции, хотя, наверное, и был всегда очень далек от этой мысли. Путешествия, повидимому, вообще не соответствовали механическому ритму его упорядоченной жизни, а также ограниченности и малой подвижности его ума, который слишком легко чувствовал себя подавленным и неприятно отвлеченным многообразием и новизной впечатлений, воздействовавших на него извне. Трудности же и опасности *этого* путешествия в особенности должны были воздействовать на его природную робость и изнеженность, тем более что он, привыкший действовать, считаясь только с собой, привыкший подчинять людей своим правилам, а не правила приспособлять к людям, вовсе и не видел особенной надобности и пользы в этом путешествии. К тому же он ни на мгновение не мог отделить своей личности от своего королевского достоинства, которое ни один правитель в мире не охранял так рабски и педантично, как он; поэтому одних только церемоний, которые в его представлении были при этом неизбежны, и огромных расходов, связанных с ними, было уже достаточно, чтобы заставить его отказаться от этого путешествия. Таким образом, вовсе нет надобности ссылаться для объяснения этого обстоятельства на влияние его любимца Рюи-Гомеса, которому якобы

* Strada. 193 sq.

хотелось удалить от особы короля своего соперника, герцога Альбу. Но хотя король и не относился серьезно к мысли о своем путешествии, он все же считал нужным сеять страх слухами о нем, чтобы воспрепятствовать опасному единению беспокойных людей, поддержать мужество у преданных ему и поставить предел дальнейшим успехам мятежников.

Чтобы сохранить видимость до конца, у всех на виду делались самые основательные приготовления к путешествию и соблюдалось все, что обыкновенно в таких случаях требуется. Король велел снарядить корабли, назначил офицеров и определил весь состав своей свиты. Все чужеземные дворы были предупреждены через его послов об его намерениях, чтобы не вызвать у них подозрений своими военными мероприятиями. С французским королем он вступил в переговоры о пропуске его и его свиты через Францию, а к герцогу Савойскому обратился за советом, какой из двух путей ему следует предпочесть. Он велел составить список всех городов и укрепленных мест, через которые так или иначе должен был лежать его путь, с точным обозначением расстояния между ними. Он приказал произвести съемку со всей полосы земли от Савойи до Бургундии и начертить себе особую карту, для чего испросил у герцога необходимых для этого землемеров и чертежников. В своем обмане он зашел так далеко, что приказал регентше держать в Зеландии наготове по крайней мере восемь судов, чтобы они тотчас же могли быть отправлены ему навстречу, как только они узнают, что он отплыл из Испании. И регентша действительно снарядила корабли и заказала молебны во всех церквах о том, чтобы морское путешествие короля совершилось благополучно, хотя некоторые и замечали втихомолку, что, оставаясь в своих покоях в Мадриде, его величеству не придется иметь много дела с морскими бурями. Король так искусно играл свою роль, что, наконец, и нидерландские послы, Берген и Монтинья, которые до сих пор относились ко всему этому как к комедии, начали беспокоиться и своей тревогой заразили и своих друзей в Брюсселе. Перемежающаяся лихорадка, которой король захворал в

это время в Сеговии или, быть может, только прикинулся, что захворал, послужила ему предлогом, чтобы отложить свой отъезд, между тем как приготовления продолжались с прежней энергией. Когда, наконец, настойчивые и повторные запросы регентши принудили его к определенному ответу, он заявил, что герцог Альба с войском отправится раньше, чтобы очистить ему путь от мятежников и придать его собственному въезду большую торжественность. Он не решился еще объявить герцога своим заместителем, потому что трудно было надеяться на то, что нидерландское дворянство отнесется к одному из слуг короля с той же сдержанностью, с какой оно не могло бы не отнестись к суверенному владыке, тем более что вся нация считала Альбу варваром и ненавидела его как чужеземца и врага своей конституции. Всеобщая уверенность в том, что король вскоре явится сам, держалась еще долго после вступления Альбы в Нидерланды, и только эта уверенность и сдержала кровавый взрыв негодования, с которым герцогу без нее, наверное, пришлось бы иметь дело при той жестокости, какой он ознаменовал начало своего штатгальтерства *.

Испанское духовенство, и в особенности инквизиция, щедро снабжали короля деньгами на нидерландскую экспедицию, словно на священную войну. По всей Испании усердно вербовались солдаты. Вице-короли и штатгальтеры в Сардинии, Сицилии, Неаполе и Милане получили приказ изъять из гарнизонов отборную часть их итальянских и испанских войск и отправить ее на общий сборный пункт в Генуэзской области, где герцог Альба примет их под свое командование, а в обмен отдаст привезенных им с собой испанских рекрутов. В то же время регентше было приказано держать наготове еще несколько немецких полков пехоты под начальством графов фон Эберштейна, Шауенбурга и Лодрона в Люксембурге и несколько эскадронов легкой кавалерии в графстве Бургундском, чтобы испанский полководец тотчас же по вступлении своем в Нидерланды мог получить подкрепление. Графу Барлемону

* Strada. 193. 200. Meteren. 103.

было поручено позаботиться о снабжении вступающей армии, а регентше была выплачена сумма в двести тысяч гульденов для покрытия всех этих новых издержек, а также и на расходы по ее собственной армии *.

Тем временем французский двор, под предлогом опасности, грозящей со стороны гугенотов, отказался пропустить испанскую армию через свою территорию. Тогда Филипп обратился с этим ходатайством к герцогам Савойскому и Лотарингскому, находившимся в слишком большой зависимости от него, чтобы отказать ему. Герцог Савойский оговорил себе только право выставить за счет короля две тысячи человек пехоты и эскадрон конницы для защиты страны от неудобств, которые могли бы быть причинены ей при проходе испанской армии. Одновременно он взял на себя заботу о снабжении армии нужными припасами **.

Известие об этом прохождении войск взволновало гугенотов — женевцев, швейцарцев и граубюнденцев. Принц Конде и адмирал де Колиньи настойчиво уговаривали Карла IX не упускать столь благоприятного момента, когда в полной власти его было бы нанести смертельную рану исконному врагу Франции. С помощью швейцарцев, женевцев и собственных своих протестантов, говорили они, будет крайне легко истребить в узких проходах альпийских гор отборную часть испанских войск; при этом они, со своей стороны, обещали помочь ему армией в пятьдесят тысяч человек гугенотов. Однако Карл IX отклонил под благовидным предлогом это предложение, опасные тенденции которого были слишком очевидны, и взялся сам позаботиться о безопасности своего государства при прохождении испанцев. Он поспешно собрал войско, чтобы прикрыть французскую границу. То же самое сделали и республики Женевская, Бернская, Цюрихская и Граубюнденская; все они были готовы дать мужественный отпор страшному врагу своей религии и свободы ***.

5 мая 1567 года герцог Альба отплыл из Картахены на тридцати галерах, доставленных ему с этой целью.

* Meteren. 104. Burgund. 412. Strada. 106.

** Strada. 198. 199.

*** Strada. 196. Burgund. 497.

Андреа Дориа и герцогом флорентинским Козимо, и через неделю высадился в Генуе, где он принял под свое командование четыре предназначенных для него полка. Но перемежающаяся лихорадка, которой он захворал тотчас же по приезде, заставила его бездейственно провести несколько дней в Ломбардии — проволочка, которой соседние державы воспользовались для своей обороны. Оправившись от болезни, он возле города Асти в Монферрате сделал смотр всем своим войскам, отличавшимся главным образом отвагой, а не многочисленностью — они насчитывали немногим более десяти тысяч человек пехоты и конницы. При таком продолжительном и опасном походе Альба не хотел обременять себя бесполезным обозом, который затруднил бы только продвижение войск и увеличил бы трудности продовольствования. Эти десять тысяч ветеранов должны были лишь составить крепкое ядро гораздо большей армии, которую он предполагал без особых затруднений набрать в самих Нидерландах, смотря по обстоятельствам места и времени.

Это войско, хотя и очень немногочисленное, было отборным. Оно состояло из остатков тех победоносных легионов, во главе которых Карл V заставлял трепетать Европу. Это были кровожадные, несокрушимые полки, в которых возродилась древняя македонская фаланга; быстрые и ловкие благодаря долгому опыту в военном искусстве, закаленные против всех стихий, гордые удачей своего вождя, полные чрезмерным самомнением благодаря длинному ряду побед, страшные своей необузданностью, еще более страшные своей дисциплиной, со всеми страстями, свойственными жителям жаркого климата, они были спущены на тихую благословенную страну в качестве непримиримых врагов тех, кого прокляла церковь. К этой фанатической свирепости, к этому честолюбию и прирожденному мужеству присоединилась еще грубая чувственность — крепчайшая и надежнейшая цепь, на которой испанский полководец вел эти дикие орды. С преднамеренной снисходительностью он позволил укорениться в полках распутству и сладострастию. При его молчаливом попустительстве за знаменами тянулись толпы девиц

легкого поведения; даже при переходе через Апеннины, когда дороговизна съестных припасов вынудила его ограничить свое войско возможно меньшим числом солдат, он соглашался лучше иметь на несколько полков меньше, чем лишиться этих орудий сладострастия *. Но, допуская, с одной стороны, нравственную распущенность своих солдат, он, с другой стороны, тем сильнее подтягивал их чрезмерной дисциплиной, от которой их освобождала лишь победа и некоторое облегчение которой давало сражение. Таким образом, он применял на практике изречение афинского полководца Ификрата, согласно которому солдаты жадные и сладострастные всегда отличаются наибольшею храбростью. Чем болезненнее сжимаются страсти под долгим гнетом, тем более бурно должны они прорваться через тот единственный выход, который им предоставляется.

Всю пехоту, состоявшую по большей части из испанцев, до девяти тысяч человек приблизительно, герцог разделил на четыре бригады, во главе которых он поставил четырех испанцев. Альфонс Уллоа вел неаполитанскую бригаду, в которую входило три тысячи двести тридцать человек под девятью знаменами. Санхо Лодоньо вел миланскую бригаду в две тысячи двести человек под десятью знаменами; сицилийской бригадой в тысячу шестьсот человек под десятью знаменами командовал Юлиан Ромеро, опытный воин, уже ранее сражавшийся на нидерландской земле **, и Гонзало Бракамонте командовал сардинской бригадой, которая численно сравнивалась с предыдущей, так как получила

* Вакхическая свита этого войска находилась в довольно странном противоречии с сумрачной серьезностью и предполагаемой святостью его цели. Число публичных женщин было столь непомерно велико, что они сами были вынуждены ввести у себя собственную дисциплину. Они встали под особые знамена и шествовали рядами позади каждого батальона в строгом военном порядке. Они делились по рангу и по оплате на командирских, капитанских, солдатских (различая богатых и бедных солдат), в зависимости от выпавшей им доли и от предъявлявшихся к ним претензий (Metegen. 104).

** Тот самый, под командой которого находился один из испанских полков, из-за которого семь лет тому назад генеральными штатами был поднят такой спор.

пополнение из привезенных с войском новобранцев под тремя знаменами. Каждому знамени было сверх того придано по пятнадцати испанских мушкетеров. Конница, числом не более тысячи двухсот всадников, состояла из трех итальянских, двух альбанских и семи испанских эскадронов легкой и тяжелой кавалерии. Главное командование над конницей было поручено двум сыновьям герцога, Фердинанду и Фридриху Толедским. Фельдмаршалом был назначен Чьяппин Вителли, маркиз Цетонский, знаменитый командир, которого уступил испанскому королю флорентийский герцог Козимо; начальником же артиллерии был назначен Габриэль Сербеллони. От герцога Савойского Альба получил опытного военного инженера Пачиотто из Урбино, который должен был ему очень пригодиться в Нидерландах при постройке новых крепостей. За знаменами следовали еще в довольно большом количестве добровольцы и цвет испанского дворянства, большая часть которого уже сражалась под предводительством Карла V в Германии, Италии и в Тунисе. Среди них находились: Кристоф Мондрагоне, один из тех десяти испанских героев, которые возле Мюльберга переплыли Эльбу со шпагой в зубах и затем под градом неприятельских пуль перетянули с противоположного берега челноки, из которых император сделал потом понтонный мост; Санхо Авила, которого Альба сам обучил военному искусству; Камилло Монте, Фердуго, Карлос Давила, Баста и граф Мартининго. Все они были одушевлены благородным стремлением либо начать свое военное поприще под начальством столь превосходного полководца, либо завершить этим славным походом свою уже упроченную славу*.

После произведенного смотра армия, разделенная на три части, тронулась через Монсени тем самым путем, по которому, как предполагают, прошел Ганнибал восемнадцать веков тому назад. Сам герцог вел авангард; Фердинанд Толедский, которому в помощники был дан полковник Лодоньо, вел главные силы, и маркиз Цетона командовал арьергардом. Вперед был выслан

* Strada. 200. 201. Burgund. 393. Meteren. 104.

провиантмейстер Ибарра вместе с генералом Сербелони, чтобы прокладывать путь армии и заготавливать на стоянках продовольствие. Откуда утром уходил авангард, туда вечером прибывали главные силы, которые на следующий день уступали место арьергарду. Так это войско умеренными дневными переходами пробиралось через Савойские Альпы, и после четырнадцатого перехода этот опасный путь был пройден. Наблюдающая за испанцами французская армия продвигалась вдоль границ Дофине и по течению Роны, а с правой стороны стояла объединенная армия женевцев, мимо которой испанское войско проходило на расстоянии семи миль. Обе армии оставались в полном бездействии и были озабочены лишь тем, чтобы прикрыть свои границы. Когда испанское войско взбиралось вверх и спускалось вниз по крутым обрывам, переправлялось через бурный Изер или гуськом, по одному человеку пробиралось сквозь узкие ущелья, достаточно было горсти людей, чтобы задержать его и отбросить назад в горы. А там его ждала верная гибель, так как на каждой стоянке заготавливалось продовольствия только на один день и только на одну треть войска. Но какое-то неестественное благоговение и страх перед именем Испании, казалось, настолько ослепляли врагов, что они не замечали преимуществ своего положения или по меньшей мере не смели воспользоваться ими. Чтобы как-нибудь не натолкнуть их на это, испанский полководец спешил как можно незаметнее проскользнуть через опасные теснины в уверенности, что он безнадежно погибнет, если хоть чем-нибудь оскорбит чужие войска. Во время всего этого продвижения соблюдалась строжайшая дисциплина, не пострадала ни одна крестьянская хижина, ни один акр земли *, и с незапамятных времен никогда еще столь многочисленная армия не совершила столь длин-

* Один только раз при вступлении в Лотарингию три кавалериста осмелились угнать из стада нескольких баранов. Узнав об этом, герцог тотчас же вернул баранов собственнику, а провинившихся приговорил к виселице. По ходатайству лотарингского генерала, который приехал на границу, чтобы приветствовать герцога, этот приговор был приведен в исполнение только над одним из троих приговоренных, на которого пал жребий. (Strada. 202.)

ного пути в таком отменном порядке. Счастливая звезда, ужасная для других, провела это посланное на убийства войско невредимым, через все опасности, и трудно было бы определить, что больше заслуживает удивления: умелое ли руководство вождя, или ослепление его противников *.

Во Франш-Конте к главным силам герцога присоединились четыре эскадрона бургундских всадников, а в Люксембурге — три немецких полка пехоты под предводительством графов фон Эберштейна, Шауенбурга и Лодрона. Из Тионвиля, где герцог отдыхал несколько дней, он приветствовал регентшу, послав к ней Франциска Ибарра, которому вместе с тем было поручено переговорить с ней по поводу расквартирования войск. От нее в испанский лагерь прибыли Нуаркарм и Барлемон, чтобы поздравить герцога с благополучным прибытием и оказать ему обычные знаки почета. В то же время они вынуждены были потребовать у него предъявления королевских полномочий, которые, однако, он представил им не полностью, а только частично. За этими первыми последовали целые толпы фламандского дворянства, которые считали нужным явиться как можно скорее, чтобы завоевать расположение нового штатгальтера или чтобы предотвратить грозившую им месть своевременным изъявлением покорности. Когда среди них показался и граф Эгмонт, герцог Альба указал на него окружающим: «Вот идет великий еретик!» — воскликнул он настолько громко, что Эгмонт услышал эти слова, остановился, ошеломленный ими, и побледнел. Но когда герцог, чтоб исправить свою оплошность, улыбаясь пошел к нему навстречу и в знак приветствия дружески обнял его, фламандец устыдился своего страха и легко отнесся к этому предостережению. Он закрепил новую дружбу, подарив герцогу пару превосходных коней, которые были приняты с высокомерной снисходительностью **.

После уверений регентши, что в провинциях царит полный порядок и ниоткуда не приходится ждать

* Burgund. 496. 497. Strada. l. c.

** Meteren. 105. Meurs. 37. Strada, 202. Watson, Tom. II. p. 9.

сопротивления, герцог распустил несколько немецких полков, которые получали лишь жалованье за простой. Три тысячи шестьсот человек под начальством Лодрона были размещены в Антверпене вместо валлонского гарнизона, который, как недостаточно надежный, должен был немедленно удалиться. Сравнительно сильные гарнизоны были направлены в Гент и другие важные пункты. Сам Альба двинулся с миланской бригадой к Брюсселю в сопровождении блестящей свиты из высшего дворянства страны*.

В Брюсселе, как и в других нидерландских городах, страх и ужас предшествовали его появлению, и все, кто знал за собой хоть какую-нибудь вину или даже не знал вовсе никакой, ждали с трепетом его вступления, словно дня страшного суда. Кто только мог оторваться от семьи, имущества и отечества, бежал теперь, если уже не убежал раньше. По сообщению самой регентши, одно приближение испанской армии уменьшило население провинций по крайней мере на сто тысяч граждан, и это всеобщее бегство продолжалось непрерывно**. Прибытие испанского полководца возбуждало у нидерландцев чувство глубокой ненависти, для регентши же оно являлось величайшей обидой и тяжелейшим ударом. После долгих лет тревоги ей удалось, наконец, вкушать сладость спокойствия и полновластия — цель, к которой она страстно стремилась в течение всех восьми лет своего правления и которая до сих пор оставалась для нее неосуществимым желанием. И этот плод ее мучительных трудов, ее забот и бессонных ночей теперь должен был отнять у нее чужак, который, получив сразу все выгоды положения, достигнутые ею *длительными* усилиями, легко перехватит у нее награду за быстроту и своими быстрыми успехами затмит ее основательные, но менее блестящие заслуги. Со времени удаления министра Гранвеллы она познала всю прелесть независимого положения, а дворянство, представляя ей наслаждаться блеском власти, в сущности отстраняло ее от самой власти и своей льстивой угодли-

* Strada. 203.

** Strada, l. c.

востью вызвало в ней такое тщеславие, что она в конце концов оттолкнула от себя своей холодностью даже честнейшего слугу своего, государственного советника Виглиуса, который говорил ей всегда лишь одну правду. Теперь же ей посылают вдруг в помощники человека, который будет наблюдать за ее действиями и делить с нею власть, а может быть даже в его лице ей будет навязан повелитель, от гордого, упрямого и властного характера которого, не смягченного придворным обычаем, ее самолюбию предстоит терпеть самые болезненные оскорбления. Напрасно она, желая помешать его прибытию, пустила в ход все аргументы государственной мудрости, доводила до сведения короля и докладывала ему, что неизбежным следствием водворения испанского войска будет полное падение нидерландской торговли. Напрасно она ссыалась на уже восстановленное спокойствие в стране и на свои собственные заслуги в этом деле, дающие ей право на бóльшую благодарность, чем приказание передать плоды своих усилий пришельцу, который своими действиями уничтожит все добро, содеянное ею. Уже после того, как герцог перешел через Монсени, она сделала еще одну попытку: она попробовала уговорить его хотя бы уменьшить численность своего войска; но и эта попытка, как и все предыдущие, оказалась бесплодной, так как герцог опирался на свои полномочия. С величайшим огорчением регентша ждала теперь его прибытия, и к слезам, которыми она оплакивала свое отечество, примешивались слезы оскорбленного самолюбия*.

В день 22 августа 1567 года герцог Альба появился у ворот Брюсселя. Его войско было немедленно расквартировано в предместьях города, а сам он решил первым делом соблюсти долг вежливости по отношению к сестре своего короля. Она приняла его как больная, потому ли, что нанесенное ей оскорбление действительно подействовало на нее столь сильно, или же, что всего вероятнее, потому, что она выбрала это средство, чтобы смягчить его высокомерие и хоть несколько уменьшить

* Meteren. 104. Burgund. 470, Strada. 200. Vigil. ad Hopper. Epist. IV. V. XXX.

его триумф. Он передал ей письма короля, привезенные им с собой из Испании, и представил ей указ о своем собственном назначении, по которому главное командование над всеми нидерландскими войсками передавалось ему, а за регентшей, как из этого следовало, оставалось попрежнему все гражданское управление. Но как только герцог остался с ней наедине, он предъявил ей новый документ, сильно отличавшийся по содержанию от предыдущего. На основании этого нового документа он имел право по собственному благоусмотрению объявлять войну, воздвигать крепости, отставлять и назначать по своему выбору штатгальтеров в провинциях, начальников в городах и прочих королевских чиновников; ему поручалось также произвести расследование происшедших беспорядков, наказывать зачинщиков и наградить тех, кто остался верен королю. Полномочия такого объема, которые делали его почти суверенным властителем и значительно превышали все данные ей полномочия, сильнее всего потрясли регентшу, и ей было уже трудно скрыть свое раздражение. Она спросила герцога, не имеется ли у него в запасе еще и *третьего* документа или особых приказов, идущих еще дальше и составленных с еще большей определенностью. Он недвусмысленно подтвердил ей правильность этого предположения, но при этом дал ей понять, что в настоящий момент это несвоевременно и будет проведено позднее, смотря по обстоятельствам. Сразу же по прибытии он передал собраниям советников и сословным представителям копию со своей первой инструкции и отдал ее напечатать, чтобы сделать ее доступной для каждого. Так как дворец был занят регентшей, он временно поместился в доме Куйлембурга, в том самом, в котором братство гёзов получило свое крещение и на котором теперь по удивительному капризу судьбы испанская тирания водрузила свои эмблемы*.

В Брюсселе царил мертвая тишина, изредка нарушаемая только бряцанием оружия. Не прошло и не-

* Strada. 203. Meteren. 105. Meurs. Guil. Auriac, L. IV. 38.

скольких часов, как в городе водворился герцог, а его спутники уже, словно спущенные ищейки, разошлись во все стороны. Всюду чужие лица, безлюдные улицы, накрепко запертые дома; зрелища отменены, общественные места пусты; вся резиденция походила на страну, опустошенную чумой. Знакомые проходили друг мимо друга, не останавливаясь, как раньше, чтобы побеседовать. Каждый ускорял шаги, как только на улице показывался испанец. Всякий шум пугал, как будто посланный от суда уже стучал в дверь. Дворянство в тревожном ожидании сидело по домам; все избегали показываться на люди, чтобы не напомнить о себе новому штатгальтеру. Казалось, обе нации обменялись характерами: испанец стал разговорчив, а брабантец молчалив. Недоверие и страх спугнули дух радости и веселья, навязанная серьезность сковала все лица. Каждую минуту опасались какого-либо неожиданного удара. С тех пор как испанский полководец находился в стенах города, Брюссель походил на человека, который, осушив кубок с ядом, с минуты на минуту с содроганием ужаса ждет его смертельного действия.

Это общее напряжение заставило герцога поспешить с выполнением своих замыслов раньше, чем они будут предупреждены своевременным бегством. Прежде всего он считал нужным захватить заподозренных лиц из знати, чтобы раз навсегда отнять у партии ее вождей, а у народа, свободу которого предстояло подавить,— его защитников. Лицемерной приветливостью ему удалось усыпить их первоначальный страх и вернуть им, особенно графу Эгмонту, прежнюю уверенность в своей безопасности; при этом герцог очень ловко воспользовался своими сыновьями, Фердинандом и Фридрихом Толедским, общительность и молодость которых облегчали их сближение с фламандцами. Столь ловким поведением Альба достиг того, что и граф Горн, который до тех пор считал более благоразумным издали наблюдать за первыми приветствиями, также приехал в Брюссель, соблазненный успехами своего друга. Некоторые из дворян с графом Эгмонтом во главе начали даже возвращаться, хотя и без особого увлечения, к своему прежнему открытому образу жизни, но

много подражателей у них не нашлось. В доме Куйлембурга беспрестанно толпилось теперь множество посетителей, окружавших персону нового штатгальтера и пытавшихся вызвать на своих лицах, напряженных от страха и беспокойства, знаки веселости. Эгмонт в особенности старался сделать вид, что он с легким сердцем посещает этот дом; он принимал у себя сыновей герцога и в свою очередь посещал их. Тем временем Альба пришел к заключению, что столь прекрасный случай для выполнения его замыслов может, пожалуй, и не повториться больше. Достаточно одной неосторожности, и то спокойствие, благодаря которому обе жертвы сами попали к нему в руки, будет нарушено. Однако в ту же самую ловушку надо было поймать еще и третьего — Гогстратена, которого он поэтому и вызвал в столицу под предлогом каких-то дел. В то время как Альба старался обеспечить себе возможность схватить этих трех графов, полковник Лодрона должен был арестовать в Антверпене верного друга принца Оранского, бургомистра Штралена, подозревавшегося в содействии кальвинистам, а кто-нибудь другой должен был задержать тайного секретаря и приближенного графа Эгмонта по имени Иоанн Казембрат ван Бекерзеле, а также и нескольких писцов графа Горна. При аресте велено было забрать и все их бумаги.

Когда настал день, назначенный для выполнения этого замысла, герцог Альба созвал к себе всех государственных советников и рыцарей Руна под предлогом обсуждения государственных дел. При этом со стороны нидерландцев присутствовали герцог Аршот, графы Мансфельд, Барлемон и Аремберг, а с испанской стороны, кроме сыновей герцога, еще Вителли, Сербелони и Ибарра. Молодому графу Мансфельду, который также явился на это собрание, его отец дал знак, чтоб он скрылся; поспешным бегством он избежал гибели, которая грозила ему, как бывшему члену союза гёзов. Герцог Альба усердно затягивал совещание в ожидании прибытия из Антверпена курьера с сообщением о произведенных там арестах. Чтобы не вызвать подозрений, на совещании присутствовал военный инженер Пачиотто, который должен был представить чертежи неко-

торых крепостей. Наконец, получив донесение, что Лодрона удачно справился со своим делом, Альба вежливо окончил совещание и отпустил государственных советников. Граф Эгмонт направился было уже в комнаты дона Фердинанда, чтобы продолжить начатую там игру, но командир из личной охраны герцога, Санхо Авила, заступил ему дорогу и именем короля потребовал у него шпагу. Одновременно его окружила толпа испанских солдат, которые, согласно уговору, внезапно выступили из засады. Этот в высшей степени неожиданный удар так жестоко потряс его, что Эгмонт на несколько минут лишился языка и потерял сознание. Однако, быстро оправившись, он спокойным жестом снял свою шпагу. «Эта сталь,— сказал он, передавая ее в руки испанца,— не раз и не без успеха защищала дело короля». В это же время другой испанский офицер арестовал графа Горна, который, не подозревая об опасности, собирался идти домой. Первый вопрос Горна был о графе Эгмонте. Когда ему ответили, что с его другом в это же время происходит то же самое, он сдался без сопротивления. «Я следовал его советам,— воскликнул он,— и справедливо, что нас постигнет одна и та же участь!» Оба графа были заключены под стражу в разных комнатах. Между тем как все это происходило внутри дома Куйлембурга, весь гарнизон был выведен и стоял под ружьем перед домом. Никто не знал, что случилось внутри. Тайный ужас охватил весь Брюссель, когда, наконец, слухи о горестном происшествии распространились по городу. Все жители были так потрясены, как будто каждому из них пришлось самому пережить это. У многих негодование по поводу ослепления Эгмонта перевешивало сострадание к его судьбе; и все радовались тому, что Оранский ускользнул. Говорят, что кардинал Гранвёлла, когда ему в Риме сообщили об этом происшествии, первым делом спросил, схвачен ли также и *Молчаливый*. Получив отрицательный ответ, он покачал головой. «Значит, ничего не сделано,— сказал он,— если дали скрыться Молчаливому». Милостивее обошлась судьба с графом Гогстратеном. Из-за болезни он вынужден был совершать свое путешествие медленно, и слухи о событии

застали его еще на пути в Брюссель. Он тотчас повернул обратно и счастливо избег гибели*.

Сейчас же после ареста у графа Эгмонта вытребовали собственноручную записку к командующему гентской цитаделью с приказом о передаче крепости испанскому полковнику Альфонсу Уллоа. Затем оба графа, просидев несколько недель в заключении в отдельных помещениях в Брюсселе, были переведены под конвоем трех тысяч испанских солдат в Гент, где они оставались под стражей почти до конца следующего года. При их аресте взяты были и все их бумаги. Многих из высшей знати, которые, дав обольстить себя фальшивой приветливостью герцога Альбы, остались на родине, постигла та же участь; над теми же, которые еще до прибытия герцога Альбы были взяты с оружием в руках, теперь без дальнейших проволочек был приведен в исполнение смертный приговор. В ответ на слухи об аресте Эгмонта еще двадцать тысяч жителей покинуло страну, сверх тех ста тысяч, которые нашли себе убежище вдали, не дожидаясь прибытия испанского полководца. Никто уже не считал себя больше в безопасности после того, как совершенно было покушение на жизнь столь высокопоставленного человека**. Многие раскаивались, что не привели раньше в исполнение спасительного решения, потому что с каж-

* Meteren. 108. Strada. 204. 205. Meurs. Guil. Aurias. 39. Allg. G. d. v. N. III. т. 112.

** Большая часть этих беглецов усилила армию гугенотов, которые воспользовались прохождением испанской армии через Лотарингию, чтобы стянуть свои войска, и теперь сильно обременяли Карла IX. На этом основании французский двор счел себя вправе потребовать субсидий от нидерландской регентши. Гугеноты, заявил он, сочли, что переход испанских войск явился результатом соглашения, заключенного против них двумя дворами в Байонне, и это заставило их пробудиться от сна. Таким образом, по всей справедливости, испанский двор должен помочь французскому монарху выйти из затруднительного положения, в которое он попал только благодаря передвижениям испанцев. Альба и в самом деле велел графу Арембергу отправиться во главе значительного войска во Францию для присоединения к армии королевы-матери и даже выразил готовность сам стать во главе этих войск, что, однако, было отклонено (Strada. 206. Thuaп. 541).

дым днем бегство становилось все затруднительнее: герцог велел запереть все гавани и запретил переселение под страхом смертной казни. Все завидовали теперь тем нищим, которые вместе с отечеством покинули и все свое имущество ради спасения жизни и свободы*.

ПЕРВЫЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ АЛЬБЫ. ОТЪЕЗД ГЕРЦОГИНИ ПАРМСКОЙ

Альба, после того как он избавился от наиболее опасных лиц из числа знати, прежде всего восстановил инквизицию во всем ее прежнем значении, объявил постановления Тридентского собора действующими, отменил модерации и возобновил указы против еретиков во всей их прежней строгости**. Инквизиционный суд в Испании признал всю нидерландскую нацию — католиков и еретиков, оставшихся верными, и мятежников — виновными в величайшем оскорблении его величества — одних за их действия, других за попустительство. Из числа виновных исключались очень немногие, имена которых предполагалось огласить впоследствии; и этот приговор был утвержден обнародованным приказом короля. В то же время король объявил, что считает себя свободным от всех своих обещаний и разрывает все договоры, которые регентша заключила от его имени с нидерландским народом; *милости*, а не справедливости — вот чего должен ждать от него в будущем народ. Все те, кто содействовал удалению министра Гранвеллы, участвовал в петиции объединенного дворянства или даже только положительно отзывался о ней; все те, кто подавал заявления против тридентских постановлений, против эдиктов о вероисповеданиях или против назначения епископов; все те, кто допускал публичные проповеди или только слабо сопротивлялся им; все те, кто носил значки гёзов, пел их песни или каким-нибудь другим образом проявлял свое сочувствие

* Meurs. Guil. Auriac. 40. Thuan. 539. Meteren. 108. Allg. G. d. v. N. 113.

** Meurs. G. A. 38. Meteren. 105.

к ним; все те, кто давал приют или скрывал кого-нибудь не католического священника, кто присутствовал на кальвинистском погребении или хотя бы только знал и не доносил об их тайных собраниях; все те, кто ссылался на привилегии страны; все те, наконец, которые говорили, что богу надо повиноваться больше, чем человеку, — все они без различия подлежат наказанию, установленному законом за оскорбление величества и государственную измену, и это наказание должно быть приведено в исполнение над всеми виновными соответственно предписаниям, которые будут даны, без всякой пощады или милости, не считаясь ни с полом, ни с возрастом, ни с общественным положением, в назидание потомству и на страх всем будущим векам *. Согласно этому указу, во всех провинциях не было больше ни одного невинного, и у нового штатгальтера оказалось в руках страшное право выбора из всей нации. Имущество и жизнь всех принадлежали ему, и если кому удавалось спасти первое или второе или даже и первое и второе, то это бывало получено им как дар человечности и великодушия герцога.

Таким тонко задуманным и отвратительным приемом вся нация была обезоружена, и всякое общественное единение стало невозможным. Ввиду того, что только от произвола герцога зависело, над кем должен быть приведен в исполнение приговор, вынесенный всем; каждый старался держаться как можно тише, чтобы как-нибудь ускользнуть от внимания штатгальтера и не навлечь на себя смертоносного выбора. Каждый, для кого ему угодно было сделать исключение, как бы оставался у него в долгу и брал на себя обязательство, равное стоимости его жизни и имущества. Несомненно, такая расправа могла быть произведена лишь над небольшой частью нации, благодаря чему Альба естественно закреплял за собой огромнейшую часть ее наипрочнейшими узами страха и благодарности; выбирая жертвой *одного*, он приобретал себе *десятерых*, оставленных им в покое. Среди потоков проливаемой им крови он спокойно продолжал властвовать до тех

* Meteren. 107.

пор, пока оставался верен этой политике, и потерял преимущества своего положения только тогда, когда недостаток денежных средств заставил его наложить на нацию такие тяготы, которые давили всех без исключения*.

Чтобы лучше справляться с этими кровавыми деяниями, число которых ежедневно возрастало, и не упустить ни одной жертвы из-за недостатка в исполнителях и чтобы, с другой стороны, оградить себя при этом от всякого вмешательства со стороны сословных представителей, привилегии которых он грубо нарушал и которые вообще были для него слишком человечны, Альба учредил чрезвычайный суд из двенадцати уголовных судей, которые должны были производить расследование происшедших беспорядков и выносить свои приговоры соответственно букве данных им предписаний. Один уже факт создания этого суда был нарушением вольностей страны, согласно которым ни один гражданин не мог быть отдан под суд вне своей провинции. Но Альба пошел в своих насилиях еще дальше, предоставив в этом суде, вопреки священнейшим привилегиям страны, место и право голоса испанцам, отъявленным врагам нидерландской свободы. Председателем этого судилища был сам Альба, а его заместителем был один кандидат на ученую степень, некий Варгас, испанец по происхождению, изгнанный, как чумная зараза, из собственного своего отечества за изнасилование своей воспитанницы, бесстыдный, закоренелый злодей, в душе которого боролись между собой скупость, сладострастие и кровожадность и насчет подлости которого не было разногласий у историков обеих партий**. Самыми видными членами суда были граф Аремберг, Филипп Нуаркарм и Карл Барлемон, которые, однако, ни разу не показались там; затем Ариан Николай, гелдернский канцлер; Якоб Мертенс и Петер Ассет, президенты из Артуа и Фландрии; Якоб Гессельтс и Иоани де ла Порт, советники, из Гента; Людвиг дель Рио,

* Thuan, II. 540. A. G. d. v. N. III, 415.

** *Dignum belgico carinomate cultrum* (достойный нож для бельгийской язвы) называется *Meurs. Guil. Auriac. 38. Vigl. ad Hopper. Epist. X. L. V. L. XVIII. XXXI. Meteren. 105.*

доктор богословия и природный испанец; Иоанн дю Буа, главный адвокат короля, и де ла Торре, секретарь суда. По ходатайству Виглиуса тайный совет был избавлен от участия в этом суде; также и из большого совета в Мехельне никто не был в него назначен. Члены суда пользовались лишь правом совещательного голоса; решающий голос герцог предоставил самому себе. Для заседаний не было назначено никакого определенного времени. Советники созывались днем так часто, как это было угодно герцогу. Но уже к концу третьего месяца герцог стал реже появляться на заседаниях и в конце концов совсем уступил свое место любимцу своему Варгасу; последний же занимал этот пост со столь отталкивающей важностью, что в скором времени все остальные члены суда, включая испанца доктора дель Рио и секретаря де ла Торре, устав от позорных дел, свидетелями и соучастниками которых им приходилось быть, перестали показываться на заседаниях *. Невозможно читать без негодования о том, как жизнь лучших и благороднейших людей нации была отдана в руки испанских негодяев и как близки были эти негодяи к тому, чтобы взорвать самое святое для нации, ее привилегии и грамоты, сломать все печати, осквернить и уничтожить наиболее тайные договоры между властелином страны и сословными представителями **.

* И в самом деле решения суда относительно наиболее уважаемых лиц, как, например, смертный приговор над бургомистром Штраленом из Антверпена, оказывались часто подписанными только Варгасом дель Рио и де ла Торре (Me te r e n. 105).

** Me te r e n. 106. С каким бездушным легкомыслием решались в этом кровавом совете важные дела и даже принимались постановления о жизни и смерти, может служить примером то, что рассказывают о советнике Гессельтсе. По большей части он спал во время заседаний, а когда очередь доходила до него, чтобы подать свой голос относительно смертного приговора, он, еще полусонный, выкрикивал: Ad patibulum! Ad patibulum! (На виселицу! На виселицу!) — до такой степени привык его язык к этому слову. Характерно в отношении его отметить, что его жена — племянница президента Виглиуса, определенно потребовала в брачном контракте, чтобы он сложил с себя печальную обязанность королевского стряпчего, из-за которой он стал ненавистен всей нации (Vigl. ad Hopper. Epist. L. XVII. A. G. d. v. N. 114).

Ни пересмотра дел, ни апелляций не полагалось в совете двенадцати, который по своему назначению был назван *советом мятежа*, но больше остался известен под названием *кровоавый совет*, как окрестил его за его действия возмущенный народ. Приговоры его были безапелляционны, и он не отвечал за них ни перед какой инстанцией. Никакой суд в стране не смел разбирать дела, связанные с последним мятежом, так что все судебные учреждения, кроме кровавого совета, бездействовали. Большой совет в Мехельне почти прекратил свое существование. Значение государственного совета настолько упало, что его заседания почти не созывались. Случалось очень редко, что герцог советовался с кем-нибудь из членов его о государственных делах, но если даже это и происходило, то только в виде частного разговора в кабинете герцога без соблюдения каких бы то ни было правовых форм. Никакая привилегия, никакая самым тщательным образом скрепленная охранная грамота не принимались во внимание советом мятежа *. Все акты и договоры должны были представляться ему, и часто они подвергались самым произвольным толкованиям и изменениям. Если по приказанию герцога выработывался указ, против которого можно было бы опасаться возражений со стороны сословных представителей Брабанта, то он получал законную силу и без приложения брабантской печати. Нарушались самые священные права личности, и беспримерный деспотизм проникал даже в круг домашней жизни. Так как не католики и мятежники увеличивали число своих сторонников путем брачных связей с лучшими семьями в стране, то герцог издал указ, по которому все нидерландцы, какого бы сословия и звания они ни были, не смели под страхом лишения жизни и имущества вступать в брак без предварительного разрешения герцога **.

* Скверным латинским языком Варгас осудил нидерландскую свободу на гибель. «Non curamus vestres privilegios» (Нам плевать на ваши привилегии), — ответил он кому-то, когда тот, возражая, сослался на привилегии высшей школы в Лувене (A. G. d. v. N. 117).

** Meteren. 106. 107. Thuan. 540.

Кого бы совет мятежа ни вызывал к себе, — будь то лица духовного звания или светские люди, наиболее уважаемые члены сената или последний сброд из числа иконоборцев, — все они должны были являться перед этим трибуналом. Кто не приходил, — а идти почти никто не решался, — того изгоняли из страны, и все его имущество забиралось в казну. Но не было спасения и тому, кто решался явиться на суд или кого успевали схватить. Из *одного* города вызывали сразу по двадцати, сорока или пятидесяти человек, и этот громовой удар прежде всего поражал наиболее богатых. Простых граждан, у которых не было ничего, что могло бы их привязать к очагу и отечеству, хватали и арестовывали неожиданно, без предварительного вызова в суд. Многих уважаемых купцов, обладавших состоянием от шестидесяти до ста тысяч гульденов, тащили на глазах у всех к месту казни привязанными к хвосту лошади и с закрученными назад руками, как последнюю сволоочь; в Валансьене за *один* день было отрублено пятьдесят пять голов. Все тюрьмы, из которых очень многие были вновь построены герцогом тотчас же после начала его правления, были переполнены осужденными. Повешание, обезглавление, четвертование и сожжение стали обычным и частым явлением; значительно реже можно было слышать о ссылке на галеры или об изгнании, так как почти не было такой вины, которая считалась бы слишком легкой для смертной казни. Громадные суммы притекали, таким образом, в государственную казну, но это скорее возбуждало, чем удовлетворяло жажду золота у нового штатгальтера и его помощников. Казалось, что безумные намерения герцога состояли в том, чтобы привести всю нацию к нищете и все богатства страны сосредоточить в руках короля и его слуг. Годовую выручку от конфискаций считали равной доходам королевства первого ранга. Ее оценили монарху, по совершенно невероятным данным, в двадцать миллионов талеров. Такой способ действий являлся тем более бесчеловечным, что от него очень часто и очень сильно страдали даже наиболее спокойные и правоверные католики, которым вовсе не хотели причинять зла; при конфискации имущества

все кредиторы, имевшие право рассчитывать на погашение долгов, оказывались обманутыми. Все госпитали и благотворительные учреждения, содержавшиеся из этих сумм, должны были захиреть, и беднота, получавшая отсюда в трудную минуту жалкую поддержку, лишалась своего последнего источника существования. Кто пробовал защищать перед советом двенадцати свои вполне обоснованные права на имущество (никакое другое судебное учреждение не смело браться за эти расследования), разорялся от дорого стоящей и длительной судебной волокиты и становился нищим, прежде чем доводил свое дело до конца *. Во всей истории просвещенных государств, быть может, найдется еще только один пример такого попраiania законов, таких насилий над собственностью, такого расточения человеческих жизней. Но Цинна, Сулла и Марий вступали в завоеванный Рим как оскорбленные победители и по крайней мере совершали открыто те насилия, которые нидерландский штатгальтер совершал под почтенным прикрытием законов.

До конца 1567 года все еще ожидали личного прибытия короля, и лучшие из граждан утешали себя надеждой на это последнее прибежище. Корабли, которые король велел снарядить ввиду своего приезда, все еще стояли наготове в Флиссингенской гавани, чтобы по первому знаку плыть ему навстречу; только потому, что он предполагал обосноваться в стенах Брюсселя, город согласился принять испанский гарнизон. Но и эта надежда стала мало-помалу угасать: король откладывал свою поездку с одной четверти года на другую, а новый регент очень скоро захватил такую полноту власти, которая соответствовала не предшественнику его величества, а скорее суверенному правителю; таким образом, появление короля становилось совершенно излишним. Чтобы довершить все бедствия, обрушившиеся на провинцию, последний добрый ангел ее в лице регентши должен был покинуть страну **.

Уже с того самого времени, как расширенные полно-

* Meteren. 109.

** Vigl. ad Hopper. Epist. XLV.

мочия герцога не оставили никакого сомнения в том, что власти регентши пришел конец, Маргарита решила отказаться и от самого звания регентши. Однако видеть торжествующего преемника обладателем высокого положения, которое за девять лет, пока она наслаждалась им, стало для нее потребностью; уступить другому величие, славу, блеск, поклонение и все знаки внимания, сопровождающие обыкновенно высшую власть; *терять* то, чем она *обладала*, и забыть то, чего нельзя было забыть, — это было больше того, что может вынести женская душа. А герцог Альба был совершенно неспособен к тому, чтобы осторожно пользоваться своим только что приобретенным высоким положением и этим облегчить ей ее расставание с властью. Общественный же порядок, подвергавшийся опасности из-за этого двоевластия, казалось, требовал, чтоб она решилась на этот шаг. Многие провинциальные штатгальтеры отказывались, не получив определенных предписаний от двора, признавать герцога сорегентом и выполнять его приказания.

Быстрая перемена в ее положении не могла пройти для придворных столь спокойно и незаметно, чтобы герцогиня не почувствовала этого с величайшей горечью. Даже те немногие, как, например, государственный советник Виглиус, которые продолжали оставаться при ней, делали это не столько из-за личной привязанности, сколько вследствие раздражения на то, что чужаки и выскочки опережали их, между тем как гордость не позволяла им снова, с ученической скамьи начать карьеру при новом регенте*. Огромное большинство придворных, при всем старании занять среднее положение между обоими властителями, не могло скрыть разницы в почестях, которые они воздавали восходящему и заходящему светиле. Королевский дворец в Брюсселе становился все безлюднее и тише, по мере того как наплыв посетителей в дом Куйлембурга становился все больше. Но тем, что задело самолюбие герцогини больше всего, — были аресты Горна и Эгмонта, произведенные по решению герцога без ее ведома, как будто ее вовсе и не существовало на свете.

* Vigl. ad Hopper. Epist. XXIII. XL. XLIV. XLV.

Правда, Альба тотчас же после того, как все было закончено, постарался успокоить ее объяснением, что этот замысел держался от нее втайне только потому, что не хотели вмешивать ее имя в столь неприятное дело; но такой деликатностью нельзя уже было заживить рану, нанесенную ее гордости. Чтобы сразу покончить со всеми обидами, предвестником которых явилось это оскорбление, она послала своего тайного секретаря Макпавелли ко двору брата с настойчивой просьбой освободить ее от регентства. Отставка была ей дана без всякого затруднения, но со всеми знаками величайшего уважения к ней. Он готов пренебречь, так сказал король, и своими собственными интересами и интересами провинций, чтобы только угодить сестре. Подарок в тридцать тысяч талеров сопровождал эту отставку, и двадцать тысяч талеров было ей назначено в качестве ежегодного содержания *. Одновременно герцогу Альбе был отправлен указ, по которому он назначался вместо нее оберштатгальтером с неограниченными полномочиями **.

Маргарите очень хотелось, чтоб ей было разрешено сложить звание регентши на торжественном собрании сословных представителей. О своем желании она довольно недвусмысленно дала понять королю, но ей не суждено было получить это удовлетворение. Вообще она любила торжественность, и пример императора, ее отца, который в этом же городе с необычайной помпой публично отрекся от трона, повидимому был для нее весьма притягательным. И если надо было расстаться

* Повидимому, содержание это выплачивалось ей не очень добросовестно, если доверять одной брошюре, вышедшей из печати еще при ее жизни (заглавие — «Discours sur la Blessure de Monseigneur Prince d'Orange», 1582, место печатания не указано, находится в дрезденской библиотеке курфюрста). Она погибает в Намюре от бедности, говорится в брошюре, и сын ее, в то время нидерландский губернатор, столь мало помогает ей, что секретарь ее Альдобрандин даже называет тогдашнее местопребывание ее ссылкой. «Впрочем,— говорится там далее,— могла ли она ждать чего-либо другого от сына, который в очень еще юных годах, посетив ее однажды в Брюсселе, выкинул за ее спиной штучку?»

** Strada. 206. 207. 208. Meurs. Guil. Auriac. 40. Thuan. 539. Vigil. ad Hopper. Epist. XL. XLI. XLIV.

с высшей властью, то уж не надо было ставить ей в упрек ее желание совершить этот шаг с возможно бóльшим блеском. От ее внимания к тому же не ускользнуло то, что всеобщая ненависть к герцогу сильно подняла ее авторитет, и она со страстным нетерпением ждала лестной для себя и трогательной церемонии. Как бы ей хотелось увидеть слезы нидерландцев, проливаемые по своей доброй регентше, как бы охотно она присоединила к этим слезам и свои собственные; напутствуемая общими сожалениями, она с более легким сердцем покинула бы трон. За все девять лет своего управления, когда счастье улыбалось ей со всех сторон, она мало что делала, чтобы заслужить всеобщее расположение; все ее желания ограничивались тем, чтобы угодить своему государю. Теперь же всеобщее расположение получило в ее глазах необычайную цену, потому что это было единственное, чем она могла бы еще утешить себя после крушения всех остальных ее надежд, и ей так легко было бы уверить себя, что она является жертвой своего доброго сердца и своего слишком человеческого отношения к нидерландцам. Но так как монарх вовсе не был склонен рисковать, разрешив мятежное собрание нации ради удовлетворения прихоти своей сестры, то ей пришлось удовольствоваться прощальным посланием к представителям всех сословий. В этом послании она сделала беглый обзор всего своего управления, перечислила не без самохвальства все те трудности, с которыми ей приходилось бороться, все бедствия, от которых она спасла нацию благодаря своему искусству, и в заключение заявила, что уходит, *завершив* свои дела, а преемнику своему предоставляет лишь наказание преступников. То же самое и не раз пришлось выслушать от нее и королю; все ее старания были направлены на то, чтобы отнять у герцога не заслуженную им славу, которая благодаря его быстрым успехам должна была выпасть ему на долю. Свои собственные заслуги она слагала к ногам короля как нечто значительное, но одновременно и как бремя, слишком тягостное для ее скромности*.

* Meurs. Guil. Auriac. 40. Strada. 207, 208.

Беспристрастный суд потомства, конечно, не решится подписать без оговорок столь благоприятный отзыв. Если б даже единогласное мнение современников и само свидетельство нидерландской нации подтверждали эту оценку, все равно третье лицо не может быть лишено права подвергнуть все это более тщательному изучению. Когда делается одной ошибкой *меньше*, народ, изменчивый в своих настроениях, легко может счесть, что это значит — одной добродетелью *больше*, и под гнетом переживаемых бедствий народ склонен хвалить то, что уже пережито. Вся сила ненависти нидерландцев, казалось, сосредоточилась на Испании; обвинять регентшу в чем-либо дурном — это означало отвлекать от короля и его министров часть проклятий, которыми их предпочитали удостаивать; и правление герцога Альбы в Нидерландах, конечно, не могло привести к правильной оценке заслуг его предшественницы. Во всяком случае, удовлетворять желания монарха, не нарушая в то же время прав нидерландского народа и требований человеколюбия, было нелегкое дело. В борьбе с двумя столь противоречивыми обязанностями Маргарита не выполнила ни одной из них; нации она с полной очевидностью приносила *слишком много* вреда, королю же она тем не менее принесла *очень мало* пользы. Правда, ей удалось, наконец, подавить протестантскую партию, но случайная вспышка иконоборческого движения оказала ей при этом гораздо бóльшую услугу, чем вся ее политика. Своей хитростью она привела к развалу союз дворянства, но только после того, как он уже был смертельно поражен в самом корне своими внутренними раздорами. То, над чем она в течение многих лет напрасно истощала всю свою государственную мудрость, было сразу решено вербовкой войск, произвести которую ей было приказано из Мадрида. Она передала герцогу страну уже успокоенной, но нельзя отрицать того, что этому успокоению главным образом содействовал страх, вызванный приближением Альбы. Своими донесениями она вводила испанский совет в заблуждение, так как сообщала ему всегда не о самой болезни, а лишь о случайных ее проявлениях, и не о настроениях и потребностях нации, а лишь о безобразных выходках

различных партий. Ее неверное управление страной толкало народ к преступлениям, потому что оно *озлобляло* его, не *устрашая* в достаточной степени. Это благодаря ей был направлен в страну губительный герцог Альба, потому что она навела короля на мысль, что беспорядки в провинциях вызваны скорее всего не жестокостью его указов, а непригодностью исполнителей, которым поручено было проводить их. У Маргариты хватало хитрости и разума, чтобы в обычных условиях тонко проводить уже испытанную политику, но ей не хватало творческого ума, чтобы при новых и чрезвычайных обстоятельствах изобрести новое правило или мудро *нарушить* старое. В стране, где самой тонкой государственной мудростью была *честность*, она, к несчастью, вздумала проводить двуличную итальянскую политику и посеяла этим в умах народа гибельное недоверие. Ее уступчивость, которую ей столь усердно ставят в заслугу, была вынужденной; при своей слабости и нерешительности она не могла устоять перед мужественным противодействием нации; по своему собственному внутреннему побуждению она ни разу не осмелилась стать выше буквы королевских предписаний, ни разу не позволила себе, руководясь прекрасным чувством гуманности, переиначить варварский смысл того, что ей поручалось выполнить. Даже и то небольшое, что было ею пожаловано под давлением необходимости, она давала столь неуверенно, с такими колебаниями, словно боялась дать *слишком много*, и в итоге ее благодеяния не вели ни к чему, потому что она с расчетливостью скряги всегда старалась урезывать их. Как ни мало была она женщиной во всей своей жизни, она оказалась ею в слишком большой степени на троне. Она имела возможность после удаления Гранвеллы стать благодетельницей нидерландского народа, но она не стала ею. Высшим благом для нее было благосклонное одобрение короля, высшим несчастьем — его порицание. При всех достоинствах ее ума она оставалась обыденным существом, потому что сердцу ее не хватало благородства. Своей властью она пользовалась с большой умеренностью и не запятнала произвольной жестокостью своего правления; и если б это зависело только от нее, она бы всегда

поступала человечно. Долгие годы еще после того, как Филипп II, ее кумир, забыл ее, нидерландский народ хранил память о ней с глубоким почтением. Но она далеко не заслужила той славы, которой она была увенчана бесчеловечными действиями ее преемника. Маргарита покинула Брюссель в конце декабря 1567 года; герцог проводил ее до самой границы Брабанта, где он передал ее под покровительство графа Мансфельда, а сам поспешил вернуться в столицу, чтобы предстать теперь перед нидерландским народом как единственный регент.

1788

**СУД НАД ГРАФАМИ
ЭГМОНТОМ И ГОРНОМ
И КАЗНЬ ИХ**

Через несколько недель после их ареста, оба графа под охраной трех тысяч испанских солдат были препровождены в Гент, где их содержали более восьми месяцев в цитадели. В совете двенадцати, учрежденном в Брюсселе герцогом Альбой для расследования происшедших волнений, начался над ними по всей форме суд. Обвинительный акт составлял генерал-прокурор Иоанн дю Буа. Против Эгмонта было выдвинуто девятью обвинительных пунктов, против Горна — шестьдесят. Перечисление их заняло бы слишком много времени, и мы уже привели выше некоторые образцы подобных обвинений. Любой невинный поступок, любая оплошность рассматривались с точки зрения, уже установленной в самом начале акта; там значилось, что «оба графа, вместе с принцем Оранским, замыслили низвергнуть королевскую власть в Нидерландах и взять в свои руки управление страной». Изгнание Гранвеллы, поездка Эгмонта в Мадрид, союз гёзов, потворство протестантам в их штатгальтерствах — все становилось теперь осуществлением этого плана, все было связано между собой. Ничтожнейшая мелочь приобретала значение и одна давала опасный смысл другой. Поскольку из предосторожности большинство пунктов обвинения уже было рассмотрено как оскорбление величества, — тем легче было вывести изо всех их вместе желанное заключение.

Обвиняемым был послан обвинительный акт и дано пять дней на ответ. Когда они это исполнили, им было

дозволено выбрать себе защитников и поверенных, которым был разрешен к ним доступ. Но так как их обвинили в оскорблении величества, то их друзьям не было разрешено посещать их. Граф Эгмонт выбрал себе некоего Ландаса, а также нескольких самых искусных и ученых юристов Брюсселя.

Обвиняемые главным образом протестовали против суда, который должен был рассматривать их дело, так как они, рыцари Золотого руна, могли быть судимы только самим королем — гроссмейстером этого ордена. Но протест был отвергнут, и от них потребовали свидетелей, грозя в противном случае судить их заочно. Эгмонт отвечал вполне основательно на восемьдесят два пункта; Горн также отвечал на обвинительный акт по всем пунктам. Сохранились и пункты обвинения и ответы на них; всякий беспристрастный суд освободил бы обвиняемых после такой защиты. Прокурор настаивал на свидетелях, и герцог Альба торопил их все новыми постановлениями. Неделя проходила за неделей; обвиняемые между тем возобновили свои протесты против незаконности самого суда. Наконец, герцог дал им еще десять дней для представления свидетелей. Когда прошел и этот срок, их объявили изобличенными и лишили всякой защиты.

Пока дело тянулось, родственники и друзья графа не сидели сложа руки. Жена Эгмонта, урожденная герцогиня Баварская, подала прошения князьям Немецкой империи, императору и испанскому королю; то же сделала и графиня Горн, мать подсудимого, состоявшая в дружбе или родстве с знатнейшими домами Германии. Все громко протестовали против такого беззакония, ссылаясь на нидерландскую свободу, привилегии ордена Золотого руна, наконец льготы Немецкой империи, на которые Горн имел особое право, как имперский граф. Графиня Эгмонт подняла чуть не все дворы на защиту своего мужа. Испанский король и его штатгальтер были завалены ходатайствами, которые они пересылали друг другу, дружно насмехаясь над ними. Графиня Горн собрала удостоверения ото всех рыцарей Руна в Испании, Германии и Италии в качестве доказательства привилегий ордена. Альба отверг их, объ-

явив, что в данном случае они не имеют силы: «Преступления, в которых обвиняются графы, относятся к делам нидерландских провинций, а я поставлен от короля единственным судьей во всех нидерландских делах».

Прокурору дали четыре месяца на составление обвинительного акта; пятый был предоставлен графам для защиты. Но друзья, вместо того чтобы добывать свидетелей, которые тоже мало помогли бы им, теряли время и усилия на протесты против своих судей. Однако свидетели, пожалуй, отсрочили бы окончательный приговор, а тем временем настойчивые ходатайства друзей, быть может, возымели бы, наконец, свое действие. Своим же упорным отрицанием компетенции суда графы давали герцогу повод ускорить рассмотрение дела. По истечении последнего и крайнего срока, 1 июня 1568 года, совет двенадцати признал обоих графов виновными, а 4 июня последовал окончательный приговор.

Казнь двадцати пяти благородных нидерландцев, обезглавленных на брюссельском рынке в течение трех дней, была страшным предвестием судьбы, ожидавшей графов. Одним из этих несчастных был секретарь Эгмонта, Иоганн Каземброт из Бекерцеля, который получил эту награду за верность своему господину, проявленную даже во время пытки, и за ревностную службу королю, доказанную в деле иконоборцев. Остальные были взяты с оружием в руках во время мятежа гёзов или арестованы и осуждены, как государственные преступники, за участие в обращении дворянства к регентше.

Герцог недаром спешил с исполнением приговора. Граф Людвиг Нассауский дал графу Арембергу сражение у монастыря Гейлигере, в Гронингене, и выиграл его. Тотчас после победы он двинулся на Гронинген и обложил город. Удача ободрила его приверженцев, а его брат, принц Оранский, стоял с войском неподалеку, чтобы поддержать графа. Все это требовало личного присутствия Альбы в тех отдаленных провинциях, а он не решался покинуть Брюссель, пока не была решена судьба двух столь важных пленников. Вся нация

проявляла к ним восторженную преданность, которой немало способствовала их несчастная судьба. Правовверные католики, и те не желали, чтобы герцог восторжествовал над двумя столь знатными людьми. Одной победы оружия мятежников, даже одного ложного слуха было бы достаточно для того, чтобы в Брюсселе вспыхнула революция, которая освободила бы обоих графов. Кроме того, у испанского короля с каждым днем копилось все большее число прошений и ходатайств от князей Немецкой империи, а император Максимилиан II лично уверял графиню Эгмонт, что ей «нечего опасаться за жизнь своего супруга». Столь влиятельные заступники могли в конце концов заставить короля изменить мнение в пользу заключенных. Конечно, король мог также, надеясь на поспешные действия своего штатгальтера, сделать вид, будто он уступает представительству стольких государей и отменяет смертный приговор, с мыслью, что эта милость запоздает. Вот сколько причин заставляли герцога спешить с исполнением приговора после его объявления.

На другой же день оба графа, под прикрытием трех тысяч испанцев, были препровождены из гентской цитадели в Брюссель и посажены в хлебный склад на главном рынке. Наутро собрался совет по делу о мятежах. Герцог, вопреки своему обычаю, явился лично, и оба приговора, в запечатанных конвертах, были вскрыты и прочитаны вслух секретарем Пранцем. Оба графа были признаны виновными в оскорблении величества, *выразившемся в том, что они потворствовали и способствовали гнусному заговору принца Оранского, взяли под свою защиту союз дворян и плохо служили королю и церкви в своих штатгальтерствах и на других должностях.* Обоим было решено обезглавить всенародно; их головы должны были быть посажены на пики и не могли быть оттуда сняты до прямого приказания герцога. Все имущество их, лены и права отходили к казне. Приговор подписали лишь Альба и секретарь Пранц, — они не утруждали себя просьбой о согласии остальных советников уголовного суда. В ночь с четвертого на пятое июня, когда заключенные уже отпра-

вились спать, им вручили приговор. Герцог передал его через епископа ипернского Мартина Ритгова, которого он нарочно выписал в Брюссель, чтобы приготовить осужденных к смерти. Получив это приказание, епископ упал к ногам Альбы, умоляя его, со слезами на глазах, о помиловании или хотя бы об отсрочке. Резкий гневный голос отвечал ему, что он призван из Иперна не затем, чтобы противиться приговору, а для того, чтобы своим посещением ободрить несчастных графов.

Смертный приговор был сначала показан Эгмонту. «Поистине суровый приговор! — воскликнул побледневший граф дрожащим голосом. — Я не думал, что оскорбил его величество столь сильно, что заслужил такое решение. Но если так *должно* быть, подчиняюсь своей участи с покорностью. Да искупит эта смерть мои прегрешения и да не повредит она моей супруге и детям! Надеюсь, что хоть этого я могу ждать за прошлую мою службу. Принимаю смерть с решимостью, ибо так угодно богу и королю». Затем он просил епископа сказать ему откровенно и по правде, есть ли надежда на помилование. Получив отрицательный ответ, он исповедался и причастился святых тайн из рук священнослужителя, за которым повторял слова мессы с глубокой набожностью. Он спросил, какая самая лучшая и действенная молитва для последнего часа. Священник отвечал, что самая проникновенная — та, которой научил нас сам господь Иисус Христос: «Отче наш»; граф тотчас же стал ее читать. Но вдруг ему пришла мысль о семье; он оборвал молитву и потребовал перо и чернила. Он написал два письма — одно жене, другое испанскому королю, гласившее:

«Государь! Этим утром я выслушал приговор, произнесенный надо мной вашим величеством. Как ни далек был я всегда от мысли совершить что-либо против особы вашего величества, или королевской службы, или же против единственно истинной, древней и католической религии, тем не менее я покоряюсь судьбе с терпением, которого я не лишен по милости божией. Если в прошедших беспорядках я допустил, присоветовал или учинил что-либо противное моему долгу, то,

конечно, лишь с благими намерениями или вынуждаемый обстоятельствами. Посему прошу ваше величество простить мне и пощадить ради моей прошлой службы несчастную мою супругу, моих бедных детей и слуг. Твердо уповая на это, предаю себя бесконечному милосердию божью. Брюссель, 5 июня 1568 года, в смертный час. Вашего величества преданнейший вассал и слуга, Ламораль граф Эгмонт».

Эгмонт горячо просил епископа передать это письмо. Чтобы быть еще более уверенным, он послал собственноручный список с него государственному советнику Виглиусу, честнейшему человеку в сенате, и, без сомнения, письмо было доставлено королю. Впоследствии семье графа было возвращено все имущество, все лены и права, отобранные, согласно приговору, в королевскую казну.

Между тем на брюссельском рынке, перед ратушей, воздвигли эшафот, покрытый черным сукном, на котором укрепили два шеста с железными остриями. Двадцать два отряда испанского гарнизона окружали помост — предосторожность отнюдь не лишняя. Между десятью и одиннадцатью часами в комнату графа вошла испанская стража. Она принесла веревки, чтобы, по обычаю, связать ему руки. Он воспротивился этому, объявив, что готов умереть охотно. Граф сам отрезал воротник своего камзола, чтобы облегчить работу палача. На нем был плафрок из красной камки, а сверху черный испанский плащ, выложенный золотым галуном. Так он взошел на помост. За ним последовали полковник Юлиан Ромеро, испанский капитан Салинас и епископ ипернский. Главный судья двора сидел с красным жезлом в руке на коне у подножия эшафота, палач был спрятан под помостом.

Эгмонт сначала выразил желание обратиться к народу с эшафота. Но он отказался от этого, когда епископ сказал ему, что его не услышат, а если услышат, то при нынешнем опасном умонастроении народа легко могут произойти беспорядки, которые только погубят его друзей. Некоторое время граф с благородной осанкой ходил взад и вперед по помосту, жалуясь, что ему не

дано умереть славною смертью за короля и отечество. До последнего мгновения его нельзя было убедить, что столь суровый приговор — не королевская шутка и что все не ограничится одним лишь страхом смерти. Когда подошла решительная минута и надо было принять последнее причастие, Эгмонт осмотрелся в жадном ожидании. Но ничего не изменилось — и он снова обратился к Юлиану Ромеро с вопросом, нет ли надежды на помилование. Ромеро пожал плечами, опустил глаза в землю и промолчал.

Тогда граф стиснул зубы, сбросил плащ и плафрок, опустился на колена на подушку и предался последней молитве. Епископ дал ему поцеловать крест и совершил над ним последнее помазание, после чего Эгмонт дал ему знак удалиться. Затем он натянул на глаза шелковую шапочку и приготовился принять удар палача. На труп и льющуюся кровь тотчас было наброшено черное покрывало.

Этот смертельный удар ощутил весь Брюссель, теснившийся у эшафота. Зловещая тишина прервалась громкими рыданиями. Герцог, смотревший на казнь из окна, тоже утирал глаза.

Вслед за тем привели графа Горна. Человек более горячего нрава, чем его друг, и имевший к тому же больше причин негодовать на короля, он встретил приговор не столь хладнокровно, хотя более заслуживал его. Он позволил себе резкие высказывания против короля. Епископ с трудом уговорил его лучше использовать последние свои минуты и не тратить их на проклятия своим врагам. Наконец, граф пришел в разум и исповедался у епископа, чего сначала не хотел делать.

Горн вступил на помост в таком же сопровождении, как и его друг. По пути он здоровался со многими знакомыми. Подобно Эгмонту, он не был связан; на нем был черный камзол и плащ, а на голове миланская шапочка того же цвета. Взошедши на эшафот, он бросил взгляд на труп под покрывалом и спросил одного из близ стоявших, не тело ли это его друга. Получив утвердительный ответ, он сказал несколько слов по-испански, сбросил плащ и преклонил колена на по-

душке. Толпа вскрикнула, когда ему был нанесен смертельный удар.

Обе головы были насажены на шесты, водруженные на помосте. Там они оставались до трех часов пополудни; затем их сняли и положили вместе с телами в свинцовые гробы.

Присутствие возле эшафота большого количества соглядатаев и палачей не помешало гражданам Брюсселя омочить свои носовые платки в струившейся крови и унести по домам эту драгоценную святыню.

1789

**ОСАДА АНТВЕРПЕНА
ПРИНЦЕМ ПАРМСКИМ
в 1584—1585 ГОДАХ**

Как привлекательно зрелище борьбы творческой силы человека с могучею стихией и победы ума, решимости, твердой воли над препятствиями, непреодолимыми для обычных человеческих качеств! Не столь привлекательно, но еще более поучительно противоположное зрелище, то есть когда отсутствие указанных качеств разрушает все усилия гения и делает бесполезным счастливое стечение обстоятельств, воспользоваться которым не хватает умения, вследствие чего ускользает верный успех. Примеры как того, так и другого дает знаменитая блокада Антверпена испанцами, в конце XVI века, которая безвозвратно лишила благосостояния этот цветущий город и доставила бессмертную славу проведенному ее полководцу.

Уже двенадцать лет длилась война, которую вели северные провинции Бельгии, сначала для того лишь, чтобы отстоять свободу совести и свои привилегии от притязаний испанского штатгальтера, а затем уже с целью отстоять свою независимость от испанской короны. Они никогда не были победителями, но ни разу не были и окончательно побеждены, и постоянно изматывали храбрость испанцев долгими военными операциями в неблагоприятной обстановке и истощали казну повелителя обеих Индий, хотя сами называли себя *нищими* и отчасти были таковыми. Правда, снова распался *гентский союз*, который соединял как католические, так и протестантские Нидерланды, и, если б мог устоять, оказался бы непобедимым; но вместо этой неестественной и непрочной связи северные Нидерланды

образовали, в 1579 году, более узкую *утрехтскую унию*, которая обещала существовать дольше, так как ее связывали как государственные, так и религиозные интересы. Если новая республика вследствие отделения от католических провинций проиграла в размерах, зато она выиграла в смысле более тесной связи, единодушия в замыслах и в быстроте их выполнения; и было счастьем для нее, что она своевременно потеряла то, чего все равно не смогла бы удержать, даже прилагая все усилия.

В 1584 году большая часть валлонских провинций, частью добровольно, частью повинаясь силе, вернулась под власть испанцев; но они все еще не могли утвердиться в северных областях. Даже значительная часть Брабанта и Фландрии все еще упорно сопротивлялась оружию Александра Пармского, который с равной силой и умом управлял провинциями, командовал войсками и рядом небольших побед снова вернул уважение испанскому имени. Своеобразные условия страны, где связь между городами поддерживается посредством большого количества рек и каналов, затрудняла завоевание: не взяв одного пункта, нельзя было овладеть и другим. Пока эти пути сообщения не были прерваны, Голландия и Зеландия легко могли охранять своих союзников и щедро снабжать их всевозможными припасами как водным, так и сухим путем; самая отчаянная храбрость не могла им помешать, и войска короля напрасно истощали свои силы в долгих осадах.

Антверпен — значительнейший город Брабанта по своему богатству, многолюдности и силе, а также и по своему положению возле устья реки Шельды. Этот большой и густо населенный город, в котором было тогда более восьмидесяти тысяч жителей, был одним из деятельнейших участников в союзе Нидерландских штатов и в течение всей войны отличался среди городов Бельгии своим страстным свободолюбием. Он приютил в своих стенах все три христианские церкви и был обязан своим благосостоянием главным образом этой неограниченной свободе исповеданий; оттого-то ему и приходилось больше всех опасаться испанского владычества, которое грозило уничтожить свободу со-

вести и ужасами инквизиции разогнать протестантских купцов. К тому же антверпенцы на страшном опыте познали зверства испанских гарнизонов, и легко было предвидеть, что если они дадут возложить на себя это невыносимое ярмо, им уже не сбросить его в течение всей войны.

Но если у Антверпена было много причин удерживать испанцев вдали от своих стен, то у испанского полководца были веские основания стремиться завладеть городом во что бы то ни стало. От овладения этим городом зависело, в известной степени, овладение всеми землями Брабанта: они снабжались зеландским хлебом главным образом отсюда; кроме того, занятие Антверпена обеспечивало господство над Шельдой. Потеряв этот город, брабантский союз, собрания которого происходили в его стенах, лишился бы главной опоры, а также и опасного влияния его примера, его советов и денег; без его казны иссякал богатый источник для удовлетворения нужд королевской армии. Его падение рано или поздно повлекло бы за собой падение всего Брабанта и дало бы королевской власти перевес в этом краю. Вот причины, которые побудили герцога Пармского в июле 1584 года стянуть свои силы и двинуться из Дорника, где он стоял, на осаду Антверпена *.

Однако и местоположение и укрепления этого города, казалось, препятствовали всякой возможности нападения. Со стороны Брабанта он был окружен неприступными верками и глубоководными рвами, от Фландрии его защищала широкая и быстрая Шельда. Его нельзя было взять штурмом, а чтобы обложить столь обширный город, нужно было, повидимому, иметь втрое больше войска, чем было в соединенных отрядах герцога, да еще обладать флотом, которого не было совсем. Река не только доставляла из Гента все припасы в изобилии, но еще и связывала город с соседней Зеландией. Мало того, так как приливы Северного моря входили вглубь Шельды и периодически меняли ее течение, то Антверпен пользовался необычайным преимуществом:

* Thuan. Hist. Tom II. 527. Grot. Hist. de rebus Belgico. 84.

одна и та же река протекала по нем в разное время, в противоположных направлениях. К тому же окрестные города — Брюссель, Мехельн, Гент, Дендермонде и другие — тогда еще находились в руках союза и могли облегчать подвоз также сухим путем. Таким образом, нужно было иметь два разных войска на обоих берегах реки, чтобы и обложить город с суши и отрезать ему сообщение с Фландрией и Брабантом; необходимо было также иметь достаточное количество судов, чтобы заградить Шельду и воспрепятствовать неизбежным попыткам зеландцев освободить Антверпен. Но герцогу приходилось вести войну еще в других провинциях и оставлять гарнизоны во многих городах и крепостях; поэтому у него оставалось всего десять тысяч пехоты и тысяча семьсот коней — сила, слишком ничтожная для столь значительного предприятия. К тому же войска эти нуждались в самом необходимом, и задержка жалования уже давно вызывала среди них глухой ропот, который каждую минуту мог перейти в открытый мятеж. Если же, несмотря на все препятствия, принц отважился бы начать осаду, то следовало опасаться всего со стороны оставленных позади крепостей, которым легко было тревожить столь раздробленную армию постоянными вылазками и прекратить подвоз припасов*.

Все эти доводы были приведены военным советом, которому герцог Пармский открыл свои намерения. Как ни велико было доверие опытейших генералов к себе самим и к испытанной даровитости такого полководца, они не скрыли, однако, своих сомнений в счастливом исходе дела. За исключением двух, у которых отвага подавляла рассудок, Капицукки и Мондрагона, все они отвергли столь рискованное предприятие, при котором можно было лишиться плодов всех прежних побед и всей ранее добытой славы.

Но герцога не могли остановить возражения, которые он уже делал себе сам и опровергнул. Его отважный замысел вытекал не из незнания связанных с ним опасностей, не из легкомысленной переоценки своих сил. Он возвышался над всеми сомнениями холодного,

* Strada. de Bello Belgico, Dec. II. L. VI.

но ограниченного благоразумия в силу того гениального чутья, которое счастливо и уверенно ведет великого человека по пути, которого обыкновенные люди или не выбирают вовсе, или не доводят до конца. Не убедив своих генералов, он познал основательность своих расчетов телесным, но оттого не менее верным чувством. Ряд значительных удач усилил его веру в себя, вид армии, которой не было равной в Европе по воинскому духу, опытности и храбрости и которою командовали отличнейшие офицеры, — все это не позволяло страху закрасться в его душу ни на минуту. Тем, которые указывали на малочисленность войск, он отвечал, что, как бы ни была длинна пика, убивает только острое и что в военных действиях дело в силе, которая движет массы, а не в самой массе. От него не укрылось недовольство его войск, но он знал также их послушание. А их личное недовольство он надеялся успокоить, заняв их важным делом, возбудив их славолюбие его блеском и алчность — высокою наградой, которую обещало завоевание столь богатого города *.

В плане осады, который герцог начертал, он попытался устранить все многообразные препятствия. Единственною силой, с помощью которой можно было надеяться овладеть городом, был *голод*; а чтобы поднять против города этого страшного врага, нужно было закрыть к нему доступ как водой, так и сухим путем. Прежде всего следовало если не совсем отрезать, то хотя бы затруднить подвоз из Зеландии: для этого решили овладеть всеми бастионами, которые были построены антверпенцами на обоих берегах Шельды для охраны судов, и возвести, где нужно, новые укрепления, с которых можно было бы господствовать над всем течением реки. А чтобы город не мог получать из глубины страны припасы, доступ которым был отрезан с моря, надлежало ввести в план осады все окрестные города Брабанта и Фландрии: падение Антверпена должно было неизбежно последовать за падением всех этих городов. То был отважный и почти безрассудный план, если вспомнить ограниченные силы герцога; но гений

* *Strada, de Bello Belgico. Dec. II. L. VI. 553.*

создателя этого плана оправдал его, и счастье увенчало его блестящим успехом *.

Но так как столь обширный план требовал долгого времени, то пока ограничились возведением многочисленных бастионов на каналах и реках, соединявших Антверпен с Дендермонде, Гентом, Мехельном, Брюсселем и другими городами, что должно было затруднить подвоз припасов. В то же время близ этих городов и у самых их ворот были поставлены испанские гарнизоны, которые опустошали равнину и тревожили окрестности своими набегами. Так, вокруг одного лишь Гента расположилось до трех тысяч испанцев и в соответственных размерах по другим местам. Этим путем, а также с помощью тайных сношений с жителями-католиками, герцог надеялся, не ослабляя себя и не начиная осады, постепенно истощить эти города и довести их до сдачи лишениями малой, но непрерывной войны **.

Тем временем главные силы были направлены к Антверпену, который герцог решил обложить со всех сторон. Сам он занял позицию у Бевенда во Фландрии, в нескольких милях от Антверпена, где разбил укрепленный лагерь. Фландрский берег Шельды был поручен кавалерийскому генералу маркграфу Рюисбургу, брабантский — графу Петру-Эрнсту Мансфельду, к которому присоединился другой испанский полководец — Мондрагон. Двое последних удачно переправились через Шельду на понтонах, чему не смог помешать адмиральский корабль антверпенцев, высланный против них; они обогнули Антверпен и заняли пост у Стабука, в земле Берген. Несколько отдельных корпусов были расставлены по всей границе Брабанта, частью чтобы занять плотины, частью чтобы запереть сухопутные дороги.

В нескольких милях ниже Антверпена Шельда была защищена двумя сильными фортами: один из них находился у Лифкенсхука, на острове Деле во Фландрии, другой — у Лилло, как раз напротив, на брабантском берегу. Последний был построен некогда самим Мон-

* Strada. Dec. II. L. VI.

** Meteren. Niederländische Historien. XII. 467.

драгоном, по приказу Альбы, тогда еще распоряжавшегося в Антверпене; поэтому герцог Пармский и поручил испанскому полководцу теперь взять его. Казалось, что от обладания этими двумя фортами зависел весь успех осады, так как под огнем их орудий должны были проходить все суда, плывущие в Антверпен из Зеландии. Незадолго перед тем антверпенцы начали укреплять оба форта. Они еще не успели покончить с первым из них, как его так стремительно атаковал маркграф Рюисбург, что неприятель не успел даже как следует взяться за оружие: внезапный штурм отдал Лифкенсхук в руки испанцев. Эта утрата постигла союзников в тот самый злополучный день, когда принц Оранский пал в Дельфте от руки убийцы. Остальные укрепления на острове Деле были частью добровольно оставлены своими защитниками, частью захвачены испанцами, так что вскоре весь фландрский берег был очищен от неприятеля. Зато форт Лилло на брабантском берегу сопротивлялся стойко, тем более что антверпенцам дали время укрепить его и снабдить храбрым гарнизоном. Яростные вылазки осажденных, под предводительством Одета Телины, поддержанные орудийным огнем крепости, уничтожили все труды испанцев. Наконец, были открыты шлюзы — и наводнение прогнало их, после трехнедельной осады, при которой они потеряли до двух тысяч человек. Испанцы отступили в свой укрепленный лагерь у Штобрека и удовольствовались захватом плотин, которые перерезают Бергенскую низменность и служат защитой против напора Восточной Шельды*.

Неудавшееся нападение на форт Лилло заставило герцога Пармского прибегнуть к другим мерам. Так как таким путем нельзя было прекратить судоходство на Шельде, а от этого зависел весь успех предприятия, то он решился совсем заградить реку мостом. Замысел был отважен, многие считали его опасным. Такая попытка казалась невозможной: ширина реки достигала в этом месте тысячи двухсот шагов, а быстрота течения

* Meteren. Niederl. Historien. XII. 477. 478. Strada. Dec. II. L. VI. Thuan. Histor. T. II. 527.

увеличивалась от прилива находящегося поблизости моря; к тому же не хватало строевого леса, судов, рабочих; приходилось также опасаться флотов Антверпена и Зеландии, которым, вступив в союз с водной стихией, было легко помешать столь длительной работе. Но герцог Пармский знал свои силы, и его решимость могла смириться лишь перед невозможным. Он велел измерить ширину и глубину реки и после совещания с двумя искуснейшими инженерами, Бароччи и Плато, решил строить мост между Каллоо во Фландрии и Ордамом в Брабанте. Это место было избрано, потому что оно было самым узким, а также и потому, что река здесь отклоняется немного вправо, вследствие чего суда задерживаются и должны менять положение парусов. Для защиты моста на обоих концах его были возведены сильные бастионы, названные фортам св. Марии (на фландрском берегу) и, в честь короля, фортам св. Филиппа — на брабантском *.

Между тем как в испанском лагере происходили самые деятельные приготовления к выполнению этого плана и все внимание врага было направлено сюда, герцог внезапно напал на Дендермонде — крепость, расположенную между Гентом и Антверпеном, где река Дендер сливается с Шельдой. Пока этот важный пункт находился в руках неприятеля, Гент и Антверпен могли взаимно поддерживать друг друга и благодаря удобному сообщению между собою делать бесплодными все усилия осаждающих. Завоевание его развязывало герцогу руки для нападения на оба города и могло решить всю судьбу его предприятия. Стремительность его нападения не дала осажденным времени открыть шлюзы и затопить окрестности. Тотчас же начался сильный обстрел главного бастиона перед брюссельскими воротами; но огонь осажденных нанес большой урон испанцам. Однако те не испугались, а разгорячились еще более; они окончательно пришли в ярость, когда гарнизон осквернил на их глазах изваяние одного святого и сбросил его с бруствера с самыми гнусными богохульствами. Они настойчиво требовали вести их против бастиона,

* Strada. Dec. II. L. VI. 557.

когда еще не был достаточно велик пролом, и герцог разрешил штурм, чтобы использовать этот первый пыл. Они поднялись на бруствер после двухчасового жестокого боя, и все, кто избегнул первой ярости испанцев, бежали в город. Последний оказался теперь открыт для неприятельского огня с завоеванного вала, но его крепкие стены и широкий многоводный ров заставляли опасаться сопротивления. Предприимчивость герцога Пармского вскоре победила и это препятствие. Между тем как обстрел города продолжался дено и ношно, войска непрерывно работали над отводом реки Дендера, которая питала водою ров, и осажденными овладело отчаяние, когда они заметили, как постепенно иссякает вода во рву — эта последняя защита города. Они поспешили сдаться и приняли испанский гарнизон в августе 1584 года. Не более как в одиннадцать дней было завершено дело, для которого требовалось, по мнению знатоков, столько же недель*.

Теперь город Гент был отрезан и от Антверпена и от моря, и его все теснее окружали войска короля, стоявшие по соседству. Лишенный всякой надежды на помощь извне, он отчаялся в своем спасении; приближался голод со всеми последствиями. И жители Гента послали уполномоченных в испанский лагерь, в Беверн, чтобы покориться королю на тех самых условиях, какие до этого тщетно им предлагал герцог. Им отвечали, что время переговоров прошло: гнев монарха может смягчить лишь полная покорность. Мало того, им пригрозили, что в противном случае их ждет такое же унижение, какое испытали их мятежные предки при Карле V, то есть им придется молить о помиловании полунагими и с петлей на шее. Со скорбью возвратились уполномоченные в город, но уже на третий день явилось новое посольство, которому удалось, наконец, заключить мир на сносных условиях благодаря ходатайству одного из друзей герцога Пармского, находившегося в Генте в плену. Город должен был уплатить двести тысяч гульденов, возвратить из изгнания папистов

* Strada. Dec. II. L. VI. 557. Meteren. XII. 479. Thuan. II. 529.

и изгнать своих протестантских жителей; впрочем, последним дан был двухгодичный срок для приведения в порядок своих дел. Все жители получили прощение, за исключением шести, приговоренных к наказанию, но также потом помилованных; гарнизон, состоявший из двух тысяч человек, был выпущен с почетом. Этот договор был заключен в главной квартире, в Беверне, в сентябре того же года, и тотчас же три тысячи испанских солдат заняли город*.

Не столько действительной силой, сколько страхом, какой внушало его имя, и ужасами голода покорил герцог Пармский Гент, самый большой и наиболее укрепленный город Нидерландов, который не уступал по величине Парижу, состоял из тридцати семи тысяч домов и был расположен на двадцати островах, соединенных между собой девяноста восемью каменными мостами. Благодаря исключительным привилегиям, добытым у властителей в течение столетий, граждане Гента отличались духом независимости, который нередко вырождался в строптивость и дерзость и естественно приходил в столкновение с установлениями австро-испанского правительства. Мужественный дух свободы содействовал также быстрому и широкому распространению в Генте реформации, а все это вело к тем бурным выступлениям, которые происходили в Генте во время нидерландской войны. Кроме денег, взятых с города, герцог Пармский нашел в его стенах богатый запас орудий, повозок, кораблей и всяких строительных материалов, а также большое число рабочих и матросов, немало помогших ему в осаде Антверпена**.

Еще прежде чем Гент покорился королю, в руках испанцев оказались города Бильворден и Герентальс; ими были заняты также блокгаузы неподалеку от местечка Виллеброк, и тем самым Антверпен был отрезан от Брюсселя. Потеря всех этих городов в столь короткий срок лишила антверпенцев всякой надежды на помощь Брабанта и Фландрии. Теперь они могли ждать

* Meteren, XII. 479. 480. Strada. Dec. II. L. VI. 562. 563. A. G. d. v. N., XXI. 470.

** Meteren. Там же.

помощи только из Зеландии; воспрепятствовать этому стало главной задачей герцога Пармского*.

Граждане Антверпена с гордой самоуверенностью смотрели на первые передвижения неприятеля, полагаясь на свою непреодолимую реку. Это настроение оправдывалось отчасти и мнением принца Оранского, который, при первом известии об осаде, сказал, что испанская мощь сломится под стенами Антверпена. Однако, чтобы ничего не упустить для защиты этого города, он незадолго до смерти призвал к себе в Дельфт его бургомистра, своего душевного друга, Филиппа Марникса Сент-Альдегонде, для совещания об обороне. Он советовал немедленно срыть большую плотину Блаувгарендик между Санфлитом и Лилло, чтобы, при первой необходимости, воды Восточной Шельды затопили Бергенскую низменность; тогда, в случае закрытия Шельды, зеландские суда могли бы проходить к городу по затопленным полям. Возвратившись домой, Сент-Альдегонде действительно уговорил было магистрат и большую часть горожан согласиться на это, как вдруг восстал цех мясников, жалуясь, что такое решение лишило бы город продовольствия, так как была бы затоплена большая луговина, на которой ежегодно паслось до двенадцати тысяч голов рогатого скота. Мясники одолели: им удалось затянуть исполнение спасительного плана до тех пор, пока неприятель не захватил и плотину и всю луговину**.

По настоянию бургомистра Сент-Альдегонде, высоко почитаемого чинами Брабанта, членом союза которых он сам состоял, были улучшены укрепления по обоим берегам Шельды и было возведено много новых вокруг города. У Зафтингена были разрушены плотины и почти вся земля Вэс была затоплена водами Западной Шельды. Граф Гогенлоэ вербовал солдат в соседнем маркграфстве Берген; на службе у республики уже состоял полк шотландцев под начальством полковника Моргана, и ожидалась новые денежные субсидии из Англии и Франции. В особенности же зывали о скорей-

* A. G. d. v. N. 470. Meteren. 470. Thuan. II. 529.

** Allg. Gesch. d. v. Niederl., III, 469. Grot., 88.

шей помощи к штатам Голландии и Зеландии. Но враги утвердились на обоих берегах реки и грозили судам огнем укреплений; в Брабанте им сдавалась крепость за крепостью; их конница заграждала все пути на суше, — и у граждан Антверпена зародились серьезные опасения относительно будущего. Число жителей города определялось тогда в восемьдесят тысяч душ, и по расчету на их прокормление требовалось тридцать тысяч четвертей, или центнеров, зерна в год. В начале осады не было недостатка ни в деньгах, ни в поставщиках; несмотря на огонь неприятельской артиллерии, суда с припасами проходили в город из Зеландии, пользуясь морскими приливами. Нужно было только следить, чтобы богачи не скупили этих запасов и не установили своих цен, когда почувствуется недостаток в продовольствии. Некий Джанибелли из Мантуи, поселившийся в городе и оказавший весьма важные услуги во время осады, предложил поэтому ввести налог, равный одному проценту с имущества каждого гражданина, и образовать общество честных людей, которые покупали бы хлеб на эти деньги и продавали бы его еженедельно. Богачи должны были дать эту сумму вперед, сохраняя в своих магазинах закупленные припасы как залог и получая свою долю из барышей. Но предложение не понравилось состоятельным жителям, которым хотелось воспользоваться всеобщим бедствием. Они советовали другое: пусть прикажут всем запастись необходимым провиантом на два года. Такое предложение было весьма хорошим для них, но совсем плохим для бедных, которые не могли обеспечить себя на долгий срок. Они достигали этим своей цели — или совсем изгнать бедняков, или поставить их в зависимость от себя. Но вскоре богачи сообразили, что с наступлением тяжелых времен собственности их может грозить опасность, и сочли благоразумным не спешить с закупками*.

Чтобы избежать меры, тяжелой для некоторых, магистрат прибегнул к другой, вредной для всех. Зеландские торговцы нагрузили провиантом значительный флот, счастливо пробились сквозь огонь неприятеля и

* A. G. d. v. N. III. 472.

прибыли в Антверпен. Купцы отважились на столь опасное предприятие в надежде на хороший барыш; но, прибыв на место, они увидели свою ошибку: именно тут антверпенский магистрат издал указ, значительно понизивший цены на все припасы. Желая в то же время, чтобы богачи не скупили всего груза и не укрыли его в своих магазинах с целью подороже продать его потом, магистрат приказал, чтобы все привезенное продавалось только на судах. Эта мера отнимала у купцов весь барыш, и они проворно подняли паруса, покидая Антверпен с большей частью своего товара, которого было бы достаточно для прокормления города в течение многих месяцев*.

Такое пренебрежение ближайшим и самым естественным средством спасения можно объяснить только тем, что полное заграждение Шельды тогда еще считали делом совершенно невозможным и, стало быть, не боялись крайности. Когда затем пришло известие, что герцог намеревается перекинуть мост через Шельду, все в Антверпене подсмеивались над этой вздорной выдумкой. Республику горделиво уподобляли реке: говорили, что ни та, ни другая не потерпят испанского ига. «Неужели жалкой постройке из бревен одолеть реку в две тысячи четыреста футов ширины и более шестидесяти футов глубины,— и это в обычное время, а при приливе подымающейся еще на двенадцать футов? Откуда возьмут столь высокие деревья, чтобы они доходили до дна и подымались над водой? И статочное ли дело возводить такое сооружение зимой, когда прилив пригонит целые острова и горы льду, против которого не устоять и каменным стенам, и разнесет в куски, как стекло, непрочные балки? А если герцог замышляет построить мост на судах, то откуда он их возьмет и как доставит их в свои укрепления? Ведь суда неизбежно должны пройти мимо Антверпена, а там готов флот, чтобы или захватить их, или пустить ко дну**.

А пока в городе толковали о нелепости этого предприятия, герцог довел его до конца. Как только были воздвигнуты бастионы св. Марии и св. Филиппа для

* Grotius. 92. Reidan. Belg. Annal. 69.

** Strada. 560.

охраны рабочих и построек, тотчас начали возводить с обоих берегов помост в реке, употребляя для этого мачты самых больших судов. Искусной установкой балок всему сооружению придали такую устойчивость, что, как оказалось впоследствии, оно могло сопротивляться могучему напору льда. Эти балки были основательно вбиты в дно и значительно поднимались над водой; поверх их были настланы доски, образовавшие удобную и столь широкую дорогу, что на ней могли встать в ряд восемь человек; перила с обеих сторон защищали ее от мушкетного огня неприятельских судов. Эта так называемая *эстакада* тянулась с обоих берегов к середине реки настолько, насколько позволяла глубина и быстрота реки. Она суживала реку на тысячу сто футов; но так как посредине, в главном течении, нельзя было заградить реку, то между обеими эстакадами оставалось еще больше шестисот шагов, где мог удобно проплыть целый флот с припасами. Это пространство герцог хотел заполнить мостом на судах, взятых из Дюнкирхена. Но там их было мало, да и трудно было провести их мимо Антверпена без большого урона. Поэтому герцогу приходилось пока довольствоваться сужением реки наполовину, что затрудняло проход неприятельским судам. На середине реки, там, где эстакады кончались, они расширялись в продолговатый четырехугольник, который был занят сильной артиллерией и служил как бы крепостью на самой воде. Оттуда поддерживали жестокий огонь против судов, отважившихся плыть сквозь этот проход, что, впрочем, не мешало целым флотам и отдельным судам счастливо проходить этот опасный путь *.

Между тем сдался Гент — и это неожиданное и быстрое завоевание сразу вывело герцога из затруднения. В Генте он нашел все необходимое для достройки своего моста; трудность состояла только в том, как безопасно провезти добытое. Враги сами открыли ему наиболее естественный путь. Благодаря прорыву шлюзов возле Зафтингена большая часть земли Вэс до местечка Борхта была затоплена и плоскодонным судам было

* Strada. 560. sq. Thuan. 530. Meteren. Книга XII.

совсем нетрудно плавать по полям. И вот герцог приказал своим судам выйти из Гента и, миновав Дендермонде и Рупельмонде, пробиться через левую плотину Шельды, оставить Антверпен справа и плыть по затопленной земле к Борхту. Для охраны у местечка Борхт был воздвигнут бастион, который мог сдерживать врага. Все случилось, как надеялся герцог, хотя и не без горячей схватки с неприятельской флотилией, которая была выслана, чтобы воспрепятствовать его замыслу. Прорвав еще несколько плотин, суда герцога достигли испанского лагеря у Каллоо и снова поплыли по Шельде. Радость армии была тем более велика, что лишь теперь стало известно о большой опасности, угрожавшей судам: они едва успели уйти от неприятельской флотилии, как к ней уже приблизилось подкрепление, предводимое храбрым защитником Лилло, Оде-том Телиньи. Когда стало ясно, что неприятель уже ускользнул, Телиньи овладел плотиной, через которую прорвались враги, и соорудил там бастион, чтобы преградить путь новым судам из Гента *.

Перед герцогом Пармским возникли, таким образом, новые затруднения. У него еще далеко не хватало судов ни для моста, ни для его защиты, а форт Телиньи заграждал путь, по которому прибыли первые корабли. Пока длился осмотр местности, с целью найти новый путь для кораблей, герцогу вдруг пришла в голову мысль, которая не только выводила его из нынешнего затруднения, но и сразу могла бы привести к желаемой цели. Недалеко от деревни Стекен в земле Вэс, лежащей в пяти тысячах шагах от затопленных земель, течет речонка Мэр, впадающая в Шельду возле Гента. Герцог прорыл канал, соединяющий эту речку с затопленным пространством, а так как вода не везде была достаточно высока, то канал между Беверном и Феребреком был продолжен до Каллоо, где он впадал в Шельду. Здесь работали без перерыва шестьсот землекопов, и герцог для ободрения солдат принял в работе личное участие. Он последовал в данном случае примеру двух знаменитых римлян, Друза и Корбулона, которые по-

* Meteren. 481. Strada. 564.

добным же образом соединили Рейн с Зюдерзее, а Маас — с Рейном.

Этот канал, названный армией в честь его творца Пармским, простирался на четырнадцать тысяч шагов в длину и был достаточно глубок и широк, чтобы нести весьма грузные суда. Герцог предоставил гентским судам не только безопасный, но и значительно более короткий путь к испанским лагерям; теперь им не нужно было следовать многочисленным изгибам Шельды; возле Гента они вступали прямо в Мэр, а оттуда плыли каналом до Каллоо через затопленную страну, начиная от Стекена. Так как в Гент стекались изделия всей Фландрии, то канал этот связывал испанский лагерь и со всей провинцией. Припасы отовсюду притекали в изобилии, и в них не чувствовалось недостатка в течение всей осады. Но главною выгодой, которую герцог извлек из этого дела, был достаточный запас плоскодонных судов, что давало ему возможность докончить постройку своего моста *.

В это время наступила зима, и постройка моста затихла на довольно долгое время, так как Шельда покрылась льдом. Герцог с тревогой ждал этого времени года, которое могло принести начатому делу немало вреда, создавая благоприятные условия для нападения неприятеля. Но искусство строителей избавило его от одной опасности, а непоследовательность врагов — спасла от другой. Правда, при морском приливе большие льдины не раз вламывались в эстакаду и грозно потрясали балки, но сооружение устояло: напор дикой стихии лишь доказал его крепость.

А в Антверпене теряли драгоценное время в бесплодных рассуждениях и забывали общее благо в борьбе партий. Здесь правление было распределено между слишком большим множеством лиц, и в нем было предоставлено слишком большое участие беспокойной толпе, для того чтобы можно было спокойно обсуждать, осмотрительно выбирать средства и приходить к твердым решениям. Помимо магистрата, где бургомистру принадлежал один только голос, существовала

* Strada. 565.

еще масса корпораций, которые заведовали внешней и внутренней безопасностью, снабжением города припасами, укреплением его, корабельным делом, торговлей и так далее; и все они имели голос во всяком важном совещании. Народ приобрел опасное влияние на общественные дела благодаря толпе крикунов, которые, когда им было угодно, врывались на собрания магистрата и своим многолюдством и криком добивались того, чего нельзя было провести путем убеждений; таким образом, принятие разных спасительных мер затруднялось борьбой противоположных интересов. Столь шаткое и бессильное правительство не могло завоевать уважения у строптивного народа моряков и высокомерной военщины. Оттого и требования власти выполнялись плохо, и благоприятное время бывало упущено вследствие небрежности или даже открытого бунта войск и матросов*.

Впрочем, разногласия в выборе средств для сопротивления врагу не были бы столь вредны, если бы господствовало полное единомыслие относительно самой цели. Но именно тут-то состоятельные граждане и простой народ распадались на две противные партии. Первые не без основания больше всего опасались крайностей и потому были весьма склонны вступить в переговоры с герцогом Пармским. Они скрывали свои мысли лишь до тех пор, пока форт Лифкенсхук не попал в руки неприятеля, что вызывало серьезные опасения за плавание по Шельде. Некоторые из них даже вовсе удалились, покидая на произвол судьбы город, в котором они наслаждались счастьем, но с которым не хотели делить несчастья. Остальные представители этого класса, человек шестьдесят — семьдесят, подали в магистрат прошение, где было выражено желание вступить в переговоры с королем. Но как только это стало известно, народ пришел в такую ярость, что его едва успокоили, подвергнув челобитчиков аресту и штрафу. Он затих окончательно только тогда, когда был издан указ, грозивший смертной казнью за всякую тайную или явную попытку заключить мир**.

* Meteren, 484. Thuan. II. 529. Grot. 88.

** Meteren. 485.

Все эти волнения не ускользнули от внимания герцога Пармского, у которого были тайные связи и соглашения в Антверпене, как и в остальных городах Брабанта и Фландрии, и он не преминул воспользоваться происходящим. Правда, он уже подвинул свое дело настолько, что вызвал в городе страх, но для овладения Антверпеном оставалось сделать еще многое, а одно несчастное мгновение могло уничтожить труд многих месяцев. Поэтому, не прерывая военных действий, он еще раз попытался добиться цели мирным путем. В ноябре того же года он отправил большому совету в Антверпен послание, где употребил все ухищрения, чтобы или склонить граждан к сдаче города, или хоть разжечь между ними рознь. В своем послании он говорил, что смотрит на них как на *соблазненных* и всю вину за их отпадения и сопротивления возлагает на злокозненный дух принца Оранского, от которого недавно освободило их правосудие божье. Теперь же, думается, дело их — очнуться от долгого ослепления и возвратиться к королю, готовому на примирение. Для этого, продолжал герцог, он с радостью предложит себя в качестве посредника; ведь он никогда не переставал любить страну, где родился сам и где провел самую счастливую пору своей юности. Поэтому он предлагал антверпенцам прислать уполномоченных, с которыми мог бы начать переговоры о мире. Он подавал надежду на самые легкие условия, если антверпенцы во-время одумаются, но грозил беспощадной строгостью, если они доведут его до крайности.

Отрадно видеть, что послание это было написано иным языком, чем тот, которым десять лет тому назад говорил в подобных случаях герцог Альба. И город отвечал на него почтительно и скромно; однако, отдавая полную справедливость личным качествам герцога и благодаря его за благорасположение, горожане жаловались на суровые условия времени, которые не позволяют герцогу поступать сообразно с его характером и его желаниями. Город был бы готов с радостью отдать свою судьбу в *его* руки, если бы герцог был свободен в своих действиях, а не служил чужой воле, которую сам он, по чести, не сможет назвать доброй. Слишком

хорошо известны и непреклонное решение короля Испании и данный им папе обет,— тут у антверпенцев нет никаких надежд. При этом они с благородным пылом защищали память своего благодетеля и спасителя, принца Оранского, перечисляя истинные причины печальной войны, которые привели провинции к отпадению от испанской короны. Наконец, антверпенцы не скрывали, что именно теперь у них возникла надежда найти во французском короле нового и более милостивого владыку: уже по этой причине они не могут входить в соглашение с испанским монархом, не навлекая на себя обвинения в самом преступном легкомыслии и неблагодарности *.

И вот соединенные провинции, внавшие в малодушие из-за ряда несчастий, решились, наконец, вступить в подданство Франции и ценой независимости спасти свое существование и свои старинные привилегии. С этой целью незадолго до того было отправлено посольство в Париж, и надежда на мощную поддержку Франции укрепляла мужество антверпенцев. Король французский Генрих III лично был готов воспользоваться этим предложением, но ему пришлось поневоле отказаться вследствие волнений в собственном королевстве, возбужденных кознями испанцев. Тогда нидерландцы обратились со своей просьбой к королеве английской Елизавете, которая действительно помогла им; но слишком поздно для спасения Антверпена. Пока антверпенцы ожидали результатов этих переговоров и искали чужой помощи вдали, они упустили из виду самые естественные и близкие средства к спасению и потеряли всю зиму, которою с тем большим успехом воспользовался неприятель **.

Правда, бургомистр Антверпена, Сент-Альдегонде, не раз настаивал, чтобы зelandский флот напал на орудия неприятеля, причем его поддержал бы Антверпен. Этой попытке благоприятствовали долгие, нередко ненастные ночи; а если бы в то же время гарни-

* Thuan. II. 530. 531. Meteren. 485. 486.

** Meteren. 488 и след. A. G. d. v. N., III. 476—491. Grot. 89.

зон в Лилло сделал вылазку, то враг вряд ли устоял бы против такого тройного нападения. Но, к несчастью, между командующим флотом Вильгельмом Блуа Трелонгом и зеландским адмиралтейством возникли недоразумения, вследствие которых снаряжение флота затянулось самым непостижимым образом. Чтобы ускорить его, Телиньи отправился, наконец, сам в Мидделбург, где собрались штаты Зеландии; но так как все пути были заняты неприятелем, то попытка эта стоила ему свободы, а с ним республика потеряла самого храброго своего защитника. Но все время находились предприимчивые моряки, которые, пользуясь ночью и наступающим приливом, пробивались, несмотря на огонь неприятеля, сквозь еще не сомкнувшийся мост, сгружали в городе провиант и возвращались с отливом. Но много таких судов попадало в руки неприятеля; поэтому и последовал приказ магистра впредь только определенному количеству судов пускаться в столь отважные предприятия. И тут все приостановилось, так как положенного числа не набиралось никогда. Случалось, что и из Антверпена совершались довольно неудачные нападения на испанские суда: одни из этих судов были захвачены, другие потоплены; следовало возобновлять такие попытки в более крупных масштабах, но как ни ратовал тогда за это Сент-Альдегонде, не нашлось ни одного моряка, который пошел бы на такое дело *.

В таких нерешительных действиях прошла зима. А как только лед исчез, осаждающие тотчас же самым ревностным образом взялись за постройку моста на судах. Между обеими эстакадами оставалось еще расстояние более чем в шестьсот шагов, которое заполнили следующим образом: взяли тридцать две плайты (плоскодонные суда), каждая шестидесяти шести футов длины и двадцати футов ширины, и связали их спереди и сзади крепкими канатами и железными цепями, но так, что между ними оставалось до двадцати футов пустого пространства, где свободно протекала река. Сверх того, каждую плайту прикрепили двумя якорными тросами вверх и вниз по течению; по мере под-

* Strada. 564. Meteren. 484. Reidan. Annal. 69.

нятия воды при приливе или ее падения при отливе тросы эти можно было отпускать или натягивать. На суда были наложены друг подле друга большие мачтовые бревна, покрытые настилом, который образовал прямую дорогу, обрамленную перилами, как и на эстакадах. Этот мост на судах, вместе с эстакадами, составлявшими его продолжение, имел две тысячи четыреста шагов длины. И это страшное сооружение было так искусно сложено, так щедро снабжено орудиями смерти, что могло, словно живое существо, само себя защищать, изрыгая по команде пламя, истребляя все, что к нему приближалось. Помимо двух фортов, св. Марии и св. Филиппа, замыкавших мост с обоих берегов, помимо двух деревянных бастионов на самом мосту, полных солдатами и снабженных орудиями по всем четырем углам, на каждом из тридцати двух судов находилось тридцать солдат и четыре матроса для прикрытия, и каждое судно глядело на врага жерлом пушки, независимо, шел ли он вверх из Зеландии, или вниз от Антверпена. Всего было девяносто семь орудий, расположенных и на мосту и под ним, и более тысячи пятисот человек, занимавших частью бастионы, частью суда и готовых в случае необходимости вести убийственный мушкетный огонь против неприятеля.

Но и всего этого герцог не считал достаточным для защиты сооружения ото всех случайностей. Следовало ожидать, что неприятель пустит в ход все, чтобы разбить среднюю, слабейшую часть моста; чтобы предотвратить это, герцог соорудил на судах вдоль моста и на некотором расстоянии от него еще одно приспособление, о которое должна была разбиться сила, направленная против самого моста. То были тридцать три барки значительной величины, поставленные в одну линию поперек реки и соединенные мачтами по три, так что они составляли одиннадцать групп. С каждой из них, как из отряда копейщиков, торчало, в горизонтальном положении, по четырнадцати длинных деревянных шестов, железные наконечники которых приняли бы приближающегося врага. Эти барки были наполнены обыкновенным балластом; каждая из них держалась на двойных якорных канатах, которые, впрочем, не были

натянуты ввиду подъема воды; поэтому суда эти находились в постоянном движении и звались *плавунами*. Как весь мост, так и часть эстакад были прикрыты этими плавунами, поставленными и выше и ниже моста. Ко всем этим оборонительным приспособлениям нужно прибавить еще сорок военных кораблей, которые стояли у обоих берегов и служили прикрытием для всего сооружения *.

Эта изумительная работа была завершена в марте 1585 года, на седьмом месяце осады, и день, когда она была окончена, был праздником для войска. О великом событии осажденному городу было возведено криками дикой радости; и армия, словно желая наглядно убедиться в своем торжестве, рассыпалась вдоль всего сооружения, чтобы увидеть, как мирно и послушно течет у ее ног гордая река, на которую ныне было наложено ярмо. В эту минуту был забыт бесконечный ряд перенесенных мучений, и среди работавших над этим сооружением не было столь презренного и мелкого человека, который не ощущал бы себя носителем частицы той славы, которая принадлежала великому творцу целого. С другой стороны, ничто не могло сравниться с смущением, овладевшим гражданами Антверпена, когда они узнали, что Шельда теперь действительно заперта и всякий подвоз из Зеландии отрезан. Их ужас возрос еще более, когда одновременно пришла весть о падении Брюсселя, который был принужден, наконец, сдаться вследствие голода. В те же самые дни потерпела неудачу попытка графа Гогенлоэ, который хотел либо взять Герцогенбуш, либо хоть отвлечь сюда внимание неприятеля. Так Антверпен разом утратил всякую надежду на подвоз припасов как с суши, так и с моря **.

Эти печальные вести распространились в городе через нескольких беглецов, прокрававшихся через передовые посты испанцев, а один разведчик, высланный бургомистром для осмотра неприятельских работ, еще более увеличил всеобщее смущение своими рассказами.

* Strada. Dec. II. L. VI. 566. 567. Meteren. 482. Thuan. III. L. LXXXIII. 45. Allgemeine Geschichte der vereinigten Niederlande. III. T. 497.

** Strada. 567—571. Meteren. 492. 494. Thuan. 44. 45.

Он был задержан и приведен к герцогу Пармскому, который приказал водить его повсюду, в особенности же показать ему все сооружения моста. Когда разведчик все осмотрел и снова был приведен к полководцу, тот отпустил его с такими словами: «Иди и расскажи по-славшим тебя обо всем виденном. Но заяви им при этом, что я твердо решился либо похоронить себя под развалинами моста, либо проникнуть по этому мосту в ваш город» *.

Но сознание опасности вдруг оживило рвение союзников, и не их вина, если первая половина клятвы герцога не исполнилась. Герцог уже давно с беспокойством смотрел на передвижения, происходившие в Зеландии для освобождения Антверпена. От него не укрылось, что именно оттуда может быть нанесен самый опасный удар и что все его сооружения мало помогут против соединенных сил зеландских и антверпенских флотов, если они обрушатся на него одновременно и при благоприятных обстоятельствах. Некоторое время его успокаивала медлительность зеландского адмирала, которую он всячески старался поддержать. Теперь же настоятельная нужда сразу привела союзников в боевую готовность: штаты, не дожидаясь больше адмирала, послали из Мидделбурга на помощь осажденным графа Юстина Нассауского с тем количеством судов, какое удалось собрать. Этот флот появился перед фортом Лифкенсхуком, который был в руках неприятеля, и, поддержанный несколькими судами из лежащего напротив форта Лилло, начал обстреливать Лифкенсхук с таким успехом, что валы вскоре развалились и были взяты штурмом.

Стоявшие там гарнизоном валлонцы не выказали той твердости, какой можно было ожидать от солдат герцога Пармского: они позорно сдали крепость врагу, который вскоре овладел всем островом Дель со всеми его укреплениями. Утрата этих пунктов, которые, впрочем, вскоре были вновь завоеваны, так поразила герцога Пармского, что он отдал начальников под суд и велел обезглавить наиболее виновного из них. Между

* Strada. 568

тем этот значительный успех открыл зеландцам свободный проход к самому мосту, и пришло время, сговорившись с антверпенцами, нанести решительный удар этому сооружению. Решили так: пока уже изготовленные в Антверпене машины будут громить мост на судах, зеландский флот с достаточным количеством припасов будет стоять поблизости, чтобы тотчас же плыть к городу через образовавшийся проход *.

Ибо еще до того, как герцог Пармский закончил постройку своего моста, в стенах Антверпена один инженер уже начал работать над его разрушением. Этого человека звали Фридрихом Джанибелли. Судьба назначила ему быть Архимедом Антверпена и растратить на его защиту столько же искусства и столь же напрасно. Он родился в Мантуе и сначала отправился в Мадрид, чтобы, как говорят, предложить свои услуги королю Филиппу в войне с Нидерландами. Но ему надоело долгое ожидание — и оскорбленный мастер покинул двор, решившись дать почувствовать испанскому монарху все значение своих услуг, которые тот не сумел оценить. Джанибелли предложил свои услуги открытому врагу Испании — английской королеве Елизавете, которая, испытав его искусство, послала его в Антверпен. Здесь он поселился и отдал осажденному городу все свои знания и самое пылкое рвение **.

Как только Джанибелли узнал, что постройка моста грозит опасностью и уже близится к концу, он попросил у магистрата три больших корабля — от ста пятидесяти до пятисот тонн, — намереваясь заложить в них мины. Кроме того, он потребовал шестьдесят плайт, чтобы связать их друг с другом канатами и цепями, снабдить выдающимися вперед острыми баграми и пустить с началом отлива: они должны были, довершая действия минных судов, клином врезаться в мост. Но Джанибелли обратился к людям, совершенно неспособным понять необычную мысль и оставшимся торгашами даже там, где дело шло о спасении отечества. Его предложение нашли слишком дорогим: с трудом получил он лишь

* Strada. 573. 574. Meteren. 495.

** Meteren. 495. Strada. 574.

два небольшие судна — в семьдесят — восемьдесят тонн — да несколько плит.

Этими двумя судами, которые он назвал: одно — «Счастьем», другое — «Надеждой», Джанибелли распорядился так. На дне их он велел выложить из каменных плит пустые ящики в пять футов ширины, три с половиной вышины и сорок — длины. Эти ящики он наполнил шестьюдесятью центнерами мельчайшего пороха собственного изобретения, который покрыл большими плитами и жерновами, насколько суда могли вынести их вес. Над ними были возведены еще острые крыши из таких же камней, которые возвышались над бортами на шесть футов. Крыши были набиты железными цепями и острыми баграми, металлическими и мраморными ядрами, гвоздями, ножами и другими орудиями разрушения. Та часть судов, которая не была занята ящиками, была наполнена камнями. Сверху все было покрыто досками. В ящиках было проделано множество маленьких отверстий для фитилей, которыми предполагалось поджечь мины. В довершение всего в них были поставлены часовые механизмы, которые должны были, по истечении известного срока, дать искру и зажечь корабль, даже если бы фитили не стали действовать. Чтобы убедить неприятеля, будто эти машины предназначены лишь для поджога моста, наверху пристроили зажигательный снаряд из серы и смолы, который мог гореть в течение целого часа. Мало того, чтобы еще более отвлечь внимание неприятеля от подлинной опасности, Джанибелли снарядил еще тридцать два шюйта (маленькие плоскодонные суда), на которых просто горели огни; их назначением было обмануть врага. Эти брандеры, разделенные на четыре отряда, должны были нестись к мосту вниз по реке, друг за другом, через каждые полчаса, чтобы целых два часа держать неприятеля в непрерывном напряжении: предполагалось, что противник истощит свои заряды, устанет от долгого ожидания и станет невнимательным к тому времени, когда подойдут настоящие вулканы. Наконец, предполагалось пустить вперед еще несколько судов, в которых был спрятан порох, чтобы взорвать плавучие батареи перед мостом и тем проложить дорогу главным

кораблям. Этим форпостным боем он надеялся также занять врага и отвлечь его, чтобы на него успела обрушиться вся убийственная сила вулкана *.

Для выполнения этого большого дела была назначена ночь с 4 на 5 апреля. В испанском лагере уже распространился глухой слух о предстоящем, особенно потому, что было захвачено много водолазов из Антверпена, намеревавшихся обрезать якорные канаты у кораблей. Испанцы поэтому приготовились к серьезному нападению, только ошибались насчет истинного свойства опасности: они больше рассчитывали бороться с людьми, чем со стихиями. Поэтому герцог удвоил стражу по всему берегу и стянул лучшую часть своих войск к мосту, куда явился и сам; чем ближе была опасность, тем тщательнее старался он избежать ее. Как только стемнело, стало видно, как из города несутся три пылающих судна, за ними еще и еще три. В испанском лагере людей призывают к оружию, и мост во всю длину покрывается воинами. А брандеров становится все больше, и они несутся вниз по течению по два, по три, в определенном порядке: вначале ими управляли еще моряки. По небрежности или умышленно, но адмирал антверпенского флота, Яков Якобсон, сделал промах: он пустил все четыре отряда судов слишком быстро один за другим, а за ними тотчас и оба большие корабля с минами, что разрушило весь порядок.

Флотилии все приближались, и в ночной темноте они принимали особенно необычный вид. Вся река, насколько мог обнять взор, была в огне, и брандеры извергали такое пламя, словно они горели сами. Поверхность воды отливала ярким отблеском, и отсвет зарева лег на плотины, береговые бастионы, знамена, оружие и все снаряжение солдат, стоявших в полном сборе и на берегу и на мосту. С смешанным чувством ужаса и восхищения взирали воины на чудное зрелище, походившее скорей на празднество, чем на враждебное нападение; но именно это странное противоречие между внешним явлением и внутренним настроением наполняло сердца удивительным трепетом. Когда пылающий

* Thuan. III. 46. Strada. 574. 575. Meteren. 596.

флот приблизился на две тысячи шагов к мосту, моряки запалили фитили, направили оба миноносные судна в самую середину реки и предоставили их капризу волн, а сами проворно отчалили назад в заготовленных лодках*.

Тут флотилия смешалась: не руководимые моряками суда приплывали к плавунам в одиночку и либо застревали там, либо отходили в сторону, к берегу. Передовые суда с порохом, которые должны были зажечь плавуну, были отнесены к фландрскому берегу порывом внезапно поднявшегося ветра; даже один из вулканов, а именно «Счастье», сел на мель, не достигнув моста, и при взрыве убил только несколько испанских солдат, работавших на ближайших укреплениях. Такая же судьба чуть не постигла другой, самый большой брандер «Надежда». Течение отнесло его к плавунам возле фландрского берега, где он и застрял; если бы он взорвался тотчас же — его главное действие пропало бы даром. Он испускал пламя подобно остальным судам, и его приняли за обыкновенный брандер, предназначенный для поджога моста. А так как брандеры погасли один за другим без последствий, то неприятель, наконец, ободрился: начали даже подсмеиваться над хвастливым замыслом врага, окончившимся столь смехотворно. Несколько смельчаков даже бросились в реку, чтобы посмотреть на брандер вблизи и погасить его, как вдруг «Надежда», прорвавшись собственной тяжестью, разнесла плавуну и с страшною силою понеслась на понтонный мост. Все пришло в движение. Герцог призывает матросов отталкивать машину шестью и тушить пламя, пока оно не коснулось балок.

В эту опасную минуту полководец стоял на краю левой эстакады, где та образует бастион и переходит в понтонный мост. Подле него находились: кавалерийский генерал и губернатор провинции Артуа, маркграф Рюисбург, который служил прежде штатам, а потом превратился из защитника республики в злейшего ее врага; губернатор Фрисландии и начальник немецких полков барон Билли; генералы Каэтан и Гвасто и много

* Strada. 576

именитейших офицеров. Все они забыли о личной опасности и были поглощены желанием отвести общую беду. Тут к герцогу Пармскому подошел один испанский офицер, уговаривая его удалиться с места, где его жизни грозила явная опасность. Он настаивал тем упорнее, чем менее обращал на него внимания герцог, и, наконец, пал перед ним на колени, умоляя лишь на этот раз принять совет своего подчиненного. В то же время он схватил полководца за одежду, словно желая увести его силой. Скорее пораженный смелостью этого человека, чем сдаваясь на его доводы, герцог сошел, наконец, на берег в сопровождении Каэтана и Гвасто. Не успел он добраться до форта св. Марии на краю моста, как позади раздался грохот, словно лопнула сама земля и рассыпался свод небесный. Герцог пал замертво, а за ним и вся армия; прошло много времени, пока все опомнились.

Что за зрелище предстало перед ними! От взрыва вулкана Шельда расступилась до дна и бросилась потоком вышиной со стену через плотину, так что все укрепления на берегу были затоплены водой на много футов. Земля дрожала на три мили в окружности. Почти вся левая часть эстакады, на которую налетела «Надежда», была разнесена, превращена в щепки, вместе с частью понтонного моста, и было взорвано на воздух все, что на нем было — бревна, пушки, люди. Даже громадные камни, покрывавшие мину, были отнесены силой вулкана на соседние поля, где их потом откапывали из земли за тысячу шагов от моста. Шесть судов были сожжены, многие были разбиты в щепы. Но ужаснее всего было опустошение, произведенное убийственной машиной среди испанской армии. Пятьсот, а по другим известиям даже восемьсот человек пали жертвой ее ярости, не считая тех, которые отделались увечьями. В это ужасное мгновение свирепствовали все роды смерти. Кто был испепелен молнией вулкана или сожжен кипятком реки, кто задохся от ядовитых серных паров; одни были погребены в волнах, другие под градом летевших камней; многие были сметены ядрами, сыпавшимися из чрева машины. Некоторых нашли мертвыми без всяких повреждений: их убило одно сотрясение воз-

духа. Ужасно было зрелище тотчас после взрыва мины. Там люди застряли между мостовыми сваями, здесь они барахтались под каменными глыбами, а иные повисли в снастях судов. Отовсюду раздавались раздирающие душу крики о помощи. Но им отвечали лишь немощные стоны: всякому хватало своих забот.

Многие из уцелевших приписывали свое спасение чуду. Вихрь поднял одного офицера, Туччи, на воздух, как перышко, подержал его на высоте и бережно опустил в реку, где несчастный спасся вплавь. Другого взрыв застал на фландрском берегу, — и очутился он на брабантском берегу с легким повреждением плеча; потом он рассказывал, что во время этого воздушного путешествия ему казалось, будто им выстрелили из пушки. Сам герцог Пармский никогда еще не был так близок к смерти: дело шло о мгновении. Не успел он ступить в форт св. Марии, как его словно поднял вихрь, одна балка задела его по голове и плечу — и он упал без чувств. Одно время считали его погибшим: многие помнили, что видели его на мосту за несколько минут до убийственного взрыва. Наконец, нашли его между его спутниками, Каэтаном и Гвасто, подымающегося, с мечом в руке, и все войско ожило при этом известии.

Но тщетно было бы пытаться изобразить его чувства, когда он, наконец, увидел урон, нанесенный одним мгновением делу стольких месяцев. Разрушен мост, на котором покоились все его надежды; большая часть его войска истреблена, а многие искалечены и надолго негодны к службе; множество лучших офицеров убито. И, в довершение всех этих бедствий, ему пришлось услышать, что не могут найти маркграфа Рюисбурга, которого он ценил выше всех своих офицеров. А самое худшее было еще впереди: ежеминутно следовало ожидать из Антверпена и Лилло вражеских флотов, которые не встретили бы решительно никакого сопротивления при столь ужасном состоянии испанского войска. Ведь мост был разнесен — и ничто не мешало зеландским кораблям приплыть на всех парусах. К тому же в эти первые минуты смятение войска было настолько сильным и всеобщим, что не было возможности ни отдавать приказания, ни исполнять их: многим отрядам не

хватало начальников, а начальникам — отрядов; среди всеобщих развалин едва можно было даже признать посты, где ранее стояли эти отряды. И, наконец, все окопы на берегу были затоплены; много пушек потонуло, фитили подмокли; запасы пороха были испорчены водой. Какая счастливая минута для неприятеля, если бы только он умел воспользоваться ею! *

Трудно поверить историку, что этот превзошедший всякие ожидания успех пропал для Антверпена даром только потому, что... там не знали о нем! Правда, как только в городе услышали грохот вулкана, Сент-Альдегонде тотчас же выслал к мосту много галер, приказав им пускать ракеты и пылающие стрелы, как только они счастливо минуют его, и затем плыть с этим известием дальше, прямо к Лилло, чтобы немедленно двинуть вперед зеландский вспомогательный флот. Антверпенскому адмиралу велели, по этому знаку, тотчас выходить со своими судами и атаковать врага, используя первое смятение. Но хотя высланным на разведку морякам была обещана значительная награда, они не осмелились приблизиться к неприятелю и возвратились ни с чем, возвещая, что понтонный мост не тронут и брандер не оказал действия. Даже и на следующий день не предприняли ничего, чтобы узнать истинное состояние моста. А так как флот в Лилло видел, что, несмотря на попутный ветер, ничего не происходит, то убеждение в неудаче брандера еще окрепло. Никому не пришло в голову, что именно это бездействие союзников, вводившее в заблуждение антверпенцев, удерживало в Лилло и зеландцев, как оно и было на самом деле. Столь чудовищную оплошность могло сделать только правительство, лишенное всякого значения и самостоятельности, ищущее советов у толпы, над которою оно должно было бы господствовать. Чем бездейственнее были в отношении врага, тем более ярились против Джапибелли, которого неистовая чернь хотела разорвать в клочки. Два дня жизнь этого мастера подвергалась самой непосредственной опасности, пока, наконец,

* Strada, 577 sq. Meteren. 497. Thuan. III. 57. Allg Geschichte der vereinigten Nederl. III. 497.

на третье утро, не прибыл вестник из Лилло, проплывший мимо моста: он объявил о разрушении моста, но также и о полном его восстановлении*.

Столь быстрое исправление моста было истинно чудесным подвигом герцога Пармского. Не успел он оправиться от удара, погубившего, казалось, все его замыслы, как с изумительным присутствием духа принялся за устранение беды. Отсутствие неприятельского флота в столь решительную минуту вновь оживило его надежды. Плохое состояние его моста, казалось, еще не было известно врагам, и если не было возможности восстановить в несколько часов дело многих месяцев, то уже много значило, если бы удалось показать вид, что это сделано. И все должны были взяться за работу — убирать обломки, поднимать упавшие балки, заменять разбитые новыми, заполнять пустые места судами. Герцог трудился сам, и его примеру следовали все офицеры. Возбужденные этим рядовые не щадили своих сил: проработали всю ночь, под непрерывный гул труб и барабанов по всему мосту, заглушавший шум работ. С рассветом уже мало было видно следов ночного опустошения, и хотя мост был восстановлен лишь по виду, однако разведчики были введены в заблуждение, и нападения не последовало. А герцог выиграл время, чтобы сделать основательные исправления и даже внести существенные изменения в устройство моста. Чтобы избежать впредь такой беды, часть понтонного моста сделали подвижною, так что, в случае необходимости, можно было убрать ее и пропустить брандеры. Людской урон был возмещен гарнизонами соседних укреплений и немецким полком, который как раз кстати прибыл из Гелдерна. Выбывшие из строя офицеры были заменены новыми, причем не был забыт испанский прапорщик, спасший жизнь полководцу**.

Узнав об успехе миноносителя, автверпенцы начали превозносить его изобретателя с такою же страстью, с какою оскорбляли его перед тем; и требовали от его гения новых попыток. Джанибелли теперь действи-

* Meteren. 496.

** Strada. 581 sq.

тельно получил то число плайт, которое тщетно требовал вначале, и так снарядил их, что они обрушились на мост с непреодолимой силой и разрушили его вторично. Но и на этот раз зеландский флот не мог выйти вследствие противного ветра, и герцогу опять дано было время для исправления нанесенного ущерба. Однако все эти неудачи не смутили антверпенского Архимеда. Он снова снарядил два больших корабля с острыми баграми и тому подобными орудиями, чтобы пробиться через мост силой. Но когда настало время отпустить их, никто не захотел управлять ими. Изобретателю пришлось сделать так, чтобы его машины сами, без кормчих, держались середины реки, а не заносились ветром к берегу, как прежние. Тут, если верить Страде *, один из рабочих, немец, совершил чудесное открытие. Он приладил под кораблем парус, который вода надувала точно так же, как ветер надувает обыкновенный парус: таким образом, корабль мог нестись со всей быстротой течения. Успех доказал правильность расчета; корабль с подводным парусом не только строго держался середины реки, но и с такой силой обрушился на мост, что неприятель не успел даже развести его — и мост был снова уничтожен. Но все эти удачи не приносили пользы городу, так как все делалось нерасчетливо и без последующей сильной поддержки. Даже не был пущен в дело новый миноноситель, построенный Джанибелли по образцу первого, так хорошо сделавшего свое дело, и наполненный четырьмя тысячами фунтов пороха, так как антверпенцы к тому времени уже надумали искать спасения на других путях **.

Их отпугнули неудачные попытки добиться силой свободного плавания по реке, и они решили совсем оставить ее. Припомнили пример Лейдена во время осады его испанцами десять лет тому назад: этот город спасло своевременное затопление окрестностей, которому и вздумали подражать антверпенцы. Между Лилло и Стабруком, в Бергенской земле, расстилается большая равнина, слегка наклонная к Антверпену;

* Dec. II. VI. 586.

** Meteren. 497.

плотины и контрплотины охраняли ее от напора воды из Восточной Шельды. Стоило скрыть эти плотины — вся долина превращалась в море, так что плоскодонные суда могли бы доходить почти до самых стен Антверпена. Если б это удалось, тогда пусть бы себе герцог Пармский владел Шельдой с помощью своих понтонных мостов, а у антверпенцев была бы своя новая река, которая в случае необходимости оказала бы им те же услуги. Именно это и советовал принц Оранский в самом начале осады, а Сент-Альдегонде всячески старался привести этот план в исполнение, но безуспешно: некоторых граждан никак нельзя было заставить пожертвовать своими полями. К этому-то последнему средству спасения возвратились при нынешнем тяжелом положении, но обстоятельства тем временем сильно изменились.

Эта равнина была перерезана широкой и высокой плотинной, названной Ковенштейнской по имени соседнего замка, которая тянулась на три мили от села Стабрука в Бергенской земле до Шельды, где с нею соединялась большая плотина близ Ордам. Через эту плотину не могло пройти ни одно судно даже при самом высоком приливе; нечего было и думать затопить водою моря равнину, пока на пути стояла такая преграда, мешавшая зеландским судам спускаться в окрестности Антверпена. Стало быть, судьба города зависела от уничтожения или пролома Ковенштейнской плотины; но так как герцог Пармский предвидел это, то он захватил ее в самом начале осады и всеми силами защищал ее. Возле селения Стабрук стоял граф Мансфельд с большей частью армии и именно через Ковенштейнскую плотину поддерживал сношения с мостом, с главною квартирой и с испанскими складами в Каллоо. Таким образом, от Стабрука в Брабанте до Беверна во Фландрии армия составляла единую цепь, хотя и прорезанную Шельдой, но не прерванную, и без кровавого боя нельзя было ее разорвать. На самой плотине, на определенном расстоянии друг от друга, возвышалось пять батарей, которыми командовали храбрейшие офицеры армии. Мало того, убежденный в том, что теперь вся ярость войны сосредоточится здесь, герцог Пармский передал графу Мансфельду охрану моста, а сам

решился лично защищать этот важный пост. Таким образом, теперь начиналась совсем другая война и на другом поприще*.

Нидерландцы пробили плотину, идущую вдоль брабантского берега Шельды, во многих местах выше и ниже Лилло, и там, где недавно еще зеленели луга, появилась теперь новая стихия, засновали суда, поднялись мачты. Зеландский флот, под командой графа Гогенлоэ, плавал по затопленным полям и нередко маневрировал возле Ковенштейнской плотины, впрочем не атакуя ее основательно. В то же время другая флотилия показалась на Шельде, угрожая то высадкой на том или другом берегу, то штурмом моста. В течение многих дней вели такую игру с врагом в надежде, что он утомится, не зная, откуда последует нападение, и постепенно успокоится, привыкнув к грозящей опасности. Антверпенцы обещали графу Гогенлоэ поддержать нападение на плотину флотилией из города; три огневых сигнала на главной башне дадут знать, что флотилия вышла. Однажды в темную ночь ожидаемые сигналы действительно поднялись над Антверпеном — и граф Гогенлоэ тотчас же велел пятистам из своих солдат взобраться на плотину между двумя вражескими редутами; испанские часовые были частью захвачены сонными, а там, где они взялись за оружие, их перебили. Вскоре нидерландцы утвердились на плотине и уже думали перевезти сюда остальной отряд — до двух тысяч человек, — как вдруг испанцы подняли тревогу в соседних редутах и, пользуясь узостью плацдарма, произвели отчаянное нападение на спрудившегося неприятеля. В то же время с ближайших батарей был открыт артиллерийский огонь против приближающегося флота, мешавший высадке остальных войск, из города же никто не двигался на помощь. Зеландцы были побеждены после короткого боя и выбиты с завоеванной плотины. Победоносные испанцы гнались за ними по воде до самых кораблей, потопили много их судов, а остальные заставили уйти с большим уроном. Граф Гогенлоэ сваливал вину за это поражение на

* Strada. 582. Thuan. III. 48.

жителей Антверпена, обманувших его ложным сигналом, но причина неудачи лежала, разумеется, лишь в несогласованности действий союзников*.

Но, наконец, было решено покончить с осадой согласованным нападением на врага соединенными силами и общим штурмом как плотины, так и моста. Для этого было назначено 16 мая 1585 года, и с обеих сторон было сделано все, чтобы день стал решающим. Голландцы вместе с антверпенцами собрали более двухсот судов и для того, чтобы дать им экипажи, лишили войск свои города и цитадели. С такими силами они решили штурмовать Ковенштейнскую плотину с двух противоположных сторон. В то же время должно было быть произведено нападение на мост через Шельду, с помощью новых машин, изобретенных Джанибелли: это должно было помешать герцогу Пармскому идти на помощь защитникам плотины.

Александр, осведомленный об угрожающей опасности, с своей стороны, был готов на все, чтобы встретить ее стойко. Тотчас по завоевании плотины он возвел на ней редуты в пяти местах и передал начальство над ними самым опытным офицерам своей армии. Первый из редутов, названный Крестовым, стоял там, где Ковенштейнская плотина спускается к большому шельдскому валу, скрепиваясь с ним; здесь командиром был испанец Мондрагон. На тысячу шагов дальше, близ замка Ковенштейна, возвышался редут св. Якова, над которым начальствовал Камилло Монте. Еще дальше, на том же расстоянии, следовал редут св. Георгия, а еще за тысячу шагов от него, под командой Гамбоа, находился Свайный редут, действительно утвержденный на сваях. Пятый бастион находился на конце плотины, неподалеку от Стабрука: здесь командовали граф Мансфельд и итальянец Капицукки. Все эти форты герцог снабдил свежей артиллерией и войсками. Сверх того, он велел вбить сваи по обеим сторонам плотины, во всю ее длину, отчасти с целью сделать вал еще прочнее, отчасти для того, чтобы затруднить работу землекопов, которые вздумали бы пробить его**.

* Strada. 583. Meteren. 498.

** Strada. 584. Meteren, 498.

16 мая, рано утром, неприятель пришел в движение. С рассветом, по затопленной земле, приплыли из Лилло четыре пылающих судна, и испанские часовые на плотине, вспомнив страшный вулкан, пришли в ужас и проворно бежали в ближайшие окопы. Этого-то и хотел неприятель. На кораблях, походивших на брандеры, были спрятаны солдаты, которые быстро высадились и счастливо взобрались на плотину в незащищенном месте, между редутами св. Георгия и Свайным. Вслед за тем показался весь зеландский флот — множество военных кораблей, провиантских судов и масса суденышек, нагруженных большими мешками с землей, шерстью, досками, корзинами и тому подобным, чтобы тотчас же возводить брустверы, где понадобится. Военные корабли несли на себе сильную артиллерию и многочисленные храбрые экипажи. Их сопровождало целое войско землекопов, чтобы прорывать плотину, как только ею овладеют*.

Не успели зеландцы начать наступление на плотину с одной стороны, как из Остервеля пришел антверпенский флот и напал на нее с другого конца. Быстро возвели высокий бруствер между двумя ближайшими редутами, чтоб разрезать врага пополам и прикрыть землекопов. А те сотнями бросились с обеих сторон на плотину и начали так усердно копать, что явилась надежда вскоре соединить оба моря. Между тем и у испанцев было время подойти с двух ближайших редутов и совершить мужественное нападение на врага, в то время как артиллерия редута св. Георгия непрерывно обстреливала неприятельский флот. Страшный бой закипел в том месте, где прорывали плотину и возводили бруствер. Зеландцы выставили сильный кордон вокруг землекопов, чтобы враг не мешал их работе. Среди боевого шума, под градом пуль, часто по грудь в воде, между мертвыми и умирающими, землекопы продолжали свою работу, подгоняемые купцами, которые с нетерпением ждали, когда, наконец, плотина будет прорвана и их суда окажутся в безопасности. Значение успеха, зависевшего только от их лопат, казалось, вселило героизм

* Strada. 582. 584.

даже в души этих простых поденщиков. Углубленные в свое дело, они не видели, не слышали окружавшей их со всех сторон смерти; падали передние ряды — их тотчас заменяли другие. Работу их сильно задерживали вбитые сваи, но еще больше — нападения испанцев, которые с мужеством отчаяния пробивались сквозь тучу врагов, пронзали землекопов в их ямах и трупами заполняли бреши, сделанные живыми людьми. Но вот испанские офицеры в большинстве были убиты или ранены, а число врагов росло беспрерывно, и все новые землекопы становились на место павших: тогда эти храбрые солдаты пали духом, они возвратились в свои окопы. Зеландцы и антверпенцы уже овладели всей той частью плотины, которая тянется от форта св. Георгия до Свайного редута. Но им показалось слишком долгим ожидание полного разрыва плотины: они проворно разгрузили одно зеландское судно с провиантом, который перенесли через плотину на антверпенский корабль, и граф Гогенлоэ с торжеством повез груз к Антверпену. Это зрелище тотчас же наполнило запуганный город самыми светлыми надеждами, и жители предались шумному ликованию, словно победа уже была одержана. Звонили во все колокола, палили из всех пушек, и возбужденные граждане нетерпеливо бросились к Остервеллерским воротам принять провиантские суда, которые должны были быть уже в пути*.

В самом деле, никогда еще счастье так не благоприятствовало осажденным, как в ту минуту. Испуганный и истощенный враг был отброшен в свои окопы; не думая о том, чтобы оспаривать у победителей завоеванные пункты, он скорей считал себя самого осажденным в своем убежище. Несколько рот шотландцев, под начальством храброго своего полковника Бальфура, бросились на редут св. Георгия, который удалось отстоять, хотя и с большим уроном, Камиллу Монте, подоспевшему из форта св. Якова. В гораздо худшем положении находился Свайный редут: под жестоким обстрелом с судов он ежеминутно грозил развалиться. Командовавший им Гамбоа лежал раненый, и, к

* Strada. 589. sq. Meteren. 498.

несчастьем, не хватало артиллерии, чтобы держать неприятельские суда на расстоянии. К тому же бруствер, возведенный зеландцами между редутами Свайным и св. Георгия, отрезал всякую помощь со стороны Шельды. Стало быть, стоило лишь воспользоваться изнеможением и вялостью врага, чтобы продолжать пролом плотины столь же ревностно и настойчиво, — и, несомненно в плотине был бы проделан проход, и это, пожалуй, завершило бы осаду. Но и здесь сказалось отсутствие последовательности, которое так мешало антверпенцам во все время осады. Рвение, с которым начали они работу, охладевало по мере успеха. Вскоре нашли слишком скучным и тяжелым делом прорывать плотину: сочли, что лучше перегружать провиант с больших судов в малые, которые хотели переправить в город во время прилива. Сент-Альдегонде и Гогенлоэ, вместо того чтобы поддерживать рвение рабочих личным присутствием, покинули место сражения в решительную минуту и отправились на хлебном судне в город, чтобы собирать хвалы своей мудрости и храбрости*.

Между тем как на плотине дрались с одинаковой страстью с обеих сторон, антверпенцы штурмовали мост на Шельде с помощью новых машин, чтобы отвлечь сюда внимание герцога. Но гром пушек с плотины скоро показал ему, что там происходит, и как только мост был освобожден, он лично поспешил туда на выручку. В сопровождении двухсот испанских копейщиков он быстро направился на место боя и прибыл вовремя, чтобы не допустить полного поражения своих войск. Герцог тотчас же поставил несколько прибывших с ним орудий в два ближайших редута и начал сильно обстреливать неприятельские суда. Сам он встал во главе своих солдат и, с мечом в одной руке, со щитом в другой, повел их против врага. Слух об его прибытии, быстро распространившийся по всей плотине, поднял дух его войск, — бой, особенно неблагоприятный из-за условий местности, возгорелся с новым пылом. На узком хребте плотины (во многих местах не больше

* Meteren. 498.

девяти шагов ширины) дрались около пяти тысяч бойцов; на столь малом пространстве сосредоточивалась вся сила обеих сторон и решался исход осады. Для антверпенцев дело шло о последнем оплоте их города, для испанцев — о всей судьбе их начинания, обе стороны дрались с мужеством отчаяния. С обоих концов плотины военный поток несся к середине ее, где зеландцы и антверпенцы господствовали и где была сосредоточена вся их сила. От Стабрука спешили итальянцы и испанцы, пылавшие духом благородного соревнования в храбрости; со стороны Шельды наступали валлонцы и испанцы, с их полководцем во главе. Одни стремились выволить Свайный редут, на который сильно напирал враг с суши и с моря; другие яростно бросились на бруствер, возведенный неприятелем между редутом св. Георгия и Свайным. Здесь за хорошо укрепленным валом дрался цвет нидерландского воинства, и этот важный пункт находился под прикрытием обоих флотов. Герцог уже был готов напасть на страшный бруствер с своим маленьким отрядом, как вдруг он узнал, что итальянцы и испанцы, под начальством Капицукки и Аквилы, пошли на штурм Свайного редута, овладели им и уже двинулись на вражеский бруствер. Итак, теперь перед этим бруствером соединились все силы обеих войск, и с обеих сторон готовы были идти на все, с одной стороны, чтобы взять, а с другой, — чтобы отстоять его. Нидерландцы соскакивали с своих кораблей на землю, чтобы не оставаться праздными зрителями боя. Александр штурмовал бруствер с одной стороны, граф Мансфельд — с другой; пять раз они нападали и пять раз были отбиты. В эту решительную минуту нидерландцы превзошли себя: во всю войну не дрались они так стойко. В особенности же шотландцы и англичане сводили на нет все усилия врага своим храбрым отпором. Никто уже не хотел идти туда, где дрались шотландцы: и герцог сам, с дротиком в руке, по грудь в воде, бросился вперед, указывая путь. Наконец, после долгого боя, войскам Мансфельда удалось, с помощью своих алебард и пик, сделать пролом в бруствере и на плечах товарищей взобраться на вал. Первым оказался на валу испанский капитан

Бартелеми Торальва; почти в ту же минуту на краю бруствера показался итальянец Капицукки: таким образом, спор о храбрости был решен с одинаковой славой для обеих наций. Достоин замечания, с каким тонким чувством чести обошелся со своими воинами герцог Пармский, которого поставили судьей в этом споре. На глазах солдат он обнял итальянца Капицукки и громко заявил, что обязан взятием бруствера главным образом храбрости этого офицера. А тяжело раненного испанского капитана Торальву он велел отнести в свою собственную квартиру в Стабруке, перевязать его в собственной своей постели и одеть в тот мундир, который носил он сам за день до боя *.

По взятии бруствера победа уже недолго оставалась сомнительной. Голландские и зеландские войска, соскочившие с своих судов, чтобы драться с врагом в рукопашную, вдруг пали духом, когда оглянулись и увидели, как отчаливали от берега эти суда, — их последнее прибежище.

Дело в том, что прилив уже начал спадать, и командующие флотом, опасаясь, что в случае неудачного исхода боя их тяжелые суда сядут на мель и станут добычей врага, отплыли от плотины и попытались выйти в открытое море. Как только Александр заметил это, он указал своим войскам на бегущие суда и призвал их покончить с врагом, который сам себя губит. Голландские вспомогательные войска дрогнули первые; вскоре их примеру последовали зеландцы. Они поспешно бросились с плотины, чтобы догнать суда вброд или вплавь; но так как их бегство было беспорядочным, то они мешали друг другу и кучами падали под ударами преследующих их победителей. Многие нашли свою могилу даже на судах: каждый спешил опередить другого — и многие суда потонули под тяжестью набившихся в них людей. Антверпенцы, сражавшиеся за свою свободу и веру, за свой домашний очаг, отступили последние, но это-то и ухудшило их долю. Многие из их судов были застигнуты отливом и глубоко сели на мель; по ним били неприятельские орудия — и они

* Strada. 593.

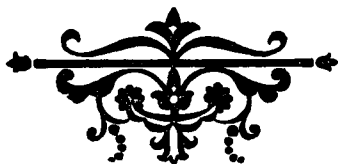
погибли со всем своим экипажем. Бегущие толпы старались добраться вплавь до уцелевших судов, но испанцы в своей ярости и отваге доходили до того, что плыли за ними, с мечом в зубах, и сбрасывали иных с самих судов. Победа королевских войск была полная, но она стоила много крови: испанцев пало до восьмисот человек, нидерландцев (не считая потонувших) — несколько тысяч; и с обеих сторон не досчитывались многих знатнейших дворян. Победителям досталось больше тридцати судов с большим грузом провианта, назначенного для Антверпена, с ста пятьюдесятью пушками и с другим военным снаряжением. Плотины, которую стоило таких трудов удержать за собой, была проломана в тринадцать мест, и трупы столь изуродовавших ее были употреблены теперь на заделку этих отверстий. На следующий день королевским войскам досталось еще одно судно громадной величины и странного строения, похожее на пловучую крепость; оно предназначалось для действий против Ковенштейнской плотины. Антверпенцы построили его с большими издержками в то самое время, когда из-за их дороговизны были отвергнуты спасительные предложения Джанибелли. И это смешное чудище было названо гордым именем «Конец войны», которое было заменено потом более подходящим — «Потерянные деньги». Когда это судно спустили на море, оказалось, как и предсказывали все разумные люди, что, при его бессмысленной величине, им нельзя было управлять, и разве только мощнейший прилив мог поднять его. С великим трудом дотащило его до Ордама и там во время отлива село на мель и сделалось добычей неприятеля*.

Нападение на Ковенштейнскую плотину было последней попыткой спасти Антверпен. С тех пор осажденные пали духом; городской магистрат тщетно старался утешить народ, угнетенный печальным настоящим, надеждами на отдаленное будущее. Пока что держались еще сносные цены на хлеб, хотя привоз становился все меньше; но мало-помалу запасы иссякли

* Thuan. III. 49. Meteren. 485. Strada. 597 sq.

до того, что начал надвигаться голод. Впрочем, еще была надежда продержаться, пока будет снята жатва с полей между городом и крайним редутом, но жатва еще не успела созреть, как неприятель взял последние укрепления перед городом и захватил весь урожай. Наконец, он овладел и соседним городом союзников, Мехельном, с утратой которого исчезла последняя надежда на подвоз из Брабанта. Когда стало очевидным, что уже нет возможности увеличить количество провианта, осталось сократить число едоков. Следовало удалить из города весь бесполезный народ — всех чужеземцев, даже женщин и детей; но этот слишком бесчеловечный план не мог быть принят. Другой план — изгнать католиков — до того раздражил последних, что дело чуть не дошло до мятежа. Так Сент-Альдегонде был вынужден уступить бурному нетерпению народа: 17 августа 1585 года он начал переговоры с герцогом Пармским относительно сдачи города *.

1795

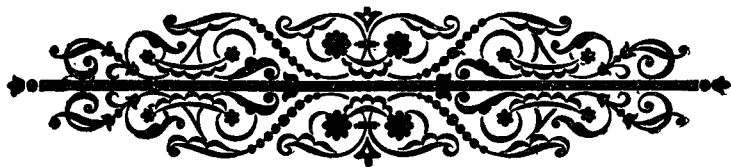

* Meteren. 500. Strada. 600 sq. Thuan. III. 50. Allg. Geschichte d. v. Niederl. III. 499.

**ЗАВТРАК ГЕРЦОГА
АЛБЫ
В РУДОЛЬШТАДТСКОМ
ЗАМКЕ
В 1547 ГОДУ**

Перелистывая одну из старых хроник шестнадцатого века (*Res in Ecclesia et Politia Christiana gestae ab anno 1500 ad anno 1600. Aut. I. Soeffing, Th. D. Rodolst. 1676*), я нашел в ней нижеследующий анекдот, который решаюсь вызвать из забвения, находя его по многим причинам достойным того. В рукописи, носящей заглавие: *Mausolea manibus Metzeli posita a. Fr. Melch. Dedekindo, 1738*, я встретил подтверждение этого рассказа. Он внесен также и в «Дворянское зеркало» Шпангенберга, ч. I, т. 13, стр. 445.

Одна немецкая дама, чей род издавна славился своим геройским духом и дал императора немецкому народу, твердостью и решительностью своего поведения почти привела в трепет самого герцога Альбу, привыкшего до того лишь приводить в трепет других. Когда после битвы при Мюльберге в 1547 году император Карл V на пути своем во Франконию и Швабию проходил через Тюрингию, вдовствующая графиня Екатерина фон Шварцбург, урожденная княгиня Генеберг, исходатайствовала у него охранную грамоту для своих подданных во избежание тех бед, которые могла на них навлечь проходящая испанская армия. В свою очередь она обязалась за это позаботиться о доставке по дешевым ценам хлеба, пива и прочих необходимых припасов из Рудольштадта к мосту, где должны были переправиться через Заалу испанские войска. Кроме того, она из предосторожности распорядилась, чтобы мост, расположенный слишком близко от города, был сломан и перенесен подальше; она рассчитывала таким

способом оградить хищных своих гостей от соблазна, в который их могла ввести чрезмерная близость города. Кроме того, жителям местностей, лежавших по пути следования войск, было разрешено снести в Рудольфштадтский замок на сохранение наиболее ценное свое имущество.

Тем временем испанский генерал, в сопровождении герцога Генриха Брауншвейгского и его сыновей, приближался к городу и, отправив вперед гонца к графине Шварцбург, выразил желание быть приглашенным к ней на завтрак. Столь скромная просьба со стороны человека, стоящего во главе войска, не могла быть, конечно, отвергнута. Все, что найдется в доме, будет к его услугам — таков был ответ. Его сиятельство могут пожаловать и располагать всем, чем им будет угодно. Но вместе с тем ему не преминули напомнить об охранной грамоте с прибавлением убедительнейшей просьбы добросовестно соблюдать данные в ней обещания.

Дружеский прием и богато убранный стол ожидают герцога во дворце. Он вынужден признать, что тюрингенские дамы свято чтут долг гостеприимства и умеют угостить. Но едва успели сесть за стол, как гонец вызывает графиню из зала. Она узнает, что в некоторых деревнях испанские солдаты на пути своим чинят насилия и угоняют скот у крестьян. Графиня Екатерина была матерью своим подданным, неприятность, причиненная даже ничтожнейшему из них, задевала ее лично. Разгневанная вероломством, она сохраняет, однако, полное присутствие духа и приказывает всем слугам своим вооружиться как можно незаметнее и быстрее и крепче запереть все входы и выходы замка; после этого она возвращается в залу, где высокие гости все еще сидят за столом. В самых трогательных выражениях она начинает им жаловаться на бесчинства, о которых ей сообщили, и на то, как плохо держат слово, данное императором. Ей отвечают со смехом, что таков уж обычай войны и что такие мелкие неприятности неизбежны при всяком движении войск. «Это мы еще увидим! — сказала она, окончательно выйдя из себя. — Бедным моим подданным должно быть возвращено то, что им принадлежит, или же — клянусь богом... — Она

угрожающе возвысила голос, — кровь князей за кровь быков!» С этим решительным заявлением она вышла из комнаты, которая тут же наполнилась вооруженными людьми; с мечами в руках, но с выражением глубокой почтительности на лицах встали они за стульями военачальников и стали вежливо прислуживать им за завтраком. Герцог Альба изменился в лице при появлении этой воинственной свиты; онемев от неожиданности, гости безмолвно глядели друг на друга. Будучи отрезанным от своего войска и окруженным многочисленной и полной решимости толпой, грозный герцог понял, что ему остается только скрепя сердце любой ценой смягчить разгневанную хозяйку замка. Генрих Брауншвейгский первый пришел в себя и разразился громким хохотом: он избрал самый благоразумный путь, обратив все происшедшее в шутку. Он в пространной хвалебной речи стал прославлять графиню за материнскую заботу ее о благе своей страны, за твердость и решительность духа, какие она только что проявила. Он просил ее успокоиться и положиться на него: он берет на себя ответственность за то, что герцог сделает все возможное, чтобы удовлетворить пострадавших. И в самом деле, ему удалось уговорить герцога, чтобы тот тотчас же отдал приказ о немедленном возвращении угнанного скота. Как только графиня Шварцбургская убедилась, что достояние ее подданных будет возвращено, она любезно выразила свою благодарность, а гости, распрощавшись самым вежливым и изысканным образом, покинули замок.

Несомненно, что этот случай и доставил графине Екатерине Шварцбургской прозвание «Великодушной». Она прославилась также деятельной поддержкой реформации, введенной в Шварцбург-Рудольштадте еще супругом ее Генрихом XXXVII; ее усилиями были изгнаны из страны монахи и ее заботами было улучшено школьное преподавание. Многим протестантским проповедникам, подвергавшимся гонениям за веру, оказывала она помощь и покровительство. В их числе был и некий Каспар Аквила, пастор Заальфельдский. В качестве полкового священника он в юные годы свои сопровождал в Нидерланды армию императора. Тут

однажды он рассердил солдат, отказавшись крестить пушечное ядро; буйная ватага сунула его в дуло мортиры, намереваясь выстрелить им оттуда в воздух, и лишь счастливая случайность спасла его,— порох, как нарочно, не захотел вспыхнуть. Ныне жизнь его вторично подвергалась опасности: голова его была оценена в пять тысяч гульденов, так как он разгневал императора, указ которого поносил публично с кафедры. По просьбе заальфельдцев Екатерина приказала тайно привести пастора в свой замок, где долгое время и скрывала его, заботясь о нем с истинно высоким человеколюбием до тех пор, пока опасность миновала и Аквила мог снова появиться на люди. Она пользовалась глубоким и всеобщим уважением и умерла, оплакиваемая всеми, на пятьдесят восьмом году жизни и двадцать девятом году царствования. В рудольштадтской церкви покоятся ее останки.

1789

**ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКИХ СМУТ,
ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ
ВОЦАРЕНИЮ ГЕНРИХА IV**

Царствования Карла VIII, Людовика XII и Франциска I положили начало блестящей эпохе в истории Франции. В победоносных войнах, которые вели эти монархи в Италии, вновь зажегся героический дух французского дворянства, почти совсем было угасший в деспотическое правление Людовика XI. Благодаря расцвету военного искусства бурно возгорелся рыцарский дух.

В борьбе со своими малоопытными в военном деле соседями французский народ познал свое превосходство. Монархия окрепла, государственное устройство Франции приняло более закономерные формы. Могущественные вельможи, дерзость которых еще недавно была ужасающей, вошли в границы всеобщего повиновения. Упорядоченный сбор налогов и регулярная армия укрепляли и поддерживали трон. Король, который прежде был лишь владетельным князем, приобрел теперь большее значение.

Мощь французского королевства прежде всего проявилась в Италии. Правда, кровь его героических сыновей была там пролита напрасно, но все же Европа с невольным изумлением взирала на народ, который доблестно боролся с пятью врагами, заключившими против него союз.

Светило изящных искусств незадолго перед тем воссияло в Италии, и более мягкие нравы не могли не распространять облагораживающего влияния. Вскоре оно в полной мере сказалось на гордых победителях, и итальянская культура покорила гений французского

народа, подобно тому как некогда культура Греции подчинила себе римских завоевателей. Вскоре итальянские искусства проникли во Францию, ибо война открыла путь через Савойские Альпы. Благодаря покровительству разумного регента и развитию книгопечатания они стали быстро распространяться, укореняясь на этой благодарной почве. Забрезжила заря новой культурной эры; Франция быстрыми шагами двинулась навстречу просвещению. Но вот появляются новые влияния и приостанавливают в самом начале этот прекрасный расцвет. Дух нетерпимости и мятежа гасит еще слабые проблески утонченности и бурно вспыхивает зловеющий факел фанатизма. Вновь погружается в непроглядный мрак варварства злополучная страна, ставшая жертвой долголетней губительной гражданской войны, которую разожгло и раздуло во всепожирающий пожар честолюбие и необузданное религиозное рвение. Хотя здесь происходила пламенная борьба, в которой половина Европы отстаивала новое ученье, а другая половина оспаривала его, и хотя религиозный фанатизм сам по себе является могучим двигателем истории,— в этой грандиозной схватке немалую роль играли весьма земные страсти и нередко в ней имели значение политические обстоятельства, приходившие на помощь борющимся между собой религиям. Известно, что в Германии тревога и недоверие, охватившие все сословия в связи с усилением могущества Австрии, содействовали успеху учения Лютера; ненависть к испанцам и страх перед инквизицией увеличили число протестантов в Нидерландах. Густав Ваза искоренял в Швеции не только старую религию, но и чудовищные злоупотребления, а Елизавета британская на развалинах старой церкви утвердила свой еще шаткий трон. Ряд слабоумных королей, иной раз малолетних, отсутствие твердой политики, беззащитная борьба вельмож за власть — все это благоприятствовало распространению новой религии во Франции. И если протестантство, воцарившееся в доброй половине Германии, в Англии, на Севере и в Нидерландах, было в скором времени низложено во Франции, то причину следует искать не в малодушии или холод-

ности его защитников, не в отказе их от дальнейшей борьбы и не в безразличии самого народа. Бурные волнения, много лет потрясавшие Францию, не раз угрожали ей гибелью; чужеземное влияние и одно случайное обстоятельство — возникновение новой косвенной линии престолонаследия — принесли гибель кальвинистской церкви в этом государстве.

Уже в первой четверти шестнадцатого века новшества, которые проповедовал Лютер в Германии, проникли во французские провинции. Ни запрещение, вынесенное Сорбонной в 1521 году, ни постановления Парижского парламента, ни грозные анафемы епископов не смогли остановить победоносного шествия новой религии, в несколько лет завербовавшей множество последователей среди народа и дворянства, а также отдельных представителей среди духовенства. И приверженцы реформации и ее гонители обнаружили горячность, с какой темпераментные и высоко одаренные французы встречают всякое новшество. Непрерывные войны, в которых протекало царствование Франциска I, и сношения этого государя с немецкими протестантами немало способствовали быстрому распространению религиозных нововведений среди его подданных. И когда в Париже прибегли к жесточайшим мерам — стали искоренять протестантство огнем и мечом, — гонения не оказали желаемого действия, так же как и в Нидерландах, в Германии и в Англии, — и костры, зажженные рукой фанатических преследователей, лишь озарили ореолом славы их жертвы, героически умиравшие за свою веру.

Религиозные реформаторы применяли при обороне и при нападении на господствующую церковь оружие, гораздо более действенное, чем то, к какому прибегали в своем слепом рвении численно превосходившие их противники. Утонченный вкус и просвещение были их соратниками; невежество и педантизм были уделом их гонителей. Безнравственность и глубокое невежество католического клира давали богатейшую пищу остроумию выступавших публично ораторов и многочисленных писателей, а картины всеобщей развращенности, ярко нарисованные сатириками, были столь убедительны,

что всякий проникался сознанием необходимости преобразований. Весь просвещенный мир был наводнен такого рода произведениями, появлявшимися чуть ли не ежедневно; в этих памфлетах более или менее удачно выставлялись напоказ главные пороки придворных и католического духовенства, с целью вызвать негодование, омерзение и смех, а догматы новой церкви были изукрашены всеми цветами красноречия и обрисованы в самом чарующем обличье, со всей силою увлечения, в возвышенных тонах, с неотразимым обаянием благородной простоты. Все эти шедевры красноречия и остроумия жадно проглатывались, между тем как безвкусные, напыщенные писания противной стороны наводили скуку.

В скором времени протестантство покорило образованные слои населения, и это блистательное меньшинство в духовном отношении перевесило бесчисленные темные массы, шедшие за его противниками.

Яростные преследования все продолжались, и, наконец, гонимые были вынуждены искать защиты и покровительства у королевы Маргариты Наваррской, сестры Франциска I. Утонченный вкус и образование были лучшей рекомендацией при дворе этой одаренной правительницы, глубокого знатока красоты и поклонницы истины, и ее любимцам, перед ученостью и гением которых она преклонялась, без труда удалось расположить ее к своей религии. Блестящий сонм ученых окружал эту монархиню, и свободомыслие, царившее в их избранном кругу, подготовило почву для нового учения, отважно свергнувшего иго иерархии и суеверий. При дворе этой королевы нашла прибежище гонимая религия; благодаря Маргарите не одна жертва была вырвана из когтей кровожадных преследователей, и молодая, еще не окрепшая партия, угнездившись на этом тонком суку, выдержала первую бурю, которая легко могла бы ее погубить.

Соглашения, в которые вступал Франциск I с германскими протестантами, не помешали ему принимать меры против своих подданных-протестантов. Во всех провинциях Франции над ними был занесен меч инквизиции, и как раз в то время, когда этот двуличный

монарх призвал государей, образовавших Шмалькальденский союз, на борьбу против своего соперника Карла V, — он разрешил своим кровожадным инквизиторам огнем и мечом преследовать неповинных вальденсов, исповедовавших ту же веру, что и его союзники. «Им был вынесен варварский, чудовищный приговор, — рассказывает историк де Ту, — и приведен в исполнение с еще большим варварством и с более чудовищной жестокостью. Двадцать два селения были обращены в пепел с таким бесчеловечием, какого не встретишь даже у самых диких племен. Злосчастные их обитатели, на которых нагрянули среди ночи, озаряемые пламенем пожара, истреблявшего их достояние, как затравленные звери, перебегали с горы на гору, избегая одной засады и попадая в другую. Жалобные вопли стариков, женщин и детей не трогали железное сердце солдат, а лишь наводили их на след беглецов, становившихся жертвой их ненасытной кровожадности». В одном лишь Кабриере более семисот этих несчастных были умерщвлены с ледяной жестокостью; все женщины этого города были загнаны в сарай, который был подожжен, и они задохлись в дыму, а те, которые попытались спастись, прыгая с крыши, были подняты на пики. Даже сама земля, которая благодаря трудолюбию этого кроткого народа превратилась из пустыни в роскошный сад, подверглась каре из-за мнимой ереси обрабатывавших ее людей. Не только жилища были сравнены с землей, но повyrублены деревья, вытоптаны посевы, опустошены поля, и цветущая страна была превращена в безотрадную пустыню.

Эта бессмысленная и беспримерная жестокость естественно возбудила всеобщее негодование, которое привело в ряды протестантов столько новых последователей, что инквизиторы при всем своем рвении уже не в силах были их истребить. С каждым днем все возрастало число приверженцев реформации, особенно же увеличился их приток, когда выступил Кальвин со своей новой религиозной системой; своим «Наставлением в христианской вере» он положил конец колебаниям и разногласиям, придал богослужению более закономерные формы и крепче сплотил еще разрозненных членов

своей церкви, сообщив им четкую формулу веры. В короткое время более строгой и простой религии, называемой французским апостолом, удалось на его родине вытеснить лютеранство, особенно она привлекала к себе тем, что вконец упразднила таинства и тягостные обряды и была еще более, чем лютеранство, далека от католичества.

После кровавой расправы с вальденсами кальвинисты, в своем праведном гневѣ позабывшие всякий страх, вышли на свет божий. Не довольствуясь уже тайными сбирками во мраке ночи, они отважились собираться открыто, бросая вызов бдительности духовных властей, и даже в предместьях Парижа на многолюдных собраниях распевали хором песнопения. Обаяние новизны вскоре привлекло туда чуть ли не весь Париж, чарующая прелесть этих песнопений неприметно покоряла сердца, создавая приверженцев новой религии. Отважившись на открытое выступление, кальвинисты воочию убедились в своей многочисленности, и вскоре протестанты во всем королевстве последовали примеру своих столичных собратьев.

Наследовавший отцу Генрих II оказался еще более яростным гонителем кальвинистов. Тщетно прибегал он к самым жестоким мерам, какие только были в его власти. Тщетно обрушивались на голову сектантов эдикт за эдиктом, предававшие проклятию их вероучение. Чтобы произвести впечатление на народ и подбодрить палачей, монарх лично присутствовал при казнях, но этим он лишь напрасно унижил свое королевское достоинство. Во всех больших городах Франции задымались костры, и хотя присутствие короля придавало сожжению торжественный характер,— Генриху не удалось искоренить кальвинизм. Это учение приобрело приверженцев в армии, в суде и даже при королевском дворе в Сен-Жермене,— и Франсуа де Колинья, сеньор д'Андело, полковник французской пехоты, дерзостно заявил королю в глаза, что он скорее умрет, чем посетит мессу.

Быстрое распространение новой религии приводило этого государя в ужас,— она не только грозила овладеть его подданными, но, как ему внушали, представляла

опасность и для его трона, и в конце концов Генрих прибег к массовым репрессиям, на которые его толкнули алчность придворных и далеко не бескорыстное рвение духовенства. Чтобы нанести решительный удар этому движению, король однажды появился в парламенте, приказал арестовать пять членов этого судилища, которые потакали кальвинистам, и отдал приказ немедленно предать их суду. С этого момента новая секта стала подвергаться беспощадным преследованиям. Гнусная свора доносчиков была спущена с цепи, подбодрена обещанием наград, и вскоре все тюрьмы королевства наполнились безвинными жертвами религиозной нетерпимости; никто не осмеливался поднять голос в защиту кальвинистов. В 1559 году протестантство во Франции находилось на краю гибели: в полном согласии со всей Европой, могущественный монарх, неограниченный повелитель всех военных сил страны, во всеоружии своей власти, заручившись поддержкой папы и даже Испании, поклялся уничтожить новое течение. Кальвинистов спас лишь счастливый случай. В разгар этих грозных приготовлений их непримиримый враг внезапно умер, раненный на придворном турнире копьём в глаз.

Неожиданная кончина Генриха II повлекла за собой губительные смуты, добрых полстолетия потрясавшие Францию, в результате которых едва не погибла монархия. После смерти Генриха его супруга Екатерина Медичи, из рода флорентийских герцогов, осталась с четырьмя малолетними сыновьями, старшему из которых — Франциску — едва минуло пятнадцать лет. Юный король только что женился на юной шотландской королеве Марии Стюарт, и таким образом кормило правления двух государств перешло в неопытные руки несовершеннолетних, неспособных управлять даже и собой. Целая армия честолюбцев жадно простирала руки к кормилу, стремясь «облегчить» им правление, и злополучная Франция сделалась жертвой борьбы, разгоревшейся вокруг престола.

Особенно ожесточенно боролись между собой из-за власти две могущественные партии, стремившиеся подчинить своему влиянию молодую царственную чету. Во главе одной из них стоял французский коннетабль Анн

де Монморанси — министр и фаворит покойного короля, заслуживший его приязнь своей воинской доблестью и возвышенным, неподкупным патриотизмом. Это был стойкий человек, с несокрушимой волей, которому не страшны были удары судьбы и не кружило голову неожиданное счастье. Эту твердость он не раз доказал еще в предыдущие царствования, с неизменным спокойствием и непреклонным мужеством перенося непостоянство, свойственное его государям, и превратности военного счастья. Солдат и придворный, финансист и судья дрожали перед его всепроникающим взором, разоблачавшим любую ложь, перед его строгой справедливостью, не спускавшей ни малейшего проступка, перед его стойкой добродетелью, недоступной никаким соблазнам. Но этот муж, прошедший суровую школу войны; полководец, привыкший, чтобы ему беспрекословно повиновались, не обладал гибкостью политика и придворного, которые добиваются своего, идя на сделки и, низко поклонившись, вертят всем. Великий на арене войны, он помрачил свою славу на другой арене, куда он вышел под давлением обстоятельств и повинувшись голосу честолюбия и патриотизма. Такой человек был на месте лишь там, где ему все повиновались, он был создан, чтобы главенствовать, но был совершенно не способен вести борьбу путем хитрых маневров придворного.

Долголетний опыт, заслуги перед государством, которых не решались оспаривать даже его завистники, кристальная честность, которую превозносили даже его враги, благоволение покойного государя, ореол славы предков — все это, казалось, должно было обеспечить ему первое место в государстве и дать перевес над всеми соперниками.

Но не всякий государь способен оценить такого слугу; лишь тот, кому дорого всеобщее благо, способен разглядеть под суровой оболочкой глубокие, неопценимые достоинства. Франциск II, юноша на троне, искал лишь удовольствий, избегая трудов правления, и ему не нравился этот суровый наблюдатель, следивший за его поведением. Строгая добродетель Монморанси, расположившая к нему отца и деда Франциска II, навлекла на него опалу легкомысленного, слабовольного государя,

и противникам коннетабля, пустившим в ход коварную интригу, легко удалось восторжествовать над ним.

Гизы, укоренившаяся во Франции ветвь лотарингского герцогского рода, были душой этой ужасной партии. Франциск Лотарингский, герцог Гиз, дядя царствующей королевы, обладал всеми качествами, какие приковывают к человеку всеобщее внимание и обеспечивают ему власть над толпой. Франция чтит его как своего спасителя, восстановившего ее честь в глазах всей Европы. Его искусная политика и мужество положили предел успехам Карла V, благодаря его смелой тактике был смыт тяготевший над Францией позор, — из рук англичан вырвано Кале, последний их оплот на французской земле, которым они владели двадцать два года. Имя герцога было у всех на устах, все испытывали перед ним благоговейное удивление. С дальновидностью государственного мужа и властью полководца он сочетал отвагу героя и ловкость придворного. Ему во всем благоприятствовало счастье, и, казалось, сама природа предназначила его повелевать.

Прирожденный аристократ, статный, величавый, он отличался царственной осанкой и приятным, располагающим выражением лица, — внешность герцога с первого взгляда подкупала, не говоря уже о его красноречии. Но своим неотразимым обаянием герцог Гиз был обязан не только высокому сану и могуществу, всех покоряло и его естественное природное величие, которое, казалось, не имело нужды ни в каких прикрасах. Снисходительно, не роняя своего достоинства, разговаривал он с самым ничтожным человеком, умел вести непринужденную беседу самым доверчивым тоном, не выдавая тайн своей политики, был по-царски щедр по отношению к друзьям и великодушен к поверженным врагам и блеском своих достоинств, казалось, обезоруживал завистников и вынуждал гордый, самолюбивый народ Франции признать его величие. Но все это служило лишь орудием его несказанного, безудержного честолюбия; не страшась никаких преград, не сдерживаемый никакими нравственными принципами, он, пользуясь царившим кругом смятением, устремлялся к своей заветной цели, попирая тысячи жизней, пуская в ход для

осуществления своих дерзостных замыслов все хитро-сплетни коварства и самое чудовищное насилие. Подобным же честолюбием и не меньшей одаренностью отличался кардинал Лотарингский, брат герцога, который благодаря своим познаниям и красноречию добился не меньшей власти, чем брат его, действовавший шпагой. Облаченный в пурпур прелат был страшнее одетого в панцырь герцога, мечом религии он отстаивал свои личные интересы, потакая своим страстям, и прикрывал священной мантией черные замыслы своего честолюбия. Преследуя одну и ту же цель, эти два всемогущих брата поделили между собой страну, и народ, сам того не замечая, попал в их сети. Братьям легко удалось снискать расположение молодого короля, который был всецело на поводу у своей супруги, приходившейся им племянницей; труднее было склонить на свою сторону королеву-мать, Екатерину. Самый титул матери короля делал ее могущественным лицом при дворе, раздираемом борьбой партий, особенно велико было могущество Екатерины благодаря ее умственному превосходству над слабовольным сыном. Обладая скрытностью, чрезвычайной изобретательностью, склонностью к интригам и безграничным властолюбием, она могла бы оказаться весьма опасным противником. Вкрадываясь в ее доверие, братья шли на всяческие жертвы и унижения. Чтобы к ней подольститься, они нарушали свой самый священный долг, рвали самые прочные узы, принося друзей в жертву ее мстительности, и мирились с ее любимцами, забывая самую закоренелую вражду. Наряду с этим они не упускали случая повредить коннетаблю в глазах Екатерины, и благодаря искусно проведенной интриге им удалось предотвратить заключение опасного для них союза королевы с полководцем.

Между тем коннетабль приложил все усилия, чтобы заручиться могущественными союзниками, которые дали бы ему перевес над лотарингской партией. Едва скончался Генрих, как Монморанси призвал всех принцев крови, и прежде всего Антуана Бурбонского, короля Наварры, и предложил им занять должности, на которые им давали право их сан и высокое происхождение. Но когда эти принцы появились при дворе нового ко-

роля, они увидели, что Гизы уже опередили их. Франциск заявил депутатам парламента, которые явились приветствовать его при восшествии на престол, что отныне всеми делами государства будут ведать лотарингские принцы, к которым и надлежит обращаться. Герцог немедленно же принял на себя командование войсками, а кардинал Лотарингский избрал ответственной пост министра финансов. Монморанси было ледяным тоном предложено удалиться на покой в свои поместья. Жестоко оскорбленные принцы крови вскоре собрались в Вандоме, чтобы обсудить, как им расправиться со своими врагами; коннетабль издал руководил этим совещанием. Решено было, прежде чем идти на крайние меры, направить короля Наваррского ко двору и последний раз попытаться войти в соглашение с королевой-матерью. Однако эта миссия была поручена лицу малоискусному в политике и потерпела неудачу. Устрашенный могуществом Гизов, которые предстали перед ним во всем своем величии, Антуан Наваррский, ничего не добившись, покинул Париж, и братья-лотарингцы остались господами положения.

Эта легкая победа придала им дерзости, и теперь они стали действовать без оглядки. Имея в своем распоряжении все доходы государства, они расточали несметные суммы, вознаграждая своих ставленников. Щедрой рукой раздавали они доходные места, бенефиции, пенсии, но эта расточительность лишь разжигала жадность награждаемых; появлялись все новые и новые искатели милостей, и хотя Гизам удалось приобрести некоторое число приспешников, они нажили себе гораздо больше врагов, ибо не могли удовлетворить всех. Корыстолюбие братьев, открыто грабивших государство и захватывавших себе при этом грабеже львиную долю, оскорбительная дерзость, с какою они, отстраняя представителей родовитых домов, завладевали самыми ответственными постами, вызывали всеобщее негодование.

Но выходка, какую позволил себе необузданный в своей гордыне кардинал Лотарингский в Фонтенебло, окончательно взорвала французов. В этом увеселительном замке в ту пору находился двор, и присутствие короля привлекло туда множество людей, которые

явились либо добиваться выплаты задержанного жалованья, либо вымалывать подачки, либо домогаться награды, на какую они приобрели право своими заслугами. Это сборище, в составе которого было немало заслуженных офицеров французской армии, вело себя очень буйно и этим досаждало кардиналу. Чтобы раз навсегда от них избавиться, он приказал водрузить близ королевского замка виселицу и велел королевскому герольду провозгласить во всеуслышание, что явившиеся по тому или иному делу в Фонтенебло, без различия сословия и ранга, обязаны в течение двадцати часов покинуть это место под страхом казни через повешение. Такого обхождения француз решительно не может вытерпеть, и еще не было примера, чтобы французский король так обращался со своими подданными. Правда, угроза возымела свое действие, и на один день Фонтенебло опустело, но разъехавшиеся по всем провинциям Франции люди унесли в своих сердцах тлеющие искры возмущения.

Ввиду того, что к концу царствования Генриха II кальвинизм широко распространился во Франции,— ныне вставал весьма важный вопрос: какие же меры предпримут против него новые министры? И по убеждению и на почве общих интересов они были рьяными приверженцами папы и возможно уже в эту пору были готовы в случае надобности прибегнуть к помощи испанцев, но вместе с тем им было необходимо овладеть подавляющим большинством населения, возбудив в нем подлинный или показной религиозный пыл,— и поэтому им не приходилось ни на минуту задумываться о том, на чью сторону встать. Генрих II незадолго до своей кончины принял решение истребить кальвинистов, и, чтобы привести в исполнение этот замысел, оставалось лишь продолжать начавшиеся при нем преследования. Таким образом, смерть короля дала протестантам лишь краткую передышку. Гонения возобновились с неслыханной яростью, и лотарингские принцы без колебаний обрушились на религиозное движение, которому, как им было известно, уже давно сочувствовала большая часть их врагов.

Процесс знаменитого советника парламента Анн де Бура послужил началом кровавых репрессий нового

правления. Де Бур оказался тверд в своей вере и был за это повешен, четверо других советников, арестованных вместе с ним, были наказаны менее сурово. Этот недвусмысленный, откровенный выпад со стороны лотарингцев против кальвинизма дал повод недовольным вельможам собрать всех членов протестантской партии в Гарнише для борьбы против правительства, — уязвленные в своем честолюбии люди прикрывали свою мстительность интересами религии, провозглашая, что намерены бороться за протестантскую церковь. Тут-то и произошло прискорбное смешение политических притязаний с интересами веры, и на борьбу с угнетателями страны был призван религиозный фанатизм. Если бы Гизы проявили известную терпимость в отношении подозрительных кальвинистов, они лишили бы оскорбленных их заносчивостью вельмож могущественной опоры и потушили бы в самом зародыше готовую вспыхнуть жестокую гражданскую войну. Но своими преследованиями они до крайности озлобили обе партии — обиженную ими знать и кальвинистов, которые могли быть опасными вследствие своей многочисленности; и те и другие невольно стали искать сближения, при встречах делясь друг с другом своей жаждой мести и опасениями, и, наконец, решили сообща отстаивать свои весьма различные интересы и, слив воедино разрозненные силы, образовали грозную партию. С тех пор кальвинисты стали видеть в лотарингцах лишь гонителей своей веры и считать всех, кто подвергался злобным преследованиям братьев, безвинными жертвами нетерпимости, за которых следовало отомстить. С этих пор католики стали видеть именно в лотарингцах покровителей своей веры и во всех, кто им противостоял, лишь гугенотов, стремившихся низложить единую истинную церковь. Каждая из этих партий отныне приобрела главарей, каждый честолюбивый вельможа примыкал к тому или другому более или менее могущественному лагерю. Был подан сигнал ко всеобщему расколу, и мало-помалу весь французский народ был вовлечен в губительную борьбу, которую затеяли друг с другом несколько видных лиц.

Во главе кальвинистов встали Бурбонские принцы, Антуан Наваррский и Людовик, принц Конде, а также знаменитый род Шатильонов, вошедший в историю благодаря великому адмиралу де Колиньи. Нехотя оторвался сластолюбивый принц Конде от своих привычных забав, чтобы возглавить партию, борющуюся против Гизов. Их непомерная гордыня и целый ряд перенесенных им оскорблений под конец разбудили его честолюбие, дремавшее в сладостных путах чувственности. Настоятельные требования Шатильонов заставили его покинуть приют наслаждений и выступить на арене политики и войны. В тот исторический период род Шатильонов подарил миру трех замечательных братьев, старший из которых, адмирал Колиньи, послужил французскому народу своим гением полководца, своей мудростью, своим непоколебимым мужеством; второй, Франсуа д'Андело — своей шпагой; третий, кардинал Шатильонский, епископ Бове, — своим дипломатическим талантом и гибким государственным умом. Удивительная духовная гармония, царившая между братьями, объединяла эти три столь различных характера, создавая некий грозный триумvirат; облакавший их высокий сан, могущественные связи, какими они располагали, уважение, каким всегда пользовался их род, — все это придавало вес начинанию, во главе которого они встали. Недовольные собрались на тайное совещание в одном из замков принца Конде на границе Пикардии, там решено было похитить короля, обманув бдительность министров, и захватить этих последних живыми или мертвыми. В своем безрассудстве заговорщики дошли до того, что стали смотреть на короля как на вещь, которая сама по себе не имеет никакого значения, но становится орудием власти в руках тех, кому удастся ее захватить. Поскольку этот дерзостный план можно было осуществить лишь силою оружия, на том же совещании решено было собрать большие военные силы, которые, чтобы не возбудить подозрения, надлежало стягивать небольшими отрядами из всех округов королевства в Блуа, где весной должен был собраться двор. Так как это начинание проходило под знаменем религии, то заручились поддержкой

кальвинистов, которых к тому времени в королевстве насчитывалось до двух миллионов. Но в заговор вовлекли также немало ревностных католиков, внушив им, что он направлен лишь против Гизов. Чтобы скрыть подлинного главу предприятия, принца Конде, который считал нужным до поры до времени оставаться в тени, — выдвинули как явного руководителя движения другое лицо, подчиненное принцу, это был некий Реноди, дворянин из Перигора, весьма подходивший для этой роли благодаря своей безумной отваге, которую он не раз доказал в различных темных делах и опасных предприятиях, благодаря своей неутомимой энергии, своим связям с видными государственными людьми и взаимоотношениям с кальвинистами, эмигрировавшими за границу. Совершив, повидимому, какое-то преступление, он давно уже подвизался в роли беглеца, и ему долгое время приходилось скрываться; таким образом, он на собственном опыте изучил искусство конспирации, необходимое для осуществления столь ответственного задания. Вся партия знала его как человека решительного и всегда готового на любой отчаянный шаг, и он был способен заразить всех участников заговора своей пламенной уверенностью в успехе, благодаря которой он одолевал все препятствия.

Были приняты все меры предосторожности, предусмотрены все возможные случайности, и, повидимому, не приходилось опасаться неудачи. Реноди получил подробно разработанный план действий, который, казалось, должен был обеспечить предприятию счастливый исход. В инструкции говорилось, что подлинный вождь, покамест остающийся в тени, назовет себя и выступит открыто, лишь только пробьет час решительных действий. В 1560 году Реноди созвал своих единомышленников-дворян в бретонский город Нант, где в то время заседал парламент и происходили многолюдные празднества по случаю бракосочетания одного из местных вельмож, что давало повод, не возбуждая подозрений, собрать множество людей. Подобного же рода обстоятельства были через несколько лет использованы в Брюсселе гёзами, вступившими в заговор против испанского министра Гранвеллы. В пламенной, вдохновенной

речи, дошедшей до нас в передаче историка де Ту, Реноди открыл тем, кому это еще не было известно, с какой целью они созваны, и старался всех воспламенить и привлечь к участию в борьбе. Со всей силой красноречия он изобразил Гизов как самых отъявленных злодеев и не без лукавства, искусно сгущая краски, поставил им в вину все бедствия, постигшие французов с тех пор, как лотарингцы появились в королевстве. Их черный замысел якобы состоит в том, чтобы отстранить принцев крови, самых достойных и родовитых лиц, от особы короля и от управления государством, а молодого слабовольного монарха, который, как всякому ясно, был в их руках далеко не в безопасности, превратить в слепое орудие своего произвола, а затем любыми средствами, даже ценой истребления всей королевской семьи, проложить путь своему роду к французскому престолу. При таком положении дел честь дворянина и святая любовь к отечеству оправдывают любое дерзание, любую отважную попытку, более того, они повелевают действовать решительно. «Что до меня,— с огромным подъемом закончил свою речь оратор,— то я клянусь, торжественно заверяю и призываю в свидетели небеса, что никогда не дерзну помыслом, словом или делом посягнуть на монарха, на королеву, на принцев крови. Более того,— торжественно заверяю и клянусь, что до последнего своего вздоха буду защищать величие трона и свободу отчизны от посягательств этих чужеземцев».

Такого рода заявление не могло не оказать должного действия на присутствующих, которые все были предубеждены против Гизов и, захваченные бурными веяниями времени, в своем слепом религиозном рвении готовы были на самые отчаянные поступки. Все единогласно повторили эту клятву, она была тут же записана и подкреплена горячими рукопожатиями и объятиями.

Любопытно то сходство, которое легко установить между поведением нантских заговорщиков и брюссельских конфедератов. И там и здесь заявляли, что хотят защитить законного государя, вырвать его из рук заносчивых министров, совершенно забывая, что тем самым посягают на одну из его священнейших прерогатив — на его право выбирать себе сподвижников; и там

и здесь как будто бы намеревались освободить страну от ига угнетателей и в то же время обрекали ее всем ужасам гражданской войны.

Договорившись относительно образа действий и решив, что восстание произойдет 15 мая 1560 года в городе Блуа, участники собрания разошлись; каждый дворянин направился в свою провинцию, чтобы собрать необходимые войска и привести их в условленное место. Это им удалось как нельзя лучше, и тайна заговора осталась нераскрытой, хотя для его осуществления потребовалось множество людей. Солдат шел за своим командиром, не имея понятия о неприятеле, с которым ему предстояло сражаться. Из самых отдаленных провинций уже направлялись небольшие отряды, которые становились все многочисленней по мере приближения к месту своего назначения. Войска вступили уже в центральную часть Франции, а между тем уверенные в своей безопасности Гизы в беспечном спокойствии проводили дни в Блуа, куда они привезли короля. Чей-то туманный намек вывел их, наконец, из бездействия; встревожившись, братья поспешили перевести двор из Блуа в город Амбуаз, который служил им цитаделью, где они всегда могли отсидеться в случае какого-либо неожиданного нападения.

Эта внезапная помеха заставила заговорщиков лишь несколько отклониться от первоначального плана действий, не внося в него существенных изменений. Дело их успешно подвигалось к концу, и Гизы были обязаны своим спасеньем не проявленной ими бдительности, не вероломству кого-либо из заговорщиков, а лишь счастливому случаю. Реноди имел неосторожность поделиться своим замыслом со своим другом, парижским адвокатом по имени Авенель, у которого он проживал, и у этого человека не хватило мужества сохранить столь опасную тайну. Он открыл ее секретарю герцога Гиза, который немедленно же отправил адвоката в Блуа, где он должен был подтвердить свои слова перед герцогом. Насколько велика была беспечность министров, настолько же велики были и овладевшие ими теперь страх, подозрения, растерянность. Все окружающие казались им ненадежными. Чтобы

нащупать нити заговора, они обшарили все темницы. Не без оснований предполагая, что Шатильонам кое-что известно об этом предприятии, они спешно вызвали их под каким-то предлогом в Амбуаз, чтобы удобнее было за ними наблюдать. Когда им предложили высказать свое мнение о положении, создавшемся в государстве, Колиньи без малейших колебаний выступил против министров, горячо защищая интересы протестантов. Его доводы так подействовали на большинство членов государственного совета, и без того охваченных страхом, что был издан эдикт, гарантировавший безопасность всем протестантам, за исключением проповедников и лиц, уличенных в насильственных действиях. Но это крайнее средство было применено слишком поздно, — окрестности Амбуаза уже кишели заговорщиками. Сам принц Конде прибыл туда, окруженный многочисленной свитой, чтобы в решительный момент поддержать мятежников. Было решено, что группа совершенно безоружных заговорщиков подойдет к воротам Амбуаза под предлогом подачи письменного прошения, и, если им удастся беспрепятственно проникнуть в город, они с помощью своих многочисленных сторонников завладеют улицами и укреплениями. Чтобы обеспечить успех нападению, наготове стояло несколько эскадронов конницы, которые в случае малейшего сопротивления должны были устремиться на помощь пехотинцам, рассеянным вокруг города, и вместе с ними овладеть воротами. Пока все это будет происходить за стенами Амбуаза, скрывающиеся в городе участники заговора, по большей части замешавшиеся в свиту принца, возьмутся за оружие и немедленно захватят лотарингских принцев живыми или мертвыми. Тогда принц Конде открыто выступит как глава всей партии и беспрепятственно завладеет кормилом правления. План всей операции был предательски открыт герцогу Гизу, благодаря чему он смог принять против него действенные меры. Он велел спешно наберечь войско и разослал своим наместникам во все провинции приказ задерживать всякую группу вооруженных людей, направляющуюся к Амбуазу. Все окрестное дворянство было призвано поднять оружие на защиту монарха. Под предлогом различных

поручений подозрительные лица были удалены из города. Шатильоны и принц Конде, занятые делами в городе, окружены шпионами, весь состав королевской лейб-гвардии смнен, намеченные для приступа ворота замурованы. Вокруг города рыскали многочисленные летучие отряды, которые должны были рассеивать и уничтожать всех подозрительных пришельцев, и виселица ожидала всякого, кто попадался живым им в руки.

При таких угрожающих обстоятельствах Реноди прибыл к Амбуазу. Заговорщики отряд за отрядом устремлялись к городу, и постигавшая их братьев беда не останавливала вновь прибывающих. Сражаясь в первых рядах, предводитель изо всех сил старался поддержать дух своих солдат, собрать рассеянные отряды, остановить обратившихся в бегство. Он как вихрь носился по полю вместе с другими храбрецами и, наконец, был окружен отрядом королевской конницы и после отчаянного сопротивления убит. Его труп отнесли в Амбуаз, и он был вздернут на виселицу с надписью: «Глава мятежников». Тут же последовал эдикт, объявлявший амнистию всем сообщникам Реноди, которые без промедления сложат оружие. В надежде на пощаду многие пришли с повинной, но вскоре горько в этом раскаялись. Пришедшие последними отряды сделали еще одну попытку овладеть Амбуазом, которая оказалась неудачной, так же как и предыдущие, — это окончательно вывело из себя Гизов и побудило отменить королевское обещание. Все наместники провинций получили приказ жестоко покарать возвращающихся мятежников, и в самом Амбуазе лотарингцы зверски расправились со всеми, кто казался им подозрительным. Здесь, как и во всем королевстве, рекой лилась кровь этих злосчастных, многие из них даже не знали, за какое преступление их карают. Без всякого суда и следствия их бросали в Луару, связав по рукам и ногам, так как рука палачей устала казнить. Лишь некоторые высокопоставленные лица были переданы в руки правосудия, с тем чтобы им был вынесен торжественный приговор и тем самым узаконено имевшее место кровопролитие.

Между тем как заговор потерпел трагическую неудачу и множество участников, не знавших о его

цели, были принесены в жертву ненасытной мстительности Гизов,— принц Конде, который как тайный руководитель всего движения, был главным виновником, с беспримерным притворством разыграл святую невинность и осмелился дерзко опровергать обвинения, которые на него готовились возвести. Не сомневаясь, что тайна останется нераскрытой, и уверенный, что никакие пытки не смогут заставить заговорщиков назвать имя неизвестного им вождя, он потребовал аудиенции у короля и настаивал на том, чтобы ему дали возможность публично оправдаться перед лицом закона. В присутствии всего двора и специально приглашенных иностранных послов он красноречиво защищал себя, говорил с благородным негодованием, с твердостью и достоинством, как человек, несправедливо обвиненный и уверенный в своей правоте. «Пусть только кто-нибудь дерзнет,— закончил он свою речь,— обвинить меня в том, что я затеял этот заговор, пусть посмеет утверждать, будто я подстрекал французов восстать на священную особу короля,— и я готов немедленно отказаться от преимуществ своего сана и доказать своей шпагой, что он нагло лжет». — «А я,— подхватил Франсуа де Гиз,— никогда не поверю, чтобы столь великий принц мог питать столь черный замысел. Позвольте мне быть вашим секундантом в этом поединке». Таким фарсом закончился один из самых кровавых заговоров во всей мировой истории, заговор, преследовавший важную цель, ставивший на карту судьбы королевства, хитро задуманный и осуществленный с соблюдением тайны.

Мнения об этом заговоре резко разделились, и долгие годы во Франции весьма по-разному определяли его причины и его цель; насущные интересы обеих партий вынуждали их давать ложную картину событий. Если протестанты в своих сочинениях открыто заявляют, что они вооружились единственно для того, чтобы избавиться от нестерпимой тирании Гизов, будучи далеки от мысли добиться свободы вероисповедания силой оружия,— то королевские рескрипты, напротив, утверждают, что заговор был направлен против монарха, против всей королевской семьи и имел целью упразднить королевскую власть и католическую рели-

гию с тем, чтобы превратить Францию в союз республиканских кантонов на манер Швейцарии. Есть основания думать, что лучшая часть нации иначе оценивала заговор и лишь Гизы приписывали заговорщикам такие цели, дабы отвратить от себя все возрастающую ненависть народных масс, дав ей иное направление. Сострадание к несчастным, ставшим жертвами беспощадной мстительности Гизов, побуждало самых ревностных католиков до известной степени их оправдывать, а у некоторых протестантов хватило смелости признаться, что они участвовали в заговоре. Всенародное негодование оказалось действеннее любого вооруженного натиска — министры поняли, что надо быть умереннее; раздавленный в Амбуазе заговор имел благие последствия для кальвинистов, преследование которых на некоторое время прекратилось.

Министры решили созвать на совещание самых знатных людей страны, чтобы, как они заявили, потушить искры раздора и водворить мир в королевстве. Итак, они пригласили принцев крови, родовитое дворянство, рыцарей, принадлежавших к различным орденам, и наиболее видных членов магистрата в Фонтенебло, чтобы обсудить целый ряд вопросов государственного значения. Однако это совещание не оправдало ожиданий нации и надежд Гизов, ибо подозрительные Бурбоны так и не появились в Фонтенебло, а другие главари гонимой партии, которым не удалось уклониться, явились на совещание с явно враждебными намерениями, в сопровождении многочисленной вооруженной свиты, приведя в замешательство партию Гизов. Шаги, предпринятые вслед за этим министрами, убедили всех, что принцы имели основание им не доверять и рассматривать это совещание как коварный политический ход со стороны Гизов, намеревавшихся без кровопролития заманить в ловушку всех недовольных. Но им это не удалось вследствие бдительности противников, и совещание свелось к выполнению пустых формальностей и бесплодной перебранке; в конце концов было решено отложить решение спорных вопросов до общегосударственного сейма, который в ближайшее время должен был состояться в Орлеане.

Обе стороны, полные недоверия и вражды, не теряя времени даром, стали готовиться к борьбе и ковать гибель своим противникам. Крушение заговора в Амбуазе не положило конца интригам принца Конде. Он направил своих тайных агентов в Дофине, Прованс и другие провинции, где они вызвали волнения среди кальвинистов и призвали к оружию его приверженцев. Со своей стороны герцог Гиз наводнил войсками подозрительные места, сменил комендантов крепостей и, не жалея денег, старался разузнать о каждом новом шаге Бурбонов. Было поймано немало шпионов, которых посадили в тюрьму; в руки герцога попали важные бумаги, бросавшие свет на затейные принцем махинации. Таким образом, герцогу удалось напасть на след новых козней принца, который собирался нанести Гизам сокрушительный удар на сейме в Орлеане. Этот сейм немало тревожил Бурбонов. Уклониться от появления или появиться на нем было для них в равной мере опасно. Если бы Бурбоны ответили отказом на многократные приглашения короля, они могли опасаться за свои владения; если бы они появились в стане врагов, они могли потерять свою свободу. После долгих совещаний Бурбоны склонились к последнему решению, отважившись на этот злополучный шаг.

Сейм приближался, не обещая ничего хорошего; между двумя партиями не было и тени взаимного доверия, столь необходимого, чтобы добиться соглашения и, пойдя на уступки, положить основание прочному миру; и те и другие были охвачены подозрениями и пылали ненавистью. Представители обеих сторон явились на совещание далеко не с дружелюбными намерениями, у всех сердце было переполнено злобой и в голове роились коварные замыслы,— таким образом, сейм, это святилище мира и оплот безопасности, превратился в кровавую арену предательства и мести. Король уже давно лишился душевного покоя, ибо Гизы все время его запугивали; в цвете юных лет он со дня на день слабел и чах под гнетом тревожных дум: ему казалось, что самые близкие его родственники уже заносят над ним кинжал, ему мерещились всяческие напасти, и он уже видел перед собой разверстую могилу. Въезд его в Ор-

леан сопровождался самыми печальными, зловещими предзнаменованиями, глухое бряцание оружия заглушало малейшие проявления радости. Вслед за королем в город хлынули войска, заняли все ворота, наводнили улицы. Столь необычайные приготовления создавали в Орлеане тревожную атмосферу, все опасались, что готовится какое-то коварное покушение.

Бурбоны услышали об этом, еще находясь в пути к Орлеану, и некоторое время пребывали в нерешительности, раздумывая, ехать ли им дальше.

Но если бы они даже решили повернуть назад, — им бы это не удалось; уже было поздно, их со всех сторон окружали отряды королевских разведчиков, и всякое отступление было отрезано. Итак, 30 октября 1560 года они появились в Орлеане в сопровождении своего брата, кардинала Бурбонского, который был послан им навстречу королем, торжественно заверившим их в самых своих добрых намерениях.

Однако оказанный им прием не оправдал монарших обещаний. Они скоро поняли по ледяным лицам министров и по смущению придворных, что пробил час их падения. Когда они предстали перед королем, он выслушал их приветствия с мрачным, суровым лицом, затем разразился гневной речью, грома принца Конде. Он бросил ему в лицо самые чудовищные обвинения, приписывая ему измену за изменой, все злоумышления, о которых ему нашептали, и отдал приказ об аресте принца, прежде чем тот успел сказать хоть слово в ответ на эту ошеломляющую обвинительную речь.

За этим решительным шагом должна была последовать быстрая расправа. Документы, доказывавшие виновность принца, были уже все налицо. Были также собраны свидетельские показания, из которых следовало, что он изменник, оставалось лишь предать его суду. С этой целью была образована чрезвычайная комиссия, в состав которой вошли члены Парижского парламента, а во главе стоял канцлер Лопиталь. Тщетно обвиняемый настаивал на своих правах, ссылаясь на прерогативы своего высокого происхождения, согласно которым его могли судить только сам король, пэры и парламента в полном своем составе. Его призвали к

ответу, причем прибегли к следующей уловке: частное письмо принца к одному из своих адвокатов, под которым, к несчастью, стояла его подпись, было использовано как документ, имеющий законную силу — как показания принца в свою защиту. Ходатайства его друзей и родных оказались бесплодными; тщетно, припав к монаршим стопам,— молила короля супруга принца, в глазах государя принц был злоумышленником, посягавшим на его корону и на его жизнь. Тщетно унижался король Наваррский перед Гизами — он встретил холодный, враждебный отказ. В то время как он умолял о помиловании брата, над его собственной головой на тонком волоске висел меч. В личных покоях монарха Антуана Наваррского поджидала шайка наемных убийц, причем было заранее условлено, что они нападут на него, как только король подаст им знак, затеяв с ними горячий спор. Однако знак так и не был подан, и Антуан Наваррский целым и невредимым вышел из кабинета монарха, у которого хватило низости прибегнуть к наемным убийцам, но не достало смелости привести в исполнение свой коварный замысел.

Гизы решительно повели дело против Конде, им приходилось торопиться, ибо государь быстро угасал. Принцу был вынесен смертный приговор, часть судей уже его подписали,— когда узнали, что король при смерти. Этот непредвиденный поворот событий озадачил противников принца и обнадежил его друзей; вскоре приговоренный испытал на себе его последствия. С поразительным хладнокровием и неизменной ясностью духа, отрезанный от всего мира и окруженный враждебно к нему настроенными стражами, не спускающими с него глаз, принц ожидал решения своей участи, когда внезапно ему было сделано предложение пойти на мировую с Гизами. «Нас примирит только шпага!» — возразил он. Если бы на его счастье вслед за тем не скончался монарх,— он заплатился бы головой за эти дерзкие слова.

Франциск II взшел на престол в столь нежном возрасте, царствовал в столь трудное время, отличался столь слабым здоровьем и столь быстро сошел с трона, что его не приходится винить в смутах, потрясавших

при нем страну и оставленных им в наследство своим преемникам. Слепое орудие в руках королевы, своей матери, и Гизов, своих дядей, он появлялся на политической арене лишь для того, чтобы механически повторить слова подсказанной ему роли, и был слишком ограничен, чтобы разорвать паутину лжи, которую сплетали вокруг него коварные Гизы, скрывая правду. Лишь один-единственный раз он проявил свой природный ум и благородство, едва не разоблачив хитроумных министров. Всеобщее озлобление, вырвавшееся наружу во время амбуазского заговора, не могло ускользнуть от юного монарха, хотя Гизы изо всех сил старались это от него скрыть. Сердце подсказывало ему, что этот взрыв ненависти не был направлен против него, — ведь он слишком мало себя проявил, чтобы вызвать чей-либо гнев. «В чем провинился я перед своим народом, — с недоумением спрашивал он своих дядей, — что он с такой яростью на меня ополчился? Я готов выслушать его жалобы и оказать ему справедливость. Мне думается, — продолжал он, — что все дело тут в вас. Мне бы хотелось, чтобы вы на время от меня удалились, тогда я смогу выяснить, кого они так ненавидят, вас или меня». Однако Гизы не пошли на такой опыт, и этот порыв короля остался без последствий.

Франциск II умер, не оставив потомства, и скипетр перешел ко второму сыну Генриха, которому в то время было всего десять лет; имя этого злосчастного юноши вошло в историю, окрашенное кровью, пролившейся в Варфоломеевскую ночь. Его мрачное царствование началось при самых печальных предзнаменованиях. Близкий родственник монарха — на пороге эшафота, другой родственник едва не пал от руки наемных убийц; весь народ распался на два враждебных лагеря, и часть мятежников уже взялась за оружие; бурно пылает факел фанатизма, и глухие, отдаленные раскаты грома возвещают гражданскую войну; страна вступила на роковую нуть и движется к неминуемой гибели. Измена в сердцах придворных, а в сердцах членов королевской семьи — взаимная отчужденность и подозрительность. В национальном характере — опасная смесь самых противоречивых элементов: слепого суеверия, нелепой

мистики и вольнодумства, душевной грубости и утонченной чувственности; у тех, кто идет на поводу у монархов, разум помрачен фанатизмом, другие еще больше одичали, впав в неверие; эти две разновидности безумия, казалось, заключили между собой чудовищный союз. У великих мира сего руки привыкли к пролитию крови, а уста — ко лжи; гнусные, противоестественные пороки отравляют своим ядом все классы общества. На троне еще не достигший совершеннолетия отрок, с молоком матери всосавший коварное искусство Маккиавелли, выросший среди бурь гражданской войны, воспитанный фанатиками и льстецами, обученный обманывать, почти никогда не встречавший повинения, какое выказывает своему повелителю счастливый народ; не умеющий прощать, признающий за собой лишь ужасное право — карать, привыкший к войнам и казням и равнодушно вззирающий, как льется кровь его подданных! Едва кончается губительная война, как злополучная страна попадает в сети тайного коварного заговора; едва кончается анархия, царившая во время малолетства короля, как наступает краткое и страшное затишье, когда наемный убийца точит свой кинжал. Самый печальный период в истории Франции начинается с воцарением Карла IX и продолжается дольше обычного срока человеческой жизни, заканчиваясь с восшествием на престол славного Генриха Наваррского.

Ввиду смерти ее первенца и нежного возраста Карла IX королева-мать, Екатерина Медичи, выступает на политическую арену, принося с собой новую государственную политику и новые всенародные бедствия. Эта государыня, ненасытная в своем властолюбии, словно созданная для интриг, изобретательная на обманы, до тонкостей постигшая искусство лицемерия, с трудом переносила безудержный деспотизм Гизов, налагавший оковы на ее господствующую страсть. Пока Гизы нуждались в поддержке королевы против Монморанси и Бурбонских принцев, они унижались и низкопоклонничали перед ней, но, укрепившись на захваченных ими постах, начали выказывать ей пренебрежение. Жаждавшая власти королева не могла простить чужеземцам, что они оттеснили ее от короля, лишив сынов-

него доверия, и что важнейшие государственные дела решаются без нее,— все это жестоко ранило ее сердце. Больше всего на свете ей хотелось быть у власти, величайшим ее блаженством было сознавать, что в ней нуждаются обе партии. Чтобы удовлетворить своему заветному желанию, она шла на любые жертвы, но вся ее деятельность ограничивалась лишь поприщем политических интриг, где с блеском проявлялись ее дарования. Для нее имели значение только интриги, она была равнодушна к людям. Как правительнице государства и матери трех королей, ей выпала тяжелая миссия — отстаивать колеблющийся авторитет своего дома в яростной схватке партий, и она могла противопоставить дерзости вельмож лишь свое коварство, их силе — свою хитрость. Оказавшись между двумя борющимися партиями — Гизов и принцев Бурбонских,— она долгое время вела двойственную политику, ибо не могла придерживаться устойчивого, неизменного плана действий. Сегодня, раздосадованная заносчивостью Гизов, она примыкает к партии протестантов, завтра, если это ей выгодно, без зазрения совести переходит на сторону Гизов, сумевших к ней подольститься, и оказывает им важные услуги. При этом она без колебаний выдает все тайны, какие имела неосторожность ей доверить противная партия. Екатерине был свойствен лишь один-единственный порок, но такой, который можно назвать матерью всех пороков: она не ведала различия между добром и злом. Ее мораль изменялась в зависимости от обстоятельств, и в различные моменты своей жизни она проявляла то бесчеловечную жестокость, то милосердие, то смирение, то гордыню, то искренность, то лживость. Все ее страсти были подчинены своекорыстному расчету, и даже голос мстительности смолкал, когда этого требовали ее интересы. Это была зловещая фигура, не менее отталкивающая, чем те отпетые исторические злодеи, на которых не жалеют красок наивные летописцы, изображая их извергами рода человеческого.

Но, не отличаясь добродетелями, она обладала выдающимся государственным умом, дипломатическими способностями и всеми талантами, какие только совместимы с подобным характером. Однако она употребляла

свои дарования во зло, заставляя их служить своим темным целям. У нее была величавая, поистине королевская осанка, все, к чему она прилагала руку, приобретало печать изящества и изысканного вкуса; все, кроме ее души, было в ней пленительно красиво; всякий, кто к ней приближался, был очарован ее приветливым обхождением, ее остроумной беседой, ее благосклонной любезностью. Еще никогда французский двор не достигал такого блеска, как при королеве Екатерине. Она перенесла утонченную культуру Италии на французскую почву, и при ее дворе царил легкомысленное веселье, несмотря на все ужасы свирепствовавшего кругом фанатизма, на все бедствия гражданской войны. Она поощряла изящные искусства и ценила все заслуги, кроме добродетели. Но из-за благодеяний, оказанных ею своей новой родине, вся нация была отравлена опаснейшими ядами, нравы развратились, и создалось пагубное брожение умов. Придворная молодежь, которую Екатерина освободила от гнета старинного этикета, поощряя тем самым всякую разнузданность, вскоре без оглядки устремилась по пути наслаждений, отбросив вместе с костюмом старинного покроя всякий стыд и порядочность. Общество сильно изменилось к худшему — обман и лицемерие пришли на смену благородной правдивости рыцарских времен. Верность и благочестие иссякли как в недрах семьи, так и в общественной жизни, и страна утратила свой бесценный палладиум. Екатерина ввела во Франции моду на астрологию, привезя ее с собой из Италии, и тем самым способствовала развитию суеверий; безумие, охватившее придворных, быстро распространилось на все классы общества, вплоть до самых низов, и под конец в руках фанатиков стало губительным орудием. Но самым печальным ее подарком Франции были три короля, трое ее сыновей, которых она воспитала в своем духе и возвела на престол, внушив им свои принципы. Закон естественный и законы государственные даровали Екатерине регентство в период несовершеннолетия ее сына, но политические обстоятельства, при которых она пришла к власти, внушили ей тревогу. Генеральные штаты собрались в Орлеане, в стране пробудился дух незави-

симости, и два могущественных лагеря уже вооружались к борьбе. Вожди обеих партий стремились к власти, не было короля, который мог бы встать между ними и положить предел их честолюбию, и регентство могло устранить это зло лишь при условии примирения двух враждующих сторон. Король был еще жив, когда обе стороны уже начали решительно воздействовать на Екатерину, склоняя ее к самым противоположным мероприятиям. Гизы и их приверженцы, заручившись поддержкой большинства представителей сословий, опираясь на католическую партию, которая всецело их поддерживала, усиленно настаивали, чтобы Екатерина привела в исполнение приговор над принцем Конде, нанеся смертельный удар дому Бурбонов, чье беспримерное возвышение угрожало королевской фамилии. С другой стороны королеву осаждал Антуан Наваррский, убеждая ее использовать врученную ей власть для спасения его брата и тем самым обеспечить себе поддержку всей его партии. Однако ни одна из этих сторон не оспаривала права королевы на регентство. Обстоятельства, в которых смерть короля застигла Бурбонских принцев, были столь неблагоприятны, что им не могло прийти в голову домогаться регентства, хотя при других условиях они наверное стали бы этого добиваться. Итак, они предпочитали молчать, зная, что если посеют сомнения в правах Екатерины, то этим воспользуются честолюбивые Гизы. Лотарингские принцы, с своей стороны, не возражали против регентства королевы, ибо опасались навести французов на мысль о правах Бурбонов, ближайших родственников короля. Молча признав права Екатерины на регентство, обе стороны тем самым отказались от своих притязаний, причем каждая надеялась, воздействуя на королеву, добиться осуществления своих честолюбивых замыслов.

Руководствуясь мудрыми советами канцлера Лопиталья, Екатерина нашла выход в том, чтобы не вступать в союз ни с одной партией против другой, но, искусно лавируя между ними, господствовать над обеими. Вырвав принца Конде из когтей мстительных противников, она оказала огромную услугу королю Наваррскому, но, с другой стороны, она обещала лотарингским принцам

свою могущественную поддержку на случай, если бы Бурбоны вздумали напомнить, каким гонениям они подвергались в предыдущее царствование. Благодаря такой политике она стала регентшей государства сразу же после кончины монарха, не встретив никакого сопротивления, даже без содействия собравшихся в Орлеане генеральных штатов, бездеятельно взиравших на происходящие великие перемены, — и воспользовалась своей властью, чтобы первым делом возвысить Бурбонов и таким образом вновь восстановить равновесие между обеими партиями. Конде вышел из тюрьмы, — причем ему был оказан должный почет, — и в одном из поместий брата ожидал формального оправдания; король Наваррский был возведен в чин генерал-лейтенанта французского королевства, и тем самым ему была вручена весьма значительная власть. Гизы, урезанные во многом, все же не теряли надежды на будущее свое возвышение; они прочно утвердились при дворе и могли оказать королеве могущественную поддержку против честолюбивых Бурбонов.

На некоторое время водворилось некое подобие мира, но раны были еще так свежи, что трудно было добиться взаимного доверия. Тут вспомнили о коннетабле Монморанси, который в предыдущее царствование был отстранен от участия в государственных делах деспотически властвовавшими Гизами, но с переменой правления должен был вернуться на свой прежний пост. Горячо ревнуя о благе отечества, преданный своему королю и своей религии, Монморанси был как раз подходящим человеком, — встав между регентшей и ее министрами, он мог примирить их друг с другом и подчинить частные интересы обеих сторон благу государства. Орлеан все еще походил на военный лагерь — введя в город свои войска, Гизы устрашили своих противников и воздействовали на сейм; прибыв туда, коннетабль тотчас же снял сторожевые посты с городских ворот. «Король, мой повелитель, — заявил он, — отныне может без личной охраны открыто разъезжать по всему своему королевству. Ваше величество, вы можете ничего не опасаться, — продолжал коннетабль, обращаясь к юному монарху; при этих словах он преклонил перед

ним колено и почтительно поцеловал ему руку, орошая ее слезами.— Да не устрашат вас происходящие в стране волнения. Я готов положить жизнь свою,— а со мною и все ваши верные подданные,— дабы сохранить корону на вашем челе». Он сдержал свое слово, в скором времени водворив в королевстве законность и постаравшись установить границу между властью королевы-матери и короля Наваррского. Орлеанский сейм, созванный с единственной целью заманить в западню Бурбонских принцев и обреченный на бездействие неожиданным поворотом событий, теперь, после нескольких совершенно бесполезных заседаний, протекавших с театральной торжественностью, был закрыт, чтобы вновь собраться в мае месяце того же года. Восстановленный в своих правах, принц Конде появился при дворе во всем блеске своего величия, торжествуя над своими врагами. Его партия получила могущественного союзника в лице коннетабля. Бывших министров стали третировать, оскорбляя их при всяком удобном случае, и, казалось, их падение было уже предрешено. Дело шло к тому, что регентша скоро будет поставлена господствующей партией в необходимость либо устранить лотарингцев, либо самой отказаться от регентства.

Но королева, как тонкий политик, несмотря на поднявшуюся бурю, не отказывала Гизам в своем заступничестве, ибо отлично знала, что дать волю партии Бурбонов значило поставить под удар себя самое, монархию, а быть может, и религию. Однако столь слабая и шаткая опора не удовлетворяла Гизов, к тому же их честолюбие сильно страдало оттого, что им волей-неволей приходилось играть второстепенную роль. Итак, они решили действовать своими силами, обходясь без покровительства королевы, и использовать преждевременный триумф своих противников на благо своей партии. Их враги, в своей ненасытной ненависти не довольствуясь тем, что отстранили Гизов от кормила правления, простерли руку к их богатствам и стали требовать, чтобы им дали отчет во всех денежных награждениях и пособиях, которые лотарингским принцам и их приверженцам удалось вырвать у покойного короля. Это требование наносило удар не только Гизам, но и герцогине

де Валентинуа, маршалу де Сент-Андре, любимцу Генриха II, и, к несчастью, самому коннетаблю, который не раз пользовался в своих интересах щедростью Генриха, а вдобавок породнился с домом Валентинуа, женив сына на дочери герцогини. Неумеренная ревность к вере была единственной слабостью Монморанси, корыстолюбие — его единственным пороком, тенью на солнце его добродетелей, и на эту удочку поймали его коварные Гизы. Связанные общими интересами с маршалом и герцогиней, они воспользовались этим, чтобы переманить на свою сторону коннетабля, сыграв на его двух слабых струнах — ревности к вере и скупости. Пустив в ход хитрую аргументацию, они изобразили посягательство кальвинистов на их достояние как шаг, направленный к ниспровержению католической религии, и одураченный старец тем легче попался в их сети, что ему было не по нутру благоволение, какое регентша с некоторых пор открыто оказывала кальвинистам. Впрочем, сами Гизы давали повод к такой тактике, противоречившей образу мыслей королевы, ибо вошли в подозрительное соглашение с Филиппом II, королем испанским. Этот страшный сосед Франции, одержимый ненасытным властолюбием и желанием расширить свои границы, пожирал глазами чужеземные владения; не умея отстоять своих собственных, он уже давно не спускал глаз с Франции, занятый ее внутренними делами; не без удовольствия взирал он на бури, ее потрясавшие, и через своих тайных агентов коварно разжигал ненависть в обеих партиях. Под маской покровительства он жестоко тиранил Францию. Испанский посол в стенах Парижа диктовал католикам, какой тактики им придерживаться по отношению к своим противникам, отменяя принятые ими меры, если они шли вразрез с интересами его владыки, одобряя, если они были ему на пользу, и открыто, беззастенчиво разыгрывал роль министра. Лотарингские принцы были теснейшим образом с ним связаны и не предпринимали ни одного важного шага, не договорившись с испанским двором. Как только произошло объединение Гизов и маршала де Сент-Андре с Монморанси, известное под названием Триумвирата, они совершили весьма предосу-

длительный шаг, признав своим верховным главой короля испанского, который должен был в случае необходимости поддержать их вооруженной силой. Таким образом, из слияния двух враждующих партий в королевстве возникла новая страшная сила, которая, опираясь на все католическое население страны, грозила нарушить равновесие между двумя религиозными лагерями, с таким трудом поддерживаемое Екатериной. Тогда королева прибегла к своему излюбленному средству — к посредничеству, чтобы враждебные стороны по крайней мере чувствовали свою зависимость от нее. Все распри, имевшие место между партиями, обычно называют религиозными, ибо исключительно интересы веры привязывали французских католиков к Гизам, а протестантов — к Бурбонам. Кажется, Триумvirату удалось добиться превосходства над противниками, и протестантам грозили новые гонения, а их упорное сопротивление могло повлечь за собою гражданскую войну; отдельные стычки между религиозными партиями, отдельные восстания, имевшие место как в столице, так и в ряде провинций, были предвестниками надвигающейся бури. Екатерина приняла все меры, чтобы затушить в самом начале пожар, и с великим трудом ей удалось издать эдикт, отменявший смертную казнь за исповедание новой веры, но вместе с тем запрещавший протестантам отправление религиозного культа, а главное — всякие сборища, которые они так настоятельно просили им разрешить. От этого мало выиграла партия протестантов, но по крайней мере можно было не опасаться с их стороны бурных взрывов отчаяния, и при дворе между главарями партий водворился видимый мир, показывавший, как мало трогала вождей гугенотов судьба их единоверцев, о которой они все время разглагольствовали. Огромных трудов стоило добиться полюбовного соглашения между принцем Конде и герцогом Гизом, и сам король должен был сыграть роль посредника. Заранее договорились о каждом слове, жесте и поступке, и в присутствии монарха была разыграна следующая комедия. «Расскажите нам, пожалуйста, — обратился король к герцогу Гизу, — что именно произошло тогда в Орлеане?» Тут герцог изо-

бразил в надлежащем свете преследования, обрушившиеся на принца, выгораживая себя и сваливая всю вину на покойного короля. «Кто бы ни был мой оскорбитель,— произнес Конде, поворачиваясь к герцогу,— я заявляю, что он дерзкий беззаконник и негодяй!» — «И я также,— подхватил герцог,— хотя меня это и не касается».

В период регентства королевы Екатерины то и дело происходили переговоры, но все же оставались назревшие вопросы, которые должны были разрешить сейм в Понтуазе и совещание в Пуасси, созываемые с целью найти выход из тяжелой политической ситуации и добиться сближения между представителями различных религий. Сейм, который состоялся в Амбуазе в мае 1561 года, был непосредственным продолжением бесплодного орлеанского сейма. Этот сейм ознаменовался лишь нападками остальных сословий на духовенство, которое решило добровольно отдать треть (*dono gratuit*) своих владений, чтобы сохранить за собой остальные две трети. Диспут о религии, состоявшийся в Пуасси, маленьком городке близ Сен-Жермена, между главами трех церквей, также не оправдал всеобщих ожиданий. Во Франции, как и в Германии, уже давно раздавались голоса, требовавшие созыва вселенского собора в целях спасения церкви от раскола; собор должен был заняться устранением всяческих злоупотреблений, добиться исправления нравов духовенства и защитить догматы, подвергавшиеся критике. Такой собор был созван в 1542 году в Триенте, продолжался он несколько лет, но не оправдал возлагавшихся на него надежд и был разогнан в 1552 году, когда в Германии начались вооруженные столкновения. С тех пор собор так и не возобновлялся, ибо ни один папа не пошел навстречу всеобщему желанию; однако религиозные волнения, связанные с церковным расколом, все продолжались и принесли с собою столько бедствий народам Европы, что Франция стала усиленно настаивать на созыве собора, вынуждая на это папу Пия IV путем угроз.

Между тем колебания папы навели французских министров на мысль устроить встречу глав всех трех церквей, мирно обсудить спорные пункты, добиться

взаимного сближения между инаковерующими, низложить еретические учения и показать всю силу истины. При этом в их расчеты входило, что на совещании неизбежно выявится коренное различие, существующее между лютеранством и кальвинизмом, вследствие чего приверженцы Кальвина лишатся поддержки немецких лютеран, которая делает их столь опасными. Можно думать, что именно таковы были тайные побуждения кардинала Лотарингского, ибо он с величайшим рвением стал подготавливать этот диспут, на котором надеялся блеснуть своей богословской эрудицией и красноречием. Чтобы истинная церковь могла во всем блеске восторжествовать над ложной, заседания должны были происходить публично. В зале собраний появилась сама регентша со своим сыном, в сопровождении принцев крови, министров и самых важных сановников королевства, и открыла заседание. Пять кардиналов, сорок епископов и множество докторов, среди которых Клод-Эспенс выделялся своей ученостью и глубокомыслием, выступили на защиту римской церкви; двенадцать выдающихся богословов должны были отстаивать протестантскую. Самым замечательным из них был женеvский проповедник Теодор Беза, мыслитель столь же утонченный, сколь пылкий, пламенный оратор, искусный диалектик, опаснейший противник, искушенный в словесных битвах.

Беза было предложено ознакомить собрание с вероучением кальвинистов, и он, выйдя на середину зала, преклонил колена и с воздетыми руками произнес молитву. В этой своей молитве он изложил основы своей веры, подкрепляя их всеми доводами, какие только позволяла ему краткость времени, и закончил свою речь, описав в трогательных словах бедственное положение своих братьев по вере, до последнего времени подвергавшихся во Франции преследованиям. Его слушали в глубоком молчании, но когда он затронул вопрос о пресуществлении хлеба в тело Христово во время евхаристии, ропот неудовольствия пробежал по рядам собравшихся. Когда Беза кончил говорить, католики стали спрашивать друг друга, удостоить ли его ответной речью, и кардиналу Лотарингскому лишь с трудом

удалось добиться согласия епископов. Наконец, он выступил и в искусно построенной речи красноречиво опроверг основные положения своего противника, в особенности те, которые подрывали авторитет католической церкви и ее учение об евхаристии. Теперь уже начали раскаиваться, что привели юного короля на этот диспут, где столь свободно подвергались обсуждению самые священные догматы церкви. Как только кардинал закончил свою речь, все епископы поднялись с мест, окружили короля и воскликнули в один голос: «Государь! Такова истинная вера! Таково чистое учение церкви! И мы готовы запечатлеть его своею кровью!»

Следующие заседания, на которые благоразумно решили не допускать юного короля, были посвящены обсуждению других спорных пунктов; особенно подробно и глубоко рассматривался вопрос об евхаристии, для того чтобы заставить упорного женевского проповедника отказаться от своих убеждений. Поскольку лютеране по этому вопросу еще больше расходятся во взглядах с кальвинистами, чем с католической церковью, то надеялись, поставив этот вопрос на обсуждение, посеять раздоры между двумя церквями. Однако глубоко-мысленное собеседование, имевшее целью убедить инаковерующих, неприметно перешло в бесплодные словоблужия, где пускалось в ход не благородное оружие разума, но хитроумные уловки, софистические приемы словесной борьбы. Комиссия, в которую от каждой стороны вошло по пяти докторов, должна была окончательно разрешить все споры, но и она ни к чему не пришла, и когда диспут был закончен, каждая из сторон считала себя победительницей. Итак, этот диспут, происходивший во Франции, столь же мало оправдал всеобщие ожидания, как и аналогичный диспут, имевший место в Германии, — и политики вновь взялись за старое, занявшись интригами, которые до сих пор всегда приносили желаемые результаты. Папский двор при содействии своих легатов особенно старался поднять значение Триумvirата, на котором, казалось, зиждилось благополучие католической церкви. В этих целях постарались привлечь к Триумvirату короля Наваррского и заставить его отказаться от партии протестантов; это

было задумано с расчетом на весьма неустойчивый характер этого принца. Антуан Наваррский, получивший известность не за свои деяния, но прежде всего как отец великого Генриха IV, имел мало общего со своим сыном, кроме любезности в обхождении и воинской доблести. Нерешительный, лишенный всякой самостоятельности, он вел самую робкую политику, и когда его маленький трон шатался от толчков, какие ему наносили два могущественных соседа, Антуан Наваррский перебрасывался от одной партии к другой, легко переходил из одной веры в другую, неустойчивый как в пороке, так и в добродетели. Всю свою жизнь он был игрой лицом чужих страстей, непрестанно обманываясь в своих надеждах, гнался за лживыми иллюзиями, которые коварно внушали ему соперники. Испания при содействии папских интриг отняла у Наваррского дома значительную часть его королевства, и Филипп II, вовсе не склонный исправить эту несправедливость, которая была ему на руку, и не думал возвращать законному наследнику земли, захваченные его предками. Против столь могущественного врага Антуан Наваррский мог пускать в ход лишь оружие слабого. Порою он старался подольститься к своему противнику, заискивал перед ним в расчете на его великодушие, надеясь добиться справедливости и получить дипломатическим путем свое достоинство, которого не смел открыто требовать у грозного соседа. Порою, обманувшись в своих надеждах, он искал прибежища во Франции, надеясь с ее помощью вернуть свои родовые земли. Обманутый и в тех и в других своих чаяниях, он с горя встал на сторону протестантов, но, разумеется, без колебаний отступился бы от них, если бы у него появилась хоть малейшая надежда достигнуть своих целей в союзе с их противниками. Раб своей корыстной, трусливой политики, нестойкий в своих решениях и надеждах, он никогда *целиком* не отдавался партии, под знаменем которой боролся, и, даже проливая за нее свою кровь, не мог рассчитывать на благодарность, — ведь он проливал ее и за тех и за других.

На этом-то принце и остановили свое внимание Гизы, решив заручиться его поддержкой, дабы усилить

мощь Триумvirата. Однако его нельзя было соблазнить обещанием вернуть ему Наварру, это был уже избитый прием, и не раз обманутый в прошлом, государь не поверил бы им. Поэтому они прибегли к новой уловке, придумав план, столь же фантастический, сколь и все предыдущие, но как нельзя лучше отвечавший их целям. Когда недоверчивый принц отказался от брака с вдовствующей королевой Марией Стюарт, не соблазнившись даже связанными с ним перспективами — правами на трон Шотландии и Англии, — Филиппу II пришлось предложить ему в виде компенсации за Наварру — остров Сардинию. Чтобы сделать этот остров особенно желанным, изобразили в самом привлекательном виде те преимущества, которые ему принесло бы обладание этим королевством. Антуану Наваррскому намекнули, что это даст ему в не столь отдаленном будущем права на французский престол, когда вымрет правящая династия в лице болезненных сыновей Генриха II; такая возможность безусловно будет исключена, если он сохранит верность партии протестантов. Наконец, сыграли на его тщеславии, указав, что, отвергая столь блестящее предложение, он мало что выгадает, — ведь ему все равно не удастся играть первую роль в партии, где неограниченно господствует принц Конде. Слабодушный король Наварры не устоял против столь убедительных доводов. Чтобы не быть на втором месте в партии протестантов, он безоговорочно перешел на сторону партии католической, где ему пришлось играть еще менее значительную роль. Не желая иметь соперника в лице принца Конде, он предался герцогу Гизу, избрав его своим господином и повелителем. Померанцевые роци Сардинии, под сенью которых он мечтал обрести земной рай, пленили его воображение, и он очертя голову бросился в расставленные ему тенета. Он пренебрег даже королевой Екатериной, чтобы всецело отдаться Триумvirату, и партия протестантов в его лице лишилась не слишком полезного друга и приобрела еще менее опасного врага.

Благодаря стараниям королевы Екатерины между вождями религиозных партий водворилось некоторое

подобие мира, что не мешало обеим партиям яростно враждовать между собой. Стоило одной из них обнаружить, что она сильнее, как она начинала притеснять и дразнить своих противников, а вожди обеих сторон не вмешивались в события и любовались этим зрелищем, радуясь, что их приверженцы полны рвения и дух партийной вражды на должной высоте. Хотя последний эдикт королевы Екатерины и воспрещал протестантам публичные сборища,— это не мешало им, всякий раз как они чувствовали себя достаточно сильными, нарушать этот запрет. И в Париже и в провинциях, невзирая на эдикт, открыто произносились проповеди, а попытки воспрепятствовать этому не всегда кончались благополучно. Королева с тревогой взирала на анархию, свирепствовавшую в стране, прекрасно понимая, что эти мелкие стычки лишь проба оружия и за ними неизбежно последует настоящая война. Поэтому дальновидный и отличавшийся терпимостью канцлер Лопиталь, главный советник королевы, без особого труда убедил ее отменить эдикт, который, оставаясь бездейственным, подрывал авторитет законодательной власти, ибо давал повод протестантам к постоянному непослушанию и сопротивлению, побуждал католиков настаивать на его применении и тем самым лишь разжигал взаимную ненависть обеих сторон. По инициативе этого мудрого патриота, регентша созвала представителей от всех парламентов на совещание в Сен-Жермен, чтобы обсудить вопрос: «Как поступать с реформатами и что предпринять в отношении их сборищ (оставляя в стороне всякую оценку сущности их религии) — для блага всего государства?»

В самой постановке вопроса уже был заключен ответ, и в результате этого совещания последовал эдикт, весьма благоприятный для протестантов. Он официально разрешал им собираться для совершения богослужений, правда, безоружными и за стенами города, и предписывал всем представителям власти брать эти собрания под охрану. Однако протестанты должны были вернуть католикам отнятые у них церкви и церковную утварь, почитать католическое духовенство наравне с католиками, а также соблюдать все праздники и не

заключать браков между близкими родственниками вопреки постановлениям господствующей церкви. Несмотря на настоятельные возражения Парижского парламента, этот эдикт был обнародован в январе 1562 года; он получил название Январского эдикта; войдя в законную силу, он вызвал великое неудовольствие в рядах ревностных католиков и испанской партии и немалое торжество в рядах протестантов. Кажется, он обезоруживал их злонамеренных врагов и полагал основания миру и законности в королевстве. Регентша льстила себя надеждой, что этот эдикт послужит к строгому разграничению обеих церквей, обуздает вельмож, положит предел их честолюбивым замыслам и на долгие годы водворит в стране мир, затушив искры междоусобной войны. Однако именно этот эдикт, неоднократно нарушавшийся, побудил протестантов к самым решительным шагам и повлек за собой войну, которую должен был предотвратить.

Итак, Январский эдикт 1562 года отнюдь не оправдал надежд издавшей его государыни, он не удержал обе религиозные партии в рамках законности, напротив, он только подстрекнул врагов законности к новым, еще более тайным и злокозненным замыслам. Преимущества, которые этот эдикт даровал протестантам, и явное благоволение королевы к их вождям — Конде и Шатильонам, глубоко оскорбляли старого ханжу и честолюбца Монморанси, обоих Гизов и их испанских союзников. Молча, еле сдерживая кипевшие в них страсти, наблюдали друг за другом главари обеих партий и, казалось, только выжидали благоприятного момента для начала открытой борьбы. Обе стороны были полны решимости ответить враждебными действиями на всякий враждебный выпад противников, но остерегались сделать первый шаг, дабы не оказаться виновными в глазах всего мира. Наконец, случилось то, чего обе стороны в равной мере желали и опасались.

Незадолго перед тем герцог Гиз и кардинал Лотарингский покинули двор регентши и направились к германской границе, чтобы воспрепятствовать столь опасному для них проникновению немецких протестантов в пределы Франции. Но вскоре католическая пар-

тия стала остро чувствовать отсутствие своих вождей, и возвращение их было тем более желанным, что симпатии королевы к протестантам все возрастали. Итак, герцог направил путь в Париж, в сопровождении значительной свиты, которая по мере продвижения все увеличивалась. Путь его лежал через Васси, городок на границе Шампани, где как раз в это время община протестантов собралась слушать публичную проповедь. Свита герцога, столь же дерзкая, как ее повелитель, затеяла с толпой фанатиков перебранку, которая быстро перешла в драку. Герцог бросился разнимать дерущихся и в беспорядочной свалке был ранен камнем в лицо. Увидев кровь на щеке герцога, его спутники пришли в ярость и как дикие звери набросились на безоружных, принялись их избивать без различия пола и возраста и кощунственно осквернили попавшиеся им под руку предметы религиозного культа. Узнав об этих насилиях, вся кальвинистская Франция пришла в волнение, и принц Конде с негодованием пожаловался регентше; вслед за ним явилась с жалобой целая депутация. Екатерина приняла все меры, чтобы водворить мир, и, будучи убеждена, что от главарей зависит успокоить своих приверженцев, спешно призвала ко двору герцога Гиза, задержавшегося в Монсо, намереваясь выступить в качестве посредницы между ним и принцем Конде.

Однако все ее усилия были напрасны. Герцог дерзнул ослушаться и в сопровождении многочисленной свиты продолжал свой путь; прибыв в Париж, он был шумно встречен толпой своих приверженцев и совершил триумфальный въезд. Тщетно старался Конде, незадолго перед тем спешно прибывший в Париж, привлечь народ на *свою* сторону. Фанатически настроенные парижане видели в нем лишь ненавистного гугенота, а в герцоге — доблестного защитника католической церкви. Принц вынужден был удалиться, и поле действий осталось за его удачливым соперником.

Теперь стало ясно, что верх возьмет та сторона, которая превзойдет другую в поспешности, мощи и решительности. Между тем как принц, удалившийся в Мо, лихорадочно стягивал туда войска и соединился

с Шатильонами, чтобы дать отпор триумвирам, последние уже двинулись во главе многочисленной конницы в Фонтенебло, чтобы, захватив в свои руки юного короля, объявить своих противников мятежниками, оставшими на законного монарха.

Ужас и смятение овладели регентшей, едва до нее долетела весть о торжественном въезде герцога в Париж; его растущее могущество было залогом ее падения. Равновесие между партиями, благодаря которому ей до сих пор удавалось властвовать, было нарушено, и лишь ее открытое выступление в пользу протестантов могло бы вновь его восстановить. Боязнь испытать на себе тираническую власть Гизов и их приспешников, страх за жизнь короля и за свою собственную заставили ее отказаться от всякой осмотрительности. Забывая о еще недавно столь для нее страшном честолюбии вождей протестантов, она стала искать у них защиты против честолюбивых посягательств Гизов. Испуганной королеве пришлось в голову опереться на протестантов, которые одни могли оказать ей помощь: надвигалась грозная опасность, и было уже не до рассуждений. Она охотно приняла поддержку, предложенную ей этой партией, со всеми вытекающими из нее последствиями и спешно призвала принца Конде, который должен был защитить сына и мать. Чтобы не быть захваченной своими противниками, она вместе с королем бежала в Мелен, а оттуда в Фонтенебло, но стремительность триумвиров расстроила все ее планы.

Они завладевают королем и предлагают матери или его сопровождать, или же выбрать себе по своему усмотрению какую-либо другую резиденцию. Не успела она принять решение, как они уже тронулись в поход и увлекли ее за собой. Объятая ужасом королева не знала, к какой стороне примкнуть: куда ни бросит взгляд, отовсюду ей грозит опасность. Чтобы не попасть в беду страшную и неведомую, она пошла на уже известную ей опасность, решив соединить свою судьбу с Гизами. Короля торжественно ввозят в Париж, и его присутствие поощряет фанатически настроенных католиков на всяческие неистовства против протестантов. Разъяренная чернь врывается в их молитвенные дома, двери

взламывают, кафедры и церковные кресла разбивают в щепки и обращают в пепел; и сей геройский подвиг был совершен французским главнокомандующим, маститым старцем Монморанси. Однако эта смехотворная битва была лишь прологом к настоящей войне.

Принц Конде опоздал всего на несколько часов. Исполняя волю регентши, он тотчас же двинулся с многочисленной свитой в Фонтенебло, чтобы взять под свою защиту королеву и ее сына; но, прибыв туда, узнал, что противники его опередили и счастливая возможность упущена. Однако эта неудача не сломила его дух. «Раз уж мы так далеко зашли,— заявил он адмиралу Колиньи,— надо идти напролом, иначе мы погибнем». Он устремился со своими войсками к Орлеану и успел прийти на помощь полковнику д'Андело, который там сражался против католиков и попал в тяжелое положение; прибытие принца принесло ему победу. Конде решил сделать этот город своим оплотом и собрать туда всю свою партию; в случае беды Орлеан должен был служить убежищем и для его семьи и для него самого.

Между двумя партиями началась настоящая война: в ответ на манифесты одних следовали контрманифесты; и те и другие были пропитаны ядом партийной ненависти, и там было все что угодно, кроме правды. В своих манифестах принц Конде призывал всех благонамеренных французов освободить короля и его мать, которых держат в плену Гизы со своими приспешниками. А Гизы утверждали, что раз монарх с ними, значит, дело их правое, и приглашали всех верноподданных встать под знамена короля. И сам малолетний король должен был объявить в государственном совете, что он свободен, так же как и его мать, и утвердить Январский эдикт. Такие же декларации были сделаны обеими сторонами иностранным державам. Чтобы усыпить бдительность немецких протестантов, Гизы заявили, что в данном случае речь идет не о религии и война ведется лишь против мятежников. К подобной же уловке прибег принц Конде, чтобы лишить своих врагов поддержки иностранных католических держав. В этой дипломатической борьбе, построенной на обмане, Екатерина осталась верна себе и своей политике и, вынужден-

ная обстоятельствами проявлять двуличность, мастерски разыгрывала одновременно самые противоположные роли. Она публично отреклась от всех своих соглашений с принцем Конде и настоятельно призывала его к миру, а втайне, как утверждают, поощряла его вербовать войска и продолжать военные действия. В то время как герцог Гиз отдавал приказ правителям провинций всеми средствами притеснять протестантов, королева в своих посланиях приказывала их щадить.

Но проводя эти политические мероприятия, обе стороны ни на миг не упускали из виду самое главное, то есть войну, и лицемерные попытки сохранить мир лишь дали принцу Конде время вооружиться как следует. Он потребовал, чтобы все протестантские церкви предоставили ему денежные средства, необходимые для ведения войны, столь близко их касавшейся, и религиозный пыл протестантов дал ему доступ к их сокровищам. Деятельно производилась вербовка войск, храброе, преданное принцу дворянство спешно вооружалось, и был обнародован торжественный, пространный манифест, призывавший к объединению раздробленную партию и определявший цель этой конфедерации. В манифесте было заявлено, что протестанты подняли оружие, дабы восстановить в стране законность и авторитет монарха и защитить особу короля от злонамеренных посягательств со стороны некоторых честолюбцев, которые ввергают всю страну в бездну смут. Протестанты торжественно обещали, что не допустят никаких кощунственных актов, профанации религии и будут всеми силами бороться со всякими суеверными взглядами и обычаями, со всякими проявлениями развращенности и тому подобным; это было равносильно формальному объявлению войны католической церкви. В заключение принц Конде провозглашался главой всего союза, ему клялись в верности до гроба и обещали беспрекословное повиновение. Отныне восстание приобретало известную плановость, имевшие место отдельные начинания подчинялись единому руководству и связывались между собой; отныне партия протестантов становилась целостным организмом, одушевленным руководящей идеей. Правда, католики и протестанты уже давно пробовали

свои силы в небольших схватках; отдельные дворяне в различных провинциях уже взялись за оружие, на вербовали солдат, внезапно захватили некоторые города, наводнили войсками равнины, вели небольшие сражения; но эти разрозненные операции хотя и опустошали провинции, становившиеся ареной военных действий, все же не имели решающего значения и оставались без последствий, ибо не было ни центрального сборного пункта, ни регулярной армии, которая в случае поражения могла бы прийти на помощь разбитым отрядам.

Теперь во всем королевстве спешно вооружались, одни для нападения, другие для обороны; особенно горячо откликнулись на призыв протестантов крупнейшие города Нормандии, в первую очередь Руан. Всеми провинциями овладел чудовищный дух раздоров, разрывавший священные узы родства и потрясавший основы общества и государства. Каждый день приносил все новые грабежи, убийства, кровопролитные схватки; зловещие облака дыма, встававшие над городами, возвещали о всенародном бедствии. Братья разлучались с братьями, отцы с сыновьями, друзья с друзьями, чтобы примкнуть к различным вождям и вновь повстречаться в кровавых схватках междоусобной войны. Тем временем регулярная армия под начальством принца Конде направлялась в Орлеан, другая, под предводительством коннетабля де Монморанси и Гизов — в Париж, и обе горели нетерпением решить великие судьбы религии и отчизны.

Но прежде чем дело дошло до столкновения, Екатерина сделала попытку вновь сыграть роль посредницы: регентше была нежелательна война, ибо каков бы ни был ее исход, ей неизбежно пришлось бы подчиниться победителю. По ее инициативе главари обеих партий встретились в Туре, вели переговоры, и, когда не удалось прийти ни к какому соглашению, было созвано новое совещание в городе Тальси, расположенном между Шатоденом и Орлеаном. Принц Конде настаивал на отстранении от переговоров герцога Гиза, маршала де Сент-Андре и коннетабля, и действительно королеве удалось добиться, чтобы они на время совещания удалились на несколько миль от королевского лагеря.

Устранив таким образом всякие поводы ко взаимному недоверию, эта хитрая государыня, которой важно было лишь одно — избавиться от тирании, с какой бы стороны она ей ни грозила, свела принца Конде со своим агентом, епископом Валенсийским, который, пустив в ход искусную аргументацию, сумел так обойти принца, что тот согласился вместе со всеми своими приверженцами покинуть пределы Франции, при условии, что его противники сделают то же самое. Она тут же поймала его на слове и уже предвкушала свое торжество над принцем, но всеобщее недовольство в протестантском лагере и новые соображения, вставшие перед принцем, когда он понял всю свою опрометчивость, побудили его внезапно прервать совещание и заплатить королеве обманом за обман. Итак, последняя попытка добиться соглашения мирным путем потерпела неудачу, — и теперь предстояло разрешить спор силой оружия.

Историки не жалеют красок, описывая чудовищную жестокость, проявленную в этой войне. Но достаточно бросить хотя бы один взгляд в сердце человеческого и на историю, чтобы понять, чем были вызваны все эти злодеяния. Уже давно замечено, что из всех войн самые гнусные и бесчеловечные — это те, которые религиозный фанатизм и партийная ненависть разжигают внутри страны. Инстинкт разрушения, вырвавшись на волю, уже не знает удержу: уничтожено все, что только есть святого для человека, расторгнуты достойные уважения узы, связующие государя с его подданными, и еще более могущественные узы родства, исчезло самое понятие о долге и человечности; насилие, к которому неизбежно прибегают, чтобы разрушить столь прочные устои, делает человека способным на все, и он слепо, безудержно бросается к самой отчаянной крайности. Чувства справедливости, порядочности и верности, которые зиждятся лишь на сознании всеобщего равенства в правах, теряют свою силу в гражданской войне, где каждая сторона считает своих противников преступниками и присваивает себе право карать их. Когда одно государство ведет войну с другим, то народ вооружается лишь по воле своего государя, и лишь чувство чести побуждает человека быть храбрым; в этом

случае честь остается для него священной и в отношениях с врагом, и благородная храбрость умеет падать побежденного. Здесь предмет вожделения война не совпадает с объектом его нападения, и в битве его рукою движет чужая страсть. В гражданской же войне борется страсть самого народа, и враг становится предметом его ненависти. Каждый человек там является *оскорбителем*, ибо каждый *добровольно* примкнул к партии, за которую сражается. Вместе с тем каждый человек там является и *оскорбленным*, ибо враг ненавидит то, что ему священо, нападает на то, что дорого его сердцу, и проклинает то, за что он борется. Там, где страсть и нужда заставляют мирного землепашца, ремесленника или художника взяться за непривычный для него меч, лишь ожесточение и ярость могут возместить неопытность в военном деле, лишь отчаяние может заменить подлинную храбрость. Там, где человек оставил свой очаг, родные места, семью и все свое достояние, он с диким злорадством поджигает чужой очаг и его не трогают вопли и мольбы, исходящие из чужих уст, как не тронули родные ему голоса. Там, наконец, где помутился самый источник, из которого простой народ черпает живую воду нравственности, где все достойное уважения посрамлено, святыня осквернена, непреложные устои распатаны, где порядок подорван в самом корне, — пример всеобщего зла заражает каждую отдельную душу, и в каждой груди свирепствует буря, та самая, которая потрясает основы государства. Но трижды ужасней участь народа, когда рвение церковников сочетается с партийной враждой и факел междоусобной войны зажжен нечистым пламенем религиозного фанатизма!

Именно такова была война, опустошавшая теперь Францию. Из недр протестантской церкви восстал зловеющий дух ненависти, придавший войне столь губительный характер и породивший несчетные злодеяния. В лагере кальвинистов не слышно было смеха, не видно было веселых лиц; все игры, все светские песни изгнал мрачный фанатизм. Раздавалось лишь пение псалмов и молитв, и проповедники без конца внушали солдатам, в чем состоит их религиозный долг, разжигая в них

фанатический пыл. Религия, подвергавшая чувственную природу человека столь жестоким испытаниям, разумеется, не могла воспитать в душах чувство человечности; вся партия протестантов должна была одичать под гнетом этой мрачной и рабской веры. Малейший признак папизма приводил в ярость фанатика-кальвиниста: алтари и люди становились жертвой его дерзостного рвения. То, чего он не сделал в порыве фанатизма, он довершал под давлением нужды и необходимости. Сам принц Конде подал пример грабежа, которому вскоре последовали его приверженцы во всех концах страны. Когда иссяк источник, из которого он до сих пор черпал средства на ведение войны, он наложил руку на церковную утварь католиков и приказал переплавить священные сосуды и другие предметы культа. Церковные богатства были слишком большим соблазном для протестантов, и им доставляло столь великое наслаждение осквернять в порыве мщения святыню, что они не в силах были противостоять искушению. Все церкви, которыми они завладели, в особенности же монастыри, испытали на себе вдвойне губительный порыв их алчности и благочестивого рвения. Не довольствуясь грабежом, они оскверняли святыни своих врагов, яростно кощунствовали, свирепствовали в церквях, варварски глумясь над святынями. Они разрушали до основания храмы, разбивали алтари, уродовали статуи святых, топтали ногами мощи или подвергали их самому низкому поношению, они даже разрывали могилы и вымещали на костях предков ярость свою против их потомков. Не удивительно, что столь жестокие оскорбления вызвали страшное возмездие, что со всех католических кафедр гремели проклятия нечестивцам и врагам веры, что пойманный гугенот не встречал милосердия у папистов, что мнимые преступления против божества вызвали преступления против самой природы и человечности!

Сами вожди своими варварскими поступками подали ужасный пример своим сторонникам, но чернь столь далеко зашла в своей разнузданности, что они сами раскались в своем безумном порыве. Каждая партия старалась превзойти противника в жестокости, про-

являя дьявольскую изобретательность. Мало было просто убить врага — стремились продлить чудовищную радость мщения, прибегая все к новым видам пыток. Человеческая жизнь стала жалкой игрушкой, убийца с насмешливым хохотом терзал свою жертву, подвергая ее мучительной смерти. Ни священное убежище, ни подкреплённый клятвой договор, ни права человека, ни международное право не защищали от слепой, звериной ярости врагов; верность и доверие исчезли в сердцах, и клятву давали лишь для того, чтобы заманить жертву. Постановление Парижского парламента, торжественно предававшее проклятию учение протестантов и объявлявшее повинными смерти всех его приверженцев, и другой, еще более суровый указ королевского совета, ставивший вне закона всех единомышленников принца Конде (за исключением его самого) как виновных в оскорблении величества, не могли обуздать ожесточенных противников, ибо отныне королевское имя и надежда на добычу воспламенили папистов, в гугенотах же возгорелось мужество отчаяния.

Тщетно пускала в ход Екатерина Медичи все свое дипломатическое искусство, чтобы укротить ярость обеих партий, тщетно совет издавал указы, объявлявшие всех приверженцев принца Конде мятежниками и изменниками, тщетно выступал против кальвинистов Парижский парламент — междоусобная война не утихала, и вся Франция была охвачена огнем. Хотя, поднимая оружие, протестанты были почти уверены в своих силах, — последующие события не оправдали их первоначальных ожиданий. Дворяне-протестанты, составлявшие основное ядро армии принца Конде, довольно быстро исчерпали свои небольшие денежные ресурсы, и им больше не на что было воевать; видя, что не происходит решающих событий и война затягивается, они вняли голосу эгоизма, призывавшему их домой — защищать родные очаги. Столь внушительная армия растаяла в короткое время, принц оказался слишком слабым, чтобы принять сражение с превосходящими силами неприятеля, и ему больше ничего не оставалось, как задержаться в Орлеане с остатком своих войск.

Там он ожидал помощи, на которую ему подали надежду некоторые иностранные протестантские державы. Германия и Швейцария были поставщиками солдат для обеих враждующих партий,— продажная храбрость этих вояк всегда была к услугам того, кто больше дает, и им было совершенно безразлично, за что сражаться. Немецкие и швейцарские наемные войска, руководствуясь своей выгодой и расчетами своих предводителей, вступали под самые противоположные знамена, и их мало интересовали вопросы религии. В то время как на берегах Рейна для принца вербовалось немецкое войско, был заключен весьма важный договор с королевой Елизаветой. Следуя той же тактике, какая впоследствии побудила ее выступить в роли защитницы Нидерландов против их угнетателя Филиппа испанского и взять под свое покровительство это молодое, буйно расцветавшее государство, она приняла на себя такого же рода обязательства в отношении французских протестантов; ревнуя о благе религии, королева не могла равнодушно взирать на гибель своих единоверцев в соседнем государстве. Эти побуждения морального порядка были подкреплены вескими политическими основаниями. Раздиравшие Францию междоусобия обеспечивали ее еще шаткий трон от нападения с этой стороны, и вместе с тем предоставляли возможность захватить часть французской территории и расширить свои владения. Утрата Кале была для Англии еще свежей раной; с этим укрепленным пограничным пунктом она потеряла свободный доступ во Францию. Елизавета уже давно помышляла о том, как возместить эту потерю, утвердившись в другом пункте королевства, и гражданская война, разгоревшаяся во Франции, позволяла ей осуществить этот замысел. Принцу Конде предоставлялось английское вспомогательное войско в количестве шести тысяч человек, при условии, что половина их займет город Гавр-де-Грас, а другая — нормандские города Руан и Диепп, каковые города будут убежищем для подвергающихся гонениям собратьев по вере. Таким образом, жестокие партийные раздоры на время угасили во французских протестантах патриотическое чувство, и застарелая национальная

ненависть к британцам на краткий срок была забыта,— ее заглушила в сердцах сектантов пылающая ненависть и яростная жажда мести.

Ввиду угрозы вторжения англичан в Нормандию, королевское войско двинулось на эту провинцию, и город Руан был осажден. Члены парламента и самые знатные горожане заблаговременно бежали из города, и его оборону взяли на себя фанатики, возбужденные проповедниками и движимые слепым религиозным рвением и мужеством отчаяния. Несмотря на яростное сопротивление горожан, после месячной осады город был взят приступом, и его защитники жестоко поплатились за свое упорство; эта зверская расправа не осталась без возмездия со стороны протестантов, укрепившихся в Орлеане. Осада Руана в 1562 году отмечена смертью короля Наваррского, последовавшей от раны, полученной им в сражении под стенами этого города, но событие это прошло бесследно, ибо вмешательство этого принца не имело особого значения ни для одной из борющихся сторон.

Потеря Руана и дальнейшие успехи неприятельской армии в Нормандии грозили в близком будущем гибелью партии принца Конде, которому теперь было подвластно лишь несколько крупных городов,— когда прибытие немецких вспомогательных войск, с которыми удалось благополучно соединиться полковнику Андело, героически преодолевшему невероятные трудности, вновь возродило в принце надежды. Встав во главе этих войск, которые вместе с его собственными составили значительную армию, он почувствовал за собой такую силу, что двинулся на Париж и, внезапно подступив к нему, навел ужас на его обитателей. Если бы не политическая мудрость Екатерины, Париж был бы разграблен или протестантам удалось бы заключить выгодный для себя мир. Она прибегла к своему излюбленному спасительному средству: начала переговоры, сумела запутать принца в сети своих интриг и выиграть время, делая вид, что хочет войти с ним в благоприятные для него соглашения. Она обещала вновь утвердить Январский эдикт, позволявший протестантам беспрепятственно совершать богослужения во всех городах, за

исключением тех, в которых имели место заседания королевского трибунала. Принц стал настаивать, чтобы запрещение было снято и с этих городов, переговоры затянулись, и Екатерина успела принять все необходимые меры. Перемирие, которого ей искусно удалось добиться от него на время переговоров, оказалось роковым для конфедератов, и в то время как приверженцы короля за стенами Парижа собирались с силами и соединились с пришедшими им на помощь испанскими войсками, армия принца быстро таяла ввиду усиливавшегося дезертирства и жестоких холодов, и в скором времени ему пришлось с позором отступить. Он направился со своим войском в Нормандию, где рассчитывал получить из Англии денежные суммы и вспомогательные войска, но неподалеку от города Дре был настигнут преследовавшей его армией королевы и вынужден принять сражение. В недоумении, в нерешительности стояли обе армии, глядя друг на друга, словно внимая проснувшемуся на мгновение властному голосу природы, пока пушки не подали знак к смертоубийству; казалось, каждый боец был до мозга костей пронизан ужасом при мысли о том, что предстоит пролить кровь сограждан и братьев. Но недолго длились эти мучительные колебания; дикий вопль раздора заглушил тихий голос человечности. За этим многозначительным затишьем последовала яростная буря. Семь часов продолжался кровавый бой, причем обе стороны сражались с геройской отвагой и крайним ожесточением. Некоторое время битва проходила с переменным успехом, пока герцог Гиз стремительным натиском не одержал победы. Из вождей конфедератов был взят в плен принц Конде, из приверженцев короля — коннетабль Монморанси; маршал де Сент-Андре пал в сражении. Поле битвы осталось за герцогом Гизом, которого эта решающая победа избавила одновременно от грозного, открытого врага и двух соперников, с которыми приходилось делить власть.

Если Екатерина и раньше нелегко переносила свою зависимость от триумвиров, то теперь для нее стало вдвойне мучительно единоличное господство герцога Гиза, безгранично честолюбивого, необузданного в своей

гордыне и властолюбию. Победа, одержанная при Дре, ничуть ее не порадовала, ибо теперь ей пришлось подчиниться герцогу, который не преминул воспользоваться всеми преимуществами своего положения и заговорил надменным и самонадеянным языком властелина. Все было в его руках; неограниченное влияние и средства, какими он располагал, позволили ему купить себе друзей и наводнить своими ставленниками двор и армию. Хотя Екатерина, проводя прежнюю политику, и стремилась вновь поднять раздавленную партию протестантов, восстановить в правах принца Конде и положить предел притязаниям герцога, но, поддавшись влиянию последнего, она предприняла ряд противоположных шагов. Между тем герцог решил завершить свою победу и двинулся к Орлеану, где были сосредоточены главные силы протестантов, чтобы, овладев городом, раз навсегда покончить с партией реформатов. Поражение в бою и утрата предводителя, попавшего в плен, потрясли протестантов, но не сломили их дух. Во главе их теперь встал адмирал Колиньи, чей изобретательный ум во всем блеске показал себя в тяжелых обстоятельствах, находя средства к спасению. Колиньи быстро собрал под свои знамена остатки разбитого войска, и армия в его лице обрела полководца. Получив от Англии подкрепление людьми и деньгами, Колиньи повел свои войска в Нормандию, чтобы с помощью предпринятых в этой провинции небольших операций подготовиться к серьезным мероприятиям.

Тем временем Франциск де Гиз попрежнему угрожал Орлеану, намереваясь взятием этого города увенчать свой триумф. В Орлеане нашел прибежище Андело с уцелевшим ядром армии и с самыми испытанными командирами; кроме того, там содержался под стражей пленный коннетабль. Захватить столь важный пункт значило положить конец войне, поэтому герцог прилагал все усилия, чтобы овладеть городом. Но вместо желанных лавров он встретил под стенами Орлеана свой безвременный конец. Наемный убийца, Жан Польтро де Мер, ранил его отравленной пулей, и это кровавое злодеяние послужило началом трагедии, развитие которой привело к целому ряду подобных же злодеяний,

также рожденных фанатизмом. Бесспорно, со смертью герцога партия кальвинистов избавилась от страшного противника, а Екатерина — от опаснейшего соперника по власти, но Франция потеряла в его лице героя и великого человека. Правда, герцог далеко заходил в своих надменных притязаниях, но он и сам был под стать своим замыслам. И какие бури ни подняло бы его честолюбие — даже враги его признавали в нем тот высокий полет мыслей, который у великих людей облагораживает всякую страсть. Как свято соблюдал он долг чести, даже среди всеобщего одичания времен междоусобной войны, когда столь часто смолкает голос человечности, доказывает его обращение со своим пленником, принцем Конде, после битвы при Дре. Его приближенные с немалым удивлением наблюдали, как эти два ожесточенных противника, столько лет боровшиеся не на жизнь, а на смерть, столько раз оскорблявшие друг друга, питавшие друг к другу непримиримую вражду и имевшие немало причин для мести и оснований для взаимного недоверия, дружески трапезовали за одним столом и, по обычаю того времени, спали в одной постели.

Смерть вождя разом пресекла дееспособность католической партии и помогла Екатерине вновь водворить спокойствие в стране. Все возрастающие бедствия Франции давно уже заставляли всех страстно желать мира, а тот факт, что предводители обеих партий, Конде и Монморанси, находились в плену, служил некоторым залогом успеха. Оба они в равной мере жаждали свободы, королева-мать непрестанно увещевала их, призывая к примирению, и, наконец, они встретились в 1563 году в Амбуазе, где был заключен договор, вновь подтверждавший Январский эдикт, за исключением немногих пунктов, и разрешавший протестантам открыто совершать богослужения в городах, которыми они к этому времени овладели. Что касается сельских местностей, то богослужение могло совершаться лишь в замках дворян, имевших законодательную власть; вообще же прошлое предавалось вечному забвению.

Хотя амбуазское соглашение предоставило протестантам, казалось бы, великие преимущества,

Колиньи был вправе проклинать этот договор, возникший как следствие коварства королевы и опрометчивости принца. С этим безвременным миром канули в вечность радужные надежды его партии, которые за все время гражданской войны еще никогда не были так близки к осуществлению, как в это время. Герцог Гиз, душа католической партии, маршал де Сент-Андре, король Наваррский — все в могиле, коннетабль — в плену, королевская армия — без главнокомандующего и в тяжелом положении ввиду задержки жалования, финансы исчерпаны, у другой же партии — свежее сильное войско, могучая поддержка Англии, друзья в Германии и полная возможность продолжать войну, опираясь на горячее рвение французских протестантов. Могущественные крепости, Лион и Орлеан, завоевать и удержать которые стоило столько крови, были потеряны одним росчерком пера, армия была распущена, и немцы отправились домой. И ценой всех этих жертв протестанты не только не добились уравнивания в правах обеих религий, но даже и не вернули себе прежних прав.

Единственными плодами этого мира был обмен пленными полководцами и изгнание англичан из Гавр-де-Грас коннетаблем Монморанси, которому удалось это сделать, собрав остатки распущенного протестантского войска; огромное рвение, проявленное в этом предприятии обеими партиями, доказывало не столько духовное единение французов, сколько неистребимую национальную ненависть, которую не могло заглушить ни чувство благодарности, ни разыгравшиеся страсти. Едва был изгнан с родной земли всеобщий враг, как с прежней силой возгорелись все страсти, которые приносит с собой сектантский дух, и возобновились печальные сцены распрей. Даже те незначительные преимущества, которые давало кальвинистам вновь достигнутое соглашение, возбуждали зависть католиков, и когда заходила речь о выполнении тех или иных пунктов соглашения, их самым наглым образом подвергали произвольному толкованию, всячески утешая противников. Движимый властолюбием, Монморанси старался подорвать мир, который был налажен

при его же содействии, ибо лишь во время войны он становился незаменимым для королевы. Присущая ему религиозная нетерпимость передалась многим правителям провинций, и горе было протестантам в тех округах, где они не составляли большинства населения! Тщетно требовали они своих прав, которые были им предоставлены по букве закона; их покровитель, принц Конде, попал в сети королевы и, наскучив неблагодарной ролью вождя партии, предавался развлечениям и наслаждался покоем придворной жизни, стараясь вознаградить себя за долгие годы лишений, когда война не позволяла ему служить его господствующей страсти. Он ограничивался письменными протестами, которые, не будучи подкреплены силой оружия, естественно оставались без последствий, в то время как эдикт следовал за эдиктом, принося все новые ограничения его партии, пользовавшейся и без того весьма незначительными свободами.

Между тем Екатерина возила юного короля, объявленного в 1563 году совершеннолетним, по всей Франции, показывая подданным монарха, в надежде, что его присутствие утишит партийные раздоры и что ее сын приобретет народную любовь. При виде множества разрушенных монастырей и церквей, носивших следы фанатической ярости протестантской черни, у юного государя едва ли могло создаться выгодное представление о новой религии, и весьма вероятно, что именно в связи с этими впечатлениями в душе его зародилась пламенная ненависть к последователям Кальвина.

В то время как обе недовольные партии копили горючий материал для новой войны, Екатерина при дворе делала попытки разыграть дешевую комедию показного примирения между озлобленными вождями. Уже давно черное подозрение пятнало честь адмирала де Колиньи. Франциск де Гиз пал от руки наемного убийцы, адмирал настолько выиграл от гибели такого врага, что его озлобленные противники не могли не обвинить его в том, что он имеет к ней отношение. Показания убийцы, который, чтобы уменьшить свою вину, пытался прикрыться великим именем, казалось, подтверждали эти подозрения. Правда, всем известная щепетильность адмирала в вопросах чести была несов-

местима с таким обвинением, но бывают времена, когда в добродетель не верят. Век, отмеченный всеобщим одичанием, не мог признать величия духа, над ним воспарившего! Антуанетта де Бурбон, вдова убитого, обвиняла во всеуслышание адмирала в убийстве ее мужа, и сын его, Генрих де Гиз, коноша, уже отмеченный печатью будущего величия, затаил в сердце ужасный замысел мщениия. Это тлеющее пламя новых губительных раздоров своей энергичной политикой затушила Екатерина, ибо хотя вражда между партиями была на руку властолюбивой государыне, она тщательно подавляла всякий взрыв этой вражды, который вынуждал ее принять сторону одной из борющихся партий, тем самым лишая независимости. С величайшим трудом ей удалось добиться, чтобы вдова и брат покойного герцога публично попросили у адмирала прощения за оскорбление его чести, что сняло с него подозрение в убийстве, и между обоими домами водворился показной мир.

Но под покровом этого притворного согласия уже зрели семена новой, еще более ожесточенной гражданской войны. Малейшая поблажка протестантам воспринималась ревностными католиками как непростительное посягательство на их религию, как поругание святыни, как злостный ущерб, нанесенный церкви, которая ни в коем случае не должна была поступаться своими правами. Самый торжественный договор, нарушавший непререкаемые права церкви, не мог иметь, по их мнению, юридической силы и значения; и долг всякого истинно верующего состоял в том, чтобы отнять эти преимущества у враждебной, достойной проклятия религиозной партии, как похищенное у церкви достояние. Между тем как в Риме старались разжечь раздор, поддерживая эти недостойные настроения, а вожди католиков раздували фанатическую ревность своих последователей — противная партия, на беду, постоянно возбуждала гнев и ненависть папистов своими требованиями, которые становились все более настойчивыми; чем больше их притесняли, тем дальше они заходили в своих притязаниях. «Еще недавно, — заявил Карл IX адмиралу Колиньи, — вы были рады, что мы вас терпим; теперь вы хотите быть с нами на *равных* правах; скоро

я дождусь того, что вы вытесните нас из пределов королевства и станете господами положения».

При таком всеобщем озлоблении не мог долго удержаться мир, столь мало удовлетворявший обе партии. Даже Екатерина, до сих пор чувствовавшая себя в безопасности, была напугана угрозами кальвинистов, стала склоняться к открытому разрыву, и вопрос уже заключался только в том, как собрать необходимые вооруженные силы, не подавая преждевременно сигнала об опасности подозрительному и бдительному врагу.

Продвижение вдоль французской границы испанской армии, пробирающейся в Нидерланды под предводительством герцога Альбы, дало желанный предлог вооружения, направленного на деле против внутреннего врага. Государственная мудрость подсказывала, что нельзя пребывать в беспечности, когда у самых границ королевства проходит грозная армия под командой испанского генералиссимуса, и даже недоверчивые вожди протестантов поняли необходимость создания наблюдательной армии, предназначенной удерживать в границах опасных гостей и защищать находившиеся под угрозой провинции в случае вторжения врага. Чтобы в свою очередь использовать это обстоятельство, протестанты не без лукавства предложили вооружить свою партию на защиту королевства; они пускали в ход против двора ту же самую стратегию, какую тот хотел применить против них самих. Екатерина приказала с величайшей поспешностью на вербовать солдат и вооружить шесть тысяч швейцарцев, причем командирами этого войска были назначены исключительно католики. Эта армия все время, пока длился поход, сопровождала герцогу Альбе, которому и в голову не приходило предпринимать враждебные действия против Франции. Но когда опасность миновала, вместо того чтобы разойтись, швейцарцы двинулись в самое сердце Франции, где надеялись захватить врасплох знаменитых главарей гугенотов. Этот коварный замысел получил огласку, и гугеноты с ужасом увидели, что стоят на краю пропасти, в которую их хотели столкнуть. Они быстро приняли решение. Было собрано совещание у Колиньи; в несколько дней вся партия пришла в движение. Их план

состоял в том, чтобы опередить католиков и захватить короля в его резиденции в Монсо, где он, почитая себя в полнейшей безопасности, имел при себе лишь небольшую охрану. Услыхав о передвижениях войск, король бежал в Мо, куда спешно были вызваны швейцарцы. Они подоспели во-время, но конница принца Конде все приближалась, войско конфедератов становилось все многочисленнее и угрожало осадить короля в городе, где он укрылся. Решительность швейцарцев спасла государя от грозившей ему опасности. Они вызвались провести его сквозь строй врагов и доставить в Париж, и Екатерина без колебаний доверила их отваге особу короля. Вылазка была совершена около полуночи; монарх и его мать находились в центре тесно сплоченного каре; эта живая крепость неуклонно продвигалась вперед, и вражеская конница не смогла пробиться сквозь стальную щетину копий. Беззаветная храбрость, проявленная швейцарцами, и мысль, что под их охраной находится священная особа короля, остановили натиск противника, и благоговение перед монархом, глубоко внедрившееся в сердце французов, заставило принца Конде ограничиться лишь незначительными стычками. Таким образом, король в ту же ночь благополучно прибыл в Париж, благословляя шпагу швейцарцев, которой был обязан и свободой и самой жизнью.

Итак, война была объявлена, хотя, как обычно, прикрывались заявлением, что поднимают оружие не против короля, но против врагов, угрожающих ему и государству. Самым ненавистным из этих врагов был кардинал Лотарингский, и, будучи убеждены, что он больше всех вредит их делу, протестанты составили заговор на жизнь этого человека. К счастью, ему удалось во-время избежать грозившего ему удара — он скрылся, бросив свой дом на произвол разъяренных врагов.

Правда, кавалерия принца стояла в боевой готовности, но так как ей пришлось спешно сняться с места в связи с вооружением королевских войск, — она не успела соединиться с немецкой пехотой, прибытие которой ожидалось, и образовать регулярную армию. Хотя французские дворяне, из которых преимущественно состояла кавалерия принца, отличались незаурядным мужеством,

они совершенно неспособны были вести осаду, а между тем как раз этим и приходилось главным образом заниматься в настоящей войне. Тем не менее эта горсть людей сделала попытку овладеть Парижем, поспешно двинулась к столице и осадила ее, намереваясь взять измором. Опустошения, произведенные неприятелем в окрестностях Парижа, вывели из терпения горожан, которые не могли равнодушно взирать на гибель своего достояния. Они стали в один голос требовать, чтобы их повели против стоявшего у ворот Парижа врага, который с каждым днем становился все сильнее. Необходимо было спешить, предпринимать решительные шаги, прежде чем неприятель соединится с немецкими войсками и получит численное превосходство. Итак, 10 ноября 1567 года произошло сражение при Сен-Дени, в котором кальвинисты, несмотря на яростное сопротивление, были разбиты; правда, они были щедро вознаграждены смертью коннетабля, закончившего на поле битвы свой замечательный жизненный путь. Его храбрые приверженцы вырвали умирающего полководца из рук врагов и доставили ему последнее утешение — испустить дух в Париже в присутствии государя. Лежа на смертном одре, он отослал своего духовника, заявив ему весьма лаконически: «Оставьте это, отец мой, стыдно было бы мне, дожив до восьмидесяти лет, бояться умереть одному».

После поражения при Сен-Дени кальвинисты устремились к лотарингской границе королевства, чтобы соединиться с немецким вспомогательным войском, а королевская армия бросилась за ними вдогонку под предводительством молодого герцога Анжуйского. Они испытывали нужду в самом необходимом, между тем как королевские войска были превосходно снабжены, а суровое время года делало особенно затруднительными отступление и снабжение армии. Когда кальвинисты, наконец, непрестанно борясь с голодом и непогодой, достигли берега Мааса, — немецкого войска не было и следа, и после длительного тягостного похода они оказались не в лучшем положении, чем под стенами Парижа. Терпение истощилось, простые солдаты и дворяне начали роптать; и только серьезные увещания

адмирала и шутливость принца Конде предотвратили развал армии. Принц утверждал, что их единственное спасение — в соединении с немецкими войсками и что непременно надо продолжать поход в надежде встретить их на условленном месте. «Но если бы их и там не оказалось,— спросили его впоследствии,— что стали бы в таком случае делать гугеноты?» — «Дуть себе на пальцы и растирать себе руки»,— отвечал принц, так как стужа тогда была лютая.

Наконец, появился пфальцграф Казимир с долгожданной немецкой конницей, но тут возникло новое, еще более серьезное затруднение. О немцах шла молва, что они ни за что не станут сражаться, пока не получат денег на руки; а вместо ста тысяч талеров, на которые они рассчитывали, им могли предложить лишь несколько тысяч. Возникла опасность, что, не успев соединиться с войсками принца, немцы с презрением их покинут, и рухнут все надежды, какие возлагались на их помощь. В этот критический момент предводитель французов решил сыграть на тщеславии, присущем его землякам, и на их щепетильности в вопросе национальной чести,— и он не обманулся в своих надеждах. Он признался офицерам, что не в состоянии удовлетворить требованиям немцев, и попросил их прийти ему на помощь. Офицеры созвали членов общин, сообщили им, в каком затруднении находится полководец, и пустили в ход все свое красноречие, призывая их собрать вскладчину необходимую сумму. Проповедники горячо их поддерживали, без зазрения совести доказывая, что пожертвования пойдут на божье дело. Попытка удалась, и польщенные воины добровольно отдали знаки отличия, кольца и все свои драгоценности; между ними возгорелось соревнование: кто больше пожертвует, и всякому было стыдно, если товарищ оказывался щедрее его. Все ценности превратили в золото, что составило около ста тысяч ливров, и немцы на какой-то срок удовлетворились этой суммой. Беспрецедентный в истории случай, чтобы одна армия оплачивала другую! Но основная цель была достигнута, и соединенные войска в начале 1568 года вновь появились на французской территории.

Теперь это уже была могущественная армия, кото-

рая продолжала усиливаться, получая подкрепления со всех концов королевства. Протестанты осадили Шартр, и даже в столице уже стали опасаться их появления. Но Конде лишь показал силу своей партии, чтобы вынудить двор на выгодное для себя соглашение. Он против воли взял на себя тяжкое бремя войны и страстно желал мира, который больше отвечал запросам его природы, склонной к наслаждениям. Поэтому он охотно пошел на переговоры, предложенные Екатериной Медичи с целью выиграть время. Хотя у протестантов были серьезные основания не доверять предложениям этой государыни — прежние договоры принесли им мало доброго, — они и на этот раз не использовали своих преимуществ и, приостановив военные действия, теряли драгоценное время в бесплодных переговорах.

Королева щедрой рукой рассыпала золото, и армия таяла день ото дня; все возраставшее в войсках недовольство, которое Екатерина искусно разжигала, побудило главнокомандующего заключить 10 марта 1568 года поспешный мир. Король обещал всеобщую амнистию и подтвердил Январский эдикт 1562 года, благоприятный для протестантов. Вместе с тем он обязался удовлетворить немецкие войска, которым были недоплачены значительные суммы; но вскоре выяснилось, что он не в состоянии исполнить всего обещанного. Французам хотелось как можно скорей избавиться от чужеземных гостей, но те не соглашались удалиться, пока им не заплатят. Более того, они угрожали опустошить страну огнем и мечом, если им не выдадут полагающегося им жалованья. В конце концов, когда ум уплатили часть требуемой суммы и обещали выплатить остальное еще во время их похода, немцы двинулись в обратный путь, и при дворе стали набираться мужества по мере того, как они удалялись от центра Франции. Но как только немцы обнаружили, что им не собираются выплачивать остаток жалованья, в них с новой силой проснулась ярость, и области, через которые они проходили, жестоко поплатились за вероломство двора. Неистовства, совершенные ими во время этого похода, заставили Екатерину с ними рассчитаться, и, щедро награжденные, они, наконец, покинули пре-

дела королевства. После заключения мира вожди протестантов также разъехались в разные провинции по своим замкам, и это раздробление их сил, которое считали опасным и неразумным шагом, как раз послужило к их спасению. Чтобы должным образом осуществить недобрые замыслы, направленные против них, нельзя было упустить ни одного из главарей. Для того же, чтобы захватить их всех, говорит Лабуурёр, пришлось бы раскинуть сеть по всей Франции.

На время сложили оружие, но страсти не улеглись; наступило зловещее затишье, какое обычно предшествует буре. Избавившись от ворчуна Монморанси и от властолюбивого герцога де Гиза, королева управляла страной, пользуясь почти неограниченной властью, на правах *матери* и опытного политика, ибо сын ее, хотя уже совершеннолетний, все еще нуждался в руководстве, но сама она руководилась пагубными советами кардинала Лотарингского. Всецело подпав под влияние этого нетерпимого прелата, она отказалась от той благоумной умеренности, какая прежде была ей свойственна. С переменой обстоятельств изменилась и ее политика. Пока она нуждалась в помощи протестантов, выдвигая их как противовес честолюбивым притязаниям Гиза и Монморанси, она оказывала им милосердие, но, взяв в свои руки бразды правления, дала волю отвращению, какое ей внушала эта мятежная секта. Она даже не старалась скрыть своих чувств, и инструкции, которые она давала губернаторам провинций, дышали лютой ненавистью. Теперь она стала преследовать ту партию в лагере католиков, которая стояла за терпимость и мир и воззрения которой она вполне разделяла. Канцлер был отстранен от участия в делах правления и под конец сослан в свои поместья. Его приверженцев заклеили двусмысленным прозвищем *политиков*, в котором звучал намек на их безразличие к церковным вопросам, и укор, что они пренебрегают делом церкви ради светских целей. Фанатизму духовенства была предоставлена полная свобода громить сектантов с кафедр, с амвонов и из исповедален, и любой безрассудный фанатик из числа католических клириков мог открыто нападать на мир и проповедовать гнусный принцип, что в отношении

еретиков не может быть ни верности, ни доверия. Естественно, что после таких воззваний в сердцах легко воспламеняющихся французов возгорелся кровожадный дух фанатизма, который вскоре принял чудовищные формы. Взаимное недоверие и ненависть разрывали самые священные узы; наемный убийца орудовал кинжалом в частных домах; повсюду в деревнях и в городах, в провинции и в Париже запылал факел мятежа.

Кальвинисты отвечали яростными нападками на католицизм, но, будучи в меньшинстве, могли противопоставить шпaге католиков лишь силу своего пера. Когда нависла угроза новой военной бури, они стали искать убежища в укрепленных городах. Для этой цели весьма подходил порт Ла-Рошель на берегу Атлантического океана; это был город-крепость, добровольно подчинившийся Франции и потому пользовавшийся значительными привилегиями; проникнутый республиканским духом, разбогатевший благодаря торговле с рядом стран, защищаемый сильным флотом, поддерживавший постоянные сношения с Англией и Голландией, он, казалось, был предназначен быть центром вольного общества и сборным пунктом партии гугенотов. Они стянули туда свои основные силы и, засев в этой крепости, в течение долгих лет с успехом противостояли всей Франции.

В скором времени пришлось и самому принцу Конде искать убежища в стенах Ла-Рошель. С целью лишить его всякой возможности вести войну Екатерина потребовала, чтобы он вернул ей переданную ею немецким вспомогательным войскам от его имени крупную денежную сумму, которую принц и другие главари торжественно обязались уплатить. Принц не мог сдержать своего слова, ибо это означало стать нищим, а Екатерина, желавшая довести его до крайности, настаивала на уплате. Видя, что принц не в состоянии уплатить этот долг, она сочла себя вправе нарушить свои обязательства, и маршал де Таванн получил приказ арестовать принца в его замке в Нуае в Бургундии. Уже вся провинция была занята войсками королевы, подступы к резиденции принца захвачены, всякое отступление отрезано, когда сам Таванн, не желавший приложить руку к гибели принца, постарался пред-

упредить его о грозной опасности и устроить ему побег. Конде удалось благополучно ускользнуть через оставленные свободными проходы вместе с адмиралом Колиньи и всей своей семьей, и 18 сентября 1568 года он прибыл в Ла-Рошель.

Вдовствующая королева Наваррская, мать Генриха IV, которую должен был арестовать Монмок, также бежала в этот город со своим сыном и войсками, увозя все свои драгоценности, и в скором времени город получил многочисленный, грозный гарнизон. Кардинал де Шатильон, переодетый матросом, бежал в Англию, где он оказал значительную помощь своей партии, вступив в переговоры с королевой; остальные вожди гугенотов не замедлили вооружить своих приверженцев и призвать обратно немцев. Обе стороны берутся за оружие, и снова свирепствует война. Январский эдикт отменен, возобновляются яростные преследования протестантов, исповедание новой религии карается смертью. С милосердием, с разумной умеренностью покончено, и Екатерина, забывая, в чем ее подлинная сила, оставляет надежный путь интриг и вступает на опасный путь слепого насилия.

Воинственный дух овладевает партией протестантов, вероломство двора, неожиданная отмена всех благоприятных для них постановлений призывает под знамена большее количество солдат, чем все увещания их вождей и все проповеди их священников. Все приходит в движение, едва раздастся дробь барабана. Повсюду на улицах развеваются знамена; со всех концов королевства стягиваются к центру вооруженные отряды. После стольких перенесенных и в свою очередь нанесенных оскорблений ярость противников дошла до белого каления; столько раз нарушались договоры, столько раз были обмануты ожидания, — как же было не возникнуть непримиримой вражде и не измениться национальному характеру французов, одичавших в течение длительной анархии гражданских войн? Отсюда отсутствие умеренности, человечности, признания человеческих прав побежденного врага; не щадят ни сана, ни возраста, и проходящие войска оставляют позади себя опустошенные поля и дымящиеся деревни.

Страшная месть протестантской чёрни обрушивается на католическое духовенство, и только кровь несчастных жертв может утолить мрачную ярость одичалых орд. Пострадав от гонений со стороны господствующей церкви, они срывают свою злобу на монастырях и церквях. Для ослепленных гневом солдат не существует ничего достойного почитания, ничего святого; со зверской радостью сдирают они покровы с алтарей, разбивают и оскверняют священные сосуды; раскалывают на куски статуи апостолов и святых и превращают в груды развалин великолепные храмы. Кровожадные убийцы врываются в кельи монахов и монахинь, и мечи обгащаются кровью безвинных. Они изощрялись в злобных, язвительных насмешках над умирающей в страшных мучениях жертвой, и нередко даже смерть ее не могла унять их дикого злорадства. Они ругались над трупами, увеча их, а одному из них пришла в голову зверская фантазия сделать ожерелье из ушей убитых им монахов и носить его на шее как знак отличия. Другой велел намалевать на своих знаменах многоглавую гидру, на головах которой красовались кардинальские шляпы, епископские митры и монашеские капюшоны. Сам он был изображен в виде Геркулеса, сбивающего все эти головы ударами мощных кулаков.

Не удивительно, что столь выразительные эмблемы еще пуще разжигали страсти фанатичной дикой орды, подливая масла в огонь. Паписты отвечали на неистовства гугенотов ужасающими репрессиями, — и горе было несчастному, попавшему им в руки живым! Приговор над пленниками был произнесен раз навсегда, и, даже если гугенот добровольно сдавался в плен, он мог отсрочить свою гибель лишь на несколько часов.

В середине зимы обе армии выступили в поход. Королевской армией командовал молодой герцог Анжуйский, к которому был приставлен опытный в военном деле Таванн, а протестантской — принц Конде и Колиньи; они подошли чуть ли не вплотную друг к другу и остановились в боевом порядке, причем их не разделяла ни река, ни ров. Четыре дня простояли они таким образом друг против друга, не предпринимая боевых действий из-за жестокой стужи. Все усиливавшиеся мо-

розы принудили, наконец, королевские войска отступить; гугеноты последовали их примеру, и кампания окончилась вничью.

Между тем протестанты во время передышки собирались с силами на зимних квартирах, готовясь к новому походу. Им удалось удержать в своих руках захваченные провинции, и немало французских городов только ожидало благоприятного момента, чтобы присоединиться к ним. От продажи церковных земель и конфискованного имущества были выручены значительные суммы, много дал и сбор налогов с провинций. На эти средства принцу Конде удалось усилить свою армию и привести ее в превосходное состояние. У него был целый ряд одаренных полководцев, и под его знаменами собралось храброе дворянство. Вместе с тем его агенты в Англии и Германии вооружали его союзников и убеждали противников сохранять нейтралитет. Ему удалось получить из Англии войска, деньги и пушки, а из Германии маркграф Баденский и герцог Цвейбрюкенский привели многочисленные вспомогательные войска; таким образом, к началу 1569 года принц Конде оказался во главе огромной армии и мог надеяться на победоносную кампанию.

Он только что снялся с зимних квартир, чтобы идти навстречу немцам, которые должны были прибыть во Францию, когда королевская армия 13 марта того же года, настигнув его вблизи Жарнака на границе Лимузина, вынудила его к сражению при весьма неблагоприятных обстоятельствах. Отрезанный от своих главных сил, он подвергся нападению всей королевской армии, и кучка людей, находившихся с ним, несмотря на отчаянное сопротивление, была раздавлена противником. Хотя за несколько минут до начала сражения лошадь раздробила ему ногу ударом копыта,— он сражался как герой; сброшенный с коня, он некоторое время продолжал обороняться, стоя на коленях, и лишь потеря сил вынудила его сдаться. Но в этот миг к нему сзади подходит Монтескью, капитан гвардии герцога Анжуйского, и предательски убивает его из пистолета.

Таким образом, Конде разделил участь всех современных ему главарей партий,— он погиб насильственной

смертью. Франциск де Гиз пал от руки наемного убийцы под Орлеаном, Антуан Наваррский погиб при осаде Руана, маршал де Сент-Андре — в битве при Дре, а коннетабль сложил голову при Сен-Дени. Адмиралу выпал еще более ужасный жребий в Варфоломеевскую ночь, а Генрих де Гиз, как и отец, был предательски заколот кинжалом.

Смерть предводителя явилась тяжелым ударом для партии протестантов, но вскоре стало ясным, что триумф католиков был преждевременным. Конде хорошо послужил своей партии, но нельзя сказать, что она понесла в его лице невозместимую потерю. Еще в живых были представители героического рода Шатильонов, и непоколебимый, предприимчивый, изобретательный дух адмирала Колиньи вскоре вернул их дому былое значение. В лице принца Людовика Конде гугеноты потеряли скорее *имя*, чем *главу* движения; им было важно и необходимо заручиться громким именем, чтобы поднять дух партии. Стремившиеся к независимости дворяне неохотно подчинились бы вождю, равному им по значению, и простому смертному было бы трудно, пожалуй даже невозможно, обуздать разнузданную военщину. Для этой роли подходил лишь владетельный князь, уже самим рождением вознесенный на недостижимую высоту, перед которым склонялись бы с почтением как перед потомственным властелином. Такой предводитель и нашелся в лице юного Генриха Бурбонского, героя настоящего произведения, который ныне впервые выступил на политическую арену.

Генрих IV, сын Антуана Наваррского и Жанны д'Альбре, родился в 1553 году в По, в провинции Беарн. Вынужденный с ранних лет вести суровый образ жизни, он закалился для будущих военных подвигов. Он был воспитан в строгой простоте, и разумное обучение помогло развиться его ясному, живому уму. С молоком матери всосал он ненависть к папизму и к деспотизму испанцев; под давлением обстоятельств он, будучи еще в нежном возрасте, встал во главе мятежников. Раннее знакомство с оружием воспитало в нем героя, а перенесенные в юности несчастья помогли ему стать выдающимся властелином. Дом Валуа,

сотни лет правивший Францией, в царствование болезненных сыновьев Генриха II постепенно угасал, и когда все три брата умерли, не оставив потомства, то благодаря родству с правящей фамилией, правда весьма отдаленному (двадцать первая степень), Наваррский дом был призван на трон. Перспектива занять самый блестящий трон Европы уже с колыбели манила Генриха IV. Это и подвергало его с самой ранней юности преследованиям могущественных врагов. Филипп II, король испанский, ожесточеннейший враг протестантской веры, не мог примириться с мыслью, что ненавистная ему секта завладеет самым великолепным из христианских тронов и вследствие этого добьется решительного перевеса в Европе. Он не мог потерпеть, чтобы французская корона досталась еретическому роду, тем более что и сам воцарился к этому драгоценному наследию. Юный Генрих был препоной на пути к осуществлению его честолюбивых замыслов, и духовники убеждали Филиппа, что с его стороны будет весьма похвально ограбить еретика с тем, чтобы привести великое королевство в повиновение наместнику св. Петра. Был составлен коварный заговор, к которому привлекли стяжавшего печальную славу герцога Альбу и кардинала Лотарингского; заговорщики намеревались похитить юного Генриха вместе с его матерью из их владений и передать их в руки испанцев. Ужасная судьба ожидала бы этих несчастных, если бы они попали в лапы кровожадному врагу, и испанские инквизиторы уже заранее ликовали, предвкушая драгоценную добычу. Но Жанна была во-время предупреждена, как утверждают, самой супругой Филиппа, Елизаветой, и план этот так и не удалось осуществить. Грозная опасность, какой подвергнулся мальчик, служила как бы предзнаменованием суровой борьбы и тяжелых испытаний, какие ему суждено было в дальнейшем узнать.

Когда известие о смерти принца Конде вызвало смятение среди главарей протестантов, поставив их в тяжелое положение, когда партия оказалась без руководителя, а армия без полководца,— героическая Жанна с шестнадцатилетним Генрихом и старшим сыном Конде, который был на несколько лет моложе, появилась

в Коньяке в области Ангума, куда была стянута армия и где собрались главари. Ведя за руки обоих мальчиков, она приблизилась к стоявшим в поле войскам и положила конец всеобщей растерянности. «Наше правое дело,— заявила она,— потеряло в лице принца Конде могущественного защитника, но не погибло вместе с ним. Господь охраняет тех, кто чтит его. Он даровал принцу Конде храбрых соратников, когда тот еще был среди нас; теперь он дает ему героических преемников, которые заставят нас позабыть об его утрате. Вот юный беарнец, мой сын. Я предлагаю его вам в военачальники. Вот сын человека, которого вы оплакиваете. Передаю вам их обоих. Пусть они в будущем покажут себя достойными своих предков! Пусть лицемерие этих юношей, в лице которых вы получаете драгоценный залог победы, научит вас единению и вдохновит на борьбу за веру».

Слова царственного оратора были встречены громкими криками одобрения, вслед затем с благородным достоинством заговорил юный Генрих. «Друзья! — воскликнул он,— торжественно обещаю вам, что буду бороться за веру и за наше общее дело, пока победа или смерть не принесет нам свободу, которой мы все домогаемся». Он тут же был провозглашен главой партии и главнокомандующим армии, и ему присягнули на верность. Это положило конец соперничеству между главарями, и они добровольно подчинились адмиралу де Колиньи, который предоставил свой опыт в распоряжение юного героя и от имени своего подопечного управлял всей партией.

Немецкие протестанты, которые всегда были самой надежной опорой и защитниками своих французских собратьев по вере, снова помогли восстановить равновесие вооруженных сил между гугенотами и католиками, нарушенное злополучным сражением при Жарнаке. Герцог Вольфганг Цвейбрюкенский вторгся во Францию во главе тринадцатитысячного войска, вклиниваясь между вражескими войсками и преодолевая их сопротивление, прошел почти весь путь от Рейна до океана и уже приближался к армии протестантов, когда скоропостижно умер. Несколько дней спустя граф

Мансфельдский, принявший после него командование, в июне 1569 года соединился в провинции Виенне с адмиралом де Колиньи, который, получив столь значительное подкрепление, увидел, что он вновь в силах противостоять войскам короля. Но, не доверяя военному счастью, переменчивость которого он не раз уже испытал, и сознавая, что у него неостанет сил одержать решительную победу, он сначала сделал попытку добыть мирным путем те права, которых нелегко было добиться силой оружия. Адмирал искренне любил мир, в противоположность другим главарям партий, которые считают мир могилой своей власти и используют в своих интересах гражданские смуты. Скрепя сердце прибегал он к насильственным мерам лишь для того, чтобы поддержать свой престиж, или в случае прямой необходимости, или в целях самозащиты, и предпочел бы бороться за правое с его точки зрения дело не шпагой, а доводами разума. Итак, он обратился ко двору с горячими увещаниями, умоляя сжалиться над страданиями французского народа и пойти навстречу справедливым требованиям протестантов, которые домогались лишь подтверждения прежних, благоприятных им эдиктов. Он надеялся, что его предложение будет принято благосклонно, ибо пошел на переговоры не под давлением необходимости и всегда мог подкрепить свои требования силою оружия. Однако самоуверенность католиков возросла вместе с их успехами. От него потребовали беспрекословного подчинения,— и волей-неволей пришлось взяться за оружие.

Чтобы оградить город Ла-Рошель и прибрежные владения протестантов от возможных нападений, Колиньи двинулся со всеми своими войсками к Пуатье, полагая, что этот широко раскинувшийся город не сможет выдержать длительной осады. Но при первом же известии о надвигающейся опасности герцог де Гиз и герцог Майенский, достойные сыновья покойного Франциска де Гиза, в сопровождении множества дворян устремились в этот город, твердо решив защищать его до последней капли крови. Проявленный обеими сторонами фанатизм и крайнее ожесточение делают эту осаду одним из самых кровавых эпизодов гражданской

войны; но как ни велико было упорство осаждающих, им так и не удалось сломить отчаянное сопротивление гарнизона. Несмотря на то, что волны океана заливали внешние укрепления, несмотря на вражеский огонь и на кипящее масло, которое потоками лилось на них со стен, невзирая на крутизну бастионов и на героический отпор осажденных, протестанты вновь и вновь бросались на штурм, но не добились ни малейшего успеха, — дух гарнизона оставался непоколебимым. Богатые запасы военного снаряжения и продовольствия, которыми успели снабдить город, позволили ему выдержать длительную осаду, между тем как недостаток провианта, непогода и повальные болезни производили опустошения в лагере протестантов. Эпидемия дизентерии унесла немало немецких солдат, вывела из строя большинство военачальников и под конец свалила самого адмирала Колиньи. Когда появился с войском герцог Анжуйский, угрожая осадить Шательро, находившийся поблизости укрепленный пункт, куда отправили больных, — адмирал воспользовался этим обстоятельством, чтобы под благовидным предлогом положить конец своей злополучной затее. Ему удалось воспрепятствовать намерениям герцога, но все возрастающая мощь врагов вскоре вынудила его к отступлению.

Казалось, сама судьба хотела сломить этого великого человека. Через несколько недель после катастрофы при Жарнаке он потерял брата, полковника д'Андело, который был его преданным сподвижником и правой рукой. Тут же ему стало известно, что Парижский парламент, этот трибунал, служивший порой благодетельным оплотом против деспотизма, но нередко становившийся и орудием последнего, вынес ему смертный приговор как мятежнику и оскорбителю королевского величества и оценил его голову в пятьдесят тысяч золотых. Копии этого приговора были разосланы по всей Франции, более того, он был переведен на иностранные языки и распространен по всей Европе, чтобы приманить блеском золота убийц из чужеземных стран, если бы во всем королевстве не нашлось преступной руки, способной совершить это злодеяние. Но таковая нашлась, притом в свите адмирала, — его собственный камердинер

покусился на его жизнь. Эти намерения раскрыли, и опасность была во-время устранена, но отныне незримый кинжал измены висел над головой Колиньи, и тот навсегда утратил свой покой.

К постигшим его ударам судьбы присоединилось тяжкое бремя верховной воинской власти и жестокие неудачи, преследовавшие его партию. Дезертирство, болезни и меч врагов нанесли большой ущерб его армии, которая таяла с каждым днем, между тем как королевская все увеличивалась и преследовала его все с большим рвением. Численное превосходство врага было столь велико, что адмирал считал опасным принимать сражение, хотя солдаты, особенно немцы, настойчиво этого требовали. Они предоставили ему на выбор — или вступить в бой, или же выплатить им остаток их жалованья, и так как у него не было средств, ему волей-неволей пришлось согласиться на сражение. Герцог Анжуйский внезапно напал на него 3 октября 1569 года при Монконтуре, где адмирал занимал невыгодные позиции, и разбил его наголову. Решительность протестантского дворянства, храбрость немцев и проявленное полководцем присутствие духа не могли предотвратить полного разгрома протестантской армии. Чуть ли не вся немецкая пехота была перебита, сѣм адмирал ранен, остатки его войск рассеяны, большая часть обоза потеряна. Такого злосчастливого дня гугеноты еще не пережили за всю войну. Бурбонских принцев еще во время битвы отвезли в Сен-Жан-д'Анжели, куда спастся и Колиньи с жалкими остатками полков. Из двадцати пяти тысяч солдат, вступивших в бой, ему удалось собрать едва шесть тысяч человек. Однако лишь немногие были взяты в плен. В яростной междоусобной брани смолкает голос человечности, и католики лишь кровью своих врагов могли утолить жажду мщениия. Всякого, кто складывал оружие и просил пощады, закалывали с холодной жестокостью; еще свежа была память о варварской расправе гугенотов с папистами, и победители не проявляли милосердия.

Протестанты упали духом и считали свое дело проигранным. Многие поговаривали уже о бегстве из Франции, намереваясь найти себе вторую родину в Голлан-

дии, в Англии и в северных странах. Большая часть дворян покинула адмирала, и он испытывал недостаток в деньгах и в войске, потерял свой престиж, — лишь героический дух оставался при нем. Его прекрасный замок и близлежащий город Шатильон подверглись около этого времени нападению королевских войск и были преданы пламени, уничтожившему и здания и все имущество. И только он один в этих трагических обстоятельствах не терял надежды. Благодаря своей проницательности он находил те средства к спасению, к каким еще могла прибегнуть партия протестантов, и применял их с большим успехом. Один из предводителей гугенотов, Монгомери, удачно сражался в провинции Беарн и обещал привести свое победоносное войско на помощь адмиралу. Германия попрежнему была щедрым поставщиком солдат, от Англии также следовало ожидать поддержки. Вдобавок королевские войска, вместо того чтобы использовать свою победу, преследуя разбитого врага, настигая его в самых тайных убежищах, теряли драгоценное время на совершенно ненужные осады городов и дали адмиралу столь желанную ему передышку.

Отсутствие единодушия среди католиков также послужило к его спасению. Не все правители провинций выполнили свой долг; например, Дамвиля, правителя Лангедока, сына знаменитого коннетабля де Монморанси, обвинили в том, что он допустил бегство адмирала через подвластную ему область. Этот гордый вассал короля, еще недавно ожесточенный враг гугенотов, считал, что его обошли при дворе, и его честолюбие жестоко страдало от того, что другие пожинали лавры в этой войне и фельдмаршальский жезл, который он считал своим наследственным достоянием, был в чужих руках. Блестящие победы герцога Анжуйского, которые незаслуженно ему приписывались, будили зависть и ревность даже в сердце молодого короля, не говоря уже об окружающих его вельможах. Честолюбивый монарх с досадой думал о том, что он еще не совершил ничего, достойного славы; явное благоволение королевы-матери к герцогу Анжуйскому, похвалы, расточаемые придворными ее любимцу, ранили самолюбие короля. Так как Карл не сумел под благовидным предлогом открыто

отстранить от командования герцога Анжуйского, он сам встал во главе войска, чтобы разделить с герцогом лавры, которые они оба едва ли заслуживали. Запутавшиеся в интригах вожди католиков под влиянием зависти приняли ряд неудачных решений, которые свели на нет результаты одержанной победы. Маршал де Таванн, опытный полководец, которому католики до сих пор всецело были обязаны своими успехами, тщетно настаивал на погоне за врагом. Он считал, что большая часть армии должна преследовать обратившегося в бегство адмирала, пока не выгонит его из пределов Франции или не загонит в какую-либо крепость, которая неизбежно станет могилой всей партии. Совет его был отвергнут, и тогда Таванн отказался от командования и вернулся в свою родную Бургундию.

Решено было без промедления отобрать у гугенотов захваченные ими города. Начало было удачным, и католики уже льстили себя надеждой, что им удастся без особого труда разрушить все внешние укрепления Ла-Рошель и вслед за тем овладеть этим важным пунктом, где засели Бурбоны. Но при попытке взять Сен-Жан д'Анжели католики встретили такой отпор, что гордые их надежды значительно поблекли. Два месяца держался этот город, обороной которого руководил отважный комендант де Пиль, и когда, наконец, голод и жестокие лишения вынудили его сдаться, наступила зима и поход закончился. Итак, единственным результатом кампании был захват нескольких городов, в то время как разумное использование победы могло бы положить конец гражданской войне.

Между тем Колиньи не преминул воспользоваться ошибками неприятеля. Его пехота была почти полностью уничтожена в сражении при Монконтуре, и все его войско состояло примерно из трех тысяч кавалеристов; правда, по пути он вербовал крестьян, но этих пополнений было недостаточно. Однако силы его быстро возрастали, ибо в Лангедоке и Дофине удалось набрать солдат, а затем с ним соединилось победоносное войско Монгомери. В этой части королевства протестанты насчитывали много приверженцев, которые охотно поставляли им рекрутов и средства на содержание

войск, а приветливость Бурбонских принцев, разделявших с солдатами все трудности похода и действовавших с разумной осмотрительностью, привлекла под их знамена немало добровольцев. Приток денежных средств был незначителен, но адмирала в известной мере выручал город Ла-Рошель. Из его гавани расходились в разные стороны многочисленные каперы, которые захватывали драгоценную добычу и должны были всякий раз отдавать адмиралу десятую ее часть. Таким образом, в течение зимы гугенотам удалось набраться сил, и весной 1570 года они бурным потоком хлынули из Лангедока, представляя собой грозную опасность.

Им не было дано пощады, и в свою очередь они никого не щадили. Ожесточенные долгими гонениями и до крайности раздраженные целым рядом неудач, они проливали потоками кровь врагов, накладывали тяжелые контрибуции на области, через которые проходили, или опустошали их огнем и мечом. Целью их похода была столица королевства, где они с мечом в руке надеялись добиться выгодного для себя мира. Королевское войско, численностью в тринадцать тысяч человек, под командою маршала де Коссе, настигло их в Бургундском герцогстве, но не могло остановить их бурного движения. Завязался бой, и протестантам удалось нанести серьезные удары превосходившему их в численности врагу. Продвигаясь вдоль Луары, они грозили вскоре появиться под стенами Орлеана и в Иль-де-Франсе, и быстрота их продвижения начала пугать Париж.

Решительность протестантов оказала должное действие, и двор заговорил о мире. На всех наводила ужас эта орда, правда не слишком многочисленная, но готовая бороться с мужеством отчаяния, — этим людям нечего было терять, и они намеревались дорого продать свою жизнь. Королевская казна была опустошена, армия значительно уменьшилась вследствие ухода итальянских, немецких и испанских вспомогательных войск, и почти во всех провинциях мятежникам удалось добиться успеха.

Правда, католикам тяжело было идти на уступки сектантам, и многим из них не хотелось складывать оружие, ибо это значило отказаться от надежды на до-

бычу и от своей необузданной свободы, но перед лицом жестокой необходимости смолкали все возражения, и предводители столь решительно высказались за мир, что он был заключен в августе того же года на следующих условиях. Двор обещал протестантам предать забвению прошлое, разрешил открыто совершать религиозные обряды в любой части королевства, за исключением двора, возвращал все имения, конфискованные у инаковерующих, и открывал им доступ ко всем государственным должностям наравне с католиками; кроме того, протестантам разрешили на два года оставить за собой четыре укрепленных пункта, где они могли держать свои войска под командой своих единоверцев. Бурбонские принцы, а также двадцать знатнейших дворян должны были дать торжественную клятву, что по истечении установленного срока оставят эти четыре города (они избрали Ла-Рошель, Монтобан, Коньяк и Ла-Шарите). Итак, и на этот раз двор пошел на уступки, но сделал их против воли и отнюдь не для того, чтобы заслужить благодарность религиозных реформаторов,— это было лишь унижительное признание своего бессилия.

В стране вновь водворился порядок, и протестанты, беспечные, как всегда, наслаждались столь тяжело доставшейся им религиозной свободой. Они прекрасно знали, что враг предоставил им все эти преимущества не по доброй воле, а по своей слабости и из страха перед ними,— поэтому им особенно важно было сохранить свои выигрышные позиции и зорко следить за каждым шагом двора. Уступчивость последнего в самом деле была слишком велика, чтобы можно было ей доверять, и, не забегая вперед, можно с достаточной вероятностью утверждать, что именно в это время зародился ужасный замысел, который был осуществлен два года спустя.

Много было допущено промахов, много случалось удивительнейших поворотов военного счастья, много раз гугеноты неожиданно обретали помощь, и двор поэтому убедился, наконец, что невозможно победить эту на редкость жизнеспособную, все усиливающуюся партию в открытой борьбе и что ее не покорить теми

средствами, какие до сих пор применялись. Распространившиеся по всей Франции гугеноты были уверены, что их никогда не одолеют, и опыт показал, что, сколько им ни наносили ран, ни одна из них не была смертельной. Раздавленная в одной части королевства, партия с новой силой возрождалась в другой, и с каждой новой неудачей лишь возгорался ее пыл и возрастало число приверженцев. Недостаток сил возмещался непоколебимостью и храбростью ее предводителей, стойко переносивших превратности судьбы, недоступных лести и презиравших опасность. Один Колиньи стоил целой армии. «Умри сегодня адмирал,— заявили посланцы партии двора, начавшие мирные переговоры с гугенотами,— завтра вам не добиться от нас и стакана воды. Будьте уверены, что одно его имя имеет больше силы, чем две таких армии, как ваша». До тех пор пока протестантами руководил такой человек, все попытки совладать с ними были обречены на неудачу. Он один объединял рассеянных по всему королевству протестантов, внушал им веру в свои силы, умел заручиться поддержкой зарубежных стран и снискать их уважение; после каждой неудачи он помогал своим единомышленникам подняться на ноги и простирал им руку помощи, когда они находились на краю бездны.

Враги адмирала, будучи убеждены, что с гибелью этого человека погибнет и его партия, еще год тому назад настояли, чтобы Парижский парламент вынес позорный приговор, который ставил его под удар любого коварного убийцы. Однако им не удалось добиться успеха; более того, заключенный теперь мир отменял приговор парламента, и приходилось идти к той же цели другими путями. Раздраженные свободомыслием гугенотов, уже давно подрывавших уважение к королю, понуждаемые римским двором, который считал, что церковь можно спасти, лишь уничтожив эту секту, охваченные мрачным и жестоким фанатизмом, заглушающим в сердце голос человечности, католики, наконец, приняли решение покончить с этой опасной партией одним сокрушительным ударом. Они льстили себя надеждой, что если им удастся лишить партию разом всех ее руководителей и, затеяв резню, вызвать опустоше-

ние в ее рядах, то она впадет в ничтожество, пораженный гангреной член будет отсечен от здорового тела, пламя войны навеки затухнет, государство и церковь будут спасены ценой единственной тяжелой жертвы. Такими лживыми доводами религиозная ненависть, честолюбие и мстительность усыпляли голос совести и человечности и принудили церковь понести ответственность за деяние, которое непростительно даже для дикаря.

Но для того чтобы нанести такой сокрушительный удар, надо было завоевать доверие своей будущей жертвы, и тут-то возникли почти непреодолимые трудности. Нескончаемая цепь измен вызвала взаимное недоверие, и католики слишком часто и недвусмысленно оправдывали на деле принцип: «В отношении еретика никакие клятвы не действительны, никакое слово не свято». Предводители гугенотов считали себя в безопасности, лишь находясь вдали от врагов, за стенами своих укрепленных замков. После заключения мира они увеличили гарнизоны своих крепостей, и предпринятые ими спешные работы по укреплению бастионов доказывали, что они не очень верят королевскому слову. Как выманить их из крепостей, чтобы потащить на бойню? Может быть, и удастся перехитрить некоторых из них, но разве можно надеяться захватить всех сразу? Они уже давно из осторожности стали действовать поодиночке, и если один из них появлялся при дворе, понадеявшись на порядочность католиков, другой непременно скрывался где-нибудь, чтобы в случае нужды отомстить за своего друга. Не довести дело до конца означало ничего не сделать. Необходимо было нанести решительный, смертельный удар всем главарям партии или совсем отказаться от этого замысла.

Итак, предстояло изгладить память о вероломстве католиков и любой ценой вновь завоевать доверие протестантов; чтобы добиться этого, двор резко изменил свою политику. До сих пор у протестантов даже в дни мира было немало оснований жаловаться на решения судов, которые, как правило, бывали пристрастны, теперь же суды стали соблюдать строгую справедливость, оскорбления и обиды, до сих пор безнаказанно наносимые католиками, прекратились, всякое нарушение

мира стало сурово караться законом, все справедливые требования протестантов беспрекословно удовлетворялись. Прошло немного времени, и разногласия в вопросах веры, казалось, были позабыты, вся страна уподобилась мирной семье, которой управлял Карл IX, отец своим подданным, оказывавший всем в равной мере справедливость и любовь. Посреди бурь, которые свирепствовали в соседних государствах, охватили Германию, грозили свергнуть власть испанцев в Нидерландах, опустошали Шотландию и в Англии сотрясали трон королевы Елизаветы,— Франция вкушала глубокий, еще небывалый покой, который, казалось, был следствием коренного переворота в образе мыслей и торжества новых принципов, ибо не произошло никаких решающих военных столкновений, которые могли бы вызвать такую перемену.

Маргарита де Валуа, младшая дочь Генриха II, была еще не замужем, и честолюбивый молодой герцог де Гиз дерзнул помышлять о браке с сестрой своего монарха. Руки этой принцессы уже домогался король Португалии, но получил отказ, ибо кардинал Лотарингский, попрежнему стоявший у власти, прочил ее за своего племянника. «Старший из принцев нашего дома,— заявил гордый прелат послу Себастиана,— получил в супруги старшую сестру; младшему по праву принадлежит рука младшей». Однако Карл IX, ревниво оберегавший свои монаршие права, выразил неудовольствие, узнав о дерзких притязаниях своего вассала, и герцог де Гиз, чтобы успокоить его гнев, поспешил жениться на принцессе де Клев. Но самолюбие герцога было глубоко уязвлено тем, что принцесса была отдана его врагу и счастливому сопернику, хотя сердце ее, как он полагал, принадлежит ему. Выбор короля пал на молодого Генриха, принца Беарнского; быть может, Карл сделал это потому, что действительно намеревался посредством этого брака тесно связать дом Валуа с домом Бурбонов и тем самым навеки уничтожить семена раздора,— а может быть, он хотел ввести в заблуждение гугенотов и, усыпив их подозрительность, заманить в западню. Как бы то ни было, об этом браке уже упоминалось при мирных переговорах, и предложение было

настолько лестным, что королева Наваррская при всей своей недоверчивости не решалась его отклонить, к тому же она боялась обидеть короля. Однако она не сразу откликнулась на это почетное и важное предложение, хотя от нее ожидали скорого ответа; тогда предложение было возобновлено, и это повторное доказательство дружественных намерений положило конец тревожным размышлениям королевы Жанны.

В это самое время граф Людвиг Нассауский, брат принца Вильгельма Оранского, неожиданно прибыл во Францию, дабы призвать гугенотов на помощь их нидерландским братьям, боровшимся против Филиппа Испанского. Адмирал де Колиньи горячо отозвался на его призыв. Голос совести и политические соображения побуждали этого доблестного мужа защищать и за рубежами страны религию и свободу, за которые он героически боролся у себя на родине. Колиньи был человек глубоко убежденный, страстный приверженец своей религии, и в глубине души дал клятву вести непримиримую борьбу с деспотизмом во всех его проявлениях, независимо от того, кто был его жертвой. Поэтому всякое начинание, имевшее целью защиту веры и свободы, он считал личным своим делом, каждый человек, ставший жертвой деспотизма духовного или светского, мог рассчитывать на горячую поддержку этого гражданина вселенной. Отличительной чертой разумной любви к свободе всегда является то, что она обогащает чувства человека, расширяет его кругозор и сферу его деятельности. Неразлучная с сознанием человеческого достоинства, она не может равнодушно взирать, как попираются права других людей, права, которые для нее священны. Однако страстный интерес, проявленный адмиралом к борьбе Нидерландов за свободу, и решение вооружить гугенотов и вести их на защиту этих республиканцев имели серьезные политические основания. Колиньи хорошо знал легко возбудимый необузданный дух своей партии и немало его опасался. Озлобленные гонениями гугеноты могли восстать при малейшем, пусть даже мнимом, покушении на их права; им по душе были бурные события мятежа, они давно отвыкли от порядка, и можно было опасаться, что они

вновь примутся за старое. Воинственное, стремящееся к независимости дворянство с трудом переносило вынужденное бездействие и те ограничения, какие накладывал на них мир. Можно было также ожидать, что пылающие фанатическим рвением кальвинистские проповедники не удержатся в тесных рамках, в какие они были поставлены в настоящее время. Итак, чтобы предотвратить бедствия, какие рано или поздно должен был породить ложно направленный религиозный пыл и тлеющие под пеплом искры ненависти, необходимо было чем-нибудь занять томящихся от бездействия храбрецов и указать им новую цель; их воинственный пыл не следовало подавлять, — он мог послужить другому народу, пока ему не было применения на родине. Война в Нидерландах оказалась здесь как нельзя более кстати, интересы и честь французской короны, казалось, требовали более близкого участия в этой борьбе. Франция уже испытала на себе губительное действие испанских интриг, и в будущем ей грозили еще большие беды, если опасный сосед не будет занят своими внутренними делами. Моральная и материальная поддержка, какую он оказывал недовольным подданным французского короля, давала основания для ответных репрессий, и не следовало упускать благоприятный случай. Нидерландцы ожидали помощи от Франции, и им никак нельзя было отказать — иначе они обратились бы за поддержкой к Англии, выступление которой нанесло бы ущерб интересам Франции. Зачем было давать преимущество опасному сопернику, когда можно было его получить самим и к тому же без малейших затрат? Ведь гугеноты сами предлагали свои услуги, и эту опасную для королевской власти силу можно было обратить на борьбу с иностранной державой.

Карл IX, казалось, понимал, насколько вески эти соображения, и выказал полную готовность вести личные переговоры с адмиралом и подробно все обсудить. Такое выражение доверия со стороны короля невольно подкупило Колиньи, тем более что при этом был затронут предмет, самый дорогой его сердцу после родины. Католикам удалось путем шпионажа выведать его единственную слабость, на которой можно было сыграть; на-

деясь в скором времени осуществить свое заветное желание, он позабыл всякую осторожность. Самый ум этого человека и его возвышенный образ мыслей завел его в ловушку, ибо ему было чуждо всякое подозрение. Если его товарищи по партии приписывали перемену тактики двора каким-то тайным замыслам, то он считал гораздо более правдоподобным другое объяснение, а именно, что правительство, наученное долголетним горьким опытом, наконец, решило вести разумную политику. Существуют преступления, которые человеку добродетельному кажутся невероятными, пока он не столкнется с ними в жизни. И вполне естественно, что человек такого склада, как Колиньи, был склонен приписывать своему монарху благомыслие, вовсе тому не свойственное, и не мог поверить, чтобы Карл был способен на низость, позорящую всякого человека, в особенности монарха. Двор сделал навстречу протестантам столько шагов, что и им со своей стороны следовало дать ему доказательство доверия; ведь, если продолжать относиться к нему с недоверием, можно этим оскорбить обидчивого врага, и тогда у него окончательно сложится о них дурное мнение, которого уже нельзя будет опровергнуть.

Итак, адмирал решил появиться при дворе, который к тому времени переехал в Турень, где должна была состояться встреча с королевой Наваррской. Скрепя сердце решилась Жанна на этот шаг, теперь уже неизбежный; явившись к королю, она представила ему своего сына Генриха и принца Конде. Колиньи хотел было броситься к стопам монарха, но тот заключил его в свои объятия. «Наконец-то вы явились! — воскликнул король. — Вы явились, и теперь я вас не скоро отпущу. Да, друзья мои, — прибавил он с восторженным видом, — сегодня самый счастливый день в моей жизни». С такой же сердечностью был встречен адмирал королевой, принцами и всеми присутствующими вельможами; все лица выражали живейшую радость и изумление. Это счастливое событие праздновали несколько дней, отметив его пышными торжествами, все веселились от души, и, казалось, бывшее недоверие забыто навеки. Договорились о бракосочетании принца Беарнского и Марга-

риты де Валуа. Нетерпение короля было столь велико, что все трудности, связанные с различиями в вере и с необходимостью выработать особый свадебный церемониал, были быстро улажены. Король имел с Колиньи несколько длительных совещаний, на которых обсуждался вопрос о Фландрии и с каждым совещанием Карл все более поддавал под обаяние примирившегося с ним подданного. Некоторое время спустя Колиньи было даже разрешено на краткий срок отлучиться в свой замок Шатильон, и когда он по первому же зову вновь вернулся ко двору, ему позволили в том же году повторить эту поездку. Таким образом, неприметно возникло обоюдное доверие, и Колиньи уже решил, что ему ничто не угрожает.

Горячность, с какой Карл хлопотал о бракосочетании принца Наваррского, и необычайное благоволение, какое он выказывал адмиралу и его приверженцам, вызвали немало неудовольствия среди католиков и подозрения у недоверчивых протестантов. Мы можем либо согласиться с мнением некоторых протестантских и итальянских писателей, что король скрывал свои намерения под маской любезности, либо поверить де Ту и авторам мемуаров, уверяющим, что в то время он действовал вполне искренне, — но, как бы там ни было, он занимал весьма двойственное положение между католиками и протестантами, ибо в целях сохранения тайны ему приходилось обманывать и тех и других. Но даже лица, посвященные в тайну, не могли бы поручиться, что личные достоинства адмирала не произвели под конец впечатления на государя, который был вполне способен оценить человека по заслугам. Кто знает, быть может, этот многоопытный государственный деятель в конце концов стал для него необходим и он начал прислушиваться к его советам, внимать его доводам и предостережениям. Не удивительно, что все это возбудило гнев ревнителей католицизма, что папа был изумлен поведением короля, что сама Екатерина обеспокоилась и Гизы начали бояться за свое влияние. Следствием всех этих опасений явилось более тесное объединение королевы с Гизами, и решено было любой ценой разрушить эту опасную дружбу.

Свидетельства историков по этому вопросу столь противоречивы и все происходившее было окружено такой тайной, что нельзя с уверенностью сказать, каково было в ту пору умонастроение короля и что именно представлял собой заговор, который вызвал впоследствии столь ужасные события. Если верить Капи-Люпи, папистскому писаке, панегиристу Варфоломеевской ночи, то можно утверждать, что Карл IX с самого начала питал черные замыслы; но хотя историк, критически подходящий к событиям, должен верить тому дурному, что сообщает о человеке его друг, все же нельзя отнестись с полным доверием к высказываниям друга, который (как в данном случае Капи-Люпи) хочет возвеличить своего героя и, чтобы ему польстить, явно на него клеветает. «Папский легат,— сообщает нам этот писатель в предисловии к своему сочинению *,— прибыл во Францию с поручением отговорить христианнейшего короля от союза с сектантами. Когда он привел монарху самые убедительные доводы, тот пришел в крайнее волнение и воскликнул с многозначительным видом: «Вы хотите, ваше преосвященство, чтобы я вам все сказал? Скоро вы и святейший отец будете вынуждены признать, что брак моей сестры — лишь надежное средство добиться торжества истинной веры во Франции и уничтожить ее противников. Доверьтесь моему королевскому слову,— продолжал он в сильном волнении, пожимая руку кардиналу и надевая ему на палец бриллиантовый перстень,— немного терпенья, и святейший отец воздаст хвалу моим деяниям, доказывающим мое рвение к вере». Кардинал не принял бриллиантовый перстень и заверил короля, что он вполне удовлетворен его словами. Если даже этот эпизод и не является плодом фантазии ослепленного фанатизмом историка, то вполне возможно, что Капи-Люпи почерпнул эти сведения из недостоверного источника. Можно допустить, что кардинал Лотарингский, как раз в это время находившийся в Риме, если

* «Стратагема, или хитрость, примененная Карлом IX, королем французским, против гугенотов, восставших против бога и против него, сочинение синьора Камилла Капи-Люпи, и т. д.», 1574 г.

не сам распространял такого рода ложные слухи, то поощрял их для того, чтобы проклятия за парижскую кровавую баню, которые он не мог от себя отвести, обрушились также и на голову короля *.

Достоверно известно, что в момент, когда началась резня, Карл IX показал себя с самой отвратительной стороны, затмевая все, что приписывают ему эти мало-достоверные слухи; но если он, со свойственной ему страстью, встал на сторону заговорщиков, когда заговор был близок к осуществлению, и помог им привести его в исполнение, это не означает, что он был их соучастником с самого начала. Трудно допустить, чтобы он мог проявить столь гнусное, чудовищное коварство, и хочется верить, что такая низость не свойственна человеческой природе. Лишь закоренелый злодей с каменным сердцем, научившийся за долгие годы преступной жизни в совершенстве управлять своими страстями, способен к столь длительному, планомерному обману, к столь удивительному, артистическому притворству, к столь полной утрате образа человеческого, к столь беззастенчивой игре с самыми святыми чувствами доверчиво подошедшего к нему человека. Карл IX был юноша необузданный, не умевший владеть собой, рано получивший неограниченную власть и предавшийся разгулу страстей. Человек с подобным характером не сможет долго играть сложную роль, и в юношеском сердце не могут гнездиться такие мерзостные пороки, даже если юноша — король и сын Екатерины.

Но независимо от того, искренним или притворным было поведение короля, главари католической партии не могли оставаться равнодушными свидетелями происходящего. Они покинули двор, где, как казалось, укоренились гугеноты, и Карл IX спокойно позволил им удалиться. Гугеноты начали съезжаться в Париж, и приток их все усиливался в связи с приближением торжественного празднования свадьбы принца Беарнского. Но свадьба была неожиданно отсрочена ввиду смерти королевы Жанны, скоропостижно скончавшейся через несколько недель после прибытия в

* «Дух лиги», 2, 13.

Париж. Эта смерть вновь пробудила недоверие кальвинистов, и многие высказывали предположение, что королева была отравлена. Но так как тщательное расследование не подтвердило подозрения и король ни в чем не изменил своего поведения, то поднявшаяся по этому поводу буря в скором времени улеглась.

В это время Колиньи находился в своем замке в Шатильоне, всецело поглощенный подготовкой к нидерландской войне, столь дорогой его сердцу. Его многократно предупреждали о грозящей ему опасности, ежедневно он получал много писем, в которых доброжелатели советовали ему не показываться при дворе. Но эта настойчивость друзей лишь раздражала его, отнюдь не влияя на принятое им решение. Напрасно говорили ему, что двор стягивает к Пуату войска, которые будут двинуты против Ла-Рошель; он лучше знал, куда они направятся, и уверял своих друзей, что это передвижение войск предпринято по его же настоянию. Напрасно старались доброжелатели обратить его внимание на сделанные королем займы, которые как будто говорили о подготовке какого-то крупного мероприятия,— Колиньи уверял, что это начинание — нидерландская война, которая вскоре должна начаться и относительно которой он договорился с королем. И в самом деле, Карл IX, убежденный доводами адмирала, с искренними намерениями или притворно, заключил с Англией и протестантскими немецкими владетельными князьями союз против Испании. Поэтому предостережения не достигали цели, и адмирал так верил слову короля, что убедительно просил своих приверженцев не докучать ему более подобными донесениями.

Итак, Колиньи снова явился ко двору, где в скором времени, в августе 1572 года, было с королевской пышностью отпраздновано бракосочетание Генриха, теперь уже короля Наваррского, с Маргаритой де Валуа, вызвавшее большое стечение гугенотов. На свадьбе присутствовали зять адмирала, Телиньи, Роган, Ропшфуко и прочие главари кальвинистов, и все они, как и Колиньи, почитали себя в полной безопасности, никто не подозревал смертельной угрозы, нависшей над их головами. Лишь немногие из них догадались, что приближается

буря, и во-время бежали, спасая свою жизнь. Один дворянин, по имени Лангуаран, явился к адмиралу и попросил предоставить ему отпуск. «Но почему же именно теперь?» — с удивлением спросил его Колиньи. «Потому что вам оказывают слишком уж большой почет, — отвечал Лангуаран, — и я предпочитаю спастись вместе с глупцами, чем погибнуть вместе с умниками».

Хотя в конечном счете эти мрачные предсказания оправдались самым ужасным образом, но до сих пор остается невыясненным, в какой мере были в ту пору обоснованы опасения кальвинистов. По свидетельству заслуживающих доверия лиц в ту пору Гизам и королеве грозила бóльшая опасность, чем протестантам. Рассказывают, что Колиньи неприметно приобрел огромное влияние на молодого короля и даже дерзнул настраивать его против матери, желая избавить юношу от ее все еще продолжавшейся опеки. Он убедил государя принять личное участие в нидерландской войне и самому стяжать лавры, которые Екатерина, как всегда, прочила своему любимцу, герцогу Анжуйскому. Ревнивый и честолюбивый монарх не преминул воспользоваться этим советом, и Екатерина вскоре убедилась, что начинает терять власть над сыном.

Опасность была велика, и только решительные меры могли предотвратить угрожавший ей удар. Гизы и их приверженцы были срочно призваны ко двору, чтобы в случае нужды оказать ей поддержку. На охоте королева улучила мгновение, когда сын очутился с ней наедине, заманила его в замок и заперлась с ним в кабинете; тут она стала по-матерински увещевать его, пустив в ход все свое красноречие, горько упрекала его в отчуждении, в неблагодарности и неразумии. Ее горе, ее жалобы потрясли короля, брошенные ею намеки и предостережения возымели свое действие. Она сыграла свою роль мастерски, как самая искусная актриса, и заставила его признаться, что он поступил опрометчиво. Но, не довольствуясь этим, она внезапно покинула его, делая вид, что смертельно оскорблена, переехала в другой дворец и грозила ему окончательным разрывом. У молодого короля не хватило самообладания и находчивости, чтобы поймать ее на слове и вос-

пользоваться предложенной ему свободой. Ему было известно, как многочисленны приверженцы королевы, и так как у страха глаза велики, он невольно преувеличивал их число. Он опасался, и, пожалуй, не без оснований, ее пристрастия к герцогу Анжуйскому, дрожал за свою жизнь и за власть. Не имея подле себя советников и будучи слишком слабовольным, чтобы принять смелое решение, он поспешил к матери, ворвался в ее покои и нашел ее окруженной придворными, — самыми отъявленными врагами кальвинистов. Он хочет знать, в каком новом преступлении обвиняют гугенотов, он готов порвать с ними всякие сношения, если только его убедят в их неблагонадежности. Немилосердно сгущая краски, ему говорят об их заносчивости, о творимых ими беззакониях, об их замыслах, угрозах. Он поражен, разгневан, но вынужден молчать и покидает свою мать, приняв решение впредь действовать более осмотрительно.

Но это объяснение с сыном, не давшее решительных результатов, не могло успокоить Екатерину. Удачно сыграв на слабостях короля, она прекрасно понимала, что гугеноты могут столь же легко и, быть может, еще более удачно воспользоваться его нестойкостью и окончательно вырвать сына из-под ее власти. Она понимала, что необходимо навсегда, самым решительным образом разорвать эти опасные связи, а для этого достаточно было разбудить мятежный дух гугенотов каким-нибудь тяжким оскорблением. Через четыре дня после свадьбы Генриха Наваррского из окна одного дома был произведен выстрел в Колиньи, возвращавшегося из Лувра к себе домой. Пуля раздробила ему указательный палец правой руки, а другая ранила в левую руку. Он указал на дом, откуда был сделан выстрел, двери были взломаны, но убийца уже успел скрыться.

1792

КОММЕНТАРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

В ЧЕМ СОСТОИТ ИЗУЧЕНИЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ И КАКОВА ЦЕЛЬ ЭТОГО ИЗУЧЕНИЯ

Стр. 7—28

Стр. 16. *...Цезарь и Тацит нашли нас не в лучшем состоянии.*— Юлий Цезарь столкнулся с германцами во время похода в Галлию в середине I века до н. э. Его «Записки о галльской войне» содержат первое описание родового строя германцев. Книги римского историка Тацита («Германия», «Анналы», «История») являются ценным источником для изучения состояния германских племен на рубеже I и II веков н. э.

Стр. 18. *Тень римского императора, которая сохранилась по эту сторону Апеннин...*— В конце XVIII века, когда Шиллер выступил с данной лекцией, государи из Австрийского дома Габсбургов носили титул императоров «Священной Римской империи германской нации». Эта империя возникла в X веке, после завоевания германскими королями северной Италии. Священная Римская империя не стала централизованным государством. Постепенно от нее отпали Швейцария, Италия и другие страны. Императорская власть в самой Германии была уже с середины XVII века чисто номинальной. В 1806 году империя прекратила свое существование.

Наши Лейбницы и Локки имеют... заслуги перед догматами и моралью христианства...— Выдающийся немецкий ученый и философ Лейбниц (1646—1716) имеет крупнейшие заслуги в области математики, а также в развитии диалектического метода. Однако, будучи идеалистом, он делал уступки религии, пытаясь

примиришь веру и науку в своем учении о первичных субстанциях-монадах, природу которых он считал духовной. Локк (1632—1704) — крупный английский философ-материалист, придерживался, однако, того мнения, что наряду с внешним, чувственным опытом, источником нашего познания служит также внутренний опыт, так наз. «самодеятельность души». Эта непоследовательность позволяла делать идеалистические выводы из его учения.

...нынешнего канадца...— Имеется в виду коренное население Канады, индейцы-алгонкины и эскимосы.

Стр. 19. *Он свободен на Темзе и обязан этой свободой лишь самому себе.*— В Англии буржуазная революция XVII века разрушила феодальный строй. До французской революции конца XVIII века Англия считалась страной с самой демократической системой управления.

...недосягаем среди своих Альп или непобедим среди своих искусственных каналов и болот.— Имеются в виду Швейцария и Голландия. Природные условия этих стран были использованы их народами в борьбе против чужеземного господства.

... на берегах Вислы он слаб и нищ из-за своих раздоров; по ту сторону Пиренеев он слаб и нищ из-за своего покоя.— Речь идет о Польше и Испании.

Раздоры среди дворянства в первой из этих стран были одним из факторов, ослабивших польское государство, в результате чего в конце XVIII века произошел раздел Польши между соседними государствами — Австрией, Пруссией и Россией. В Испании длительное господство абсолютной монархии и католицизма явилось причиной обнищания народа и отсталости страны.

...не могла... перейти Тахо и Гвадиану? — Реки на Пиренейском полуострове, по течению которых частично проходит граница между Испанией и Португалией. Испанская монархия в 1581 году завладела Португалией, однако не сумела утвердить здесь свое господство; в 1640 году эта страна вновь стала независимой.

Стр. 20. *Наши... предки... должны были покориться франкам...*— Возникшее в V веке на территории Галлии государство германского племени франков на протяжении VI—VIII вв. подчинило себе другие племена германцев.

...церковная иерархия в лице Григория и Иннокентия обрушила на человеческий род все свои ужасы...— Григорий VII,

римский папа в 1073—1085 гг., и Иннокентий III, занимавший папский престол в 1198—1216 гг., стремились подчинить себе государей Европы и установить политическое главенство церкви. Иннокентий III впервые учредил при папском престоле инквизицию, которая превратилась в постоянный институт при его преемниках.

Стр. 20... *толкнули бесстрашного августинского монаха поднять знамя раскола...*— Выступление Мартина Лютера (1483—1546) в 1517 году против продажи индульгенций ознаменовало начало широкого общественного движения в Германии против католической церкви, получившего название реформации.

...*оружие наших князей, принудивших Карла V к заключению религиозного мира...*— Аугсбургский религиозный мир, заключенный в 1555 году императором Карлом V с протестантскими князьями Германии, завершил ряд религиозных войн между протестантами и католиками в этой стране. Признание полной религиозной независимости князей — по принципу: чья страна, того и вера — способствовало усилению княжеской власти.

...*Густав-Адольф, отомстивший за нарушение этого мира...*— Имеется в виду вмешательство Швеции в Тридцатилетнюю войну (1618—1648 гг.) на стороне немецких протестантов. Шведские войска под командованием короля Густава-Адольфа напесли в 1630—1632 гг. ряд сокрушительных поражений императорской армии.

...*новый договор — об установлении мира на целые столетия.*— Подписанием Вестфальского мира между Швецией и Францией с одной стороны и Священной Римской империей — с другой в 1648 году закончилась Тридцатилетняя война в Германии.

...*заставить уважать себя с помощью воинствующей Ганзы.*— Торгово-политический союз северо-немецких городов, существовавший в XIV—XVII веках.

Европа похоронила в Азии опасные излишки своего населения...— Намек на крестовые походы XI—XIII вв. Походы эти носили грабительский, военно-колониционный характер.

Стр. 21. ...*Аль-Мамуна должен был вернуть науке то, что было грабительно отнято у нее Омаром.*— Арабский халиф Омар, прославившийся завоеваниями в Сирии, Иране и Египте, по преданию, во время осады Александрии в 641 году отдал приказ об уничтожении знаменитой библиотеки этого города, в которой

были собраны произведения древних авторов. Аль-Мамуна, занимавший халифский престол в 786—833 гг., считался покровителем наук. При нем были открыты обсерватории в Багдаде, медицинская школа, было переведено с греческого языка на арабский много книг.

Стр. 21. *...обрывки эпохи Августа.*— Имеется в виду расцвет римской культуры в правление императора Августа (27 г. до н. э.— 14 г. н. э.).

Стр. 28. *...времен Александра...*— При Александре Македонском (356—323 до н. э.) греко-македонские армии покорили многие страны в Азии и Африке.

ИСТОРИЯ ОТПАДЕНИЯ СОЕДИНЕННЫХ НИДЕРЛАНДОВ ОТ ИСПАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

Стр. 30—319

Стр. 32. *Филипп II... чья страшная сила грозила поглотить всю Европу...*— Филипп II (1527—1598) Габсбург стал испанским королем в 1555 году после отречения своего отца Карла V. Кроме Испании, ему были подвластны в Европе также Нидерланды, частично Италия, Франш-Конте. Продолжая политику Карла V, он стремился, в союзе с австрийскими Габсбургами, подчинить себе и другие европейские страны.

Стр. 33. *Филипп II ведет борьбу с несколькими слабыми народами...*— Имеется в виду население различных провинций средневековых Нидерландов, на территории которых в настоящее время расположены Бельгия и Голландия.

Новая истина, отрадная заря которой занимается в это время над Европой...— Подразумевается протестантское вероисповедание.

Естественное право.— Зародившаяся еще в древности теория, по которой действующему праву противопоставляется абстрактная справедливость, идеальное право, источником которого является якобы исключительно человеческий разум. В период феодализма теория естественного права приобретает религиозную окраску и используется идеологами этого строя для доказательства божественного происхождения власти суверена. В свою очередь буржуазия использует теорию естественного права в борьбе против феодального государства. Идеологи буржуазии выдвинули теорию «общественного договора», согласно которой государство возникло в результате договора всех чле-

нов общества, и отрицали божественное происхождение королевской власти.

Стр. 34. *Два раза выводит Вильгельм своих ненадежных солдат против тирана, дважды покидают его они...*— Имеются в виду попытки Вильгельма Оранского в 1568 и 1572 гг. изгнать испанцев из страны при помощи наемных армий.

...из пиратских кораблей составляется флот...— Борьба на море сыграла важную роль в освобождении северных провинций Нидерландов. Прерывая сообщение с Испанией, «гёзы» (букв. «нищие» — прозвище активных участников восстания) ослабляли войска испанцев в Нидерландах. Захват морскими «гёзами» города Бриля 1 апреля 1572 года послужил сигналом для начала восстания в северных провинциях страны.

Семь провинций одновременно сбрасывают свои цепи.— Семь провинций — Голландия, Зеландия, Утрехт, Гронинген, Фрисландия, Оверэйсел и Гелдерланд, освободившиеся от испанского ига в результате многолетней борьбы. Утрехтская уния, подписанная ими в 1579 году, стала фактической конституцией нового федеративного государства — Республики Соединенных провинций Северных Нидерландов, которую по имени самой крупной провинции часто называли просто Голландией.

Стр. 35. *...Карл Анжуйский совершает покушение на ту свободу, для защиты которой его призвали.*— Брат французского короля Генриха III, герцог Анжуйский, призванный в Нидерланды дворянством и верхушкой буржуазии в качестве правителя, предпринял в январе 1583 года неудачную попытку государственного переворота с целью установления ограниченной монархии.

...рука убийцы отрывает кормчего от руля.— 10 июля 1584 года был убит Вильгельм Оранский.

Стр. 36. *Сорок лет продолжалась война...*— Период от первых выступлений иконоборцев в 1566 году до перемирия, заключенного между Испанией и Голландской республикой в 1609 году сроком на двенадцать лет.

...поддержка Лиги во Франции...— В 1576 году была основана католическая лига для борьбы против французских протестантов. Лига объединяла различные социальные элементы, однако руководящая роль в ней принадлежала феодально-аристократической клике во главе с герцогским домом Гизов. В январе 1585 года Филипп II заключил договор с Гизами, по которому он обязывался оказать денежную помощь Лиге,

выступавшей против протестантского претендента на престол.

Стр. 36. *...восстание мавров в Гранаде...*— Насильно обращенное в христианство арабское население южной Испании (мориски), доведенное до отчаяния жестокими преследованиями инквизиции и тяжелым экономическим гнетом, восстало в 1568 году против испанского владычества. В результате поражения восстания мориски были частью истреблены, а частью переселены в Кастилию. В 1609—1610 гг. они были окончательно изгнаны из пределов Испании.

Эскурал — дворец недалеко от Мадрида.

Стр. 37. *...вместе с Армадой погибли богатства обеих Индий...*— Великой Армадой был назван флот из 160 судов, снаряженный Филиппом II для покорения Англии; он был уничтожен бурей у берегов Англии в 1588 году. Гибель Армады означала крушение владычества Испании на море и ставила, таким образом, под угрозу испанские колонии в Америке и Азии.

По мере того как деньги становились дешевле...— Приток в Европу драгоценных металлов из Америки, добытых дешевым рабским трудом, вызвал здесь в XVI веке так называемую «революцию цен». Общее количество золота и серебра в Европе в течение столетия удвоилось, а по некоторым данным даже утроилось. Вследствие этого значительно возросли цены на все товары, в первую очередь на продукты сельского хозяйства. В то же время оплата труда осталась почти неизменной. «Революция цен» имела далеко идущие социальные последствия, она способствовала обогащению буржуазных элементов общества и ускорила обнищание непосредственных производителей и разорение феодального дворянства.

Гугенотские войны — религиозные войны между католиками и протестантами во Франции в 1562—1593 годах. Гугенотами называли французских протестантов, первоначально так именовали только дворян-протестантов.

Стр. 38. *...Голландская республика... продвинула границы своих владений за океан...*— Первые голландские торговые экспедиции в Ост-Индию относятся к последнему десятилетию XVI века. В 1602 году образовалась голландская Ост-Индская компания, которая проводила активную грабительскую колонизаторскую политику в Индонезии, сопровождавшуюся неслыханными жестокостями по отношению к местному населению. Голландская экспансия в Америке началась несколько позже, в двадцатых годах XVII века.

Стр. 40. ...ясный план восстания оставался неизменным в единственной голове...— Шиллер имеет в виду Вильгельма Оранского.

Стр. 42. Франция... поставила во главе восставших... принца крови.— Герцог Анжуйский, брат французского короля Генриха III.

Стр. 44. ...скромным появлением в Брюсселе нищих, которые молят о более человеческом обращении с ними...— обращение союза оппозиционных дворян к правительству в апреле 1566 года.

Из лоно счастливого Брабанта вышла на свет свобода, которой... было суждено осчастливить униженную Голландию.— Нидерландская революция началась на юге страны, в Брабанте, но в то время, как северные провинции во главе с Голландией освободились от испанского ига, в южных провинциях сохранилось испанское владычество.

...их предки... сражались с тираном римским.— Восстание племени батавов под руководством Цивилиса в 70 году до н. э.

Стр. 48. Примечание **. В местностях, которые теперь составляют большую часть католические Нидерланды и области Генеральных штатов.— Католические Нидерланды, занимавшие примерно территорию нынешней Бельгии и Люксембурга, в период, когда Шиллер писал свою книгу, были подчинены австрийским Габсбургам. Области генеральных штатов — земли, отвоеванные республикой Соединенных провинций после освобождения от испанского ига, не получившие прав самостоятельных провинций.

Агрикола — римский полководец, правитель Британии в конце I века н. э.

Друз — римский полководец, воевал против германских племен в I веке до н. э.

Стр. 49. ...после царствования Гонория...— Западноримский император Гонорий умер в 423 году.

Стр. 51. ...счастье в трех кровопролитных сражениях оставило Карла...— при Грансоне, Муртене и Нанси. В последней из этих битв в 1477 году погиб сам Карл.

Мария... злополучная Елена, навлекшая много бедствий на эти страны...— В древнегреческой мифологии похищение жены царя Менелая Елены Парисом, сыном троянского царя, явилось причиной войны греков против Трои.

Стр. 52. ...ту обширную монархию, которую... основали Фердинанд и Изабелла — испанскую монархию, образовавшуюся в результате объединения Кастилии и Арагона. Женой Филиппа была Хуана Безумная — дочь короля Арагона Фердинанда и Кастильской королевы Изабеллы.

Стр. 52. *Карл Австрийский* — император Карл V.

Стр. 53. *Штаты* — сословно-представительные учреждения в отдельных нидерландских провинциях. Генеральные штаты были высшим сословно-представительным учреждением в стране. В Голландской республике Генеральные штаты являлись высшим органом власти.

Стр. 56. *Вендские города* — группа немецких городов (Любек, Росток, Висмар, Штральзунд, Грейфсвальд), которые впоследствии вошли в состав Ганзы. *Ванды* — у древних германцев общее название славянских племен, обитавших на побережье Балтийского моря и в бассейнах Эльбы и Одера.

Стр. 61. ...дома *Фуггера* и *Вельзера* из *Аугсбурга* — крупнейшие купеческие и банкирские дома средневековой Германии. Тесная связь с Габсбургами, которых они финансировали, привела их в XVII веке к разорению.

...гордой надписи, которая ее украшала.— Надпись гласила: «Воздвигнуто в 1531 году муниципалитетом и гражданами города Антверпена для купцов всех наций и языков и для украшения своего города».

Стр. 62. ...Италии, которой *Козимо Медичи*... вернул ее золотой век...— *Козимо Медичи* — правитель Флоренции в XV веке, покровитель наук и искусств.

Стр. 63. В 1428 году в Гарлеме было изобретено книгопечатание... это полезное искусство спустя столетие... принесло своему отечеству свободу.— Как в настоящее время признано, книгопечатание было изобретено не в Голландии, а в Германии. Развитие книгопечатания в Голландии дало возможность широко пропагандировать революционные идеи в период нидерландской революции.

...навязать рабство одной иноземной республике...— Имеется в виду Швейцария.

Стр. 67. ...страшная кара, постигшая Гент...— Имеется в виду восстание гентских горожан в 1537—1539 гг., жестоко подавленное Карлом V.

...к достижению гражданского благосостояния, к которому стремится *Марк Аврелий* и которому нередко содействуют

Августы и Людовики.— *Марк Аврелий* — римский император (161—180) славился своей гуманностью. Римский император *Август* (27 г. до н. э.— 14 г. н. э.) и французский король *Людовик XI* (1461—1483) добились укрепления своих государств с помощью деспотических средств управления.

Стр. 73. Примечание *. *Бургундским договором, определяющим их отношения к Германской империи.*— Шиллер имеет в виду выделение в 1548 году семнадцати нидерландских провинций в самостоятельный бургундский округ империи.

Стр. 77. *...Британия в то время, когда они не присоединили еще к короне имуществе духовенства.*— Закрытие монастырей и конфискация их земель и имущества было введено в Англии парламентскими актами 1536 и 1539 годов.

Стр. 79 *... Оранский был послан в Германию с императорской короной...*— В 1555 году после отречения Карла V императорская корона перешла к его брату Фердинанду I.

...брака между Филиппом и королевой Марией.— Брак между Марией Тюдор и Филиппом был заключен в 1554 году, до отречения Карла V. Посредством этого брака Габсбурги хотели сделать Англию составной частью своей обширной империи. Смерть Марии в 1558 году помешала этим планам.

...во Францию... для заключения мира.— Испано-французский мир в Като-Камбрези 1559 года.

Стр. 80. *...Франция... во время управления короля-ребенка.*— Правление Карла IX (1560—1574), вступившего на престол десятилетним мальчиком.

...несчастной эпохе своей истории, которая длилась почти столетия и была наполнена бедствиями и ужасами.— Имеются в виду религиозные войны второй половины XVI века во Франции.

Елизавета Английская с трудом оберегала... свою новую... церковь...— Независимая от Рима англиканская церковь, главой которой считался король, была провозглашена в Англии парламентским актом в правление Генриха VIII в 1534 году. Елизавете (1558—1603), восстановившей англиканскую церковь после кратковременного периода католической реакции, приходилось бороться с происками Рима и Испании.

Стр. 81. *...военные успехи Сулеймана...*— *Сулейман I Эль Кануни (законодатель)* — турецкий султан. На его царствование (1520—1566) приходится период наибольшего военного могущества оттоманской Турции. Турецкие армии в Европе поко-

рили большую часть Венгрии и являлись постоянной угрозой для Австрии. Турция завладела многими островами на Средиземном море, Триполи и Тунисом на африканском побережье. Крупных успехов турецкие армии достигли также в Азии.

Стр. 81. *...люди, у которых не было крепких и тесных связей с обществом.*— Воспитателями Филиппа были монахи.

Стр. 82. *...Карл V... сам осмеивал в лице своего пленника — папы...*— В 1525 году во время войны против Франции имперские войска, вторгшись в Италию, захватили Рим. Население города подверглось грабежу, насилиям и издевательствам. В плен был взят также папа Климент VII. Папа и кардинал стали предметом насмешек. Немецкие ландскнехты разъезжали по городу верхом на папских мулах в священнических одеяниях, инсценировали шутовское собрание кардиналов в Ватикане, на котором низложили папу.

Стр. 84. *...заклучения мира в Като-Камбрези...*— Мирным договором в Като-Камбрези в 1559 году завершилась длительная борьба между Испанией и Францией за Италию. Условия договора были благоприятными для Испании.

Стр. 85. *...страшного приговора над храмовниками.*— Духовно-рыцарский орден тамплиеров возник в начале XII века в Палестине. В 1376 году члены ордена, обосновавшегося к тому времени во Франции, были обвинены в ереси и преданы сожжению на костре.

Последний мавританский престол в XV столетии пал, наконец, в Гранаде...— Борьба испанских государств за отвоевание страны у завладевших ею арабов, носившая название «реконкисты», продлилась три столетия; в XIII веке арабы были почти полностью вытеснены с территории Пиренейского полуострова, только Гранадский эмират на юге страны противостоял испанцам до 1492 года.

Стр. 88. *Она последовала за европейцами даже в Индию и в Гоа воздвигла тот страшный трибунал...*— В Гоа, по некоторым данным, инквизиция приговорила к сожжению свыше восьмидесяти тысяч человек.

Стр. 94. *Епископ Аррасский* — Гранвелла.

Стр. 95. *Главный штатгальтер* — правитель Нидерландов, наместник короля Испании. Штатгальтеры существовали также в каждой отдельной провинции. Эта должность сохранилась и в Голландской республике, причем в большинстве провинций

этот пост занимал наследственный принц Оранского дома. Институт штатгальтерства был уничтожен в 1795 году.

Стр. 99. ...изучал «Государя» Макиавелли...— Речь идет о книге Макиавелли (1469—1527) — флорентийского политического деятеля и писателя, в которой проповедуется политика, не останавливающаяся ни перед какими коварными средствами борьбы для достижения своих целей.

Стр. 101. ...рыцари Золотого руна.— Орден Золотого руна был основан в середине XV века бургундским герцогом Филиппом Добрым. Принадлежность к ордену считалась признаком аристократического происхождения. Гроссмейстерами ордена были сами герцоги Бургундские, а затем государи из дома Габсбургов. Отличием ордена являлась золотая цепь с фигурой агнца — символом смирения, подобающего рыцарям ордена, и символом национального богатства Нидерландов (шерсть).

Битвы при Сент-Кантене и Гравелингене — имели место: первая в 1557, вторая в следующем 1558 году. Французским войскам было нанесено решительное поражение, вынудившее Генриха II к подписанию мира.

Стр. 104. ...подобно своей воспитательнице, королеве Венгерской...— Мария Венгерская, в 1530—1555 гг. правительница Нидерландов.

Стр. 110. «Не штаты, а вы, вы, вы!» — Обращение на вы по обычаям испанской аристократии того времени считалось чрезвычайно оскорбительным.

Стр. 113. *Триденский собор*.— Собор в городе Триенте (Триенте) в Италии продолжался с перерывами с 1545 по 1563 год. Собор осудил положения протестантских исповеданий как ересь и объявил авторитет папы выше авторитета соборов. Особую активность проявляли на соборе иезуиты.

Стр. 115. *Он не надел присланного ему из Рима пурпура...*— то есть не принял кардинальского сана; кардиналы носили пурпурные мантии.

Стр. 123. «*Радостный въезд*». — Так назывались старинные привилегии и вольности Брабанта и Лимбурга, признанные брабантским герцогом в 1356 году. Каждый новый герцог, принимая это звание, выполнял традиционную церемонию въезда и подтверждения местных вольностей.

Стр. 126. ...после поражения, нанесенного ему турками...— потеря порта Джерба в Тунисе.

Стр. 130. ...*во Францию, к королеве-матери...*— правительнице Франции Екатерине Медичи, матери трех королей: Карла IX, Франциска II и Генриха III.

Стр. 133. ...*чрезвычайного посланника на императорские выборы во Франкфурте.*— В 1564 году императором был избран Максимилиан II Габсбург.

Стр. 139. *В истории только раз повторился этот... пример — в лице Мазарини...*— Кардинал Мазарини, итальянец родом, был неограниченным правителем во Франции в течение восемнадцати лет (1643—1661) в период регентства Анны Австрийской. Прозорливый и энергичный государственный деятель, стоявший на страже интересов абсолютной монархии, он был ненавистен в одинаковой мере и французской аристократии и французскому народу. В стране печаталось множество памфлетов против личности Мазарини, получивших название «мазаринад».

Французы вдруг почувствовали себя непривычно свободными после долгого правления Ришелье.— Почти одновременная смерть короля Людовика XIII (1643) и его первого министра, кардинала Ришелье, правившего Францией с 1624 до 1642 года, ослабила абсолютную монархию. Ришелье прославился своей централизаторской политикой.

...Фронда окончилась новым подчинением...— Фрондой называлось оппозиционное движение народных масс и буржуазии в 1648—1649 гг. против королевского абсолютизма. Парижский парламент, являвшийся судебным учреждением, присвоил себе функции представительного органа и выступил с программой политических и финансовых реформ. Он получил поддержку как буржуазии, так и народных масс. Двор был вынужден бежать, и королевские войска взяли Париж только после трехмесячной осады.

«Новая фронда», или «фронда принцев», была попыткой аристократии использовать неостывшее волнение народа в своих интересах. После бесплодных кровопролитий она окончилась летом 1653 года умиротворением мятежных вельмож путем подкупов и подарков.

Стр. 143. *Гранвелла умер в Италии, на пути в Мантую...*— Гранвелла умер в Мадриде, латинское название которого — Mantua Carpentanensis — ошибочно было принято Шиллером за название Мантуи.

Стр. 144. *Оранжесты* — сторонники принца Оранского.

Стр. 145. ...*он был бы... Томасом Мором или Ольден-Барневельдом.*— Томас Мор (1478—1535) — великий английский гума-

нист, государственный деятель, мыслитель и писатель, казненный Генрихом VIII. Мор вошел в историю как автор «Утопии» (1516), произведения, в котором он изображал идеальный общественный строй, противопоставляя его порядкам современной ему Англии. Мор выступал против частной собственности и эксплуатации человека человеком и подверг критике нарождавшиеся капиталистические отношения.

Ольден-Барневельде был лидером партии купеческой олигархии в Голландской республике. Борьбой народных масс против ненавистной олигархии воспользовался штатгальтер Мориц Оранский для укрепления своего личного положения в республике. Сторонники Ольден-Барневельде потерпели поражение, сам он был обвинен в сношениях с Испанией и казнен в 1619 году.

Стр. 187. *Император Юлиан, страшнейший враг... христианства...*— император Восточной Римской империи в 361—363 гг., пытался восстановить язычество в качестве единственной официальной религии и ограничить влияние христианства. Христианство стало официальной религией в Римской империи в 313 году.

...Арий, Аэций, Несторий.— Религиозные учения Ария, Аэция, Нестория зародились в IV—V веках. Общим в этих вероучениях было отрицание единства святой троицы, попытка приписать Христу человеческую сущность. Арианство впоследствии получило широкое распространение среди германских племен, несторианство — в ряде азиатских стран.

Стр. 190. *Знаменитый Балдуин* — Франсуа Бодуэн (1520 — 1573), известный нидерландский теолог, был склонен к реформации и выступал за веротерпимость. Автором текста обращения дворянства он, однако, не был.

Стр. 203. *Анабаптисты... кальвинисты... лютеране.*— Анабаптизм — первоначально секта, возникшая в Германии в начале XVI века; анабаптисты требовали крещения человека в зрелом возрасте. Под влиянием Томаса Мюнцера (1482—1525) анабаптисты вышли из узких рамок пропаганды сектантских идей и развернули пропаганду идей реформации в ее народном понимании. Секта вслед за Мюнцером выступила против всяких проявлений угнетения народа, проповедовала такой общественный строй, в котором уже нет классовых различий и частной собственности.

Пропаганда анабаптистов оказала влияние на крестьянские массы в период Великой Крестьянской войны (1524—1525) в

Германии. В тридцатых годах XVI века анабаптисты захватили власть в городе Мюнстере и организовали знаменитую Мюнстерскую коммуну, в течение 14 месяцев успешно оборонявшуюся от войск немецких феодалов. В практике Мюнстерской коммуны ясно обозначились уравнилельские тенденции. Это радикальное течение в реформации получило распространение и в ряде других европейских стран.

Кальвинизм — воинствующее течение в протестантизме, отражавшее взгляды наиболее смелой части буржуазии. Родиной кальвинизма была Франция. Однако основоположник этого учения Жан Кальвин вынужден был из-за преследований бежать в Швейцарию, где провел большую часть своей жизни. Женева стала «крепостью» Кальвина, откуда он вел пропаганду своих идей. Впоследствии он получил широкую популярность в Нидерландах и некоторых других странах. Кальвин в своей книге «Наставление в христианской вере», опубликованной в 1536 году, выдвинул идею божественного «предопределения», согласно которой одним людям с самого рождения суждено блаженство в раю, в то время как другие обречены на страдания. Людям, однако, не дано знать, к чему они «предопределены», поэтому каждый должен стараться заслужить «блаженство». Объективно учение о «предопределении» отражает жестокие законы конкуренции, господствующие в буржуазных отношениях.

Лютеранство — наиболее умеренное течение в реформации. Первоначально оно не исключало более радикальных направлений, однако затем это течение все яснее обнаруживает свой умеренный характер. Оно отражало взгляды той части немецкого бюргерства, которая стремилась к компромиссу с князьями и получило название «княжеской реформации».

Стр. 229. ...*четыре*х представителей от каждого народа...— немцев, французов, испанцев и итальянцев.

Стр. 285. ...*препровожден на... судне до Фли...*— Фли — пролив у берегов Нидерландов между островом Тексель и Фрисландией.

Стр. 294. *С помощью швейцарцев, женеццев...*— Под швейцарцами следует понимать жителей 13 кантонов, входивших в то время в состав Швейцарского союза. Женева входила в союз на правах союзной земли.

Стр. 297. ...*возле Мюльберга переплыли Эльбу...*— В апреле 1547 года Карл V одержал под Мюльбергом победу над протестантскими князьями.

Стр. 306. Примечание **. ...результатом соглашения... в Байонне...— На конференции в Байонне с участием Франции, Испании и папы в 1564—1565 гг. были приняты решения о борьбе против протестантизма в Европе.

Стр. 318. ...двуличную итальянскую политику...— В Германии под итальянской политикой часто подразумевали макиавеллистскую политику.

СУД НАД ГРАФАМИ ЭГМОНТОМ И ГОРНОМ И КАЗНЬ ИХ

Стр. 323—332

Стр. 325. ...мы уже привели выше некоторые образцы подобных обвинений...— В окончательном варианте Шиллер опустил предшествующие страницы и, повидимому, не внес соответствующей поправки в текст.

ОСАДА АНТВЕРПЕНА ПРИНЦЕМ ПАРМСКИМ В 1584—1585 ГОДАХ

Стр. 333—376

Стр. 335. *Гентский союз*.— Имеется в виду так называемое «Гентское умиротворение». В 1576 году были созваны Генеральные штаты всех 17 провинций, как свободных северных провинций, так и южных, находившихся в зависимости от Испании, с целью достигнуть объединения страны. Примирение обеих частей страны было торжественно провозглашено штатами, однако компромисс этот не был жизненным. Дворянство и буржуазия южных провинций стремились сохранить верность католицизму и испанской короне. Испытывая страх перед начавшимся новым подъемом революционного движения народных масс, они немедленно пошли на сговор с испанской монархией.

Стр. 336. *Утрехтская уния* — союз революционных северных провинций, заключенный в 1579 году. Договор этот впоследствии фактически стал конституцией Голландской республики.

Стр. 337. ...антверпенцы на страшном опыте познали зверство испанских гарнизонов...— В ноябре 1578 года мятежный испанский гарнизон внезапно ворвался в город и предал его разгрому и грабежу. Было убито и замучено свыше 8 тысяч человек, сожжено около 1 тысячи домов и причинен огромный ущерб жителям.

Стр. 358. Судьба назначила ему быть Архимедом Антверпена... — Архимед (287—212 гг. до н. э) — величайший математик и механик древней Греции. Во время осады римлянами его родного города Сиракуз на острове Сицилия Архимед много сделал для его обороны. Был убит римским солдатом во время штурма города.

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКИХ СМУТ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ ВОЦАРЕНИЮ ГЕНРИХА

Стр. 383—473

Стр. 385. ...войнах, которые вели эти монархи в Италии...— Походом Карла VIII в Италию в 1494—1496 гг. начался длительный период борьбы за овладение этой страной. В двадцатых годах XVI века французской монархии пришлось здесь столкнуться с сильным противником — с Карлом V. Франции, со всех сторон окруженной владениями Габсбургов (Испания, Германия, Нидерланды, Франш-Конте), угрожала в этой борьбе серьезная опасность. Борьба против габсбургской коалиции окончилась в 1559 году подписанием мирного договора в Като-Камбрези.

...деспотическое правление Людовика XI. — Людовик XI (1461—1483) в успешной борьбе против феодальной знати добился значительного усиления могущества централизованной монархии.

Стр. 386. Благодаря покровительству разумного регента...— Франциска I, короля Франции в 1515—1547 гг.

...появляются новые влияния...— Имеется в виду кальвинизм, выступавший против украшений и убранства католических церквей и пышности обрядов. Между тем украшение церквей стимулировало развитие искусства.

Густав Ваза искоренял в Швеции не только старую религию, но и чудовищные злоупотребления...— Высшее католическое духовенство Швеции пыталось удержать Швецию в подчинении датской монархии. Густав Ваза по воцарении на престол в 1523 году провозгласил расторжение датско-шведской унии.

Стр. 387. ...чужеземное влияние и... возникновение новой косвенной линии престолонаследия — принесли гибель кальвинистской церкви...— Имеется в виду влияние Испании. С убийством короля Генриха III (1574—1589) прекратилась династия Валуа во Франции. Законным претендентом на престол являлся дальний родственник Валуа — протестант по вероисповеданию —

Генрих Бурбонский, король Наварры с 1572 года, которому удалось занять французский престол только в 1594 году после длительной борьбы с католической Лигой, возглавлявшейся Гизами.

Парламенты.—Во Франции до буржуазной революции XVIII столетия — высшие судебные учреждения, существовавшие в ряде городов страны. Наибольшее значение приобрел Пражский парламент, который регистрировал указы короля.

Стр. 388. *Маргарита Наваррская* — известная французская писательница, королева Наварры (1543—1549). Оказывала покровительство протестантам. При дворе ее нашли приют многие гуманисты. В своих новеллах («Гептамерон») она высмеивала невежество, лицемерие и распутство католического духовенства.

Стр. 388—389. *Шмалькальденский союз* — союз протестантских князей Германии, возникший в 1531 году для защиты дела реформации от императора. После поражения в войне 1546—1548 гг. Союз распался, и по соглашению в Аугсбурге в 1548 году («Аугсбургский интерим») католицизм, слегка реформированный, должен был быть восстановлен по всей Германии. Однако, боясь усиления императорской власти, некоторые католические князья совместно с протестантскими заключили союз с французским королем Генрихом II в 1552 году и начали войну против императора, которая окончилась в 1555 году победой князей и Аугсбургским миром.

Стр. 389. *...преследовать неповинных вальденсов...*—Секта вальденсов возникла в конце XII века во Франции как форма социального протеста городской бедноты; впоследствии вероучение секты получило распространение среди горцев юго-западной Швейцарии и Северной Италии.

Стр. 396. *...процесс знаменитого советника парламента Анн де Бур...*—Известный законовед дю Бур выступил против преследований протестантов. За это смелое выступление он поплатился жизнью: в декабре 1559 года он был казнен, а тело его было предано сожжению.

Стр. 409. *Варфоломеевская ночь* — ночь на 24 августа (под праздник св. Варфоломея) 1572 года, когда католики по приказу Карла IX и под влиянием духовенства устроили резню гугенотов в Париже. Резня продолжалась три дня, было убито несколько тысяч человек. Погромы произошли и в ряде других городов страны.

Стр. 412. *...страна утратила свой бесценный палладиум.*—Палладиум — статуя богини Афины Паллады, охранявшая, по

верованиям древних греков, безопасность города; в переносном смысле — оплот.

Генеральные штаты — высшее сословно-представительное учреждение в средневековой Франции.

Стр. 416. *...не умея отстоять своих собственных...*— Имеется в виду отпадение северных Нидерландов.

Стр. 434. *Утрата Кале была для Англии еще свежей раной...*— Англия завладела Кале в ходе Столетней войны (1337—1456) с Францией, Кале был единственный пункт, который оставался в ее руках, после окончания войны, вплоть до 1532 года.

Н. ТЕР-АКОПЯН

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

- В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения (вступительная лекция). *Перевод под редакцией Е. Книпович* 9
- История отпадения соединенных Нидерландов от испанского владычества. *Перевели С. Фруман и И. Смидович* 31

СТАТЬИ

- Суд над графами Эгмонтом и Горном и казнь их. *Перевел А. Трачевский* 325
- Осада Антверпена принцем Пармским в 1584—1585 годах. *Перевел А. Трачевский* 335
- Завтрак герцога Альбы в Рудольштадтском замке в 1547 г. *Перевела Р. Венгерова* 379
- История французских смут, предшествовавших воцарению Генриха IV. *Перевела Е. Вирукова* 385
- Комментарии *Н. Тер-Акопян* 477

Фридрих Шиллер
Собрание сочинений, т. 4

Редактор *Б. Арон*

Художник *Г. Фишер*

Художественный редактор *Л. Колитовская*

Технический редактор *Л. Сутина*

Корректор *А. Типольт*

Сдано в набор 18/VII-56 г.
Подписано к печати 27/XI-56 г.
Бумага 84×108¹/₃₂—15,5 печ. л.,
25,4 усл.-печ. л. 23,89 уч.-изд. л.
Тираж 75 000. Заказ № 1733.

Цена 12 р.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфпрома Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.